

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ
СОВЕТ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

ПЕНЗЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ В. Г. БЕЛИНСКОГО

Историко-филологический факультет

Кафедра «Русский язык и методика преподавания русского языка»

МОЗЫРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ И. П. ШАМЯКИНА

Кафедра белорусской и русской филологии

ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Кафедра русского языкознания, типологии и теории коммуникации

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И ВОПРОСЫ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Материалы

II Международной научно-практической конференции

г. Пенза, 26–28 октября 2017 г.

Под редакцией

кандидата педагогических наук, профессора Г. И. Канакиной,
кандидата филологических наук, доцента И. Г. Родионовой

Пенза

Издательство ПГУ

2017

УДК 009
ББК 37.014
Я41

Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 26–28 октября 2017 г.) / под ред. канд. пед. наук, проф. Г. И. Канакиной, канд. филол. наук, доц. И. Г. Родионовой. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2017. – 292 с.

ISBN 978-5-906975-91-1

Сборник содержит материалы II Международной научно-практической конференции «Языковая политика и вопросы гуманитарного образования» (Пенза, 26–28 октября 2017 г.).

Издание адресовано широкому кругу читателей: филологам, преподавателям высших учебных заведений и колледжей, учителям школ, аспирантам, магистрантам, студентам – всем, кого интересуют актуальные вопросы языковой политики и гуманитарного образования.

УДК 009
ББК 37.014

ISBN 978-5-906975-91-1

© Пензенский государственный
университет, 2017

ДОКЛАДЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

*Г. И. Канакина
(г. Пенза, Россия)*

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПОИСК ПУТЕЙ ИХ РЕШЕНИЯ

Образование является важнейшим фактором, влияющим на все сферы жизни общества. Чтобы оно отвечало социальным ожиданиям общества, образованию необходима поддержка со стороны общественности и государства. В нашей стране многое делается для поддержки и развития всех уровней образования. Однако на современном этапе развития общества обострились противоречия между потребностью в быстром развитии школы и неумением педагогов её удовлетворить, между возрастающими требованиями к выпускникам вузов и условиями их подготовки.

В декабре 2016 г. была утверждена Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. (в Концепции говорится и о развитии образования до 2020 г.), а 8 января 2017 г. подписано распоряжение, утверждающее Концепцию федеральной целевой программы (ФЦП) развития образования на 2016–2020 гг. Для того чтобы представленные здесь проекты воплотить в жизнь, необходима подготовка современных педагогических кадров.

В предложенном в начале 2014 г. для общественного обсуждения проекте «Концепции поддержки развития педагогического образования» (далее – Концепция) были достаточно чётко обозначены три группы проблем педагогического образования, которые необходимо незамедлительно решать: проблемы входа в профессию, проблемы подготовки и проблемы удержания в профессии [Концепция поддержки развития педагогического образования. Проект].

Представим своё видение причин возникновения некоторых из них и путей их преодоления. Одной из проблем «**входа в профессию**» в Концепции назван «**низкий средний балл ЕГЭ абитуриентов педагогических программ**». Это действительно так, но не следует забывать, что в последнее время в вузы поступают по набранным баллам, а не в результате заявленного в Государственном стандарте общего образования (2004 г.) профильного обучения, ориентирующего на выбор будущей профессии и на соответствующую подготовку к ней. Этот же фактор и «**низкий престиж профессии учителя**», о котором говорится в проекте, объясняет «**отсутствие возможности отбора абитуриентов**

на специальности и направления подготовки педагогов». Что касается «низкого престижа профессии учителя», то, опираясь на значение данного понятия («престиж – общественный вес, авторитет» [Крысин, 2007, с. 621]), заметим, что эта оценочная составляющая формируется отношением общества к данной профессии. К сожалению, до сих пор не намечены конкретные меры по повышению престижа профессии учителя. И, тем не менее, хотим отметить, что в Пензенском пединституте им. В. Г. Белинского Пензенского государственного университета проблема набора абитуриентов на подготовку бакалавров педагогического образования по профилю «Русский язык, Литература» нет. Об этом говорит статистика: в 2015 г. на данный профиль поступил 61 человек (бюджетных мест – 34); в 2016 г. – 60 человек (бюджетных мест – 23); в 2017 – 64 человека (бюджетных мест – 20). Такое положение дел объясняется активной профориентационной работой преподавателей и студентов с выпускниками школ во время педпрактики, выездов в сельские школы, проведения подготовительных курсов и консультаций по подготовке к ЕГЭ и ОГЭ по русскому языку. Кафедра «Русский язык и методика преподавания русского языка» на базе Центра довузовской подготовки ПГУ проводит пробные ЕГЭ и ОГЭ для будущих абитуриентов, олимпиады по русскому языку и истории русского языка для школьников.

Основной **«проблемой подготовки»** педагогических кадров в Концепции названо **«неудовлетворительное качество подготовки выпускников»**. Полагаем, что данное утверждение не совсем точно, поскольку «неудовлетворительное» означает полное отсутствие знаний, в то время как в школах работает большое количество талантливых, профессиональных учителей – выпускников педагогических вузов. А вот **«отсутствие достаточного количества часов на практику»** и **«плохое ресурсное оснащение учебного процесса»** отмечено совершенно справедливо. Искусственное увеличение часов, отводимых по новым образовательным стандартам высшей школы на самостоятельную работу студентов в ущерб аудиторным занятиям и педагогической практике, сказывается на качестве подготовки выпускников к работе в школе. Однако и простое увеличение часов на педагогическую практику нельзя считать единственно верным решением, так как оно потребует сокращения времени на теоретическую подготовку, в том числе и на подготовку по дисциплинам психолого-педагогического цикла (не следует забывать, что «практика без теории слепа»), и, что самое главное, на уменьшение и без того недостаточного количества часов по предметным дисциплинам и дисциплинам специализации. А это приведёт к ухудшению подготовки учителей-предметников. В настоящее время в нашем пединституте идёт поиск активных моделей практической подготовки студентов к профессии учителя, решается вопрос о том, что практика должна в большей степени способство-

вать формированию готовности студента к самостоятельной профессиональной деятельности в образовательном учреждении. Так уже два года наши студенты участвуют в программе «Школа в руках студентов»: во время шестинедельной педпрактики наши студенты в течение недели самостоятельно ведут уроки вместо учителя во всех его классах. Это даёт возможность (при соответствующей подготовке) реализовать готовность студентов к самостоятельному проектированию образовательного процесса в школе и его творческие и научные интересы, поскольку в ходе педпрактики на выпускном курсе он апробирует материалы выпускной квалификационной работы: включает в уроки русского языка задания с использованием анализируемых в ходе подготовки ВКР языковых единиц.

Появились и новые, на наш взгляд, интересные идеи организации школьно-вузовского партнёрства, приближения подготовки будущих учителей к школе: организация базовых кафедр в школе и привлечение профессиональных учителей к преподаванию отдельных дисциплин в педвузе. Наша кафедра с энтузиазмом приняла эти новшества. На сегодняшний день филиала кафедры в школе мы не создали, хотя в прошлом такой филиал у нас был на базе гимназии № 44 г. Пензы. А вот опытных учителей-словесников мы приглашаем. И всё бы было неплохо, но возможность разрабатывать новые, вузовские курсы и вести их в силу загруженности в школе учителя не всегда соглашаются.

Конкретных мер по решению одной из острых проблем **«удержания в профессии»** и **«низкой эффективности механизмов привлечения на должность учителя самых способных выпускников»** в самой Концепции, к сожалению, даже не намечено. Однако своевременно отмечена проблема **«отсутствия прогнозирования потребностей в педагогических кадрах по регионам»**. Дело в том, что после отмены в вузах обязательного распределения выпускников региональные министерства образования почти не участвуют в их трудоустройстве. **«Разработка и проведение ежегодного мониторинга потребностей региональных и муниципальных систем образования в педагогических ... кадрах»** позволит не только оценить потребность в педагогах, но и определить контрольные цифры приёма для подготовки педагогических кадров в каждом регионе, о чём также говорится в Концепции. Правда, в последнее время в результате старения педагогических кадров интерес к выпускникам педвузов у муниципальных и региональных органов образования возрос.

Поддержка молодых педагогов в нашем институте направлена на профессиональную адаптацию и обеспечение успешности профессиональной самореализации выпускников. С этой целью организована работа **«Школы молодого учителя»**, занятия в которой проводят опытные преподаватели вуза. Кроме того, преподаватели кафедры разработали и успешно реализуют две программы повышения квалификации учителя

лей русского языка и литературы по актуальным проблемам современной методики: «Реализация требований ФГОС в преподавании русского языка и литературы» (совместно с кафедрой «Литература и методика преподавания литературы») и «Методическое сопровождение процесса подготовки учащихся к ЕГЭ по русскому языку».

Не всегда реально достижимы и представленные в Концепции пути реализации заявленной цели **«повышение качества подготовки педагогических кадров, приведение системы педагогического образования в соответствие со стандартом профессиональной деятельности педагога и ФГОС общего образования и преодоление «двойного негативного отбора»**. Полагаем, что многие мероприятия, включённые в «дорожную карту» реализации Концепции на 2014–2015 гг. были слишком масштабны и многоплановы, чтобы их выполнить в столь короткий срок.

Считаем очень своевременным и обоснованным включение в «дорожную карту» реализации Концепции п. 13 **«Проведение на базе ведущих российских вузов, Российской академии наук, а также центров педагогического образования программ дополнительного профессионального образования (стажировки, профессиональной переподготовки и повышения квалификации) профессорско-преподавательского состава вузов, ведущих подготовку по педагогическим специальностям»**. К сожалению, эта когда-то практикующаяся в вузах система из-за недостатка финансирования или в целях экономии средств была заменена на систему повышения квалификации профессорско-преподавательского состава в самом вузе и за счет личного времени преподавателя, т.е. без отрыва от учебных занятий.

Современный педвуз должен подготовить педагога, соответствующего требованиям нового профессионального стандарта педагога [Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 18.10.2013 г. № 544н «Об утверждении профессионального стандарта «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)»].

По нашему мнению, многие положения «Профессионального стандарта педагога», в частности учителя русского языка, являются удачными:

1. Цель разработки профессионального стандарта педагога – освободить учителя от не свойственных ему видов деятельности. Такая необходимость назрела давно.

2. Стандартом закладывается в образовательную систему идея саморазвития педагога, его общая и психологическая грамотность, определяется не только каким должен быть учитель, но и к чему он должен стремиться в своём развитии.

3. Профессиональный стандарт – объективный измеритель квалификации педагога, средство отбора педагогических кадров в учре-

ждения образования. Он ценен прежде всего тем, что определяет нижнюю планку квалификации, отсекая тем самым таких работников, которым не по силам вследствие самых разных обстоятельств обеспечить необходимые условия для их допуска к работе.

4. С учётом особого места таких предметов, как математика и русский язык (обязательный ЕГЭ для всех без исключения выпускников), в профстандарте отдельно прописаны требования к педагогам по этим специальностям.

В самом документе указано, что профессиональный стандарт – это **«характеристика квалификации, необходимой работнику для осуществления определённого вида деятельности»**. Известно, что быть хорошим специалистом возможно лишь в узкой профессиональной области. Согласно же стандарту, российского учителя видят специалистом широкого профиля, от него ждут не только умения «планировать и проводить учебные занятия», как было раньше. Теперь к школьному педагогу предъявлено куда больше требований: **«Владение психолого-педагогическими технологиями (в том числе инклюзивными), необходимыми для работы с различными учащимися: одарённые дети, социально уязвимые дети, попавшие в трудные жизненные ситуации, дети-мигранты, дети-сироты, дети с особыми образовательными потребностями (аутисты, СДВГ и др.), дети с ОВЗ, дети с девиациями поведения, дети с зависимостью»** [Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 18.10.2013 г. № 544н «Об утверждении профессионального стандарта «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)», ч. 4.3, п. 18]. Меняются условия учительского труда, усложняется функционал учителя.

Отсюда возникают вопросы о выполнимости требований профессионального стандарта в реальности и возможности реализации такой подготовки в условиях педвуза. Прямые обязанности педагога составители стандарта трактуют очень широко: он и психолог, и тьютор, и социальный педагог, и дефектолог, и специалист по преподаванию русского языка как неродного. Комментируя требования к учителю, предъявляемые профессиональным стандартом, доктор педагогических наук, профессор, действительный член Российской академии образования Б. М. Бим-Бад отметил: «Требования к педагогу, предусмотренные проектом стандарта, думается, слишком широки, одному и тому же человеку непосильны. Универсальных учителей и воспитателей не существует в природе. Каждый сильнее в чём-то одном, чем в другом. Специалист в обучении ярко одарённых детей может не быть столь же хорошим мастером в обучении умственно отстающих детей или слепых и глухих детей. Немыслимо ответить требованиям «учить всех без

исключения детей, вне зависимости от их склонностей, способностей, особенностей развития, ограниченных возможностей» [Бим-Бад: электронный ресурс].

Полагаем, что для выполнения предъявленных стандартом требований к квалификации педагога необходима разработка методики и инструментария оценки педагогов с целью определения соответствия квалификационным требованиям стандарта. Необходима модернизация существующего порядка аттестации учителей.

На наш взгляд, в настоящий момент преждевременно говорить о согласованности федеральных государственных образовательных стандартов общего и высшего образования, их соответствии профессиональному стандарту педагога в сфере обучения русскому языку. Стандарт не ориентирован на программы высшего педагогического образования. Пока до конца не разработан инструментарий независимой оценки выпускников педагогических вузов. Нельзя требовать от работника тех знаний и умений, которые он не получил в вузе. Необходимы новые подходы к преподаванию в педагогических вузах, новая методика преподавания, учебные планы, программы. Стандарт не соотносится с действующими учебными программами и учебниками по русскому языку, с КИМаи ЕГЭ. Профстандарт предполагает «...поощрять индивидуальное и коллективное литературное творчество». Это очень важно прежде всего для развития личности ребёнка. Однако не следует забывать о том, что форма итоговой аттестации учащихся (а вместе с ними и учителей) – ЕГЭ. Он проверяет не коммуникативные и творческие способности, не общекультурное развитие, не способности выпускника самостоятельно мыслить, а навыки выполнения тестовых заданий и написания текстов по строго обозначенным критериям, отступать от которых нельзя. Сегодня невозможно выполнить до конца требование планировать образовательный процесс «с учётом специфики состава учащихся», поскольку экзамен сдают все, без учёта этой специфики, подчиняясь строго прописанным правилам. Следовательно, необходимо продумать и формы аттестации выпускников.

Хочется надеяться, что чиновники приведут в соответствие важнейшие для образования документы: «Профессиональный стандарт педагога», «Федеральные государственные образовательные стандарты общего образования» и «Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки Педагогическое образование (уровень бакалавриата)». Это станет мощным инструментом модернизации российского образования. Верим, что современному обществу безразлично, кто будет обучать и воспитывать подрастающее поколение, и что развитие педагогического образования в России пойдёт по правильному пути.

Библиографический список

1. Бим-Бад, Б. М. Профессиональный стандарт педагога – наше всё? / Б. М. Бим-Бад. – URL: www.akvobr.ru/profstandart_pedagoga.html
2. Концепция поддержки развития педагогического образования. Проект. – URL: <http://минобрнауки.рф/документы/3871>
3. Крысин, Л. П. Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. – М., 2007. – С. 621.
4. Об утверждении профессионального стандарта «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель) : Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 18.10.2013 № 544н. – URL: www.rg.ru/2013/12/18/pedagog-dok.html

М. А. Кормилицына, О. Б. Сиротинина
(г. Саратов, Россия)

РИСКИ ВЛИЯНИЯ МАССМЕДИА НА РУССКИЙ ЯЗЫК И РЕЧЕВУЮ КОММУНИКАЦИЮ

Охрана литературного языка, его норм «является делом национальной важности, поскольку литературный язык – это именно то, что в языковом плане объединяет нацию» [Культура русской речи, 2001, с. 12]. Прекрасный русский поэт Андрей Дементьев в статье «Зачем технарям русский язык?» очень точно выразил важную для всего общества мысль: «Хороший русский язык нужен каждому человеку, в какой бы сфере он ни работал. <...> Язык всегда был основой – души, духовности, человеческих отношений, культуры, образования. В конечном счёте, речь всегда была показателем того, каков человек. Если он плохо знает язык, это значит, его душа закрыта для тех чувств, которые испытывали и которые передавали нам Пушкин, Лермонтов, Толстой. Это значит, что он воспитан не на красоте. А дурной вкус отбрасывает нас – и каждого, и всё общество – назад» (АиФ № 7, 2017).

В наше непростое время именно средства массовой информации являются важным источником влияния на культуру российского общества, в том числе, конечно, и на русский язык, поэтому, помимо информативной и воздействующей, они призваны выполнять и не менее важную – просветительскую функцию.

Влияние СМИ на речевое поведение общества во многом положительно, и это объясняется тем, что в основе СМИ лежит использование литературного языка, что зафиксировано в Законе о государственном языке, принятом ещё в 2004 г. Однако, несмотря на предпринятые ужесточения, запрет грубости, лексики, оскорбляющей человека, соблюдается только формально, а значит, речь СМИ может оказывать на язык и культуру речи населения негативное влияние, которое победить

не удалось. Об этом свидетельствуют многочисленные нарушения языковых, этических, риторических и собственно коммуникативных норм речевого поведения. Они имеют место фактически во всех видах СМИ: газетах, радио, телепередачах, в интернет-коммуникации – и приводят к непониманию, возникновению рисков в социальном взаимодействии людей.

К сожалению, это не всегда учитывается журналистом, не прогнозируется и не устраняется даже в случае обнаружения. Но риски коммуникации опасны: они порождают социальные риски (иногда намеренные, что характерно для оппозиционных СМИ). Кроме того, в медиaprостранстве происходит усиление и добавление таких рисков, которые грозят в меньшей степени другим разновидностям системы языка. К подобным рискам в медиасреде можно отнести, например, риски политические; близкие к ним риски нарушения сложивших устоев (не употреблять оскорбляющих и грубых слов, не подменять факты фейками, при выборе слов стремиться к политкорректности); риски судебной ответственности; риски постоянного цейтнота: требуется мастерство и даже искусство воздействия на адресата, а для этого нужно время на перебор вариантов возможного оформления контента, а времени у журналиста и редактора всегда не хватает. Риск несоблюдения писанных и неписанных норм всегда остаётся.

Реализация системы языка в СМИ подчинена цели воздействия на массы, а оно двупланово: с одной стороны, это воздействие на поведение масс, их восприятие фактов, с другой – на речь масс, а через неё на язык, его судьбу. Причём, воздействие СМИ не всегда прямое: оно или открытое через убеждение массового адресата в правильности какой-либо точки зрения, или манипулятивное.

Приведём некоторые примеры рисков для языка и речевой коммуникации, вызванных недостаточной степенью языковой и коммуникативной компетентности адресантов, не только журналистов, но и «гостей», обычных пользователей языком. Ведь массовый адресат не разделяет их по степени языковой компетентности, он ориентируется на «речь с экрана», а это пагубно для судьбы государственного языка. Поэтому в массмедиа на первый план выходит умение пользоваться всеми возможностями системы русского языка.

Один из самых явных лингвистических рисков – риск непонимания сказанного или написанного журналистом, что может привести к провалу коммуникации из-за полного, неправильного или неполного, не совсем точного понимания [Рискогенность современной коммуникации, 2015]. Это непонимание, создающее риски в общении журналиста с массовым адресатом, может быть вызвано сложностью самой языковой системы, допускающей неоднозначность понимания текста, высказывания или отдельного слова. В языковой системе есть такие

классы слов, как малознаменательные слова (местоимения), диффузы, многозначные слова, которые могут быть употреблены в переносном, образном значении; абстрактная лексика, заимствованные слова, особенно модные сейчас в СМИ. Подача информации с использованием таких слов формирует так называемые неясные высказывания, создающие неопределенность и неоднозначность интерпретации сообщаемого, а это, безусловно, создает риски общения и вызывает недоверие и к СМИ как к четвертой власти, и к власти вообще. Малознаменательные местоименные слова, используемые журналистом, часто делают информацию несодержательной, «пустой», а поэтому и неинтересной адресату. Это ведёт к раздражению, а отсюда – к нежеланию продолжать чтение таких статей. Вот только один такой пример: *Ведь то, что у нас сегодня есть и на что опирается Путин, – это всё же не то, что называется осознанным патриотизмом образованной личности* (ЛГ № 27 2006). В «неясных высказываниях» ощущается стремление с помощью предельно обобщенных, неконкретных формулировок уйти от точного выражения своих мыслей или прямой оценки. К сожалению, такие высказывания, пронизанные неопределённостью, всё чаще становятся модными. Используются они по разным причинам. Главная – во избежание судебной ответственности. Иногда ради сокращения объёма текста, нередко просто из-за цейтнота. Безусловно, это и способ манипуляции читателем. Очень часто мы слышим: *Прошло обсуждение проблем ЖСК* – каких? Какие высказывались предложения? Кем? Такие пустые новости абсолютно неэффективны, они вызывают раздражение, но наводняют эфир и печатные СМИ. Частое появление подобных неясных высказываний связано, вероятно, и с недостаточным уровнем коммуникативной компетентности авторов публикаций, и с их неумением кратко, предельно конкретно донести до читателя самое важное, и со стремлением просто скрыть какую-то важную информацию [Кормилицына, 2016].

Известно, как широко в СМИ используются иностранные слова, особенно англицизмы. Если открыть современные газеты, всем, кто не знает английского языка, придётся наткнуться на непонятные слова, далеко не всегда каким-либо способом объяснённые в тексте: *коворкинг, краудфандинг, аутсорсинг, саспенс, лоукостер* и т.д. и т.п. Всегда ли в них есть нужда? А риск непонимания, как показывают опросы, очень велик. Конечно, со временем ко всему привыкаешь, но надо ли привыкать к *краудфандингу*, если его легко заменить *народным финансированием, народными сборами*, которые, по нашим наблюдениям, уже тоже начали употребляться. Вопрос этот непростой в условиях современной глобализации и роли английского языка в мире, но медийный риск засилья англицизмов существует, и журналист должен его осознавать [Сиротинина, 2013].

Очень не везёт в СМИ нормам склонения числительных, что, несомненно, расшатывает эти нормы в речи. Нередко нарушение норм связано с использованием одинаковых форм именительного и винительного падежей существительных: *КГБ обыграло ЦРУ*. В таких случаях нужный смысл адресату недоступен. При подготовке журналистов их учат нормам использования причастий и деепричастий, но далеко не всегда внушают запрет на их употребление в устной речи. В результате, во-первых, из-за сложности и длины высказывания при неизбежной ограниченности оперативной памяти фраза воспринимается не полностью, а, во-вторых, это «прячет» в сознании адресата запрет, ориентирует на собственное употребление деепричастных и причастных оборотов в устной речи и тем самым способствует явным ошибкам типа: *Подходя к школе, у меня слетела шляпа*.

Риск может вызвать даже правильно выстроенный текст, если он содержит недостоверную информацию. Мы не говорим о такой напасти, как фейки. Война есть война, даже если она информационная. Но из-за мгновенного распространения информации идёт борьба за быстроту сообщения, поэтому проверить его не успевают. Вот и получается, что одно сообщение противоречит другому.

В СМИ, к сожалению, часто нарушаются не только языковые нормы, о которых речь шла выше, но и коммуникативные, нормы речевого поведения. Особенно часто мы сталкиваемся с этим в электронных СМИ, например, на телевидении, где сейчас очень модны различного рода ток-шоу, в том числе и политические. Эти нарушения из-за постоянного их тиражирования отрицательно влияют и на язык, и на речевую коммуникацию. В подобных ток-шоу самой частотной тактикой речевого общения становится самая непродуктивная в общении тактика «навешивания ярлыков». Такое впечатление, что свою цель участники обсуждения видят в необходимости любой ценой переспорить оппонента, используя для этого запрещённые в публичной дискуссии грубые приёмы, оскорбления, приводящие к унижению оппонента. В одной из своих статей В. И. Желвис справедливо назвал такое речевое поведение постулатами грубости, анти-Грайсом. Вот несколько показательных реплик участников шоу: *Я Вас не перебивал!* (одна из самых частотных реплик); *Дайте договорить!*; *Вы ничего не понимаете!*; *Этот бред слушать невозможно*. Участники обсуждения совсем не думают о том, поймёт ли их зритель, когда все одновременно кричат. Нарушение этических норм проявляется не только в отсутствии уважения друг к другу, но и, самое главное, к массовому адресату – потребителю СМИ. Именно поэтому такие передачи ничего иного, кроме раздражения, не могут вызвать у массового адресата. Кроме того, такое речевое поведение очень заразительно, особенно если оно постоянно тиражируется на разных каналах. Следствия этого весьма негативны, так как такое поведение начинает постепенно восприниматься как

норма. Всем участникам общественно-политических ток-шоу неплохо бы помнить, что резко отрицательные бездоказательные оценки непродуктивны, они способствуют возникновению коммуникативных рисков, конфликтов и коммуникативных неудач. Ни о каком совместном поиске истины говорить в таком случае не приходится. На наш взгляд, все находящиеся в телестудии участники ток-шоу должны чувствовать ответственность за своё речевое поведение, соблюдать коммуникативные нормы, которые состоят в умении слушать оппонентов, учитывать конкретную ситуацию общения, заботиться о правильном понимании адресатом сказанного, адекватно реагировать на реплики собеседника. Всё это абсолютно необходимые условия эффективного общения. И задача СМИ – тиражировать именно такое общение. Самое вредное, что «бескультурье» и ставшая уже привычной повышенная агрессивность в этих передачах воспитывают не толерантность, а её противоположность – нетерпимость, причём предельную, ко всему не просто чужому, а именно к не своему мнению, т.е. СМИ учат тому, чему не надо учить, дают только примеры агрессивной нетолерантности. Подобное речевое поведение активно проникает даже в печатные СМИ, вызывая огрубление речи, ещё совсем недавно не допустимое в печати.

Итак, под влиянием СМИ мы наблюдаем борьбу противоположных тенденций развития языка: с одной стороны, тенденцию к уточнению значений, росту синонимии, а с другой, к усилению диффузности значения, облегчающей производство речи. Первая тенденция ведёт к точной передаче информации, поиску нестандартного выражения, то есть **к обогащению** языка. Вторая является следствием общей диффузии активно употребляемых слов, поскольку она экономит умственные усилия адресанта. Возобновляются трафаретные ярлыковые оценки и пустой новояз, которые воспитывают безответственность. Выбор более диффузного слова из синонимического ряда опасен, так как **ведёт к обеднению лексикона**, уменьшению возможностей русского языка передавать тончайшие оттенки смысла и добавочных к нему коннотаций.

Сейчас мы являемся свидетелями новой волны деструкции норм. Способствует этому и Интернет, и общая обстановка в стране, вызывающая накал эмоций. Всё это порождает новую моду и на ненормативное поведение, и на речь (свободу выражения, а не только точек зрения). Наше отношение к такой «свободе» остаётся принципиально негативным. Насаждение ненормативного – это не свобода мнений, которая необходима, а показатель низкой культуры человека. А поскольку СМИ воспринимаются как эталон публичного поведения и речи, это очень опасно и для языка, и для общества в целом. Отказываться от кодификации норм (к сожалению, иногда такие предложения звучат в эфире, а не только в научных дискуссиях), как нам кажется, нельзя, борьба с нормами – безумие. Единство страны обеспечивается общно-

стью языка. Но о какой общности можно говорить, если отсутствует языковая общность.

Библиографический список

1. Кормилицына, М. А. Содержательная неопределённость современных медиатекстов как результат нарушения в них баланса и творчества / М. А. Кормилицына // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2016. – Вып. 16. – С. 16–27.
2. Культура русской речи : учеб. для вузов / под ред. проф. Л. К. Граудиной, проф. Е. Н. Ширяева. – М. : НОРМА, 2001. – 560 с.
- 3 Сиротинина, О. Б. Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски / О. Б. Сиротинина. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2013. – 116 с.

Л. Г. Брутян
(г. Ереван, Армения)

КОМПЛИМЕНТЫ В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

*Давайте говорить друг другу комплименты –
Ведь это все любви счастливые моменты*
Б. Окуджава

*Толча комплименты, / как воду в ступке, /
люди совершают благородные поступки*
В. В. Маяковский

Вынесенные в качестве эпиграфа поэтические строки как нельзя лучше говорят о ценности комплиментов, которые являются объектом нашего исследования. Выбор именно комплиментов обусловлен всё возрастающим интересом к изучению различных сторон эффективной межличностной и межкультурной коммуникации, осознанием необходимости выявления коммуникативно-прагматических аспектов разных типов речевых актов, а также изучения различных форм речевого этикета, в числе которых – речевой акт комплимента. Как справедливо отмечает А. П. Садохин, «специальными исследованиями зарубежных учёных установлено, что характер, форма и стиль коммуникации во многом зависят от первых минут, а иногда и секунд общения. Существует множество очень простых приёмов, позволяющих практически в любой ситуации облегчить начальный этап коммуникации, что определяет весь дальнейший ход этого процесса. К числу таких приёмов относятся улыбка, обращение к собеседнику по имени, комплимент (выделено нами – Л. Б.) и т.д. Хорошо известные каждому человеку, часто неосознанно применяемые в повседневной практике и действен-

ные приёмы общения позволяют расположить к себе собеседника и заложить основу для продолжительного и эффективного общения» [Садохин, 2010, с. 139].

Для того чтобы выяснить, что из себя представляет речевой акт комплимента в русской лингвокультуре, мы провели вначале **лексико-семантический** анализ слова-понятия «комплимент» и соотносительных с ним слов на материале различных словарей русского языка. Анализ дал основания сделать следующие выводы:

1. В русском языковом сознании комплимент имеет наряду с положительными коннотациями, которые преобладают, также и негативные, связанные как с завышенной оценкой адресата, так и с корыстными интенциями адресанта.

2. В русской лингвокультуре комплимент ассоциируется с понятиями вежливости и уважения.

3. Комплимент как сочувствие и – шире – эмпатия встречается только в русской лингвокультуре; комплимент в таком понимании – это чисто русское явление [см. об этом подробнее в Брутян 2011, с. 140–147)].

Приведём теперь словосочетания и фразеологизмы, указывающие на комплименты, в русском языке: *“говорить, сказать, сделать комплимент(ы)”*, *“ответить комплиментом на комплимент”*, *“обмениваться комплиментами”*, *“напрашиваться на комплимент”*, *“рассыпаться в комплиментах”*, *“рассыпаться в похвалах кому-либо”*, *“расточать похвалы”*, *“осыпать похвалами”*, *“петь дифирамбы кому-либо, восхвалять”*, *“отзываться о ком-либо с похвалой”*, *“заслужить похвалу”*, *“быть достойным похвалы”*, *“сомнительный, неловкий, двусмысленный комплимент”*, *“двойной комплимент”*, *“банальный, тривиальный, пошлый комплимент”*. Как можно легко увидеть, комплименты говорят, делают, ими обмениваются; на комплименты напрашиваются; в комплиментах рассыпаются, похвалы расточают, похвалами осыпают; похвалы заслуживают и т.д. Комплименты бывают разнообразные по характеру: двусмысленные, двойные, банальные и т.д. С точки зрения оценки лишь выражения, указывающие на характер комплимента, такие как *“сомнительный / неловкий / двусмысленный / банальный / тривиальный / пошлый / комплимент”* имеют отрицательную оценку.

Проанализированные нами **пословицы и поговорки** комплиментарного характера были подразделены на следующие группы, указывающие на: 1) результат, 2) адресата, 3) адресанта, 4) объект (за что хвалят) и уместность (когда), 5) двусторонность, 6) искренность/неискренность, 7) взаимоотношение похвалы и критики.

1. Результат похвалы двоякий: а) это может быть благоприятное воздействие; похвала может быть полезна и иметь воспитательное значение. Приведем примеры: *“Ласковое слово и буйную голову смиряет”*, *“И собаку ласково примолвишь, так хвостом виляет”*, *“Сладкий язык и*

змею из норы выманит”, б) похвала может быть вредна. Примеры: *“Похваливание балует”*, *“С похвалу голова кругом”*. Статистика показывает, что в целом пословиц и поговорок о пользе похвалы больше, чем о вреде (11 vs 3).

2. Адресатом может быть как человек, так и животное: *“Девка палец иголкой уколёт – похвалу слышать”*, *“Доброму слову и кошка рада”* и даже неодушевленный предмет (2 русские пословицы).

3. Адресантом могут быть всякие люди, в том числе добрые: *“Добрые дела добрыми людьми похваляются”*.

4. Объектом похвалы может быть только хорошее, доброе, основательно сделанное дело, причём объект похвалы нужно увидеть самому: *“Скорого дела не хвалят, худое нечего хвалить”*, *“По наслышке не одобряй, а не видав, не хули”*. Неуместно хвалить раньше времени: *“Хвали утро вечером”*. Русская культура не одобряет самовосхваления, порицает восхваление самого себя: *“Сам не одобряйся, а подожди, как люди одобряют”*, *“Похвались, когда люди похвалят”*.

5. Двусторонний характер похвалы (4 пословицы)

Хвалят в ответ на похвалу; на похвалу напрашиваются, есть внутренняя корысть: похвала вызывает ответную похвалу. Пример: *“Кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку”*.

6. Искренность / неискренность

Похвала может быть правдивой, искренней, если это не лесть: *“Лестные слова могут быть правдивы; льстивые всегда ложны”*.

7. Похвала / критика. Их связь и взаимопереход (5 пословиц)

В русском сознании и хвалить, и ругать плохо: это приводит к негативным результатам: *“Похулить – грех, а похвалить – Бог убьёт”*, *“С брани люди сохнут, с похвалы толстеют”*; восприятие брани и хвалы зависит от того, кто это говорит: *“Мне брань врагов приятнее хвалы”*, *“Иная похвала хуже брани”*. Похвала в лицо может означать критику за спиной: *“В очи не хвали, за очи не брани”*.

А вот что говорится в **афоризмах** о словах похвалы: *“Поощрение столь же необходимо гениальному писателю, сколь необходима канифоль смычку виртуоза”* (Козьма Прутков) (о необходимости похвалы); *“Под сладкими выражениями таятся мысли коварные...”* (Козьма Прутков) (о внутреннем мотиве).

Особенности речевого акта комплимента в русской лингвокультуре ярче выявляются на фоне разных, иногда очень далёких лингвокультур. Ведь при схожести единой установки – сделать приятное собеседнику – форма выражения комплимента, а также его восприятие зависят от менталитета носителей того или иного языка, от пола и возраста собеседников, от принятых в том или ином обществе норм проявления чувств, в частности, симпатий. Так, англо-американская культура “поощряет отзываться с похвалой о других людях, дабы поднять

их в собственных глазах. В японской же культуре, наоборот, похвала в лицо не поощряется, однако вызывает одобрение говорить о себе “плохо” [Вежбицкая 1997: 397–398]. При этом если в США комплимент женщине на работе (по поводу её внешности, наряда и т.д.) может рассматриваться как сексуальное домогательство, то в Италии, где царит культ прекрасного, «женщиной принято восхищаться и не скрывать этого. Это положительно характеризует итальянских мужчин, поскольку восхищаться они будут любой женщиной – некрасивой, старой, молодой, глупой, красивой, не делая исключений» [Павловская, 2006, с. 234–235]. В мусульманских же странах нельзя делать комплиментов по поводу внешности жены собеседника; при этом в странах арабского мира принято щедро делать комплименты друг другу. Русские тоже не скупятся на комплименты (иногда делают это с корыстными намерениями) и в эмоциональной форме высказывают слова похвалы своему собеседнику, как правило, безотносительно к возрасту, полу и другим социопрагматическим факторам. При этом похвала может охватывать широкий спектр: от внешности до личностных качеств и определённых достижений.

Как и во многих других культурах, в русской лингвокультуре комплименты часто содержат в своём составе зоонимы. При этом следует отметить, что в каждой культуре есть свой набор комплиментов с зоонимами, причём подобные комплиментарные сравнения могут восприниматься в разных лингвокультурах по-разному, а иногда и как оскорбительные. Так, «очень странное впечатление на носителей иной культуры могут произвести некоторые комплименты женщинам. В Индии можно польстить женщине, если сравнить её с коровой, а её походку – походкой слона. Хороший комплимент японке – сравнение её со змеей, татарке и башкирке – пиявкой, олицетворяющей совершенство форм и движений. Обращение к женщине “Гусыня!” в русской культуре – оскорбление. В Египте – это ласковый комплимент» [Горелов, Седов, 2005, с. 132]. В русских комплиментах используются зоонимы “рыбонька”, “птичка”, “сокол”, “зайнька”, “орлёнок”, “соловушка”, “киска” и др. В русской культуре мужчину сравнивают со львом, с орлом (как и в армянской).

В русских комплиментах встречаются и фитонимы. Самым распространённым является сравнение с берёзой. О женщине говорят “стройная как берёза” (в армянской лингвокультуре девушку сравнивают с розой, с тополем).

Проведённый нами анализ комплиментарных дискурсов, извлечённых из русской и армянской художественной литературы (по 200 примеров из каждого языка), выявил, что **комплименты по поводу внешности человека** встречаются практически в одинаковой мере в обеих лингвокультурах (по 14 и 15 % соответственно от общего количества). При этом, если в армянской лингвокультуре преобладают

комплименты, характеризующие глаза, взгляд, то в русской встречаются самые разнообразные комплименты, характеризующие отдельные элементы внешности, части тела и т.д. **Комплименты внутренним, моральным качествам** тоже встречаются практически в одинаковой степени в русской (18 %) и армянской (20 %) лингвокультурах. Примечательно, что таких комплиментов больше, чем комплиментов, относящихся к внешности человека. Проведённый анализ выявил, что в русской культуре особенно часто хвалят за скромность, терпение, доброту, отзывчивость, оптимизм, чувство юмора, верность, бескорыстие, великодушие, смелость, силу воли, а в армянской – за честность, справедливость, доброту, совесть, сердечность, человечность, великодушие, смелость, добродетельность, покорность. Здесь можно увидеть как сходства, так и различия. Что касается **комплиментов профессиональным качествам** или **определённым способностям человека**, то в русской культуре их намного больше, чем в армянской (22 и 10 % соответственно). В отличие от последней группы, общеоценочные комплименты, сочетающие в себе похвалу человеку по нескольким критериям одновременно, не только преобладают в армянской культуре над подобными комплиментами в русской (30 и 19 % соответственно), но и в процентном отношении являются самой большой группой комплиментов. Добавим, что в русских комплиментах содержится обилие эпитетов, превосходных степеней, часто встречается гиперболизация.

Несмотря на то, что русские в целом щедры на комплименты, принимают они их с трудом. О том, как по-разному люди реагируют на комплименты в соответствии с собственными культурными традициями, говорит в своём интервью Франк Миллер, профессор Колумбийского университета в Нью-Йорке, преподающий там русский язык и имеющий большой опыт общения с русскими людьми: «...американец примет комплимент с удовольствием, поблагодарит, а русский обязательно станет отказываться: “Да что вы!”, или “Как бы не сглазить!”,» [Русский язык за рубежом, 2011, с. 106]. Сказывается ментальность русских: недоверие к собеседнику, ориентированность на то, чтобы увидеть подвох, скрытый смысл, отчасти суеверность, а также чувство смущения и зажатость. Ниже – ещё примеры, иллюстрирующие «чисто русское» восприятие комплиментов:

«Театр – это очень осторожная вещь. Надо очень сильно доверять человеку, чтобы выслушать от него замечание, чтобы поверить в это замечание. Когда приходят и говорят: “Старик, как ты сыграл, просто классно”, – я говорю: “Что-то не так, что-то не так”. Когда в театре хвалят, ищи, что-то там не так было. Я не доверяю таким оценкам» (из интервью актёра Валерия Барина, передача «Линия жизни», 19.10.16).

Юлия Меньшова: «Вы, наверное, с трудом слушаете комплименты».

Юрий Вяземский: «Нет, я просто думаю...»

Ю. Меньшова: «...какой я хороший человек».

Ю. Вяземский: (смеётся). «Но я-то хорошо знаю, что я не такой. Ну спасибо Вам большое».

Ю. Меньшова: «Нам тоже приятно».

Ю. Вяземский: «Как-то... я почти побывал на своих похоронах»
(Из программы «Наедине со всеми», 30.11.16).

Надо подчеркнуть, что сказанное выше в большей степени относится к женщинам среднего и старшего возраста. Показательно, что сегодняшнее поколение молодых женщин и совсем юных девушек принимает комплименты с большим достоинством, со словами благодарности, что может быть объяснено влиянием всепроникающей американизации.

Итак, анализ комплиментов в русской лингвокультуре выявил, что: 1) русские в целом искренне, очень эмоционально и щедро делают комплименты; 2) комплимент как эмпатия – это сугубо русское явление; 3) комплименты в русской лингвокультуре в целом принимаются с большой «силой сопротивления». В качестве заключения отметим, что проведённый нами анализ, выявляющий особенности функционирования речевого акта комплимента в русской лингвокультуре, свидетельствует о необходимости комплексного его исследования и позволит, как нам кажется, задуматься о важности использования комплиментов в процессе общения.

Библиографический список

1. Адаир, Дж. Эффективная коммуникация / Дж. Адаир. – М. : Эксмо, 2006.
2. Брутян, Л. Г. Опыт сопоставительного изучения семантики слова “комплимент” в русском, армянском и английском языках / Л. Г. Брутян // Русский язык и литература в научной парадигме XXI века : материалы междунар. науч. конф. – Ереван : Изд-во ЕГУ, 2011.
3. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М. : Русские словари, 1997.
4. Горелов, И. Н. Основы психолингвистики / И. Н. Горелов, К. Ф. Семенов. – М. : Лабиринт, 2005.
5. Павловская, А. В. Италия и итальянцы / А. В. Павловская. – М. : Олма Медиа Групп, 2006.
6. Русский язык за рубежом. – 2011. – № 2.
7. Садохин, А. П. Межкультурная коммуникация / А. П. Садохин. – М. : Альфа – М. : ИНФРА, 2010.
8. Формановская, Н. И. Речевой этикет и культура общения / Н. И. Формановская. – М. : Высш. шк., 1989.

МЕТАФОРИКА ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ В СОВРЕМЕННОЙ РУСИСТИКЕ И БЕЛОРУСИСТИКЕ

Метафора – одно из важнейших средств репрезентации **личностных** смыслов, **индивидуально-авторской** картины мира. Попытка объяснить «новое», «неизвестное» через «старое», «хорошо знакомое» составляет когнитивно-лингво-креативную сторону метафоризации и – как наивысшее воплощение последней – способность к эвристике, к самовыражению сильной языковой личности. Максимум этого самовыражения связан со способностью личности влиять на развитие национального языка. Как отмечал Д. С. Лихачев, «далеко не все люди в равной мере обладают способностью обогащать «концептосферу» национального языка <...>. Особое значение в создании концептосферы принадлежит писателям (особенно поэтам)...» [Лихачев, 1997, с. 283]. Индивидуально-авторская картина мира не просто монтируется в национально-поэтическую языковую картину мира, но и ощутимо дополняет её новыми смыслами, оттенками, нюансами, измерениями.

«Исследователи языка произведений белорусских писателей, – отмечает В. И. Ивченков в книге, посвящённой тропеической системе Ю. Казакова, – успешно воссоздают художественную лингвистическую картину мира, строят концептосферу образной системы родного языка. Подобного рода исследования настоятельно показывают своевременность и закономерность проявления исследовательского интереса к языку художественной литературы как системы выражения речевыми средствами воображаемого писателем мира, когнитивной сутью которого является возможность воспроизведения данных автором эстетических, коммуникативных и иных установок» [Ивченков, 2002, с. 15]. Данному тезису созвучна мысль одного из исследователей, высказанная относительно метафорики русского языка и русской художественной литературы, – о том, что «художественные произведения представляют ценность для анализа не только индивидуального процесса познания мира и отражения полученной информации в тексте, но и для изучения всей метафорической картины мира в русском языковом сознании» [Шинкаренкова, 2005, с. 5–6].

В комплексном изучении метафорикона белорусского языка особая роль принадлежит многочисленным работам В. Д. Старичёнка, которым систематизирован большой объём языкового материала – мета-

форизированных субстантивов в художественных контекстах (20 000 единиц) – по ряду направлений их семантической и структурной типологизации [Стариченок, 2007].

Отметим также монографическое исследование метафоры Янки Купалы, предпринятое О. А. Лещинской, основной задачей которого обозначено выяснение того, что именно составляет творческое своеобразие поэта в использовании богатого ресурса родного языка, в чём он выступает как новатор. Соотнося метафорику классика отечественной поэзии с фактами национального литературного языка, исследователь указывает на то, что «поэтическое наследие Янки Купалы характеризуется не столько созданием новых слов (авторских неологизмов, авторских новообразований, окказионализмов, индивидуальных слов), сколько использованием общеизвестных слов в необычных сочетаниях, которые позволяют придавать новые и глубокие образные смыслы» [Лещинская, 2003, с. 5].

Современные белорусские исследователи всё чаще обращаются к таким аспектам метафоризации, как «метафора и культура», «метафора и когниция», «метафора и дискурс». Здесь следует назвать работы таких известных белорусских учёных, как В. А. Маслова, И. Э. Ратникова, Е. Г. Задворная и др.

Среди работ теоретико-литературной направленности, которые наиболее глубоко раскрывают сущность метафоры как явления текста и культуры, отличаются наиболее тонкими наблюдениями и размышлениями труды А. Н. Андреева [Андреев, 1995; 2000], основательное диссертационное исследование И. Л. Шевляковой-Борзенко [Шаўлякова-Барзенка, 2001] и др.

Изучение метафорики представителей того или иного национального поэтического стиля тем самым открывает путь к постижению так называемых тропеических типов и тропеического кода национального языка в целом.

В отношении русской поэзии XX в. специфику метафорики данного периода весьма точно охарактеризовала Е. В. Ермилова: «Разумеется, метафора сама по себе – не откровение нового времени. Классическая русская поэзия метафоры вовсе не чуждалась. Однако место и значение её были иными. Она была традиционным средством поэтической выразительности в ряду других. Всякая подчёркнутость, выдвинутость, реализация метафоры, естественные для поэтики XX в., были бы здесь неуместны и бессмысленны» [Ермилова, 1977, с. 170].

При этом мы вполне отдаём себе отчёт в том, что более чем насыщенный в количественном и качественном отношении (и в плане авторов, и тем более в плане текстов) период не может рассматриваться как нечто цельное и единое. Так, говоря лишь о поэзии последних десятилетий прошлого столетия, В. В. Ивашева отмечает, что «было бы

прямым упрощением говорить о какой-либо унификации стиля во второй половине XX века». Вместе с тем, отмечает В. В. Ивашева, «всё же можно и закономерно ... говорить здесь об общих чертах, порой общей тенденции, характеризующей облик литературы нынешнего дня» [Ивашева, 1979, с. 60]. Полагаем, что в качестве такого общего может быть использован тот самый модельный, организующий потенциал метафорики, о котором речь шла выше.

Современная метафорология как междисциплинарная наука о метафоре в качестве одной из важнейших перспектив развития имеет смыкание с идеологией корпусности. С. А. Хахалова в связи с этим отмечает, что «метафорический корпус любого языка представляет собой благодатный материал для исследования когнитивной реальности эгоцентрической категории метафоричности, поскольку в нём концептуализированы не только знания о собственно человеческой наивной картине мира и все типы отношений субъекта к её фрагментам, но как бы запрограммировано участие этих языковых сущностей вместе с их употреблением в межпоколенной трансляции эталонов и стереотипов национальной культуры» [Хахалова, 2000, с. 177].

О. Н. Лагута в качестве первоочередных задач данной науки называет «проведение системных исследований индивидуальных языковых метафорик: на материале как живых языков с богатой книжно-письменной традицией и развитыми функционально-стилевыми подсистемами, так и младописьменных языков с диффузными функционально-стилистическими характеристиками, а также на материале мертвых языков, зафиксированных на широком пространстве текстов, с целью последующего выявления корпуса наиболее актуальных моделей метафоризации и их сопоставительного описания» [Лагута, 2003–1, с. 105]. В современной русистике существенный вклад в развитие обозначенного направления внесли, прежде всего, исследователи политической метафоры. Здесь прежде всего следует отметить работы А. Н. Баранова, Э. В. Будаева, Н. А. Санцевич, А. П. Чудинова и др.

Близким и не менее перспективным направлением в исследовании метафоры является разработка электронных словарей метафор, которые отчасти соответствуют вышеупомянутой «идеологии корпусности». Отметим, в частности, опыт отечественных исследователей О. Ю. Шиманской и Т. Н. Рябовой, разработавших соответственно электронные словари метафор эмоционального состояния человека в белорусском и английском языках и количественных метафор в русском и белорусском языках [Шиманская, 2009; Рябова, 2013].

Особо следует отметить возможности использования национальных языковых корпусов, в частности, Национального корпуса русского языка (НКРЯ) в решении задач лингвометафорологических исследований (см. об этом: [Кураш, 2014]).

Не менее актуальными и востребованными остаются сравнительно-сопоставительные исследования метафориконов и метафорических картин мира различных языков. «"Видеть" чужую метафорику – сложнейшая задача, а соотносить её со своей метафорикой и обнаруживать пересекающиеся участки-эквиваленты – задача ещё более сложная» [Лагута, 2003–2, с. 126]. В. Г. Гак отмечает, что «изучение метафоры в сопоставительно-типологическом плане дает огромный лингвистический материал. Оно позволяет проникнуть в общие закономерности человеческого мышления, выявить типичные ассоциации и вместе с тем определить специфику каждого языка, отделяющую его от общего и всеобщего» [Гак, 1988, с. 48]. Сходное мнение высказывает В. И. Ивченков: «Для доказательства близости и различия образных систем двух или более языков необходимо провести многочисленные исследования функционирования её элементов в различных пластах выражения сущности денотативного мира. Лишь результат тщательного изучения общезыковых систем русского и белорусского языков может дать предпосылки для типологических выводов...» [Ивченков, 2002, с. 19].

В качестве примеров реализации данного подхода назовём работы белорусских исследователей Е. А. Тихомировой [Тихомирова, 1991], Н. В. Яскевич [Яскевич, 2004], О. Ю. Шиманской [Шиманская, 2009], в которых отдельные типы метафор исследовались в плане сопоставления русского и белорусского языков, белорусского и английского языков.

Особым направлением в лингвометафорологических исследованиях является проблема перевода метафорики художественных произведений. Так, в работах В. И. Ивченкова предметом исследования были избраны средства словесной образности выдающегося белорусского писателя В. Короткевича в сравнении с их переводом на русский язык [Ивченков, 1988]; Л. В. Цалко (Прохоренко) анализировала закономерности перевода на белорусский язык системных метафор А. С. Пушкина [Цалка, 2007] и др.

Если говорить о дальнейших перспективах сопоставительного изучения метафорического стиля русских и белорусских поэтов XX–XXI вв., то «на выходе» мы а priori можем ожидать гораздо больше общего, чем различного в силу отмеченной выше близости культур, а соответственно и художественно-литературных традиций русских и белорусов, особенностей данных национальных типов мышления. Тем не менее близость, во-первых, не означает идентичности (в особенности в плане лингвокультурологическом); во-вторых, не отрицает возможности тех или иных типологических обобщений межъязыкового характера; в-третьих, создаёт условия для объективных оснований сопоставления, как бы повышая коэффициент его корректности. К тому же «только глубокое всестороннее исследование национальных мета-

форик (особенно их языковых «участков») и изучение истории их формирования позволит описать общую метафорику, т.е. универсальные законы метафорогенной деятельности человека и систему результатов этой деятельности» [Лагута, 2003–1, с. 43]. В этом смысле ещё больший интерес представит собой дальнейший поиск национально-специфичного на фоне преобладающего общего.

Библиографический список

1. Андреев, А. Н. Целостный анализ литературного произведения / А. Н. Андреев. – Минск : НМЦентр, 1995. – 144 с.
2. Андреев, А. Н. Психика и сознание: два языка культуры / А. Н. Андреев. – Минск : БГУ, 2000. – 233 с.
3. Ермилова, Е. В. Метафоризация мира в поэзии XX века / Е. В. Ермилова // Контекст–1976. – М. : Наука, 1977. – С. 160–177.
4. Ивашева, В. В. На пороге XXI века: НТР и литература / В. В. Ивашева. – М. : Худож. лит., 1979. – 318 с.
5. Ивченков, В. И. Средства словесной образности в произведениях В. Короткевича и формы их выражения в переводах на русский язык : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02; 10.02.01; АН БССР, Ин-т языкозн / Ивченков В. И. – Минск, 1988. – 24 с.
6. Ивченков, В. И. Лингвостилистика тропов Юрия Казакова / В. И. Ивченков. – Минск : УП Ред. науч.-метод. журн. “Печатковая школа”, 2002. – 112 с.
7. Кураш, С. Б. Лингвометафорология и корпусная лингвистика: зоны общих интересов / С. Б. Кураш // Компьютерно-опосредованная коммуникация и дискурс : мат-лы науч. конф., г. Минск, 30–31 мая 2014 г. / Белорусский гос. ун-т; под ред. А. И. Барковича. – Минск, 2014. – С. 42–48.
8. Лагута, О. Н. Лингвометафорология: основные подходы / О. Н. Лагута. – Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2003. – Ч. 1. – 114 с.
9. Лагута, О. Н. Метафорология: теоретические аспекты подходы / О. Н. Лагута. – Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2003. – Ч. 2. – 208 с.
10. Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – М. : Academia, 1997. – С. 280–288.
11. Ляшчынская, В. А. Метафара ў паэзіі Янкі Купалы / В. А. Ляшчынская. – Гомель : Гомельскі дзярж. ун-т, 2003. – 160 с.
12. Рябова, Т. Н. Вторичные качественные номинации в русском и белорусском языках: типология, функционирование : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Рябова Т. Н. – Минск, 2013. – 270 с.
13. Старычонок, В. Д. Метафара ў беларускай мове: на матэрыяле субстантываў / В. Д. Старычонок. – Мінск : Выд-ва БДПУ, 2007. – 176 с.
14. Тихомирова, Е. А. Лингвистический анализ тропа: метафора-лицетворение в русских и белорусских поэтических текстах начала XX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01; 10.02.02 / Тихомирова Е. А. – Минск : Бел. гос. ун-т, 1991. – 22 с.

15. Хахалова, С. А. Когнитивная реальность эгоцентрической категории метафоричности / С. А. Хахалова // Языковая онтология семантически малых и объемных форм : Вестник ИГЛУ. Сер. Лингвистика. – Иркутск, 2000. – Вып. 1. – С. 173–182.

16. Цалко, Л. В. Сістэмныя метафары ў паэтычным тэксе і іх трансфармацыя пры перакладзе (на матэрыяле твораў А. Пушкіна і іх перакладаў на беларускую мову) : аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук: 10.02.01; 10.02.02; Бел. дзярж. ун-т / Цалко Л. В. – Мінск, 2007. – 22 с.

17. Шаўлякова-Барзенка, І. Л. Тэорыя літаратурных тропаў: метафара і сімвал (генезіс, эвалюцыя, тэндэнцыі развіцця) : аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук: 10.01.08 / Шаўлякова-Барзенка І. Л. – Мінск, 2001. – 20 с.

18. Шинкаренкова, М. Б. Метафорическое моделирование художественного мира в дискурсе русской рок-поэзии : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Уральский государственный педагогический университет / Шинкаренкова М. Б. – Екатеринбург, 2005. – 314 с.

19. Шыманская, В. Ю. Метафарычная рэпрэзентацыя псіхалагічнай сферы чалавека ў беларускай і англійскай мовах: (на матэрыяле субстантываў) : дыс. ... канд. філал. навук: 10.02.20 / Шыманская В. Ю. – Мінск, 2009. – 199 с.

20. Яскевич, Н. В. Зооморфизмы в русском и белорусском языках (сравнительно-типологическая характеристика) : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20; БГПУ им. М. Танка / Яскевич Н. В. – Минск, 2004. – 26 с.

А. Н. Байкулова
(г. Саратов, Россия)

НОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

«Живая, спонтанно произносимая речь <...> таит в себе много неожиданностей» написала Н. С. Валгина в своей работе «Активные процессы в современном русском языке» [Валгина, 2001, с. 4]. Неожиданное в речи не может не привлекать внимание лингвистов: такова профессия, и таковы задачи – изучать то, что было, есть или ещё только появляется в языке и речи. Поэтому в данной статье мы обращаем внимание на новые явления, наблюдаемые в речевой практике представителей разных групп населения, прежде всего, молодёжи и людей среднего возраста.

Одно из таких явлений – распространение варианта союзной связи в сложноподчинённом предложении при изъяснительных, определительных и обстоятельственных отношениях между главным и придаточным, когда привычные выражения *сказал (написал, увидел, решил и др.), что...; сделал (пошёл, посмотрел, обратил внимание и др.), потому что (так как, чтобы)...* начинают заменяться гибридным союзным средством *то что*. Например: (из разговора друзей-студентов) *Я*

после футбола ей позвонил сказал / **то что** он ногу подвернул. В устной разговорной речи, очевидно, в силу её более высокого темпа, а также из-за свойственных ей спонтанности и неподготовленности, нередко при речевой небрежности говорящих, указательное местоимение *то*, выполняющее функцию соотносительного слова, утрачивает акцент и сливается с союзом *что* в фонетическое слово, в результате чего образуется гибридное союзное средство *то что* (а иногда и более сложное: *то что если*, *то что когда* и т.п.). Из разговора друг по телефону (материалы Национального корпуса русского языка, далее – НКРЯ): *Вот / а я не прочитала / короче / в договоре такую строчку / **то что если** типа я отказываюсь от обслуживания / я должна буду платить ты... полторы тыщи рублей типа того.* В данном высказывании *то что* соединяет главное предложение с придаточным определительным.

Подобного рода синтаксические конструкции, появляясь сначала в разговорной речи, начинают проникать и в фиксирующую её письменную речь, например в СМС-сообщения (фрагменты сообщений предоставлены автору статьи студентами для использования в научных целях; пунктуация, орфография и графические элементы текстов сохранены): *пошла я обедать или завтракать, **то что** встала не евши и поехали, вечером звони; ага) ладно давай я выхожу **то что** я обручальное кольцо смотрю; рада **то что** ты теперь будешь ходить с супер пупер настроением; я ушла, **то что** я уже терпеть не могла, боли сильные были...; ничего не могу обещать, **то что** у меня температура...; ну моя (о маме – А. Б.) можно сказать что идёт **то что** она же там будет, и Павленко ей по любому чтонибудь скажет; Смотри я запомнила **то что** ты сказала, **то что** если первое место займём, ты тогда <...>; Мелентьева сказала **то что** завтра у гумов административная работа; Мы смогли! Мы это сделали):-) И всё это из за **того то что** у нас такой капитан).*

Обратим внимание, во-первых, на отсутствие в этих сообщениях запятой между *то* и *что*; в отдельных примерах она есть, но перед *то что* (как при составных союзах). Во-вторых, *то что* вытесняет конструкции с союзом *что* при изъяснительной связи (не употребляются: *запомнила, что...*; *сказала, что...*; *из-за того, что*) и с союзами *чтобы*; *для того чтобы*; *потому что*; *так как* при обстоятельственных отношениях между главным и придаточным: *я ушла, то что...* вместо *я ушла, потому что*.

Регулярность использования *то что* в речи формирует привычку, а само союзное средство постепенно становится стереотипом, воспроизведение которого приводит к нарушению грамматических норм (например, *рада **то что** вместо **рада тому, что***), а также порождает речевую избыточность, неоправданные повторы: *всё это из-за **того то что***. В последнем примере местоимение *то* используется

дважды, но в разных падежах, при этом функцию соотносительного слова начинает выполнять его словоформа *того*, а связующую – начальная форма, образующая новый составной союз. В нашем материале есть и такие примеры, где *то* повторяется дважды в одном и том же падеже: *Меня в тебе пугает **то то что** я не могу понять твоей жизни.*

Большое количество примеров ошибочного употребления *то что* зафиксировано в документах Национального корпуса русского языка (НКРЯ): *Я на самом деле **надеюсь то** (на то – А. Б.) / **что** нас не пустят потому / что мы без юбок / и мы постоим просто покурим там где-нибудь за углом; Это не знаю / они режут вены для того / чтобы... ну есть такая вероятность / есть **вероятность** / **то** (того – А. Б.) **что** их спасут... и др.*

Нередко из-за употребления *то что* возникает неоправданное многословие: *Я бы хотела как раз добавить **то что чем** отличается дистанционное обучение в данном случае / все эти дети находятся в разных уголках / нашей страны (НКРЯ, текст 2007 г.).*

Распространяясь сначала в обыденном общении, *то что* постепенно начинает проникать в телевизионную речь и влиять даже на устойчивые выражения. Из разговора по телефону (фонд НКРЯ): *Дело в том / **то** / **что** вот / например / я очень часто езжу по областям / **то** есть постоянно пересекаю и аа какой бы вот мне тариф посоветовали бы **так то что**...; из речи участника передачи «Воскресный вечер с Владимиром Соловьёвым» от 12.03.2017: *Но есть и другая сторона у этого вопроса // Дело в том / **то что** Турции надо перезапускать историю своего успеха // Дело в том / **то что** была у них многолетняя политика ноль проблем с соседями <...>. В результате устойчивое выражение *Дело в том, что...* искажается, и это может вредить имиджу говорящего, поскольку нарушение языковых / речевых норм приводит к тому, что речь воспринимается как нелитературная.**

Распространённость *то что* в качестве гибридного союзного средства покажем и на других примерах публичной речи. Из документального фильма (телеканал «Культура», 2009): *Вертолёт был **так** сконструирован **то / что** он до сих пор вот у нас в строю находится; из речи участницы передачи «На самом деле» (Первый канал, 29.08.2017, 30-ти секундный фрагмент): *Ирина мне сказала **то что** извините / вы очень молоды; На что сказала **то что** да / конечно; Но я дико извиняюсь **то что** может быть я ...не всех знаю; из речи юной ведущей еженедельного музыкального чарта «Детская десятка с Яной Рудковской» и «Детская Партийная Зона», блогера Елизаветы Анохиной: (эфир телеканала «Россия 1») *Как вы относитесь к **тому** / **то что** «Новая волна» переехала в Сочи?; (интервью в Интернете) Видеоблогеры...Может быть **такое** / **то что** это люди из другой планеты или возможно из другой реальности?***

Анализ использованного материала показал: *то что* может выполнять функцию диффуза, нивелирующего изъяснительные, определительные и обстоятельственные отношения в сложноподчинённых конструкциях, а иногда своеобразного хезитатива, негативно влияющего на речь. Диффузные обозначения, экономящие усилия адресанта и адресата необходимы, но в их применении должна быть мера [Сиротина, 2012]. В употреблении *то что* важна не только мера, но и умение правильно членить речь на смысловые отрезки; делать акценты на тех словах, которые несут особую смысловую нагрузку; осуществлять самоконтроль с целью предотвращения нарушения речевых / языковых норм.

Наблюдения показывают, что распространение *то что* как нового союзного средства начинает выходить за рамки молодёжной речи: зафиксировано его употребление в обиходной речи людей среднего возраста.

Обратим внимание и на другое явление в современной разговорной речи, фиксацию которого можно найти в материалах интернет-коммуникации: неоправданное использование выражения **если что**. *Если что*, по БУС 2016, – устойчивое выражение, обозначающее «если случится, произойдёт что-либо, если возникнут какие-л. неприятности, осложнения и т.п.» [БУС 2016: 290]. Например: *Модели можно менять часто – это не требует больших затрат, а если что, такое предприятие недолго и недорого закрыть* (из фонда НКРЯ, материалы 2003 г.). Однако это выражение начинает использоваться вместо «приевшихся» *короче* и *на самом деле*: (из фонда НКРЯ) *Ну это вторник следующий надо делать, если что; если что, я осознал свою безрассудность и парашютить поеду в следующие выходные <...>* (интернет-переписка, 2008 г.); *Врачи из Морозовской, Семашко и московской педиатрической помощи были, если что; Если что, у меня тоже 4-летний мальчик и точно такой же взгляд на комп. игры, мультики и пр.; Если что – у нас тоже мульты строго ограничены <...>; а ты походу не особо одаренная, если что!!!!* (материалы форумов, 2012–2013 гг.); *За материнскую смертность, если что, он пойдёт всего лишь как соучастник, если что* (Т. Соломатина. *Акушер-ХА! Байки*, 2009); *И часто вспоминаю об этом / если что / если б мы на пляже не познакомились / может / вообще б не познакомились* (Обитаемый остров Гогланд. Д/ф из цикла «Письма из провинции», ТК «Культура», 2008). По всей вероятности, мода на употребление *короче*, *на самом деле*, как бы постепенно проходит, и на смену им появляются конструкции, которые, меняя свою функцию в речи, начинают употребляться в качестве дискурсивов или стереотипных хезитативов. Частота их использования определяется фактором языковой личности: индивидуальными пристрастиями и языковой компетентностью [Голанова, 2010].

Ещё одно заметное явление в устной речи связано с появлением новой вводной конструкции *на секундочку*. *Секунда* – одно из главных слов русского языка, составляющих ядро его лексической системы (см. [БУС, 2016]). БУС 2016 фиксирует употребление этого слова в устойчивых выражениях *секунда в секунду*, *(одну) секунду!*, *сию (же) секунду*, *в ту же секунду*, *с секунды на секунду*, *дело одной секунды* [БУС, 2016, с. 1067]. *Секунда* имеет дериват *секундо́чка* с пометами «уменьш.» и «ласк.» [там же]. *На секундочку* активно используется носителями языка в значении «на небольшой промежуток времени, быстро»: *выйти на секундочку*, *забежать на секундочку*, *я на секундочку* и т.п. В РТС 2006 «*Секундо́чку!* – вежливая форма немного подождать» [РТС, 2006, с. 692].

В современной устной речи (по наблюдениям автора, обычно в речи людей среднего возраста) *на секундочку* стало использоваться вместо или наряду с дискурсивными конструкциями *между прочим*, *скажу вам*, *прямо скажем*, *так сказать*, характеризующими способ выражения мысли, и *понимаете (ли)*, *представьте (себе)*, призывающими к вниманию. Из материалов устного корпуса НКРЯ: (А. Навальный, муж., 40, 1976) *А я вот здесь с вами не соглашусь. На секундочку. Это важная вещь* (Дебаты А. Навального и телеведущего В. Познера, 2016). Казалось бы, в этом нет ничего особенного: язык постоянно развивается, появляются новые формы выражения тех или иных значений, и этот процесс во многом обусловлен отказом носителей языка от привычного в речи, установкой на креатив. Но дело в отсутствии чувства языка, неумелом использовании новообразований, ухудшающих речь и делающих её неэффективной. Покажем это на ряде примеров из материалов НКРЯ: *А вот на секундочку в Париж прилетает Эр Франс чуть ли не в семь утра / там / по-моему / где-то десять / шестнадцать / девятнадцать* (Тренинг туристической фирмы, 2007). Такое употребление *на секундочку* представляется нелепым, поскольку слово *секундо́чка* в русском языке не утратило своего значения времени.

Использование *на секундочку* в качестве вводной конструкции (и, безусловно, других новых явлений) начинается в групповом общении, а затем по разным каналам проникает в речь масс. Возникает замкнутый круг, в результате чего активизируется внедрение речевых новшеств и их закрепление как узуальной нормы. Одним из таких каналов распространения нового является речь героев кинофильмов (материалы НКРЯ): *Ефим Львович Шварценгольд / это выдающийся учёный / ведущий специалист в мире в области охлаждения металла / на секундочку* (Д. Дьяченко и др. День радио, к/ф, 2008); (Чернов, Андрей Панин, муж., 40) *Ты на секундочку моя дочь. Мне бы вообще-то не хотелось / чтобы ты связалась с каким-нибудь там проходимцем* (Р. Бальтцер, А. Большакова. Даже не думай, к/ф, 2002). Повышенный

темп разговорной речи способствует размыванию границ синтагм и утрате акцентов, необходимых для точного понимания смысла высказываний. В результате некоторые фразы могут приобретать комичное звучание и вызывать у адресата ироничную рефлексию.

Большая роль в распространении новых речевых явлений принадлежит СМИ. «Пространство массовой коммуникации: ТВ, радио, пресса, отчасти Интернет – является той средой, в которой объединяется и перемешивается множество речевых потоков из различных подсистем языка, где, собственно, протекают активные процессы, влияющие на состояние языка в целом» [Какорина, 2003, с. 251]. Приведём примеры из газетного корпуса НКРЯ: *Наталья Ивановна, на секундоčku, – это директор 1351-й школы Наталья Ивановна Погорелова.* («КП», 2014.02.10); *На секундоčku, Мали на сегодня – одна из самых беспокойных стран Африки* («КП», 2013.10.20); *На секундоčku, это город Псков, я был там несколько раз в 1990-х и 2000-х, менялось всё только в церковных уделах.* («Известия», 2013.08.06); *Столько же – у Диего Марадоны, на секундоčku* («Советский спорт», 2013.02.03); *А теперь давайте уберём из футбола ЛЧ (на секундоčku)* («Советский спорт», 2013.05.07); *Никто их не прогонял со льда из-за того, что «Вилла» (команда, на секундоčku, на втором месте идет) играла товарищеский матч с «Родиной»* («Советский спорт», 2013.03.25); *Словно испытывая Хиддинка на прочность, судьба ставит ему подножку за подножкой – перед матчем с «Портсмутом» Анелька получил травму стопы. А ведь это (на секундоčku!) лучший бомбардир премьер-лиги* («Советский спорт», 2009.03.05); *Один город правит целой страной – одной шестой частью суши, на секундоčku* (Труд-7, 2009.06.04); *Хомич протирает спартаковскую лавку, с которой наблюдает, как пропускает в каждом матче Плетикоса – на секундоčku – вратарь сборной Хорватии* (Труд-7, 2007.06.06).

Несмотря на то что при письменной фиксации *на секундоčku* оформляется по правилам обособления вводных конструкций (запятые, скобки, тире), что, безусловно, способствует правильному пониманию смысла предложений, всё же, на наш взгляд, более уместным было бы использование выражения *обратите внимание*.

Выявленные факты, свидетельствующие об установке пользователей языка (термин Г. П. Нецименко [Нецименко, 2001, с. 105]), а не истинных его носителей, на креатив, а также речевая небрежность говорящих не способствуют эффективности речи, приводят к нарушению её норм, порождают многословие. Регулярность употребления модных выражений возводит их в ранг стереотипов, которые закрепляются сначала в речи, а затем в языке. Поэтому важно постоянно обращать внимание на новые явления в речевой практике и реагировать на то, что может навредить языку и речи.

Библиографический список

1. БУС 2016 – Морковкин, В. В., Богачёва, Г. Ф., Луцкая, Н. М. Большой универсальный словарь русского языка ; под ред. В. В. Морковкина. – М. : Словари XXI века ; АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2016. – 1456 с.
2. Голанова, Е. И. Публичная речь. Современное словоупотребление: соотношение литературной нормы и узуса (на материале дискурсивных слов) / Е. И. Голанова // Современный русский язык : Система – норма – узус. – М. : Языки славянских культур, 2010. – С. 341–364.
3. Какорина, Е. В. Активные процессы в языке и массовая коммуникация / Е. В. Какорина // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – С. 250–256.
4. Нешименко, Г. П. Динамика речевого стандарта современной публичной вербальной коммуникации: проблемы, тенденции развития / Г. П. Нешименко // Вопросы языкознания. – 2001. – № 1. – С. 98–132.
5. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. – URL : <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 20.07.2017).
6. РТС 2006 – Лопатин, В. В., Лопатина, Л. Е. Русский толковый словарь. – М. : Изд-во Эксмо, 2006. – 928 с.
7. Сиротинина, О. Б. Общение в зоне рисков и тенденция к диффузности значений / О. Б. Сиротинина // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2012. – Вып. 12. – С. 5–13.

РОДНОЙ ЯЗЫК КАК ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

И. А. Алешина
(г. Пенза, Россия)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ РУССКИХ АРГО

В русских арго насчитывается около 70 «диалектов», сконцентрированных в европейской части России. Самым древним является *офенский язык*, который использовался сначала странствующими торговцами, а затем его лексика получила распространение среди ремесленников и нищих. Необходим сравнительный анализ вариантов этого языка, поэтому сопоставим шуйский и теньковский варианты.

Язык шуйских офеней использовался торговцами-ходебщиками. Материал был собран в 1886 г. Евтихием Вознесенским в рукописи «Еще нечто о Галивонском наречии, существующем в городе Галиче Костромской губернии» [Приёмышева, 2009]. В словник входит около 80 языковых единиц.

В Ульяновской области в 1960-е гг. был записан теньковский вариант офенского арго: первый раз студентами Мелекесского института под руководством Д. И. Алексеева, а второй раз студентами Пензенского педагогического института под руководством В. Д. Бондалетова, который опубликовал словарь ульяновских арго, включающий в себя около 1000 лексем. Эти варианты интересны не только тем, что имеют разный ареал распространения, но и тем, что в разное время функционировали: шуйский вариант зафиксирован в XIX в., а теньковский стал известен в середине XX в.

Сравнение «диалектов» проводится по методике В. Д. Бондалетова, которая изложена в книге «Типология и генезис русских арго». При сравнении учитываются слова **тождественные** (слова одинаковые по звучанию и значению), слова **сходные** (одинаковые или близкие по значению, но имеющие незначительные отличия в материальной стороне – в фонетике, в словообразовании, в грамматическом оформлении), слова **разные** (имеющие одинаковую семантику, но разное звучание).

В арго шуйских и ульяновских офеней встречаем следующие языковые единицы: **стод** – «бог», **хля́бе** (нар.) – «больше», **шур** – «вор», **скрипо́ты** – «ворота», **зэ́тить** – «говорить», **сары** – «деньги», **курёха** – «деревня», **дека́н** (числ.) – «десять», **сиво́ха** – «зима» и другие. Следу-

ет отметить, что слово **курёха** имеет в теньковском арго вариант **курёвня**, а **сиво́ха** – **сиво́дно**, **сивень**. Наличие тождественных слов говорит об общности происхождения этих аргов. Это же подтверждает наличие сходных слов (первое слово из шуйского варианта, а второе из теньковского): **шиварищ** – **шивар** – «товарищ», **пельмига** – **пермя́га** – «бумага», **маруха** – **мару́шник** – «гривенник», **бирить** – **беря́ть** – «давать», **графон** – **граф** – «дождь», **исрёка** – **устрёга** – «дорога», **меркать** – **ме́рика** – «ночь», **егренята** – **ёгурь** – «яйцо», **сумарь** – **сулма́рь** – «хлеб» и т.д. Многие теньковские арготизмы имеют другие варианты в пределах «диалекта», наличие которых говорит о его самобытности. Например, **граф** и **гроху́тка** – «дождь», **устрёга** и **широ́га** – «дорога», **ёгурь** и **кетó** – «яйцо». Появление внутрдиалектных синонимов может быть связано с конкретными речевыми ситуациями.

Для обозначения одних и тех же предметов в вариантах офенского языка используются разные слова. Например, «баня» в шуйском арго обозначается лексемой **плеханка**, а в теньковском – **шолпёнка**, «год» – **рок** и **хрынт**, «двор» – **рым** и **хаз**, «день» – **бендюк** и **шмень**, «довольно» – **лотырно** и **ко́рнит**, «дьякон» – **витус** и **подкасе́вич**, «капуста» – **ялуха** и **чапу́ра**, «нож» – **жуль** и **мо́тыль**. Это «междиалектной синонимии», примеры которой можно найти и общенародном языке.

Теньковское арго использовали офени, занимавшиеся валяльным промыслом, поэтому в словнике встречаем лексемы, связанные с этим ремеслом: **жулы** и **жу́ленки** – «валенки», **вальколёк** и **жулёк** – «валёк», **жуля́ть** – «валять».

Таким образом, несмотря на то, что аргы шуйских и теньковских офеней имеют много общего, проявляется специфика, которая помогает нам судить о жизни носителей аргов, конкретных ситуациях функционирования. Подобный анализ лексики позволяет исследовать вариантность офенского аргов.

Библиографический список

1. Бондалетов, В. Д. Типология и генезис русских аргов / В. Д. Бондалетов. – Рязань, 1987.
2. Приёмышева, М. Н. Тайные и условные языки в России XIX в. / М. Н. Приёмышева. – СПб. : Нестор-История, 2009.

*Э. Ж. Аниева
(г. Пенза, Россия)*

ТИПЫ ЭПОНИМОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Всю жизнь нас окружают слова, которые мы пишем и читаем, слышим и произносим. Чаще всего мы не задумываемся, как они появились в языке. А между тем недолгие «поисковые работы» и не-

сложный анализ позволяют получить интересную и полезную информацию. Эпонимы – слова, которые окружают нас везде, о значении которых мы почти не задумываемся. Мы читаем, слышим и сами произносим тысячи названий, не задумываясь о том, откуда они взялись. Вот, к примеру, названия известных напитков: минеральная вода *боржом* называется по городу Боржоми (Грузия), где находятся источники этой воды; *коньяк* – по городу Коньяк (Cognac) во Франции, а *шампанское* – по французской провинции Шампань (Champagne). Также обратим внимание на сыры: *рокфор*, острый сыр из овечьего молока, называется так по французскому городку Рокфор (Roquefort), где его впервые начали делать; *честер*, твердый острый сыр, обязан своим названием городу Честер (Chester) в Англии (графство Чешир); в Европе, да и в других местах любят есть с макаронами *пармезан*, сыр из снятого молока, получивший название по итальянскому городу Парма (Parma).

Собственные имена могут превращаться в нарицательные слова. Но не только географические названия способны на такую метаморфозу. Нередко в разряд нарицательных переводятся собственные имена, относящиеся к людям, – личные имена, отчества, фамилии, прозвища, т.е. *антропонимы* (греч. *ánthrōpos* – человек и *ónyma* – имя). Теряется индивидуализация, имена приобретают функцию обобщения. Проходит время, и слова уже не воспринимаются образованными от антропонимов. Во многих случаях мы не чувствуем связи с исходным именем, не задумываемся или не подозреваем (просто не знаем), что слова связаны с конкретными людьми.

Изредка «дающими имена» становятся обитатели мифов, напр.: *мегера* – злая, сварливая женщина (по имени Мегеры, греческой богини мщения); *нарцисс* – самовлюбленный человек, а также довольно милый цветок, белый или желтый (по имени Нарцисса, сына речного бога Кефисса, прекрасного юноши из греческой мифологии, который, увидев в воде свое отражение, влюбился в него); *вулкан* – геологическое образование, гора с кратером (по имени Вулкана, древнеримского бога огня). Однако как правило, в роли эпонимов оказываются реально существовавшие персоны. Ср.: *июль*, *август*, *ватт*, *вольт*, *бегония*, *георгин*, *камелия*, *магнолия*, *бульон*, *оливье*, *мартини*, *чинзано*, *саксофон*, *патефон*, *кольт*, *маузер*, *наган*, *браунинг*, *пежо*, *рено*, *тойота*, *мерседес*, *кадиллак*. Во многих случаях люди действительно сами давали имя, когда что-то изобретали, создавали или совершали открытие; иногда общество делало чье-то собственное имя нарицательным: классический, хрестоматийный пример – история со словом *хулиган*. Бывало, что имя заслуживавшего уважение человека использовалось, чтобы сохранить о нем память, – напр., выражая восхищение Г. Й. Камелом, выдающийся естествоиспытатель Карл Линней назвал одно из растений *камелия*.

По семантике слова-эпонимы можно разделить на следующие группы:

1. Названия продуктов питания

бефстроганов – от фр. Bœuf Stroganoff, «говядина по-строгановски», названо в честь графа А. Г. Строганова (1795–1891);

шарлотка – сладкий десерт из яблок, запечённых в тесте, названо по имени королевы Шарлотты;

сэндвич – бутерброд, назван по имени Джона Монтегю, 4-го графа Сэндвичского.

Оливье – своё название знаменитый салат получил в честь своего создателя, шеф-повара Люсьена Оливье.

2. Названия оружия

винчестер – винтовка, названная по имени основателя оружейной фирмы Винчестера;

наган – револьвер, разработанный бельгийскими оружейниками братьями Эмилем и Леоном Наганами;

автомат Калашникова – автоматический пистолет-пулемет (автомат), изобретённый М. Т. Калашниковым.

3. Марки автомобилей

мерседес – марка автомобилей, названа в честь Еллинек Мерседес;

пежо – марка автомобилей французской одноименной компании, названа по фамилии семейства Пежо.

4. Слова-термины (единицы измерения)

вольт – единица измерения электрического напряжения, названа в честь Алессандро Вольты;

кюри – единица измерения активности радиоактивного источника, названа в честь Пьера Кюри и Марии Склодовской-Кюри;

ампер – единица измерения силы тока, названа в честь Андре Ампера;

эйнштейн – единица измерения, используемая в фотохимии, в честь Альберта Эйнштейна.

5. Названия музыкальных инструментов

баян – музыкальный инструмент, названный в честь древнерусского сказителя Баяна;

саксофон – духовой музыкальный инструмент; изобретен А. Саксом.

6. Виды тканей, одежды

лабутены – женские туфли на красной подошве, по искажённому имени французского модельера Кристиана Лубутена;

бикини – женский купальный костюм из двух частей, названный по ассоциации с атоллom Бикини, на котором за 4 дня до первой демонстрации купальника (вызвавшей фурор) произошли испытания ядерного оружия;

галифе – вид брюк, названных в честь французского генерала Г. Галифе (1830–1909);

кардиган – вязаный жакет на пуговицах, без воротника и лацканов; назван в честь британского генерала Джеймса Томаса Брюднелла (лорда Кардигана);

толстовка – по имени великого Льва Николаевича Толстого называли этот популярный вид одежды, хотя сам писатель носил рубашку несколько иного кроя;

панама – вид головного убора, назван по наименованию центральноамериканской страны;

кеды – спортивная обувь, первоначально от торговой марки Keds (с 1916 г.) фирмы U.S. Rubber.

7. Названия растений, животных

георгин – цветок, названный по имени учёного И. Г. Георги (1729–1802);

гиацинт – цветок от имени персонажа греческой мифологии Гиацинта (или Гиакинфа), из крови которого вырос цветок;

тритон – род хвостатых амфибий подотряда саламандровых, по имени морского божества Тритона;

доберман – порода домашних собак, название от имени Карла Фридрих Луи Добермана – немецкого селекционера-любителя.

8. Названия архитектурных сооружений

мавзолей – монументальное погребальное сооружение, включающее камеру, где помещались останки умершего. Называется по гробнице карийского царя Мавсола в Галикарнасе (середина IV в. до н. э.);

мансарда – чердачное помещение, оборудованное для жилых нужд, названного по имени французского зодчего Ж. Ардуэн-Мансара.

9. Названия людей по роду деятельности, личностным качествам

меценат – покровитель науки и искусств, название произошло от имени Гая Цильния Мецената;

папарацци – фоторепортёры, снимающие сцены из личной жизни звёзд шоу-бизнеса и других знаменитостей без их ведома и согласия, названы по имени фотографа Папараццо, героя кинофильма Федерико Феллини «Сладкая жизнь»;

швейцар – привратник, человек, обязанностью которого является встреча посетителей у входной двери ресторана, отеля, бизнес-центра. Заимствовано в XVIII веке из немецкого через польский язык. (нем. *Schweizer*, польск. *szwajcar*) первоначально имело значение «житель Швейцарии»;

альфонс – мужчина, живущий на содержании женщины; по имени героя-любовника из комедии Александра Дюма (сына) «Мосье Альфонс»;

хулиган – по ирландской фамилии *Houlihan* (в искажённом англ. варианте *Hooligan*), носителем которой был грубый, неотёсанный ирландец, комический персонаж британских бульварных изданий 1880–1890-х гг.;

хам – грубый, невежественный человек, по имени библейского персонажа, одного из трёх сыновей Ноя.

С точки зрения происхождения слова-эпонимы могут быть образованы от:

- антропонимов – имён собственных, относящихся к человеку (*Вера, Надежда, Любовь, Наполеон, Цезарь*);

- топонимов – имен собственных, обозначающих собственные названия географических объектов (*Вешкелица, Суоярви*);

- теонимов – имен богов (*Зевс, Посейдон, Ахиллес, Мегера, Апполон*);

- экклезионимов – собственных названий мест совершения обряда, мест поклонения любой религии, в том числе названий храма, монастыря, часовни, креста (*Часовня Георгия Победоносца, Собор Александра Невского*);

- мифонимов – имен людей, животных, растений, географических названий, в действительности никогда не существовавших (*Одиссей, Посейдон, Змей-Горыныч*);

- собственно эпонимов – лиц, имена которых послужили для образования других онимов.

Проблеме эпонимии посвящено множество работ как лингвистов, так и представителей самых разных областей знания. Эпонимы представляют собой пласт лексики, который вызывает огромный интерес для изучения когнитивных процессов антропоцентрического характера, присущих всем этапам развития науки. Термины-эпонимы (эпонимические наименования) – это термины, составляющими компонентами которых являются эпонимы. Дискуссионной на сегодняшний день является проблема относительно того, какие именно имена могут стать основой для создания термина-эпонима. Поскольку специальные наименования могут происходить от антропонимов, этнонимов, мифонимов, теонимов, топонимов и др., поддерживаем точку зрения М. М. Дзюбы, который считает, что эпонимом может быть любое собственное имя, на основе которого создана новая номинация [Дзюба, 2010, с. 55].

Термин эпоним входит в лексический ряд «антоним», «синоним», «омоним» и др. А термин эпонимия означает «образование новых слов на основе имён собственных» [Старичёнок, 2008, с. 716].

Становясь составными компонентами терминологических сочетаний или номенов, имена собственные проникают в специальную лексику, отрываясь от своих носителей – денотатов и переходят в иные лексические разряды [Суперанская, 1973, с. 27]. Имя несёт значительную информацию. Часто одного упоминания имени известной лично-

сти достаточно для того, чтобы представить ту область, в которой он работал, характер выполняемой им работы. За каждым именем стоит не только личность, но и его взгляды и представления на проблематику соответствующей области знания.

Библиографический список

1. Дзюба, М. М. Епонімічні найменування в українській науковій термінології / М. М. Дзюба // Українська мова. – 2010. – № 3. – С. 55–62.
2. Старичёнок, В. Д. Большой лингвистический словарь / В. Д. Старичёнок. – Ростов н/Д : Феникс, 2008.
3. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1973.

Т. Е. Баженова
(г. Самара, Россия)

ЛЕКСИКА ПО ТЕМЕ «ЧЕЛОВЕК» КАК ФРАГМЕНТ ДИАЛЕКТНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ САМАРСКИХ ГОВОРОВ)*

В тематическом словаре самарских говоров представлена большая группа слов, описывающих человека, его поведение в обществе, систему ценностей. Тематический принцип расположения материала в словаре не только позволяет наглядно представить системные отношения в лексике, но и создаёт условия для определения особенностей языковой сегментации действительности. Понимание слова как хранителя культурно-исторической информации в настоящее время становится важным аспектом изучения диалектной лексики. Подтверждением данного тезиса могут служить исследования С. М. Беляковой [Белякова, 2016, с. 27–35], Т. В. Леонтьевой [Леонтьева, 2012, с. 27–43], К. И. Демидовой [Демидова, 1993, с. 16–21] и др. Изучение семантической структуры диалектного слова даёт возможность выявления региональной картины мира, поскольку все компоненты значения обусловлены специфической значимостью объектов действительности, избирательным к ним отношением, образом жизни, климатом, историко-культурным ландшафтом региона.

Как известно, образ человека является средоточием системы ценностей народа. В современном литературном дискурсе при оценке социальных качеств человека в первую очередь оценивается вхождение человека в класс лиц с определёнными характеристиками (*тихоня, умница, реалист*), наличие у него определённых самостоятельно существующих качеств (*трусливый, полон энергии*) и способность к совершению социальных действий (*решительный, пассивный*). Внешние ха-

рактеристики, неотъемлемые атрибуты внешности занимают периферийное положение в системе социальных качеств человека [Ким, 2005, с. 174]. Интересно проследить, как преломляется взгляд на человека внутреннего и внешнего в диалектной языковой картине мира на лексическом материале говоров определённой территории.

Слова, содержащие эмоционально-оценочную характеристику человека, образуют в самарских говорах несколько тематических групп. В их составе наблюдаются существительные, прилагательные и глаголы, причём существительные преобладают.

1. Характеристика человека по отношению к нормам нравственности и поведения. Номинативные воплощения таких качеств человека, которые определяют его отношения с другими членами общества, составляют самую большую по численности лексическую группу. Следование нравственным нормам строго оценивается носителями говоров, например, *слушлівые*, т.е. послушные, покладистые люди, воспринимаются положительно, а бесшабашное пренебрежение всеми нравственными нормами подвергается осуждению, например, лексема *во́льник* в самарских говорах имеет отрицательную коннотацию.

Нормой отношения человека к людям считается доброта, это качество имеет абсолютную ценность, поэтому диалектное обозначение этого качества редко сопровождается семантической дифференциацией, например: *желáнница* ‘заботливая женщина’, *забо́тный* ‘заботливый’, *жалы́ный* ‘жалостливый, отзывчивый’, *желáнный* ‘внимательный, заботливый’, *любíтельная* ‘заботливая’. Проявлять заботу о слабых и больных, то есть *хетать*, *покоить*, *ходить за кем-л.*, означает в наивно-языковой картине мира высшее проявление добродетели: *Хожалка у меня из милосердия, она у меня убирается, за мной ходит, желанная, внимательная (с. Мосты Пестравского р-на)*. Быть добрым – естественное, само собой разумеющееся качество человека, и отсутствие его лексически маркируется носителями диалекта, ср.: *Хороший человек так и есть хороший, а если злой, то злюга (с. Мосты Пестравского р-на)*. Злой человек (*врагу́ша*, *ляди́на*) оценивается носителями традиционной культуры как противник, враг, расшатывающий привычный уклад жизни. Ср.: *ляд* ‘нечистый, черт’ [Фасмер, т. II, с. 549]; *ляд возьми* ‘чёрт возьми’ Ставроп. **Самар.** [СРНГ, вып. 17, с. 259].

Качества, мешающие поддерживать гармоничные отношения в обществе, часто имеют в самарских говорах особое лексическое обозначение и выделяются разнообразием отрицательной оценки: *жуля́бия* / *жуля́бий* ‘проныра, хитрец, обманщик’, *неотёс* ‘грубый, невежливый человек’, *доку́чница* ‘надоедливая женщина’, *вахло́* ‘трус’, *зави́дчик*, *зави́дник* / *зави́дница* ‘завистник’, *чва́нец* / *чва́нка* ‘гордый человек’, *выки́дывка* ‘гордячка, зазнайка’, *подма́зчивый* ‘льстивый’, *назо́листый* ‘надоедливый’, *непри́ймчивый* ‘неприветливый’, *хаба́льный* ‘грубый, невежливый’ и т.д. Широко распространены в самарских говорах эмо-

ционально-оценочные наименования таких отрицательных качеств человека, как жадность (*жаду́ля, промазни́чка, жадобный*), распутство (*приблюдник, потаску́ня, верту́шка, шля́лка, шалы́га*), пьянство (*бай-гу́ш, попи́воха, латры́га*). В маркировании тех или иных негативных характеристик человека в данной тематической группе прослеживается избирательность, что позволяет определить систему ценностей носителей диалекта.

II. Общительность, разговорчивость, особенности языка и речи. В народном мироощущении прежде всего фиксируются такие социально значимые качества человека, как разговорчивость, общительность, способность говорить внятно. Люди, способные находить общий язык и поддерживать беседу со всеми, получают положительную характеристику, например: *бахо́ря* 'любительница поговорить'; *москв́а* 'о ребёнке: разговорчивый, словоохотливый'; *баля́сник / баля́сница, щелку́н* – 'разговорчивый, словоохотливый человек'; *басли́-вый, ба́ский, брехли́-вый, бреши́вый* – 'разговорчивый'; *шо́борский, пова́дливый* – 'общительный'. Словоохотливость является достоинством человека, но иногда граничит с пустословием и многословием, которые считаются недостатком: *Эх, и баска, балясница, её не переговоришь* (с. Михайловка Красноярского р-на); *Балясник, много говорит, да не по делу* (п. Сокский Иса克林ского р-на) и т.п. Показательно, что словами *балабо́н, балабо́лить, балабо́нить* могут характеризоваться и красноречивые люди, и пустословы, болтуны. В народном представлении разговорчивость не должна отвлекать человека от основных занятий, она должна проявляться уместно. Отвлекает слушателя и необычная манера говорить, при этом отрицательно оценивается речь невнятная, замедленная или чересчур быстрая: *борбота́ть, бунча́ть, вяка́ть* 'говорить невнятно', *вяку́ша* 'человек, который медленно говорит', *частоба́й* 'человек, который говорит много и быстро'.

В языке обычно отрицательно воспринимается речь непонятная и незнакомая (*лопотать, бормотать*), обусловленная незнанием или плохим знанием языков. В таком полиэтническом и поликультурном регионе, как Среднее Поволжье, лексически маркируются даже языковые особенности русских, в речи которых сохраняются признаки различных материнских говоров (*цовока́ны, баюны, ба́тки*). Современным носителям говоров свойственно характеризовать традиционный вариант диалектной речи *аляповым, грубым разговором*: *У нас аляповый разговор, не выговорю ведь ни черта* (с. Осинówka Ставропольского р-на); *Вот в Ломовке грубо говорят, а мы говорим чище* (с. Мосты Пестравского р-на). Так же по-разному оценивается привычная речь местных, *сродошних*, жителей и речь *странних* людей. *Странние* люди чаще всего *бормя́т, варня́кают, каля́кают*: *Это в Костычах так калякают* (с. Сытовка Шигонского р-на); *Не ходите, девки, замуж во Царевщину-сёло, не по-нашему калякают: чао-чао-чао* (с. Курумоч Волжского р-на).

III. Характеристика внешности человека в связи с физическими особенностями и состоянием здоровья. Оценка внешности всегда была социально значима для сельского человека. Одним из оснований положительной характеристики человека в языковой картине мира носителей говоров является внешнее проявление физического здоровья: *Молодая была пригожая да справная, хоть и есть было сроду нечего* (с. Давыдовка Приволжского р-на). Лексическая группа со значением ‘крепкий, здоровый человек’ представлена целым рядом слов, объединенных синонимическими отношениями: *живокрóвый, здоровуций, двоежильный, жёлустый, налитой, хóроший* и др. – и антонимичными им словами со значением ‘физически слабый, болезненный человек’: *квёлый, дряблый, неудобный, никудышный, стяблый, дóхлядь* и др. Признаком физического здоровья в первую очередь служат хорошее телосложение (*станístый, поста́вный, уря́дный* – ‘статный человек’) и умеренная полнота (*налитой, спра́вный*). Внешними проявлениями нездоровья человека считаются избыточная полнота или худоба: *раскóрмленник* ‘полный человек’, *ши́рный* ‘полный, толстый’, *худóбище* ‘худой человек’, *дегíль* ‘худой и высокий человек’ (ср. в самарских говорах *деголь* ‘ботва, длинные тонкие плети растений’; *дигíль* ‘длинный тонкий стебель огородного растения’ [СРНГ, вып. 08, с. 53]).

В общей характеристике человека носителями говоров чаще всего отмечается физический недостаток, который мешает полноценно трудиться, выполнять работу по дому, обслуживать себя: *горбу́нь, горбы́ль, горба́ч, горба́тик, горбу́н/горба́тка; килу́н, кила́стый* ‘о человеке с грыжей’, *конды́ба* ‘хромо́й человек’ и др. Мешают человеку быть полноценным членом общества и такие особенности внешности, как большой живот у мужчин, неуклюжесть. См. примеры: *пуза́ч, пуза́тик, брюха́н* – ‘человек с большим животом’; *требу́стый, брю-ха́стый* – ‘пузатый, толстый’; *разгильдяй/разгильдяйка, раздолба́й м., нескладёна ж.* – ‘нескладный, неуклюжий человек’; *культа́ный, каца́ный, улы́дый* – ‘косолапый’. Признаком неопрятности считаются длинные, непричесанные, неприбранные волосы: *косму́ха/косма́тик, косматю́га, лохма́ч, лохма́к, лохма́н/лохму́шка* – ‘человек с растрепанными волосами’.

В условиях замкнутости социума, в котором веками формировался менталитет сельского жителя, наличие очевидных, даже незначительных, особенностей внешности оценивается негативно, как признак чужеродности: «Ну чо такое, чо ты забраковал?» – «На-а, девчонка, а родить будет, а ребятишки будут с красными волосами, и их замуж никто не возьмёт» (с. Украинка Большечерниговского р-на). Браки между жителями разных сёл раньше заключались в исключительных случаях, и одной из причин при этом были физические недостатки жениха или невесты. Ср. *неклёка* ‘неполноценный человек, имеющий увечья’: *Такую неклёку кто возьмёт?* (с. Степное Мамыково Кошкинского р-на).

Незначительные в народно-языковом представлении особенности внешности обычно не маркируются в диалектной лексике, поэтому фиксация лексического материала в данном случае является трудной задачей для диалектолога. Если в говоре и присутствуют номинации человека высокорослого, с большими ушами и т.п., то в традиционном диалектном дискурсе они представляют собой негативные эмоционально-оценочные характеристики человека (аффектонимы), которые употребляются не всеми и ситуативно: *Если он слишком высокий, то обзывают его долголязым – вот у нас один есть: рост больше двух метров, ноги как палки (с. Мосты Пестравского р-на).*

IV. Характеристика интеллектуальных способностей человека. Интеллектуальные способности в народно-языковой картине мира занимают одну из ведущих позиций в характеристике человека. Высокий уровень интеллекта оценивается носителями говоров всегда положительно: *Господ не пехаю, они не разбродные, а умственные люди были (с. Хрящевка Ставропольского р-на); Дети сейчас продумные, всё спросят (с. Большая Черниговка); Он (муж) не учился, а мне помогал считать, был мозговой, сам дошёл (с. Александровка Большеглушицкого р-на); Он-то беда проходец, больно памятливый (с. Ефремовка Богатовского р-на).*

Интеллектуальная неполноценность человека в диалектном языке лексически маркируется с учетом дифференциальных признаков проявления этого недостатка. Чаще всего глупость определяется в связи с рассеянностью, невнимательностью человека: *зевáка, ротозéя, растóпша, тюхтяй* – все эти диалектные слова являются синонимами литературно-просторечного слова *разиня*. Значительная степень умственной неполноценности ассоциируется с отсутствием понимания окружающих (*бельмёс* ‘дурак’, *толмáч* ‘бестолковый человек’) и, как причина самоизоляции человека от общества, воспринимается очень негативно. Наивысшая степень негативной оценки недостатка ума проявляется в том, что лексическое значение целого ряда диалектных слов, характеризующих интеллектуальную неполноценность человека, является результатом метафоризации. Ср.: *алáбор* ‘порядок’ – *алáбор* ‘сумасшедший человек’ (отсутствие порядка в голове); *валу́й* (название лесных грибов) – *валу́й* ‘темные, некультурные люди’ (отсутствие необходимых знаний у человека, живущего в глухом месте); *рёдя* ‘простоватый, глупый человек’ – от *рёдка* (овощ); *встря́хнутый* ‘со странностями’ – от *встряхнуть* (перемешать содержимое) и т.п.

V. Характеристика человека по его отношению к труду и собственности. Домовитость и трудолюбие – это качества, занимающие особое место в системе ценностей сельских жителей. Трудиться на земле, иметь дом, вести хозяйство, иметь практические навыки для сельского человека так же естественно, как быть здоровым, соблюдать моральные нормы, жить. У хорошего хозяина всегда есть дом, ср.: *до-*

мову́ха, домовни́к/домовни́ца – ‘хороший хозяин’, *бездомник/бездомовка* – ‘плохой хозяин’; *бездомовый* ‘бесхозяйственный’. Наличие, недостаток или отсутствие земли при этом не получают лексического воплощения, очевидно, для носителей самарских говоров это и в прошлом было неактуально.

В данной лексической группе богато представлена лексика, характеризующая плохо работающего, ленивого, бесхозяйственного человека: *вахла́к, вахло́, легóша, шалабёльник, вараку́ша* – ‘лентяй’; *опромётка, лёда, льи́нда* – ‘лентяйка’; *неделу́ха, нерадивка, непу́тница* – ‘плохая, ленивая хозяйка’; *улёжливый* ‘ленивый’; *канадо́бить, варака́ть* – ‘работать плохо’. Бедность, бездомье, жизнь за чужой счет считаются огромным несчастьем, но тем не менее подвергаются осуждению, потому что об руку с бедностью идёт пренебрежение нормами жизни. В самарских говорах слова *гола́х* ‘бедняк’, *кусóчница* ‘нищенка’, *мы́канник* ‘бродяга’, *махóр* ‘бесхозяйственный, беспутный человек’ являются аффе́ктонимами.

VI. Характеристика человека с точки зрения его склонностей и привычек. С этой точки зрения носителями русских говоров чаще всего оценивается чистоплотность человека: *чистохóлка* ‘чистоплотная женщина’, *замара́й, вахла́к* – ‘неопрятный человек’, *махóр* ‘оборванец’, *зала́, разва́рза* – ‘грязнуля’; *грязномáзый* ‘нечистоплотный’.

VII. Характеристика человека по эмоциональному состоянию и складу характера. Нормой эмоционального состояния и поведения человека является веселье, жизнерадостность, отсутствие суетливости, ср. примеры: *гагату́н* ‘весёлый человек’, *куролесник* ‘шутник, озорник’, *тухарно́й* ‘боевой, весёлый’, *вертепля́с, скакун* ‘плясун’.

Все перечисленные оценочные характеристики человека, воплощенные в лексике самарских говоров, позволяют реконструировать одобряемую в традиционной народной культуре модель поведения человека в социуме.

Примечание

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного Отделением гуманитарных и общественных наук РФФИ и Правительством Самарской области проекта № 16–14–63001 «Лексика самарских говоров: типологическое и лексикографическое описание».

Библиографический список

1. Белякова, С. М. Традиционная культура и диалектный словарь / С. М. Белякова // Славянская диалектная лексикография : материалы конф. / отв. ред. С. А. Мызников и др. – СПб. : Нестор-История, 2016. – С. 27–35.
2. Демидова, К. И. Территориальное варьирование лексико-семантических парадигм / К. И. Демидова // Слово в системных отношениях на разных уровнях языка. – Екатеринбург, 1993. – С. 16–21.

3. Леонтьева, Т. В. Социорегуляция приема пищи в зеркале русской диалектной лексики / Т. В. Леонтьева // Язык и культура. – 2012. – № 2 (18). – С. 27–43.

4. Ким, И. Е. Социальные качества человека и их выражение в современном русском языке / И. Е. Ким // Известия Уральского государственного университета. – 2005. – № 39. – С. 163–175.

5. СРНГ: Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, О. Д. Кузнецовой, С. А. Мызникова. – М.–Л., СПб. : Наука, 1965–2014. – Вып. 1–47.

6. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. – М. : Прогресс, 1986.

В. Д. Бондалетов
(г. Пенза, Россия)

ГРЕЦИЗМЫ В АРГО ВЛАДИМИРСКИХ ТОРГОВЦЕВ И УЛЬЯНОВСКИХ РЕМЕСЛЕННИКОВ

Светлой памяти проф. Сергея Ивановича Ожегова

Перебрав несколько вариантов изложения как лексического материала по владимирской и ульяновской аргосистемам, так и научного потенциала их разноаспектного анализа, особенно на фоне значительной совокупности арго в России, автор решил большой по размеру текст статьи разделить на две-три публикации и сначала предъявить сам лексический материал в виде объединённого (совмещённого) Словаря грецизмов владимирских торговцев и ульяновских ремесленников. Совместная (совмещённая) подача материала такого Словаря обусловлена: а) их типологическим и функциональным сходством.

В качестве опорного материала по арго *владимирских торговцев* взят Словарь офеней (коробейников) слободы *Мстёра* и ближайших деревень Вязниковского района. Общее количество слов – 583 (обследование произведено в 1961 г. под рук. доц. В. Д. Бондалетова).

Материалы ремесленников (портных и шерстобитов) Ульяновской обл. собраны в *Карсунском* районе в 1961–1962 гг. студентами-филологами Пензенского пединститута, специально подготовленными для полевой работы по социальной лингвистике. Приводим количественные данные раздельно по трём обследованным пунктам: Б-У – Базáрный Урёнь (общее количество разных слов – 711), У-К – Урёно-Кáрлинское (количество слов – 618). Т1 – с. Тенькóвка (первое обследование – материалы 1961 г. Мелекесского (позднее Дмитровградского) пединститута); рук. экспедиции – доцент Д. И. Алексеев (количество слов – 108), Т2 – Тенькóвка (второе обследование, рук. экспеди-

ции В. Д. Бондалетова; (количество слов 701). Кстати, в каждом селе-нии от ремесленников Ульяновской обл. записано больше слов (711, 618, 711) чем от торговцев прославленного офенского края (583). При-чина: торговлю отходников-офеней с 30-х гг. запрещали, а мастеров-ремесленников терпели, поскольку они обували и обшивали сельское население огромной России.

Совместная (совмещенная) подача материала «Словаря грецизмов владимирских торговцев и ульяновских ремесленников обусловлена:

а) их функциональным (они служат для затаения содержания речи) и структурно-типологическим сходством (они используют обще-народные (обычно просторечно-диалектные разновидности) фонетиче-ского и грамматические строя родного языка; б) совпадением почти половины тематических классов их слов, в том числе и слов-грецизмов; в) генетической первичностью аргю суздальско-владимирских торгов-цев; г) явной производностью ульяновского аргю от владимирской раз-новидности; д) оправданностью и тактической целесообразностью их «совместной подачи (чтобы видеть как их сходство, так и различия), при *графически различимой* «презентации» лексики двух *самостоя-тельно* функционирующих аргю, отстоящих друг от друга на 600, (а с учётом маршрутов «бродячих» офеней-торговцев) и более тысячи километров; е) компактностью «упаковки» информации, увеличиваю-щей степень наглядности для восприятия и показа их *сходства / не-сходства* (вплоть до показа контраста) между исходным (владимир-ским) и «дочерним» (ульяновским) вариантами.

Особо подчеркнём: изучение аргю проведено на одном *синхрон-ном срезе* (1961–1962) и по *единой методике*. Жаль, что в 60-е годы нам ещё не были доступны технические аудиовизуальные способы фиксации материала.

Примечание № 1. В Словаре для наглядного разграничения лек-сического материала владимирских офеней использованы прописные буквы: **ГИРÚХА**, **ДИРÚХА**, и, ж. Старуха., Б. Греч, үерос 'старик', а грецизмы, зафиксированные в Ульяновской обл. (с пометами Б-У, У-К, Т1, Т2) – строчные: **Гирúха**, -и, ж. Бабушка У-К, Б-У, Т2. См. **Ги-рýк**). Греч, үерос – 'старик'.

полу жирными *строчными (малыми) буквами.*, например, слово **Аксýр** – Лес Б-У, Т2 .

Словарь грецизмов владимирских торговцев и ульяновских ремесленников

Аксýр, -а, м. Лес Б-У, Т2 (ср. **Воксýр**). Н.-греч. όξία – 'бук'.

Ала́сть, -и, ж. Соль У-К, Б-У, Т1, Т2. Н.-греч. άλας, άλάτι –, 'соль'.

Алось, -и, ж. Соль У-К, Б-У, Т2. См. **Аласть**.

Алчь, -и, ж. Соль У-К, Б-У, Т2. См. **Аласть**.

Алы́бный. Коровий У-К, Б-У. См. **Алы́ба.**
Алыбе́нок, -а, м. Телёнок Т1. См. **Алы́ба.**
Алы́бное кресмо́, -а, ср. Говядина У-К, Б-Т, Т2. Греч. αγγελδοί – корова + хρέας – 'мясо'.
Алыбушка, -и, ж. Корова, коровушка Т2. См. **Алы́ба.**
Алы́ба, -ы, ж. Корова Т2. Н.– греч. αγγελδοί – корова.
Ами́ль, -я, м. Мёд Т2. – Греч. (др.-греч. и греч.) μέλι – 'мёд'.
Ба́кырдеканов (числ.). Двадцать У-К, Б-У, Т2. Н.-греч. δέχα 'десять' + тюрк. бакыр – 'два'.
Буше́ньдеканов (числ.). Шестьдесят У-К, Б-У, Т2. Н.-греч. δέχα 'десять' + аргот. Буш – 'шесть'.
Воксы́р, -а, м. Лес У-К. Ср. **Аксыр.** Н.-греч. όξία + 'бук'.
Во́рлуха, -и, ж. Курица У-К, Б-У, Т2. Н.-греч. όρνιθα – 'курица'.
Ворлыха́н, -а, м. Петух Т1. Греч. όρνιθα – 'курица'.
Ворлышо́нок, -а, м. Цыплёнок Т1. Греч. όρνιθα – 'курица'.
Воксы́р Лес Б-У, Т2 Лес Б-У, Т2 Лес Б-У, Т2.
ВОРЫХА́НКА, и, ж. Курица М. См. **Ворлыха́н, ворыха́н.**
ВОРЫШ́ИХА, ВОРЫХ́ИХА, и, ж. Курица М. – Н.-греч. όρνιθα – 'курица'.
ВОРЫХА́НКА, и, ж. Курица М. См. **Ворлыха́н, ворыха́н.**
ВОРЫШ́ИХА, ВОРЫХ́ИХА, и, ж. Курица М. – Н.-греч. όρνιθα – 'курица'.
ВОРЫХА́НКА, и, ж. Курица М. См. **Ворлыха́н, ворыха́н.**
ВО́ХРА ы, ж. Кровь. М. Греч. όχρα 'желтая краска'. Слово попало в аргот. из общерусского языка.
Встерха́ть, -ю, -ешь. Вставить У-К, Б-У, Т2. Греч. στέχω – 'стою'.
Вы́керить, -ю, -ишь. Выпить У-К, Б-У, Т2. См. **Ке́рить.**
Вы́киматься, -юсь, -ешься. **Выспаться** У-К, Б-У, Т2. См. **ки-мать.**
ГАЛЬМО́, а, ср. Молоко. Б., М, Р.– Н.-греч. γάλα – 'молоко'.
ГИРЕ́ТЬ, ею, еешь; несв. Стареть. М., Б. – Греч, γέρος – 'старик'.
Гири́мный, -ая, -ое. Старинный У-К, Б-У, Т2. Греч. γέρος – 'старик'.
Ги́рмост, -а, м. Староста У-К, Б-У, Т2. Греч, γέρος – 'старик'.
Гирмості́ха, -и, ж. Старостиха У-К, Б-У, Т2. См. **Гирмост.**
Гирү́ха, -и, ж. Бабушка У-К, Б-У, Т2. См. **гиря́к.** Греч, γέρος – 'старик'.
ГИРҰ́ХА, ДИРҰ́ХА, и, ж. Старуха. М, Б. Греч, γέρος – 'старик'.
ГИРҰ́ХА, ДИРҰ́ХА, и, ж. Старуха. М, Б. Греч, γέρος – 'старик'.
Ги́рый, -ая, -ое. Старый У-К, Б-У, Т2. Н.-греч. Греч, γέρος – 'старик'.
ГИРЫ́Й, ДИРЫ́Й, кратк. форма – гир. М. – Греч, γέρος – 'старик'.

Гирьё, -я, ср. Старьё У-К, Б-У, Т2. – Греч. γέρος – 'старик'.

Гиря́к, -а, м. Дед, старик У-К, Б-У, Т2. Греч. γέρος – 'старик'.

ГИРЯК, ДИРЯК, а, м. Старик. М, Б. Греч. γέρος – 'старик'.

Гиря́чить, -у, -ишь (несв). Стареть У-К, Б-У, Т2. Греч. γέρος – 'старик'.

Граф, -а, м. Дождь Т2 (ср. Графон). Н.-греч., Греч. βροχή – 'дождь'.

ГРАФОН, а, м. Дождь. М. – Греч. βροχή – 'дождь'.

ГРЕНЁНОК, а, м; мн. гренята. Яйцо. М. Н.-греч. αύγό – 'яйцо'.

ГРЕНЯ́ТНИЦА, ы, ж. Яичница. М., См. **греньёнок**.

Грофу́жный, -ая, -ое. Дождевой.

Б-У. Греч. βροχή – 'дождь'.

Гроху́тка, -и, м. Дождь У-К, Б-У. См. **Граф**. Греч. βροχή – 'дождь'.

Декáн (числ.). Десять У-К, Б-У, Т2. – Н.-греч. δέχα – 'десять'.

ДЕКАН КОСУХ, числ. Тысяча, буквально – «десять сотен». М. – Н.-греч. δέχα 'десять' + арготич. косу́ха – 'сотня'.

ДЕКАН СТРЕ́М, числ. Тринадцать. Н.-греч. δέχα – 'десять' + + τρεῖς, τρία. – 'три'.

ДЕКАН ХРУСТОВ. Десять рублей. М. – Н.-греч. δέχα 'десять' + + арготич. хруст – 'рубель'.

ДЕКАНКА С ХРУСТОМ, числ. Одиннадцать М. См. Деканка. Н.-греч. δέχα – 'десять'; букв. «десятка с рублем».

ДЕКА́НКА. и, ж. Десятка. М. См. **Декан**. – Н.-греч. δέχα.

Декáнный (числ.). Десятый У-К, Б-У См. **Декан**. – δέχα – 'десять'.

Декáшка, -и, ж. Десятка У-К, Т2. См. **Декан**.

ДЕ́ВЕРА ДЭКАНОВ, числ. Девяносто М. Из арготизмов грецизма девера + δέχα – 'десять'.

ДИВЕРНА́ДЦАТЬ. Двенадцать. М. Греч. δύο, 'два' + δέχα – 'десять'.

Ди́вердеканов (числ.). Девяносто У-К, Б-У, Т2. Буквально: арготич. ди́вер – 'девять' + греч. δέχα – 'десять'.

Дозéтиться, -усь, -ишься. Объясниться Б-У. – Греч. ζητω < ζητω – 'прошу'.

Достéрхнуть, -у, -ешь. Достать У-К, Б-У, Т2. – Н.-греч. στέχω – 'стою'.

Дяка́ть, -ю, -ешь (нсв). Давать Т2. Греч. δείχνω, δειχνύω – 'показывать'.

Дякнۇть, -у, -ешь. Дать Т2. – Греч. δείχνω, δειχνύω – 'показывать'.

Егури́шница, -ы, ж. Яичница У-К – Н.-греч. αύγό – 'яйцо'.

Ёгурь, -и, ж. Яйцо У-К. Н.-греч. αύγό – 'яйцо'.

Ён (числ.). 1. Раз; 2. Одно У-К, Б-У, Т2. – Н.-греч. ένας – 'один'.

ЁН, Е(Ё)НЫЙ. – Один, раз М. – Др.-греч. εἷς, gen. ἑνός – 'один', 'единый'.

Енейвёрбошный, -ая, -ое. Одноглазый У-К, Б-У. – Греч. ἑνας + + арготич. верб – 'глаз'.

Ённадцать. Одиннадцать У-К, Б-У, Т2. Греч. ἑνας – один + + русск. надцать Явление контаминации.

Ёный, числ. Один, первый У-К, Б-У, Т2 – См. **Ён, еный.**

Зазяха́ть, -ю, -ешь. Запевать У-К, Б-У, Т2. См. **ЗЕТИТЬ, ЗУХАТЬ** – говорить. Греч. ξετω < ζητω – 'прошу'.

Заке́ра, -ы, общ. Пьяница У-К, Б-У, Т2 См. **КЕ́РИТЬ.** М. Фас-мер возводил корень этого богатого арготического гнезда к греч. χερνω – 'лить вино'.

Закима́ть, -ю, -ешь. Заснуть У-К, См. **КИМАТЬ.**

Засты́ка, -и, ж. Застава Б-У. Неологизм – локализм от сты́чить 'ставить', распространенного в Б-У, и Т2. Восходит к Н.-греч. στέχω 'стою'.

ЗЁКЛО, а, ср. Стекло, окно. М. См. **Зётить.**

Зет, -а, м. 1. Говор. 2. Разговор У-К, Б-У, Т2. См. **Зётить.**

ЗЕТАТЬ

Зетну́ть. Сказать У-К, Б-У, Т2 . См. **зётить.**

Зету́н, -а, м. Говорун У-К, Б-У. См. **Зетить.**

Зету́щик, -а, м. Рассказчик Т2 См. **Зетить, Роззетчик.**

Зёха, -и, ж. Песня Т1. См. **Зетить.**

ЗЕХАЛЫ, мн. ч. Глаза. М. См **Зетить.**

ЗЁТИТЬ, -чу, -ишь (нсв). Говорить Б, М. Р. Средне.-греч. ξετω < ζητω – 'прошу'.

Зётить. Говорить, сказывать У-К, Б-У, Т2. Греч. ξετω < ζητω – 'прошу'.

Зяха́ть, -ю, -ешь (нсв). Петь У-К, Б-У, Т2. Греч. ξετω < ζητω – 'прошу'.

КАС, а, м; Священник, дьячок, пономарь, а также любой служитель церкви. М. Греч. ἄξιος – 'достойн' – слово поется при посвящении в сан священника.

Касёк, -а, м. 1. Дьячок. 2. Священник У-К, Б-У. См. **КАС.**

Каси́ха, -и, ж. Попадья У-К, Б-У, Т2. См. **Кас, касёк.**

Кась, -я, м. Священник Т2. См. **КАС, КАСЁК.**

Ке́рить. Пить У-К, Б-У, Т2. Фасмер возводил к греч. χερνω – 'лить вино'.

КЕРО, а, ср. Пиво. М. См. **Керить.**

Кето́, -а, ср. Яйцо Б-У, Т2 (ср. ёгурь О. Горбач (1957) сопоставляет с греч. хоциа́ω – 'лежу' (кіта, кіты первоначально 'яйца-подкладыши').

Кётрус, -а, м. Арбуз Т1. Явный неологизм на основе греч. πέτρα 'камень'.

Ким, -а, м. Сон. Б-У. Н.-греч. хоιμούμαι, χοῖμαι, χοιῶμαι – 'сплю'.

КИМА́ТЬ-1, аю, аешь; нсв. Спать. М. Н.-греч. хоιμούμαι, χοῖμαι, χοιῶμαι 'сплю', хείμαι – 'лежу'.

Кимать-2, -аю, -ешь (нсв). Спать, дремать У-К, Б-У, Т2. Н.-греч. хоιμούμαι и др.

КИРГИ, мн. ч. Руки. М., Греч. χέρι – 'рука'.

Кирьга́, и, ж. Рука У-К, Б-У. См. **КИРЬГÁ**.

КИРЬГÁ ЛÉПШАЯ. Левая рука. М. Греч. χέρι – 'рука'.

КИСЕР (М), КИСЕРА (Б). Четыре. Греч. τέσσερα – 'четыре.'

КИСЕРА ДЕКАНОВ, числ. Сорок. М., Б. Греч. τέσσερα – 'четыре' + Н.-греч. δέχα – 'десять'.

Кíсербут (числ.). Четыреста У-К, Б-У, Т2. Греч, τέσσερα + арг. Бут – 'сотня'.

Кíсердéканов. Сорок У-К, Б-К, Т2. Греч, τέσσερα 'четыре' + δέχα – 'десять'

Кíсерма́р, -а, м. Четверик У-К, Б-У, Т2. См. **Кисер**.

КИСЕРНАДЦАТЬ, числ. Четырнадцать. М. Греч. τέσσερα – 'четыре' + рус. часть 'надцать'.

Клёва(и?)ть, -ю, -ешь (нсв). Хвалить У-К, Б-У, Т2. Н.-греч. χαλά, χαλ – 'хорошо'.

КЛЁВЕ, ср. ст. Лучше. М., Б. Н.-греч. χαλά, χαλως – 'хороший'. См. **клёво**.

КЛЁВЕНЬКИЙ, ая, ое. Хорошенький, Б., М., См. **Клевый-1**.

КЛЁВЕНЬКО, нареч. Хорошенько. Б. См. **Клевый-1**.

Клёво (нар.). Хорошо У-К, Б-У, Т2. Клёвше (превосх. ст.). Лучше Б-У. Н.-греч. χαλά, χαλως – 'хороший'.

КЛЁВЫЙ-1, -ая, -ое. Хороший, добрый, сильный, красивый и подобные положительные признаки. Клёвый лашёнок. Хорший ребенок. Б., М. Н.-греч. χαλά, χαλως.

Клёвый-2, -ая, -ое. 1. Добрый. 2. Ласковый. Б-У. Н.-греч. χαλά, χαλως – 'хороший'.

Костёр, -а, м. Город У-К, Б-У, Т2. Греч. χάστρος – 'крепость', 'город'.

Костерскóй, -ая, -ое. Городской У-К, Б-У, Т2. См. **Костёр**.

Кресмоκóсальщик, -а, м. Мясник У-К, Б-У, Т2. Н.-греч. хρέας 'мясо' + арготизм, цыг. или греч. хопτω – 'бью'.

Кресмохвóй, -я, м. Мясоед У-К, Б-У, Т2. Н.-греч. хρέας 'мясо' + арготизм хвоить – 'ест', 'кушать'.

Кресьмó, -а, ср. Мясо У-К, Б-У, Т2. – Н.-греч. хρέας – 'мясо'.

КРЯСОБРЯЙНИК, а, м. Мясоед. М. Греч. хρέας 'мясо' + арготизм бряить – 'есть', 'принимать пищу'.

Кулénьдеканов (числ.). Семьдесят У-К, Б-У, Т2. Из арготизма кулень – 'семь' + греч. δέχα + 'десять'.

КУРАСÓ, а, ср. Мясо. М. Н.-греч. *χρέας* – 'мясо'.

Ласе, ср. ст. Меньше Б-У. См. **ЛÁСО-1**.

Ласенький авлэк. Дитя, ребёнок У-К, Б-У, Т2. См. **ЛÁСО-1**.

Ласенький, -ая, -ое. Маленький У-К, Б-У, Т2. См. **ЛÁСО-1**.

ЛÁСЕНЬКИЙ, ая, ое. Маленький. М., См. **ЛАСО-1**.

ЛÁСО-1 (нар). Мало М. Греч. *λάσο* (нар.). **ЛÁСО** – 'мало'. М. и др. Греч. *ελάχιστος* – 'меньший' (ср. степ. от *ὀλίγος* – 'немногий', *λίγο* – 'мало' греч. *ελάχιστος* – 'меньший' (ср. степ. от *ласо*).

Лáсо-2. (нар.). Мало У-К, Б-У, Т2. См. **ЛÁСО-1**. Ср. греч *λίγο* – 'мало'.

ЛÁСЫЙ, -ая, -ое. Ребёнок, мальчик, подросток М. Ср. **ЛАСО-1**.

Лáсый, -ая, -ое. Малый У-К, Б-У, Т2. См. **ЛÁСО-1**.

ЛАЩЁНОК, а, м. Ребёнок, мальчик, подросток М. См. **ЛАСО-1**, **ЛАСЫЙ**.

ЛАЩÍНА, ы, м. Парень, юноша М. См. **ЛÁСО-1**.

ЛАЩÍТЬ, нсв. Играть М. Вероятно, глагол мотивирован арготизмами **ЛАСЫЙ**, **ЛАЩЁНОК**.

ЛÓКУС, а, м. Волк М. Греч. *λύκος* – 'волк'.

ЛЫ́КУС, а, м. Волк М. Из греч. *λύκος* – 'волк'.

Лытýк, -а, м. Волк Т2. См. **ЛЫ́КУС**. От греч. *λύκος* – 'волк'.

Мáре (мест.). Мы Т1. Облик слова и его семантика «выдают» общеизвестное слово-арготизм *Мас* – я, сам, имеющимся в У-К и Б-У). Замена фонемы в слове «мас» на *р* – «**мар**» отмечается в регионе Среднего Поволжья лишь в арго с. Теньковки, входившей ранее в состав Старомайнского р-на Ульяновской обл. См. **МАС-1**, **Мас-2**, **Мáре**.

Марóвский, (мест.). 1. Наш 2. Свой У-К, Б-У, Т2. См. **Мáре**.

Марýнскому (мест.). Мне Б-У. См. **Мáре**. См. **МАС-1**, **Мáре**.

МАС-1, Я, говорящий Б, М. Греч. *μας, ήμας* «нас» (вин. п. ед. ч. от *ἐγώ* «я»).

Мас-2. Я, говорящий У-К, Б-У, Т2.

См. **МАС-1**.

МАСÓВСКИЙ, -ая, -ое. Мой. Лóх масóвский утемлél. Мужик мой умер. М. См. **Мас-1**.

МАСÓВ, а, мест. Мой. М., См. **Мас-1**.

МАСЫ́ГА, и, мест. и в знач. сущ. Я, сам, говорящий. М. Масы́га дякнóл. Я дал – См. **Мас-1**.

МАСЫ́, ов. Мы. Похляйте к масам, у масóв рýха не лáса, про вшítшных мия́шит. Заходите к нам, у нас изба не мала, для всех хватит. М. См. **МАС-1**.

Мítень, -ня, м. Нос У-К, Б-У, Т2. Н.-греч. *η μύτη* – 'нос'.

НАХИРЁЖНИКИ, ов, мн. Рукавицы Б. – Н.-греч. *χέρι* – 'рука'.

Незétить, -чу -ишь (нсв). Молчать У-К, Б-У, Т2. – Греч. *ξετω < ζητω* – 'прошу'.

Незетун, -а, м. Немой У-К, Б-У, Т2. Греч. ξετω < ζητω – 'прошу'.

НЕКЛЁВЫШ, -ая, -ое. Плохой; ср. М. См. **Клёвый**-1.

Окёриться, -юсь, -ишься. Опробовать У-К, Б-У, Т2. Греч. хερνω – 'лить вино'.

Окпéннадцать (числ.) – Пятнадцать У-К, Б-У, Т2; Греч. πέντε – 'пять' + рус. 'надцать'.

Окпéнный – Пятый У-К, Б-У, Т2. См. **Окпéнь**.

Окпéнь – Пять У-К, Б-У, Т2. Греч. πέντε – 'пять'.

Окпéнь стивах – пять копеек, пятак У-К, Б-У, Т2; Греч. πέντε – 'пять' + арг. стивóха – копейка'.

Окпéньбут – Пятьсот, Полтысячи У-К, Б-У, Т2. Греч. πέντε + бут – 'сто', 'сотня'.

Охпéннадцать – 15 копеек Т1. Греч. πέντε 'пять' + рус. 'надцать'.

Омéля, -и, м. Мёд Т1 Греч. μέλι – 'мёд'.

ОТСТЕХНУТЬ, ну, ешь. Отстать. М. В основе - Н.-греч. στέχω – 'стою'.

ОФЕНСКИЙ, -ая, -ое. Название условно-профессиотального языка торговцев, ремесленников и нищихэ Офénский ялмáн. Офенский язык. М., Б. С. См. **Офéня**.

ОФÉНЯ, и, м., Торговец-отходник, коробейник, торговец иконами. Б., М.

В основе арготических слов с этим корнем, скорее всего, Греч. θεός – 'бог'.

Переáлчить, -у, -ишь. Пересолить У-К, Б-У, Т2. Н.-греч. άλας, άλάτι – 'соль', 'солить'. См. **Алáсть**.

Плешня́, -и, ж. Баня Б-У, Т2. Из греч. πλένω, πλύνω – 'мою', 'моюсь'.

Подкасéвич, -а, м. Дьякон Т1. См. **Кас**.

Подякнúть, -у, -ешь. Подать Т2.

Позétить, -у, -ишь. Поговорить У-К, Б-У, Т2. См. **Зетить**.

По-масóвски (нареч.). По-своему, как у масов, т.е. у офеней. У-К, Б-У, Т2 См. **МАС**, **МАСОВСКИЙ**.

Призét, -а, м. Приговор У-К, Б-У, Т2. Не восходит ли зетить – смотреть к русск. зенко, зенок – зрачок, глаз? Показательно, что зетить со значением 'смотреть' отмечается, главным образом, в городских условных арго (г. Кашин, Углич, Одоев и др.), испытавших некоторое влияние со стороны воровского жаргона (ср. воровское зетить – 'стеречь', 'зорко глядеть'). Слова же с корнем зет в значении 'говорить' распространены в сельских вариантах арго. См. **Зетить**.

Призétить, -у, -ишь. Приговорить У-К, Б-У, Т2. См. **Зетить**.

Пропúлить, -ю, -ишь. 1. Продать; 2. Торговать У-К, Б-У, Т2. Н.-греч. πουλώ – 'продаю'.

Пропúльщик, -а, м. Приказчик У-К, Б-У, Т2. Н.-греч. πουλώ 'продаю'.

Пропу́ля, -и, ж. Продажа У-К, Б-У, Т2. Н.-греч. πουλώ – 'продаю'.
ПСА́ЛА, ы, ж. См.Алась! См. Салка.
Роззётчик, -а, м. Рассказчик Б-У (ср. зетунщик, см. зётить). См. зетить. Н.-греч. φάρι – 'рыба'.
Сáлкный, -ая, -ое. Рыбный У-К, Б-У, Т2. Из греч. φάρι – 'рыба'.
Салы́жить, -у, -ишь (нсв). Солить У-К, Б-У, Т2. Ср. греч. φάρι, 'рыба'
Севра́ть, -аю, -ешь (нсв). 1.Знать; 2.Понимать У-К, Б-У, Т2. Греч. ξεύρω – 'понимаю'.
Склимо́ха, -и, ж. 1.Любовница; 2.Развратная женщина Т2. Н.-греч. ό κλέΦτης вор. κλέΦτρα – 'воровка'.
Состы́чить, -чу, -ишь. Составить Т1. Н.-греч. στέχω – 'стою'.
Стрембут, числ. Триста У-К, Б-У, Т2. [нет ударения] Греч. τρεις, τρι α – 'три'.
Стрёмдеканов, числ. Тридцать У-К, Б-У, Т2. (греч. второй элемент). См. стрем, См. декан. τρεις, τρι α.
Стрёммáр, -а, м. Трёхгривенный У-К, Б-У, Т2.
Стремы́жнадцать, числ. Тринадцать У-К, Б-У, Т2.
Стреемы́жница. Тройка У2. Греч τρεις, τρι α 1.
Стремыжный. 1. Три У2. 2. Стремыжный. 1. Три У2. Греч τρεις, τρι α.
Сты́чить, -у, -ишь. Ставить У-К, Б-У, Т2. Н.-греч. στέχω – 'стою'.
Сулмáрь, -я, м. Хлеб У-К, Т2. Н.-греч Греч., Н.-греч. φωμί – 'хлеб', φωμάι – 'булочка' + Сумáрник, -а, м. Амбар Т1.
Сумáк, -а, м. Хлеб Б-У. Греч., Н.-греч. φωμί – 'хлеб', φωμάι – 'булочка' + Сумáрник, -а, м. Амбар Т1.
Тисёрмар, числ. Сорок Т1., Греч, τέσσερα – 'четыре'.
Тисерный, числ. Четвёртый Т1.
Устрéга, -и, ж. Дорога Т2 (ср. ширóга). Н.-греч. СТРАТА.
Хезó, -а, ср. Навоз Б-У, Т2. Из греч. χέζω 'испражняюсь'.
Ходáра, **ходóрница**, офен. блр. Ходýрка укр. ходáрка, хвидéрка и др. – 'нога'. Греч. ποδάροι – 'ноги', мн. от ποδι арготизм освоен через контаминацию со словом *ходить*.

Библиографический список

- 1 Бондалетов, В. Д. Сравнительно-типологическое изучение социальных диалектов (на материале славянских и других индоевропейских языков) / В. Д. Бондалетов // Actes du X-e cönnGRES International des Linguistes ; Bucarest, 28 VIII-2 IX 1967. Bucarest. Ed. de L'Acad. de la Répub. Soc. de Roumanie, 1969. I. – P. 655–657.
2. Бондалетов, В. Д. Иноязычные заимствования в русских арго : учеб. пособие к спецкурсу / науч. ред. д-р филол. наук Л. И. Скворцов / В. Д. Бондалетов. – Куйбышев : Куйбыш. пед. ин-т, 1990. – 114 с.

3. Бондалетов, В. Д. Греческие заимствования в русских, украинских, белорусских и польских аргос (К проблеме генезиса и контактирования социальных диалектов славянских языков) / В. Д. Бондалетов // *Этимология* - 1980. – М. : Наука, 1982. – С. 64–79.

4. Бондалетов, В. Д. Условные языки русских ремесленников и торговцев. Словопроизводство / В. Д. Бондалетов ; под ред. и с предисл. чл.-кор. АН СССР Ф. П. Филина. – Рязань : Рязан. пед. ин-т, 1980. – 104 с.

5. Бондалетов, В. Д. Греческие элементы в условных языках русских торговцев и ремесленников / В. Д. Бондалетов // *Этимологические исследования по русскому языку*. – М. : Изд-во МГУ, 1972. – Вып. 7. – С. 19–62.

6. Бондалетов, В. Д. Условные языки русских ремесленников и торговцев / В. Д. Бондалетов ; с предисл. и под ред. чл.-кор. АН СССР Ф. П. Филина. – Рязань : Рязан. пед. ин-т, 1974. – Вып. 1: Условные языки как особый тип социальных диалектов – 110 с.

А. П. Василенко
(г. Брянск, Россия)

ХЛЕБ ВЕЗДЕ ХОРОШ – И У НАС, И ЗА МОРЕМ (О РУССКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ С КОМПОНЕНТОМ ХЛЕБ)

Компонентный состав фразеологизма наталкивает на мысль о том, что мотивационная основа устойчивого оборота формируется под воздействием многих факторов экстралингвистического характера. «Фразеологический состав языка – это зеркало, в котором...» идентифицируется «...национальное самосознание» [Телия, 1996, с. 9]. Общеизвестно, что уклад жизни, экономическая ситуация региона, политическая подоплёка напрямую влияют на создание лингвистических единиц, которые становятся инструментарием в ходе общения между представителями отдельно взятого этноса.

Иначе дело обстоит с этими же устойчивыми конструкциями, когда их изучение переходит на почву межкультурного восприятия, когда они номинируют одну и ту же ситуацию, – ведь именно национальное видение порождает в языке ряд номинативных блоков, которые присутствуют в одном сообществе, но отсутствуют в другом. В этой связи разберём компонент «хлеб» на примерах французских и русских фразеологизмов.

Общеизвестно, что хлеб – это выпечка из муки. Хлеб – основной продукт питания, заглавный элемент в пищевом коде культуры. Хлеб обладает сакральным значением (ср., например, русскую пословицу *Хлеб – всему голова* или французскую *qui a du pain nargue le chagrin* (букв.: кто имеет хлеб, высмеивает печаль)). Издавна хлеб считался основой рациона человека. На Руси подавали хлеб с солью как олицетво-

рение богатства и благополучия семьи. Люди верили, что хлеб является источником жизненной силы, что, употребляя его, можно стать сильнее и выносливее. Для народа – хлеб является ценным, необходимым для существования продуктом питания во все времена, главным продуктом на любом столе.

Значение слова «хлеб» можно трактовать по-разному, но, чаще всего, это немотивированное ‘еда’ либо мотивированное ‘заработок’. Также стоит отметить и религиозную коннотацию данной языковой единицы (см., например, русское *хлеб наш насущный*).

Рассмотрение же компонента «хлеб» в составе устойчивых оборотов русского и французского языка даёт возможность говорить о том, что наблюдается, в первую очередь, идентичность реализации денотативного значения искомого хлеб в межнациональном восприятии. Так, можно выделить следующие одинаковые фразеосемантические (тематические) объединения (об этом [Кириллова, 1986, с. 54–63]), которые усматриваются в разных языках: пища, доход, человеческие качества. Идентифицируем эти группы и приведём примеры сплошным списком, при этом делая акцент на количественную составляющую оборотов в языке.

ПИЩА – является неотъемлемой составляющей в поддержании жизненного статуса любого организма.

Приведём примеры из французского языка (здесь и далее примеры французских фразеологизмов приводятся по [Новый Большой французско-русский фразеологический словарь, 2005, с. 1126–1129]): *pain azyme; pain bénit; pain du roi; au pain du roi; pain de singe; rompre le pain avec; tout pain est saint à qui a faim*. Примеры фразеологизмов в русском языке (здесь и далее примеры русских фразеологизмов приводятся по [Фразеологический словарь русского языка, 2003, с. 311], [Фразеологический словарь русского языка, 1986, с. 506–507]): *кусоч хлеба; хлебное дерево; хлеб-соль*.

ДОХОД – наличие / отсутствие объектов материального или духовного характера, придающие человеку некоторый статус существования в обществе.

Обороты французского языка: *c'est du pain bien dur; pain quotidien; donnez-nous notre pain quotidien; pain du ciel; pain de fesse (blanc, frais, des Jules); avoir son pain cuit (assuré); avoir du pain (cuit) sur la planche (se trouver avec du pain sur la planche); demander son pain; enlever (ôter, retirer) le pain de la bouche (ôter le pain de la main); gagner son pain; manger (de) plus d'un pain; ne pas manger de ce pain (-là); manger le pain de (manger du pain d'un autre); chercher son pain; gagner son pain (sa vie) à la sueur de son front (de son corps); pain coupé n'a pas (point) de maître; il y a là un (bon) pain à manger; pain tendre et bois vert mettent la maison au désert; mendier son pain (sa vie); avoir le pain et le*

couteau; c'est pain bénit; à mal enfourner on fait des (les) pains cornus; tremper son pain de (или dans ses) larmes; emprunter (prendre) un pain sur la fournée.

Обороты русского языка: *и то хлеб; хлеб насущный; с хлеба на квас перебиваться; садиться на хлеб и воду.*

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ КАЧЕСТВА – особенности поведения человека, его внутренний мир.

Обороты французского языка: *aimer le pain tout cuit; tel pain, telle soupe; savoir (plus que) son pain manger; mettre qn au pain sec; mettre à qn le pain à la main; s'ôter le pain de la bouche pour qn; partager le pain et le sel de l'amitié; pleurer le pain qu'on mange; manger son pain dans sa (la) poche (dans son sac); défendre son pain; du pain et des jeux; donner plus de pain que de beurre; pain dur.*

Обороты русского языка: *даром есть хлеб; есть чужой хлеб; забывать хлеб-соль; обивать хлеб; хлебом не корми; пойти на хлеба; на хлебах; Хлеб да соль!*

Таким образом, рассмотренный компонент «хлеб» в составе фразеологических единиц французского и русского языков показывает, что преобладающими фразеосемантическими (тематическими) объединениями являются Пища, Доход, Человеческий качества. Однако можно назвать и другие группы, как то: Ценность, Поступок, Состояние.

Кроме того, отмечается и такая особенность компонента «хлеб»: во французском языке он существенно представлен в количественном отношении, нежели, чем в русском. Стоит полагать, что вряд ли речь идет о доминирующей роли хлеба в жизни французов (если брать в расчет гастрономические интересы этого народа).

При детальном рассмотрении приведенного списка фразеологизмов нетрудно заметить, что русские обороты с компонентом «хлеб» в большей степени количественно ограничены в знаковом выражении одного и того же денотата, во французском же языке – наоборот: количественное многообразие оборотов, следует предположить, продиктовано широким синонимическим представлением одного и того же денотата посредством разных лингвистических знаков (фразеологизмов и его компонентов), что, вероятно, и приводит к количественной избыточности однотипных структур.

Библиографический список

1. Кириллова, Н. Н. Сопоставительная фразеология романских языков / Н. Н. Кириллова. – Л., 1986. – С. 54–63.
2. Новый Большой французско-русский фразеологический словарь / В. Г. Гак, Л. А. Мурадова и др. ; под ред. В. Г. Гака. – М. : Рус. яз. ; Медиа, 2005. – С. 1126–1129.

3. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – С. 9.

4. Фразеологический словарь русского языка / сост.: А. Н. Тихонов, А. Г. Ломов, Л. А. Ломова. – М. : Высш. шк., 2003. – С. 311.

5. Фразеологический словарь русского языка: Свыше 4 000 словарных статей / Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Фёдоров ; под ред. А. И. Молоткова. – 4-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 1986. – С. 506–507.

Л. Б. Гурьянова
(г. Пенза, Россия)

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В «ДНЕВНИКАХ» С. А. ТОЛСТОЙ: ПЕРСОНАЛИИ, ФОРМЫ И ВАРИАНТЫ

Дневник как один из жанров мемуарной литературы в последнее время широко изучается: рассматривается его типологическая специфика, жанрово-стилистические особенности, отличие дневника писателя от дневника рядового человека и т.д.

«Дневник – форма повествования, ведущегося от первого лица в виде подневных записей. Обычно такие записи не ретроспективны – они современны описываемым событиям. Наиболее определённо дневники выступают как жанровая разновидность художественной прозы и как автобиографические записи реальных лиц», – считает известный литературовед М. О. Чудакова [Чудакова, 1964, с. 707].

По мнению литературоведов, для дневника характерна датированность, периодичность ведения; автор может приводить разговоры, документальные свидетельства людей, выдержки из писем и т.д. Для их создателя важно точное указание времени, места, участников, исторической обстановки. Как правило, наряду с описанием событий присутствуют эмоции, которые испытывает автор дневника, отсюда субъективность времени и пространства. Безусловно, дневники носят интимный характер, в них автор откровенен, искренен, исповедален.

Известно, что автором дневниковых записей была жена Льва Николаевича Толстого – Софья Андреевна Толстая (Берс). Она вела их на протяжении всех 48 лет брака. Выйдя в восемнадцать лет за тридцатичетырёхлетнего графа Льва Николаевича Толстого, она прямо перед свадьбой прочитала по настоянию мужа его дневник, который он вёл с 18 лет. Возможно, это событие повлияло на её желание подробно описывать свою жизнь.

Мы не так много знаем о Софье Андреевне Толстой, считая её женщиной, которая целиком растворилась в своём гениальном муже. Между тем, она получила хорошее домашнее образование, сдала экза-

мен на звание домашней учительницы в Московском университете, писала сказки, рассказы, повести, увлекалась музыкой, знала иностранные языки, занималась фотографией. Кроме того, она оставила воспоминания о Л. Н. Толстом, помогала переписывать его произведения, переводила их на иностранные языки, была его секретарём и издателем.

В «Дневнике» С. А. Толстой содержатся интереснейшие сведения об эпохе, различных событиях, фактах из жизни людей, окружавших Л. Н. Толстого. В них упоминается свыше 520 имен собственных, принадлежавших членам семьи, родным, друзьям, гостям дома, современникам писателя, среди которых выдающиеся деятели литературы и искусства, последователи Л. Н. Толстого и его противники и др.

Безусловно, чаще других Софья Андреевна упоминает Л. Н. Толстого. Для неё он и любимый муж, и отец её детей, и великий русский писатель. Она использует разные формы, когда хочет написать о нём: *Левочка (А Левочка, отличный какой. Я чувствую, что я во всем кругом виновата, и я боюсь показать ему, что я грустная, знаю, как этой глупой тоскою мужьям надоедают); Л. (Он гадок мне со своим народом. Я чувствую, что или я, то есть я, пока представительница семьи, или народ с горячей любовью к нему Л.); Лева (Лева или стар, или несчастлив. Неужели, кроме дел денежных, хозяйственных, винокуренных, ничего и ничто его не занимает?); Лев Николаевич (Вчера приезжал познакомиться со Львом Николаевичем актер Андреев-Бурлак); Л. Н. (Л. Н. ездил навестить Марию Александровну Шмидт в Овсянникове, я гуляла с Дорой по купальной дороге, потом одна, в саду); Лев Ник. (Приехали Чертков и Гольденвейзер. Пришел Николаев, который, по-видимому, очень раздражает Льва Ник.).*

Выбор формы имени мог быть связан с разными периодами жизни, непростыми отношениями между супругами, настроением, но очевидно, что всю свою жизнь она любила этого человека и служила ему.

В «Дневниках» упоминается эпизод, связанный с И. В. Цветаевым. Между ними произошел конфликт, так как, по мнению Софьи Андреевны, он недооценил гениального писателя: *И так я уехала, прибавив, что, если я и сержусь, то потому, что слишком высоко ценю все то, что касается Льва Николаевича, что я тоже Львица, жена Льва, и сумею показать свои когти при случае.*

За время брака Софья Андреевна родила тринадцать детей, которых называли следующими именами: Сергей, Татьяна, Илья, Лев, Мария, Пётр, Николай, Варвара, Андрей, Михаил, Алексей, Александра, Иван. В «Дневниках» она постоянно пишет о них, рассказывает об их увлечениях, успехах, болезнях.

Чаще всего, упоминая о детях, Софья Андреевна называет их полными именами, хотя может использовать и уменьшительные фор-

мы: 22 мая неожиданно родился сын **Илья**. Я ждала его в середине июня; С рождением **Илюши** мы с ним (Л. Н. Толстой) живем по разным комнатам...

Исключение сделано для любимого сына Ивана. Только один раз она использует форму Ваня (**Ваня** и **Саша** плясали и вообще прояснилось общее настроение), в остальных случаях – форму Ванечка (*Водила гулять **Ванечку** в первый раз зимой*). Тоска по сыну, умершему в семилетнем возрасте, будет постоянно сопровождать безутешную мать на протяжении всей жизни: *Потом мысли перешли к умершим. ...Особенно ясно мне представлялся худенький **Ванечка** в постельке, когда после молитвы, всегда почти прочитанной в моем присутствии, он уютно свертывался в маленький, худенький комочек и, блаженно улыбаясь мне, укладывался спать. Помню, как мне мучительно было, глядя его спинку, ощущать под рукой его тоненькие косточки.*

Мы ни разу не встречаем объяснений, почему детям дали то или иное имя. В отдельных случаях автору «Дневников» приходится уточнять, о ком идёт речь. Так, один из сыновей был, видимо, назван в честь отца, поэтому на страницах дневника встречаются разные формы одного и того же имени: (*Все разошлись, остались мы с **Львом Николаевичем** и **Левой** и сидели до второго часа ночи. Рассказы были удивительно хороши, и **Левочка** так смеялся, что нам с **Левой** стало жутко*) или используется приложение (*26-го **Левочка-муж** уехал с дочерьми в Данковский уезд, к Ивану Ивановичу Раевскому в имение Бегичевка, а 25-го **Лева-сын** уехал в Самарскую губернию в село Петровку*).

Особые чувства Софья Андреевна испытывала к внукам, именно поэтому, рассказывая о них, она чаще всего употребляет уменьшительные формы их имён: *Одна моя дорогая внучка, **Танюшка**, прислала мне поздравление с картиночкой...; Была мне и радость сегодня – приехали мои милые внуки: сначала **Сонюшка** и **Илюшок** с матерью, а позднее Лева, Лина и Миша приехали из Чифировки и привезли **Ванечку** и **Танечку**; Приехала внучка **Леночка**, с русской учительницей; Л. Н. все за корректурой 20-й главы. Сегодня он ездил с **Анночкой**, внучкой, в Румянцевский музей, показывал ей картины и этнографический отдел, восковые куклы в русских костюмах по губерниям.*

Нередко в одной и той же записи полная форма имен внуков соседствует с уменьшительной: *Ездила с Варварой Михайловной в Таптыково. Ольга (первая жена сына Андрюши) и ее дети, моя тетка, внучка **София Андреевна** и **Илюшок** – были очень со мной добры и ласковы...*

Формы обращения к внукам могли быть разнообразны: *Таня с внучкой **Танечкой** и Микой сели ко мне в пролетку и немного проводили меня; Играла с миленькими детками Танечкой и Микушкой. Та-*

нюшка говорит: «Я бабушку люблю больше всех на свете!» Ходили гулять, грибы собирали, рыжики и валвянки, с детьми весело; Сегодня просто жарко, ясно, вернулось лето. Ходила с детьми **Таней** и Лелей в лес, очень устала.

Формы имён могут меняться в зависимости от речевой ситуации. Так, рассказывая о рождении внука, Софья Андреевна использует полную форму имени, а впоследствии – уменьшительно-ласкательную: Родился сын у Доры в 12 часов 45 минут. Как она, бедная, страдала, как умоляла отца о чем-то, горловым, молодым голосом, громко болтая по-шведски. Лева был очень с ней нежен, бодрил ее, а она так хорошо, любовно к нему относилась, прижималась, как будто прося разделить ее страдания. И он разделил, так нормально, хорошо родился этот маленький **Лев**; Ходила в тот дом к Доре и Лева и наслаждалась миленьким, симпатичным шестимесячным внуком **Левушкой**.

Внуки назывались и по отчеству, когда Софья Андреевна хотела подчеркнуть, кто их отец: Живут у нас уже две недели внуки **Ильичи**, а мы на них радуемся и умиляемся.

Уменьшительная форма имени используется, если автор дневника хочет рассказать о маленьких детях или молодых родственниках: Но зато как мило и ласково встретили меня эти пятилетние детки – внучка Танечка и ее приятель – **Микушка** Сухотин; Когда ушел Гольденвейзер, мы с **Варей** попробовали сыграть «Трагическую симфонию» Шуберта; и как начали, так уже не оторвались. Играли мы больше вдохновением, а не умением, откуда, что бралось. Мы обе были в восторге. Милая, чуткая, талантливая и сочувствующая всему хорошему **Варенька**.

Родственников детского возраста было так много, что для племянниц, дочерей сестры Марии Николаевны Вари и Лизы, было придуман общее прозвище Зефироты: Левочка стал часто порываться в Тулу, стала являться потребность видеть больше людей. У меня иногда тоже, но не людей вообще, а Таню, **Зефиротов**, мамá, папá.

Одним из самых близких людей для Софьи Андреевны была сестра Татьяна Андреевна Кузминская (Берс). В «Дневниках» мы находим воспоминания о днях, проведенных в родительском доме, периодах разлуки и встречи. Она называет её по-разному: Татьяна (Погода отличная, время вообще располагающее хорошо, а меня что-то точит. Бывало, с **Татьяной** хорошо мы понимали, что такое весна, лето, вместе наслаждались, и как-то весело нам было...) или Таня (Я так люблю молодых вообще, а еще таких милых, как **Таня**, в особенностях). Известно, что в семье Берсов её ещё называли Татьянкой, вот что писал Льву Николаевичу его тесть: «Насчет **Татьянки** делайте, как знаете, но вы вряд ли удержите ее от разных безумств» [Шляхов, 2011, с. 212]. Однако такой формы имени мы не встречаем в дневниках С. А. Толстой.

Автор «Дневников» может использовать разнообразные формы имени, если речь заходит о близких людях. К ним относятся знакомая семьи Толстых Мария Алексеевна Маклакова (*Была с **Марусей Маклаковой** на периодической выставке картин, и хотя мало хороших, но я люблю искусство*); сестра близкого друга Л. Н. Толстого Мария Александровна Стахович (*С утра суета: заехала милая **Маня Стахович**...*); жена приятеля сыновей Л. Н. Толстого Мария Дмитриевна Колокольцева (*Заходила и в Конюшки, узнать, приехала ли Варенька или **Маша Колокольцева**, но никого нет*).

В отдельных случаях использование формы имени – возможность дифференцировать людей, названных одинаково.

Так, в «Дневниках» С. А. Толстой упоминается 27 женщин, носящих имя Мария, поэтому можно сделать вывод о его популярности в то время. Среди них родственницы семьи Толстых: первая жена Сергея Львовича Толстого Мария Константиновна, которую в семье звали Маня (*Соня Мамонова показала мне сегодня фото-графический портрет сына двухмесячного **Мани** и Сережи*); вторая жена Сергея Львовича Мария Николаевна, которую в семье называли Маша (*Приехали Вера Нагорнова и **Маша Толстая-невестка***); Мария Николаевна, родная сестра Л. Н. Толстого, которую в семье называли и полным именем (*Очень добра была еще сестра **Мария Николаевна**...*), и использовали форму Машенька (*Письмо писано под впечатлением музыки (мелодии Шуберта), которой занималась тогда сестра Л. Н. **Машенька**, заката солнца и религиозных размышлений*), либо уточняли родственные отношения (*В Туле с золовкой **Марией Николаевной** весь день*); жена Сергея Николаевича Толстого Мария Михайловна, цыганка, которую в семье звали Маша (*Приехала Верочка Толстая и **Маша** за деньгами для брата Сережи*).

Не менее распространенным среди окружения С. А. Толстой было и имя Софья, его носили 16 женщин, упоминаемых в «Дневнике».

Среди них жена князя Н. С. Щербатова, председателя Исторического музея: *На другой день я отправилась к князю Щербатову, который тоже выразил удовольствие, что я намерена отдать на хранение в Исторический музей рукописи и вещи Толстого. Милая его жена, княгиня **Софья Александровна**, урожденная графиня Апраксина, и очень маленькая дочь Маруся.*

Нередко встречается указание на титул, а не на имя человека. Так, приятельницу Софьи Андреевны, жену московского вице-губернатора В. М. Голицына, звали Софья Николаевна, однако в тексте дневников её называют по фамилии, указывая при этом титул: *Утром неудачные визиты, вечером толпа гостей: Нарышкины, Ермолова, княгиня **Голицына**, граф Соллогуб, Стахович, Олсуфьев, мальчики, Свербеева и проч.*

В дневниковых записях Софья Андреевна старается как можно подробней рассказать о тех людях, с которыми ей приходилось встречаться в жизни. Если это женщины, то нередко упоминается статус, фамилия до замужества, род занятий: *Утром читала корректуру. Потом пошла навестить **Офросимову (Столыпину)** и узнала, что она благополучно родила сына еще 31 января; Была у меня на днях **княгиня Цертелева, рожденная Лавровская, певица**. Она потеряла единственного двадцатидвухлетнего сына, и мы много говорили о безысходности горя.*

Чаще производной формой от имени Софья являлась форма Соня: *Колокольцева Таня, Лева, Саша и **Соня Колокольцева** ходили кататься на коньках; Вчера с **Соней Мамоновой** и сегодня с Маклаковым пришли к одному и тому же: счастье случайно и его мало. Хотя в некоторых случаях использовалась и форма Софья: **Лев Николаевич затеял с *Софьей Михайловной* разговор о детях вообще; Были две милые Масловы: Анна и **Софья Ивановна**.***

Для автора «Дневников» неважно, как назвать человека — по имени и фамилии или только по фамилии: *Вечером приятно разговаривала с молодой девушкой, **Соней Кашкиной**; Таня ездила с **Треповой** смотреть «Чайку».*

В «Дневниках» С. А. Толстой встречаются неофициальные и устаревшие формы личных имён.

Брата тещи Ильи Львовича звали Владимир Николаевич Философов, однако в текстах дневников он упоминается как Вака (*Вечером все играли в теннис: **Илья, Андрюша, Лев Николаевич и Вака Философов***).

Знакомый Толстых Юрий Александрович Нарышкин был известен как Юша (*Дом весь полон: приехала невестка Соня с двумя мальчиками, **Андрюшей и Мишей**, живет Таня с мужем и пасынком; Юлия Ивановна Игумнова, Сережа, Миша. Вчера происходило два романа: Миша с Линой, которая вчера в первый раз провела у нас в доме весь день, милая, серьезная девушка; и Саша, влюбленная в **Юшу Нарышкина***). Кроме того, Юшей называли в семье Толстых и ученика композитора С. И. Танеева Юрия Николаевича Померанцева (*Пришел Саша Берс, Данилевский, дядя Костя, **Юша Померанцев**, Сергей Иванович — стало совсем весело*).

Племянницу С. А. Толстой Елизавету Александровну Берс в семье звали Веточкой: *Утром, не одеваясь, начала копировать фотографии Саши с **Веточкой**...; Потом проводила **Веточку** и ее отца и села за корректуры. Близкого друга Л. Н. Толстого Дмитрия Дмитриевича Оболенского Софья Андреевна называла Миташей: *Приехали и гости: **Потапенко, Сергеенко, князь Волконский, Михаил Стахович, Миташа Оболенский**, князь Ухтомский, Муромцева с Гольденвейзером и проч., и проч.**

Иногда форма имени не совпадала с общепринятыми нормами. Так, Анну Константиновну Черткову именуют Галей (*Потом приехала **Галя Черткова** и пришли супруги Николаевы*); жену Михаила Львовича Александру Владимировну в семье было принято называть Линой (*Радость у нас та, что у Миши и **Лины** родился 10-го сын Иван*), хотя формы Галя и Лина не являются производными от имён Анна и Александра.

Среди знакомых и родных Толстых бытовал обычай называть друг друга на иностранный манер. Марию Александровну Болдыреву принято было назвать Мэри: *Приехали скорым в Москву. Опять теснота в вагонах. Ехали: Лев Николаевич, я, Саша, Таня, Маруся Маклакова. Села к нам миленькая **Мэри Болдырева**. Также называли пианистку Марию Леонидовну Урусову (*Сегодня в «Новом времени» поразительное известие о смерти **Мэри Урусовой**. Ей было всего 25 лет, было в ней что-то особенное, артистическое, музыкальное и нежное*).*

Переписчицу и секретаря Л. Н. Толстого Юлию Ивановну Игумнову называли то Юлия Ивановна (*Дома сегодня опять тяжело: песни Сулержицкого под громкий аккомпанемент Сережи, крикливый, мучительный голос Булыгина, хохот бессмысленный Саши, **Юлии Ивановны** и Марьи Васильевны – все это ужас!*), то Жюли (*Приехала поздно Соня, болтали с Таней, **Жюли (Игумновой)** и Соней и легли около двух часов ночи*).

Дочь Дмитрия Дмитриевича Оболенского, друга Л. Н. Толстого, Елизавету Дмитриевну Оболенскую называли Лили (*Были еще Таня, Лева, Вера Петровна с **Лили Оболенской** и я*).

Фрейлину двора Софью Александровну Стахович упоминают в тексте дневников как Зосю (*Тут **Зося** и Маня **Стахович**, милые, живые девушки*).

На протяжении жизни форма имени того или иного человека могла меняться, например, Софья Андреевна сначала уважительно относилась к своей невестке Доре Толстой, урожденной Вестерлунд, жене Льва Львовича: *Обедать и ужинать ходили в благоустроенный, чистый и светлый флигель **Доры** и Левы*. Позднее уважение переросло в привязанность, что отразилось на форме имени: *Получила от Сухотина телеграмму, что они все приезжают в Крым на зиму. Рада, что Таня еще поживет с нами, рада, что Саше подруга, и **Дорик** миленький, и Алю я теперь полюбила*.

Таким образом, «Дневники» Софьи Андреевны Толстой содержат не только богатейший материал, дополняющий наше представление о жизни и творчестве Льва Николаевича Толстого, но и представляют интерес как ономастический источник, раскрывающий основные тенденции именника XIX в.

Библиографический список

1. Толстая, С. А. Дневники. 1862–1910 / С. А. Толстая. – М. : Захаров, 2017.
2. Чудакова, М. Дневник / М. Чудакова // Краткая литературная энциклопедия : в 7 т. / под ред. А. А. Суркова. – М., 1964. – Т. 2.
3. Шляхов, А. Лев Толстой и жена / А. Шляхов. – М. : АСТ : Астрель : Владимир : ВКТ, 2011.

В. И. Казарина
(г. Елец, Россия)

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ И ОСНОВАНИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СУБМОДУСА «УВЕРЕННОСТЬ» В «ДНЕВНИКЕ» Т. Л. СУХОТИНОЙ-ТОЛСТОЙ

1. Субмодус «Уверенность» является компонентом модуса достоверности, под которым понимается модальная оценка информативного компонента высказывания с точки зрения степени её достоверности, исходящая от модального субъекта. Модус наслаивается на предикативную модальность высказывания, «перекрывая» её модальные характеристики, представленные глагольным наклонением [Ляпон, 1990, с. 303] и модальными модификаторами, располагающимися на предикативной оси, «образуя в модальной иерархии высказывания квалификацию "последней инстанции"» [Ляпон, 1990, с. 303] и совместно с модальным субъектом формируя внешнюю модальную рамку [Касевич, 1988, с. 723], III ранг модальной системы [Ломтев, 2007, с. 99].

В отечественной лингвистике модальность достоверности рассматривается как разновидность субъективной модальности [Грамматика, 1970, с. 545; Русская корпусная], её «вторым субъективным аспектом» [Золотова, 1973, с. 148]. Выделяется она в особую персуазивную модальность [Арутюнян, 2016; Панфилов, 1977, с. 39], определяемую как «оценка говорящим объективного содержания предложения со стороны его достоверности или недостоверности» [Современный русский, 1981, с. 478].

Основой оценки достоверности информативного (пропозиционного) содержания или одного из его компонентов являются знания и опыт модального субъекта, полнота этих знаний и их характер. Приобретение знаний, их полнота и владение материалом носит ступенчатый характер, определяющий уровень знания говорящего и тем самым степень достоверности сообщаемого: простую, проблематическую, категорическую [Панфилов, 1971, с. 187; Панфилов, 1977, с. 41]. В структуре высказывания оценку достоверности пропозиции или одного из её компонентов маркируют вводные конструкции, располагающиеся

в высказывании, но не входящие в его позиционную схему [Ломтев, 2006, с. 118]. История изучения вводных конструкций с позиций их семантики и функции в тексте высказывания восходит к работе В. В. Виноградова «О категории модальности и модальных словах в русском языке» [Виноградов, 1975, с. 53–87]. Когнитивно-прагматический аспект субъективной модальности, его структурообразующая функция стали объектом изучения Е. Ю. Донсковой [Донскова, 2016, с. 103–106]. Достоверность и формируемое ею поле, представленное микро-полями вероятности и истинности, описывает Е. И. Беляева [Беляева, 1990, с. 157–170].

Предметом нашего исследования явился субмодус полной уверенности и способы его объективации в «Дневнике» Т. Л. Сухотиной-Толстой. Актуальность обращения к данному материалу видим в том, что он позволяет исследовать один из аспектов индивидуально-авторской картины объективного мира в её субъективном отражении, обуславливающим один из компонентов идиостиля автора.

В работе учтены словарные дефиниции модальных модификаторов, условия контекста, структура оцениваемой ситуации, её характер.

Ситуацию модальной оценки представляет модальный субъект, её объект и основания оценки. Модальным субъектом является говорящий. Объектом – события или его участники, формирующие пропозициональное содержание высказывания. Основанием оценки уверенности может явиться результат рассуждения, основанного на имеющихся знаниях – основе предположения или умозаключения, информации, полученной в результате чувственных восприятий, ранее приобретенном знании, – или свидетельствах, полученных от источника.

2. Материал исследования представлен сплошной выборкой ≈ 120 высказываний из дневниковых записей Т. Л. Толстой, включающих вводные конструкции – маркеры модуса уверенности.

Место модификаторов фиксировано: как правило, в начале высказывания, предикативной единицы сложного предложения или в позиции относительно предикатива, давая модальную оценку всему пропозициональному содержанию. Реже в дневниковых записях модификатор расположен перед непредикативным компонентом позиционной схемы (реже), утверждая истинность одного из участников пропозиции. Ср.: *Но я отвыкну от этого* (кокетничать. – В. К.)! **Конечно**, *ничего этого бы не осталось, если бы я полюбила кого-нибудь, или если бы я вышла замуж, но и теперь этого не должно быть; И это – не считая тех людей, которые работают на наш дом, включая, конечно, меня, как лакеи, кучера, горничные и т.д.*

Уверенность с учётом основания модальной оценки дифференцируется на достоверность, определяемую личностными качествами модального субъекта, и достоверность, исходящую от говорящего как лица, оценивающего ситуацию, или иного источника.

2.1. Уверенность в достоверности высказываемого, назовем её полной уверенностью – это уверенность, не вызывающая сомнения, истинная уверенность. Маркерами субмодуса полной уверенности в нашем материале являются модификаторы *в самом деле, действительно, конечно, несомненно, правда, право, собственно говоря*. Доминантой ряда является лексема *конечно*, в содержательной структуре которой сема ‘без сомнения’, ‘несомненно’, представленная > 50 % нашей картотеки. Единичны высказывания с конструкциями *в самом деле* с семой ‘действительность’ и *собственно говоря* с семой ‘сущность, действительность’: *Мы приехали с Козловки все в унынии и отчаянии. В самом деле, это ужасно. И все эти несчастные, наверное, очень мало из них, а то и никто, не были приготовлены к смерти; Спрашивал (попутчик. – В. К.) меня, в каких отношениях Софья Андреевна с Александрой Львовной, и сказал, что он, собственно говоря, на стороне Черткова с Александрой Львовной*. Стилистически окрашены лексемы *право* (разг.) и *несомненно* (оттенок книжн.). В семном составе лексемы *конечно* наличествует семы «уверенность», «истинность», «категоричность». Семема *правда* включает сему «отсутствие сомнения».

Основанием оценки полной (истинной) уверенности служит прежде всего следствие (вывод) логических рассуждений, основанных на приобретенных ранее знаниях модального субъекта. Это основание отмечено в функционировании всех модификаторов: *Моя живопись спасительная меня всегда может всю поглотить. Конечно, и для этого в Москве лучше: в мою милую Школу ездил как-то точно по обязанности, а дома – хочу рисую, хочу нет, и заставить себя сесть за работу труднее; У меня было чувство, когда я входила в кухню, как будто я выхожу на сцену, и, действительно, все это – комедия и очень мучительна; Да, несомненно, хорошая музыка имеет хорошее влияние, но это не искупается всеми теми огромными жертвами, которые для нее приносятся; Лопухин говорит, что я – в ударе, и правда, я никогда, т.е. давно, не чувствовала себя такой веселой, здоровой и так up to tish (анг.: на многое способной. – В. К.), как в последнее время; Право, я очень счастлива и могла бы быть еще более, если бы была лучше, разумнее, строже к себе и вообще умнее*.

Уверенность в достоверности оцениваемого, маркируемая модификаторами *конечно, действительно, право*, сделана на основании непосредственного восприятия ситуации:

слухового: *"Знаете, – я уезжаю". – "Да? Куда?" – "В деревню". – "Bon voyage" {Счастливого пути! (франц.)}. Я сказала это очень спокойно, и он как будто удивился и огорчился. "Вам все равно, конечно?!"*; *Была я на одном его заседании в Художественном клубе. Правда, говорилось в этот день о материальных вопросах, о том, как*

сосредоточить те пожертвования, которые были сделаны в связи с именем Толстого, в одно место и какое употребление им сделать;

*зрительного: Из молодых людей, кроме Кислинского, **конечно**, никого ещё не видала, а желала бы видеть моих двух любимых: М. Мансурова и Мецкерского; **Право**, когда я посмотрю, как эти все девушки работают, мне стыдно делается, что я такая лентяйка, а все-таки я по пяти и по шести часов в день занимаюсь; Когда я пришла, он из другой комнаты мне сказал: «Не испугайтесь меня, Татьяна Львовна». И **действительно**, если бы он не предупредил меня, то я не могла бы не выразить тяжелого впечатления, которое он на меня произвел: на костылях, от этого очень поднятые плечи, лицо изрытое оспой и отпущенная борода;*

*впечатления от прочитанного: Первое чувство, которое охватило меня по получении вашего письма, было, **конечно**, грусть от сознания потери милой хорошей старушки, которую я любил и уважал и которую я надеялся увидеть летом в Кочетах.*

*Утверждение отрицательной оценки ситуации может быть вызвано занятостью субъекта предикации, отвлекающей его внимание, его увлечённостью чем-либо: Мне плакать хочется. Папа играет вальсы и, **конечно**, не подозревает того, что разворотил мою душу воспоминаниями, которые вдруг нахлынули при знакомых звуках вальса. 138.*

*Субмодусу `полная уверенность` в достоверности излагаемого, маркируемая модификаторами конечно, несомненно, право, соответствуют вывод, полученный в результате наблюдения, и личные впечатления модального субъекта: Теперь она (Маша) лежит одна в своей комнате, мамá, **конечно**, не идёт к ней, потому что все равно Маша не послушается ни одного совета и с досадой будет отвечать ей; Вчера, слушая музыку, думала, что музыка, **несомненно**, размягчает душу и что она во мне никогда дурных чувств не возбуждала; Я не ожидала, что я так его (Саню) люблю, я думала, что он будет мне как игрушка, но вот я сейчас вспомнила его милое личико и его нежность ко мне, и я плачу. **Право**, наши привязанности столько нам горя приносят! Но всё-таки жизнь лучше с ними, чем без них.*

*Уверенность, основанная на владении ситуацией, выявлена при речевой реализации модификаторов конечно, право: На это мама мне сказала, что мы зимой поедem в Петербург на неделю. Тогда, **конечно**, я решилась оставаться. Ведь я там его увижу, но чем это кончится?; Я так свободна, так... (я чуть не написала "так умна"), но, **право**, все мысли так ясны, я могу заниматься музыкой, живописью, – чудо как хорошо! Хоть бы подольше так жить.*

2.2. Т. Л. Сухотина-Толстая, давая уверенную оценку сообщаемому, ссылается на своё мнение или впечатление о ситуации, а также на оценку, даваемую представителями социума.

Личное мнение как обоснование достоверности сообщаемого включает сему неуверенности в оценке ситуации, она воспринимается как достоверная с позиций автора и передается различными вводными конструкциями:

вводными словами: *Я сказала, что, **по-моему**, это наоборот и что, **по-моему**, жена не должна ставить границ, где может кончиться её послушание, а слушаться надо всегда и во всём, и только в этом случае может быть счастливое супружество; Я чувствую себя перед ним виноватой тем, что умолчала от него всё, что со мной происходило, но, **право**, для него же (отца) и для Жени, думаю, что так лучше; Во всяком случае, **надеюсь**, что этот урок послужит ему на пользу;*

вводной конструкцией, осложнённой семой предположения: *Была у Сони Мамоновой с Маней Рачинской и с Мишей. Ездил для того, чтобы уничтожить ту тень, которая, может быть, (в тексте без знака препинания) **только на мой взгляд**, легла между нами;*

безличным предложением: ***Мне кажется**, это происходит от того, что я слишком собой занята и в себе копаюсь ...;*

двусоставным предложением: *я думаю: Перед нашим отъездом собралась целая толпа цыганок, человек 30, **я думаю**, и плясали, и пели.*

Основанием уверенности в оценке пропозиционального содержания служит мнение не конкретизируемых представителей социума, представленное

специфической конструкцией, традиционно именуемой односоставной неопределенно личной: ***Говорят**, что эгоистом быть дурно; **Скажут**: сам не сделал, а от детей потребовал;*

вводной конструкцией с указанием источника оценки: ***По словам баб**, судили его самым незаконным образом; Он (Салли) отрицал и нарыв в легком, и гангрену и сказал, что, **по его мнению**, была одна эмпизма, которая прорвалась через бронхи, задела по дороге легкое;*

двусоставным предложением с конкретизируемым источником оценки: *Потом я привезла Соню к нам домой, она обедала и уехала рано вечером. Она очень выиграла – стала тише, серьезнее и, **как говорит её мать**, добрее; Мы столько сил, мыслей, чувств тратим друг на друга, что, правда, **как он пишет**, это грешно.*

Модификаторы уверенности, объективируя субмодус в положении начала высказывания, выполняют и структурообразующую функцию текста, выражая синтаксические отношения между высказываниями:

уступительно-противительные: *Я этому приглашению на бал не слишком обрадовалась. **Конечно**, мне было бы ужасно досадно, если бы я на нём не была, и мне, наверно, будет очень весело, но я на него не слишком стремлюсь;*

уточнение сказанного: *Можно только сказать, что его проект не обеспечивает уравнения состояния всех людей. **Конечно**, нет: бу-*

дут всегда люди ловкие, способные и работающие, и другие – неуклюжие, недогадливые и ленивые, и первые будут богаче вторых; Я не ожидала, что я так его (Саню) полюблю, я думала, что он будет мне как игрушка, но вот я сейчас вспомнила его милое личико и его нежность ко мне, и я плачу. **Право**, наши привязанности столько нам горя приносят! Но всё-таки жизнь лучше с ними, чем без них; **Правда**, что это уже много: я сделалась, мне кажется, лучше, и не для него, а просто потому, что поняв, что такое любовь, нельзя её не распространять на других.

добавочную информацию: Сегодня говорила об этом (о сплетне. – В. К.) с Иваном Ивановичем. Он об этом слышал и хотел с papà об этом поговорить. **Конечно**, он не верит и ужасно огорчился тому, что во мне могла быть тень сомнения.

присоединительные отношения: Наконец я от них ушла в кабинет, и к моему ужасу, я там увидела Машеньку Щербатову: девица, которую я очень недолюбливаю, тем более что она влюблена в Ваничку и это вовсе не скрывает. А он иногда из жалости за ней ухаживает. Я села около неё (Машеньки). **Конечно**, сейчас же прилетел Ваничка;

отношения тождества: «Как, говорит, если мазурку хорошо танцует, значит, никуда не годится». **По-моему**, тоже.

Резюме.

Объективация субмодуса «Уверенность» в дневниковых записях Т. Л. Сухотиной-Толстой основана на знаниях субъекта, результатах непосредственного личного наблюдения и восприятия ситуации, владении оцениваемой ситуацией, а также оценке, основанной на уверенности как самого автора записок, так и отдельных представителей социума.

Одной из специфических черт «Дневника» считаем функционирование лексемы *конечно* – свидетельства безоговорочной уверенности в истинности сообщаемой информации.

Библиографический список

1. Арутюнян, И. Ю. Категория персуазивности: принципы определения и подходы / И. Ю. Арутюнян // Новая наука. Проблемы и перспективы. – Уфа, 2016. – С. 13–17.
2. Беляева, Е. И. Достоверность / Е. И. Беляева // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Л., 1990. – С. 157–170.
3. Виноградов, В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке / В. В. Виноградов // В. В. Виноградов. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М., 1975. – С. 53–87.
4. Грамматика современного русского литературного языка. – М., 1970. – С. 545.
5. Донскова, Е. Ю. Субъективная модальность как маркер идиостиля: когнитивно-прагматический аспект / Е. Ю. Донскова // Новая наука. – Уфа, 2016. – С. 103–106.

6. Золотова, Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г. А. Золотова. – М., 1973. – С. 148.
7. Касевич, В. Б. Семантика. Синтаксис. Морфология / В. Б. Касевич. – М., 1988. – URL: <http://www.twirpx.com/file/471848/> (вход 25.06.2013).
8. Ляпон, М. В. Модальность / М. В. Ляпон // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 303.
9. Ломтев, Т. П. Основы синтаксиса современного русского языка / Т. П. Ломтев. – М., 2006. – С. 118.
10. Ломтев, Т. П. Предложение и его грамматические категории / Т. П. Ломтев. – М., 2007. – С. 99.
11. Панфилов, В. З. Взаимоотношение языка и мышления / В. З. Панфилов. – М. : Наука, 1971. – С. 187.
12. Панфилов, В. З. Категория модальности и ее роль в конструировании структуры предложения / В. З. Панфилов // Вопросы языкознания. – 1977. – № 4. – С. 37–49.
13. Русская корпусная грамматика. – URL: <http://rusgram.ru/node/59> (вход 15.08.2017).
14. Современный русский язык / под ред. В.А. Белошапковой. – М., 1981. – С. 478.

Г. К. Касимова
(г. Пенза, Россия)

О ТИПАХ ДЕРИВАЦИИ В СТРУКТУРЕ МНОГОЗНАЧНОГО СЛОВА

Структура многозначного слова представляет собой сложную организацию, строение которого детерминировано различными источниками. Многочисленные лингвистические изыскания убедительно показывают системную организацию лексической системы языка, в которой каждая лексическая единица занимает вполне определённое место в своей иерархии в соответствии с имеющимися у неё характеристиками. Знаменательное слово, содержащее несколько значений, расходится по различным семантическим группам, что свидетельствует о тесной взаимосвязанности отдельных участков лексической системы языка.

Так же, как и в лексике, характеризующейся системными отношениями, в структуре многозначного слова представлена определённая иерархия отдельных значений (ЛСВ), которые соединены друг с другом определёнными связями.

При рассмотрении процессов словообразования изначально учёными выделялись такие типы деривации, как лексическая и синтаксическая. Как известно, при синтаксической деривации производное отличается от производящего частеречной принадлежностью, сохраняя в полном или частичном объёме семантику мотивирующего. При лек-

сической же деривации семантика производного отличается от семантики производящего. Эти виды деривации, рассмотренные Е. Куриловичем, были приняты за основу во многих изысканиях лингвистов [Курилович, 1962, с. 57–70]. Тем не менее безоговорочного принятия взглядов польского учёного на типы деривации в лингвистике не наблюдается. Наряду с этими типами выделяется семантическая деривация, при которой «наблюдаются семантические изменения в структуре слова, приводящие к возникновению *новых лексико-семантических вариантов* в рамках полисемии» [Пименова, 2012, с. 133]. Участие в процессах лексической и синтаксической деривации словообразовательных формантов совершенно не умаляет значимости семантической деривации, при которой новое значение в структуре полисеманта формируется без участия деривационных средств, а напротив, свидетельствует о семантическом развитии слова за счёт его собственных ресурсов [Марков, 2001, с. 136].

Объектом нашего внимания являются имена существительные, мотивированные глаголами, в частности, многозначные имена действия.

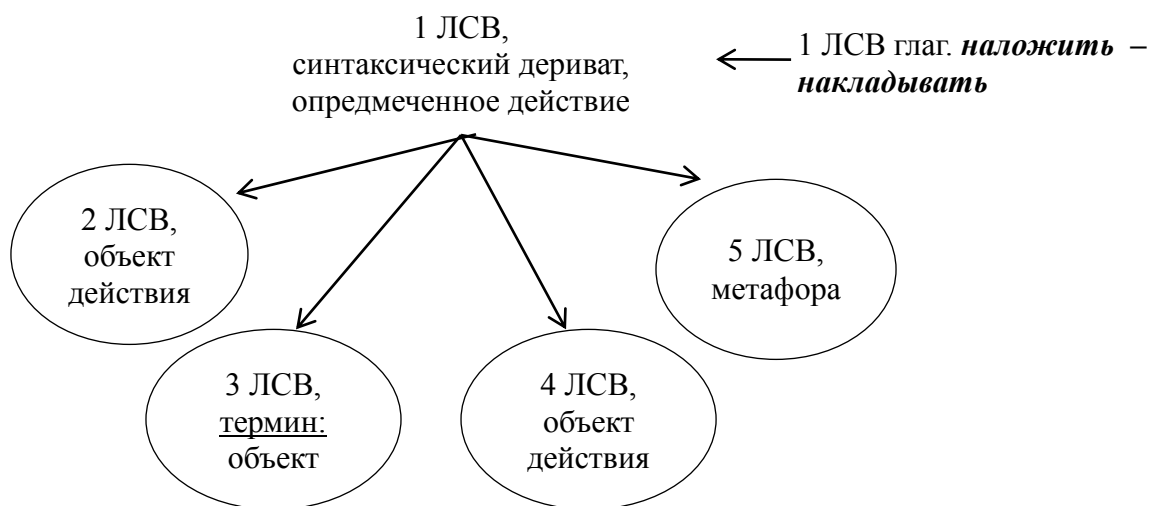
Наличие в структуре лексического значения *nomina actionis* вторичных номинаций предполагает поиск источников многозначности и выявление типов полисемии в семантической парадигме девербативов, которые, как показывает анализ, обусловлены, в первую очередь, семантической структурой мотивирующего глагола.

В нашем исследовании структура многозначного слова предстает как разнообразные сочетания различных типов деривации: синтаксической, лексической, семантической. Анализ *nomina actionis* показывает, что в структуре имен действия исходное значение предстает синтаксическим дериватом. Будучи номинализацией действия, оно выступает источником вторичных номинаций с различными значениями, которые формируются в большей части случаев в процессе семантической деривации путём различных переносов, чаще метонимических. Иная картина наблюдается у *nomina agentis*: исходное значение таких существительных образуется в процессе лексической деривации, производные значения формируются в результате семантического развития слова (структура таких существительных в данном исследовании не рассматривается).

На примере имени действия **накладка** рассмотрим структуру многозначного девербатива, которая в зависимости от источника мотивации может быть представлена различными способами.

НАКЛАДКА

Семантическая парадигма лексического значения (ЛЗ) девербатива **накладка** включает 5 ЛСВ, мотивирующий глагол **наложить** (**накладывать**) – 6 ЛСВ. При семантическом подходе структура ЛЗ девербатива **накладка** на схеме выглядит следующим образом:

1-й ЛСВ девербатива **накладка** выражает транспозиционное значение опредмеченного действия по мотивирующему глаголу: *Действие по глаг. накладывать.* (см. наложить в 1 знач.): **Наложить. 1.** Положить сверху, поверх чего-л. *Наложить кальку на чертеж.* □ *Взяв из шкафа платок, Вилларский наложил его на глаза Пьеру и завязал узлом сзади.* Л. Толстой, *Война и мир.* || Положив на что-л., приделать, прикрепить. *Матросы наложили временные заплаты на пробоины.* Первенцев, *Валька с торпедной «девятки».* [*Ребята*] *наложили на петлю тяжёлую перекладину и повесили замок.* Гайдар, *Тимур и его команда.*

Вобрав в себя семантику мотиватора, 1-й ЛСВ деривата предстаёт номинализацией действия, от которого в процессе актуализации объектных компонентов путем метонимических переносов 2, 3 и 4-й ЛСВ. 5-й ЛСВ выражает метафорическое значение:

2-й ЛСВ выражает значение объекта действия: Изделие из чужих волос (локоны, валик и т.п.), добавляемое к причёске; шиньон. *На голове [Стриженого] накладка, которую он зачесывает остатками волос сзади и с боков.* Салтыков-Щедрин, *Пошехонская старина.* *У окна за пальцами сидели: с одной стороны дочь Дарьи – Михайловны, а с другой m-lle Boncourt – гувернантка, старая и сухая дева лет шестидесяти, с накладкой черных волос под разноцветным чепцом.* Тургенев, *Рудин.*

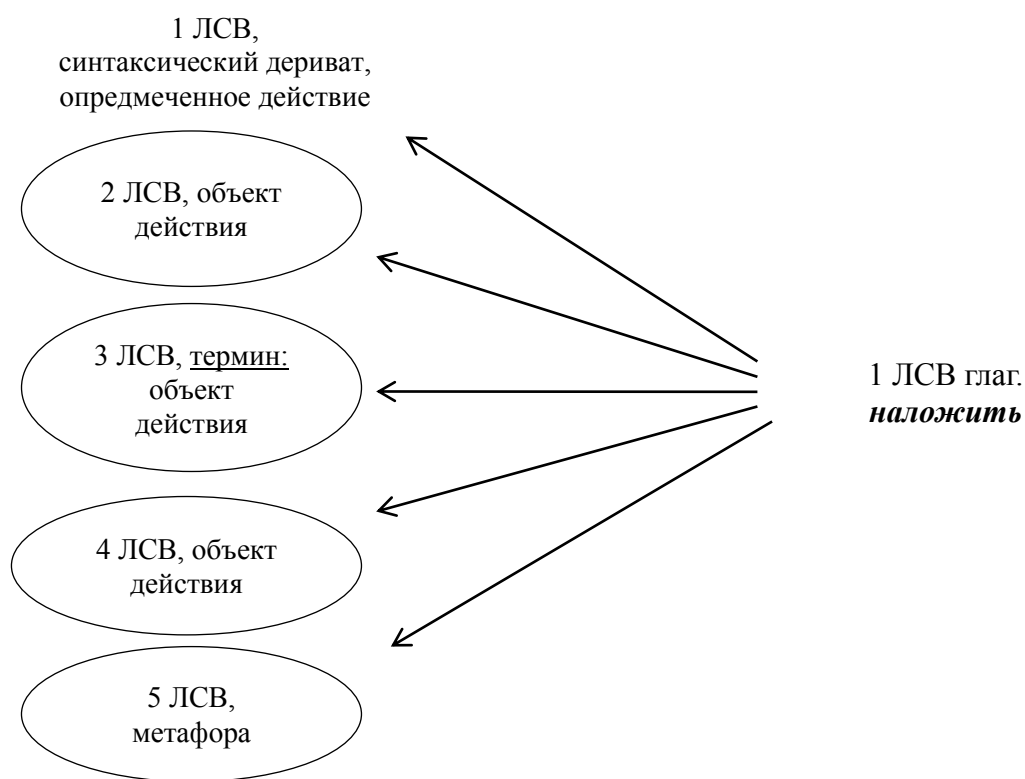
3-й ЛСВ относится к специальной лексике и также имеет значение объекта действия: *Спец.* Деталь, накладываемая на что-л., прикрывающая собой что-л. *Ствольная накладка. Накладка на гусеницы трактора.*

4-й ЛСВ так же, как и 2-й и 3-й, характеризуется объектным значением: Металлическая планка с прорезным отверстием, надеваемая на пробой для висячего замка. *Глухо звякнула железная накладка, огромный замок щелкнул пружиной.* Неверов, *Преступники.*

5-й ЛСВ выражает метафорическое значение и образован путём функционального переноса: *Прост.* Промах, неудача, неполадка. –

Накладка вышла, – пояснил Бомбардов. – Что значит это слово? – Накладкой на нашем языке называется всякая путаница, которая происходит на сцене. Актёр вдруг в тексте ошибается, или занавес не вовремя закроют. Булгаков, Театральный роман.

Структура ЛЗ девербатива **накладка** сформирована по радиальному типу полисемии. В процессе деривации производных значений актуализируются объектные компоненты семантических валентностей производящей базы (*накладывать что-либо / накладка чего-либо*), которые способствуют образованию вторичных номинаций с наращенным значением, каждый из которых характеризует определенный артефакт, являющийся результатом мотивирующего действия. В семантической парадигме деривата представлено сочетание синтаксической (1-ЛСВ) и семантической (2–5-й ЛСВ) деривации.

Формирование девербативов подобной структуры можно рассмотреть и с другой стороны: структура слова может быть мотивирована непосредственно глаголом, и в этом случае мы можем говорить о сочетании синтаксической (1-й ЛСВ) и лексической деривации (2–5-й ЛСВ), что влечет за собой и сочетание разных словообразовательных моделей. Так, по отношению к 1-му ЛСВ представлена модель «опредмеченное действие, названное мотивирующим глаголом», а по отношению к вторичным номинациям – «объект действия (с различными модификациями), названный мотивирующим глаголом». Многозначность деривата, в частности, его предметные наименования, вы-

стует как «следствие многократной деривации от одного и того же производящего с помощью одной и той же словообразовательной модели» [Соболева, 1980, с. 89].

Аналогичное сочетание двух типов деривации характерно и для других девербативов: *разработка, проклейка, оценка, отметка, обёртка, подвеска, закрутка, переработка, лежка, постройка, закалка, завязка* и мн. др. В отличие от девербатива *накладка*, в их структуре, также сформированной по радиальному типу полисемии, представлены и другие метонимические и метафорические значения: место, способ, средство, орудие, время действия, детерминированные семантикой мотивирующего глагола, в частности, актуализацией соответствующих компонентов его синтаксической структуры.

Исследование многозначных существительных показало, что структура их лексических значений формируется различными путями, при этом процессуальные, транспозиционные, значения являются результатом синтаксической деривации, а производные, номинативные, значения формируются в процессах либо семантической, либо лексической деривации.

Библиографический список

1. Курилович, Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая / Е. Курилович // Е. Курилович. Очерки по лингвистике. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1962. – С. 57–70.
2. Марков, В. М. О семантическом способе образования слов / В. М. Марков // В. М. Марков. Избранные работы по русскому языку / под ред. проф. Г. А. Николаева. – Казань : ДАС, 2001. – С. 135–143.
3. Пименова, М. Вас. Семантическая деривация и синкретизм / М. Вас. Пименова // Учёные записки Казанского университета. Гуманитарные науки. – 2012. – Т. 154. – Кн. 5. – С. 133–136.
4. Соболева, П. А. Словообразовательная полисемия и омонимия / П. А. Соболева. – М. : Наука, 1980.

Е. А. Лобанкина
(г. Пенза, Россия)

ТЕМАТИЧЕСКОЕ РАЗНООБРАЗИЕ АФОРИЗМОВ А. В. СУВОРОВА

Афоризмами принято называть краткие, глубокие по содержанию и законченные в смысловом отношении суждения, принадлежащие определённому автору и заключённые в образную, легко запоминающуюся форму [Федоренко, Сокольская, 1990, с. 50]. Тематика афоризмов весьма разнообразна, на ней лежит отпечаток породившей

её эпохи, отражается характер исторических условий, в которых она возникает и развивается. Иногда она освещает философские вопросы, иногда имеет политическое содержание, часто трактует этические проблемы или касается жизненно бытовых ситуаций. Фактически она охватывает все сферы человеческого бытия и деятельности, существенно влияя на них, а нередко и на ход исторических событий. Воспитательная роль афоризмов неоспорима: они расширяют мир духовных запросов людей и формируют их моральные убеждения. Предельная экономия слов, глубина семантики, яркая образность делают афоризмы стилистическими шедеврами, которые, обогащая искусство риторики, становятся действенным средством в борьбе с однообразием человеческой речи.

А. В. Аммер проводит параллель между смысловой функцией афоризмов и следующими видами ситуаций, в которых проявляется характер связей между объектами окружающей действительности и их свойствами: 1) свойство объекта проявляется при определённых условиях; 2) свойство присуще объекту независимо от обстоятельств; 3) явления окружающей действительности противопоставляются вследствие наличия у них разных свойств; 4) свойство присуще нескольким объектам действительности, что их объединяет [Аммер, 2005, с. 62].

Функция афоризмов не ограничивается простой передачей мысли автора. В любом афористическом высказывании реализуется эстетическая функция, основная цель которой – воздействие на адресата.

Мастером создания афоризмов по праву можно считать великого русского полководца А. В. Суворова, афористическое наследие которого и в настоящее время даёт исследователям обширную перспективу для изучения его биографии и творчества. Афоризмы генералиссимуса – щедрый историографический источник, позволяющий прочувствовать быт и дух русского воина 18 века. Афористичность присуща произведениям А. В. Суворова. Наиболее ярко эта сторона языка выражена в его «Науке побеждать». Афоризмами в приказах и диспозициях закреплялись в сознании подчинённых боевые правила и распоряжения полководца.

Анализ афористических высказываний А. В. Суворова позволил выделить пять тематических групп.

1. Нравственные ценности и нравственные пороки человека.

Данная тематическая группа включает 87 высказываний, посвящённых различным человеческим качествам. Большое значение А. В. Суворов придаёт **добродетели**. Именно в ней он видит первооснову для других положительных свойств человека, что находит отражение в афоризмах: *Без добродетели нет ни славы, ни чести; Добро делать спешить должно*. По мнению А. В. Суворова, добродетель не всегда находит поддержку в обществе: *Добродетель всегда гонима*.

Мерилом всех человеческих поступков А. В. Суворов считает **совесть**, поэтому в афористическом наследии есть высказывания об этой способности человека оценивать свои действия: *Совесть есть светило внутреннее, закрытое, которое освещает самого человека и речёт ему голосом тихим без звука; трогая нежно душу, приводит её в чувство и, следуя за человеком везде, не даёт ему пощады ни в коем случае; Дорожите совестью своей: да не упрекнёт она вас в том, что вы были сопутниками утеснителей веры и прав народных. Бегите от лжеучителей.*

Немало афоризмов великий полководец посвятил такой нравственной ценности, как **правда**. Он ценил истинную правду, искренность в отношениях и поступках: *Я люблю правду без украшений; Люби истинную славу! Истина – благосклонна одному достоинству.*

Величайшей ценностью для А. В. Суворова является **дружба**. О том, что лежит в её основе, полководец писал так: *Искренность отношений, правда в общении – вот дружба; Сам погибай – товарища выручай; Таинство одно твёрдой связи достойных друзей – уметь прощать недоразумения и просвещать неотложно в недостатках.*

Для А. В. Суворова **труд** является удовольствием: *Преодолевши какой ни на есть труд, человек чувствует удовольствие.* Полководец твёрдо убеждён, что человек должен сам приучать себя к труду: *Приучайся к неустойчивой деятельности. Трудолюбивая душа должна быть занята своим ремеслом, и частые упражнения для нее столь же живительны, как обычные упражнения для тела.* Полководец выступает против бездействия, пассивности человека, против праздного образа жизни: *Стоянием города не берут; Праздность – корень всему злу, особливо военному человеку; Праздность есть мать скуки и всех пороков.*

А. В. Суворов говорит в афоризмах не только о нравственных ценностях, но и о нравственных пороках человека, к которым прежде всего относит **лесть**: *Лестец гордый и безнаказанный – величайший злодей; Никогда не позволяйте лестоцам осаждать вас: давайте почувствовать, что вы не любите ни похвал, ни низостей.*

Данные изречения отражают человеческие достоинства, актуальные в любое время и в любую эпоху.

2. Военная тактика.

Афоризмы данной тематической группы, включающей 62 высказывания, отражают правила ведения боя. Именно в этих афоризмах показаны основные «заветы» военных побед А. В. Суворова. Высказывания полководца содержат прямые **указания** к конкретным действиям: *В баталии полевой три атаки: первая в крыло, которое послабее. В середину нехорошо – самого сожмут. Атака всеми силами в обход хороша только для малого корпуса.*

Важнейшим преимуществом на войне А. В. Суворов считал **скорость**: В осадах времени не терять... *Всего лучше открытый итурм. Тут меньше потери; Должно стремиться к одной главной точке и забывать о ретиреде. Натиск и удары решают битву, и приступ предпочтительнее осады.*

При этом полководец чётко выделял основные **понятия военной тактики**: *Дисциплина – мать победы! Быстрота и натиск – душа настоящей войны; Воевать не числом, а умением. Три воинских искусства: первое – глазомер, второе – быстрота, третье – натиск. Не меньше оружия поражать противника человеколюбием. Ничего – кроме наступательного.*

Среди афоризмов данной группы можно выделить изречения с прямой функцией воздействия, выраженной глаголами в форме повелительного наклонения. Высказывания характеризуются лаконичностью, эмоциональной насыщенностью: *Атакуй с чем пришёл! Коли, руби, гони, отрезывай, не упускай! Ура!; Братцы! Бей штыком, колоти прикладом! Безусловно, их назначение в поднятии боевого командного духа солдат: Взор! Быстрота! Победа! Покажи на деле, что ты русский! Шаг назад – смерть!*

А. В. Суворов в афоризмах запечатлел основные **ценности воинского призвания**: *Военные добродетели: для солдата – отважность, для офицера – храбрость, для генерала – мужество, руководствуемые началами порядка и дисциплины, управляемое бдительностью и предусмотрительностью.*

Довольно метко полководец отзывается о **ценности практических навыках ведения боя**: *Военной науке должно учиться на войне. Каждый театр войны есть новый. Жалок тот полководец, который по газетам ведёт войну. Есть и другие вещи, которые знать ему надобно. Никакой баталии в кабинете выиграть не можно.*

3. Воспитание военнoслужащих.

В афористических текстах А. В. Суворова описаны нравственные качества занятых в воинском деле людей, в зависимости от чинов и званий, направленных на сохранение не только жизни воина, но и его чести, достоинства, внутреннего настроя на победу. Так, полководец в своих изречениях уделяет внимание **солдатской чести**: *Без честолюбия, послушания и благонравия нет исправного солдата; Зри в части – семью, в начальнике – отца, в товарище – родного брата; Будь чистосердечен с друзьями своими, умерен в своих нуждах и бескорыстен в своих поступках; Ты присягал. Умирай за веру, царя и Отечество. Знамя защищай до последней капли крови; Обывателя не обижай: он нас поит и кормит. Солдат – не разбойник.*

Следует отметить, что к **солдатам** полководец всегда обращался с особым теплом, называл их «детьми», «чудо-богатырями», «братцами»: *Богатыри, неприятель от вас дрожит, да есть неприятель больше: проклятая немогузнайка, намек, загадка, лживка, лукавка,*

краснословка, краткомолвка, двуличка, вежлива... от немогузнайки было много беды.

Кроме того, выделяется группа афоризмов, обращённых к **офицерам и главнокомандующим**: *Необходимо, чтобы войска предводителя своего разумели; Научись повиноваться, прежде чем повелевать другими; Начальник на войне не должен себя ничем связывать, а поступать соответственно обстоятельствам и всегда быстро; От строгости до жестокости полсажени, пол-аршина, полвершка, пол-полвершка.*

В афоризмах данной группы отражены ценности солдатского и офицерского быта, которые полководец завещал особенно беречь, одна из таких ценностей – **здоровье**: *Богадельни первый день мягкая постель, второй день французская похлёбка, третий день её братец домовище к себе и тащит; Голод – лучшее лекарство; Здоровому – питьё, еда, больному же – воздух, питьё, еда.*

Наряду со здоровьем, генералисимус призывает солдат беречь **воинские ресурсы**, ценность которых трудно недооценить в разгар боевых действий: *Береги пулю на три дня, а иногда и на целую кампанию, когда негде взять; Ружьё, сухарь и ноги береги пуще глаза!*

4. Отношение к России и к русским.

В изречениях этой группы А. В. Суворов подчёркивает величие родной страны, силу духа и патриотизм русских людей: *Природа произвела Россию только одну. Она соперниц не имеет; Мы русские, мы всё одолеем; Россиянин отличается верой, верностью, рассудком; Кто любит Отечество, тот подаёт лучший пример любви к человечеству.*

В афоризмах о русских полководец подчёркивает **отвагу** воинов: *Покажи на деле, что ты русский!; Попробуйте сдвинуть этот камень. Не можете? Так и русские не могут отступить! Русак – не трусак.*

Известно, что с особым трепетом А. В. Суворов относился к **вере**. Воспитанный в семье с жёсткими православными традициями, он высоко ценил роль божественного провидения в судьбе России как христианского государства. *Велик Бог русский! Мы пойдём с ним по стезям древней славы!; Всемогущий Боже! Даруй, чтоб зло для России не открылось прежде 100 лет, но и тогда основание к сему будет вредно; Русский Бог силён. С Ним перелетим полётом богатырским, с Ним победим!*

Русский полководец беспредельно любил Россию, её православную культуру и характер русского народа, о чём часто напоминал солдатам: *Умирай за Дом Богородицы, за Матушку-Царицу, за Пресветлейший дом. Церковь Бога молит. Кто остался жив, тому честь и слава!*

Таким образом, А. В. Суворов умел находить место и сердечным словам, подкрепляющим не только боевой, но и человеческий дух воина.

5. Автоафоризмы.

Самому себе полководец посвятил 44 изречения. Тридцать раз употребляет генералиссимус местоимение первого лица «я», тем самым подчеркивая искреннюю позицию своих убеждений, передавая адресатам глубину собственных мыслей: *Я как раб умираю за Отечество и как космополит – за свет. Жду увольнения от Балтийских мирских сует; Я лучше прусского покойного короля. Я милостью Божией баталий не проигрывал! Честь моя мне всего дороже. Покровитель ей Бог; При дворе язык с намёками, догадками, недомолвками, двусмыслием. Я – грубый солдат – вовсе не отгадчик; Я – солдат, не знаю ни племени, ни рода. Поле – один мой элемент.*

Таким образом, анализ тематики афоризмов А. В. Суворова позволяет сделать вывод, что в коротких изречениях полководцу удалось не только запечатлеть подробные руководства к действию в условиях военных будней, но и отразить свои внутренние убеждение и принципы, базирующиеся на приоритетных человеческих ценностях, актуальных во все времена – чести, добродетели, человеколюбию.

До сих пор изречения великого русского полководца не теряют своей актуальности. Фразы, ставшие крылатыми, продолжают жить в русском языке, придавая особую экспрессию действиям и явлениям, характерным исключительно для национальных особенностей россиян.

Библиографический список

1. Аммер, А. В. Вербализация фрагмента концептосферы «морально-этические ценности» в афоризмах и пословицах и поговорках (на материале английского и русского языков) : дис. ... канд. филол. наук / Аммер А. В. – Воронеж, 2005. – 186 с.
2. Федоренко, Н. Т. Афористика / Н. Т. Федоренко, Л. И. Сокольская. – М. : Наука, 1990.

Н. Г. Максимова
(г. Пенза, Россия)

К ВОПРОСУ О ПОЛОЖЕНИИ СОВЕТИЗМОВ ЭПОХИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г. В ЛЕКСИЧЕСКОМ СТРОЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

В 2017 г. исполнилось 100 лет Октябрьской революции 1917 г. – одному из крупнейших политических событий XX в., повлиявшему на дальнейший ход всемирной истории. В результате революции началась Гражданская война, было свергнуто Временное правительство

и к власти пришли большевики. Существует широкий спектр оценок Октябрьской революции – от убеждённости в том, что она явилась национальной катастрофой, до признания её попыткой построения социализма как демократического строя социальной справедливости. Бесспорно влияние, оказанное Октябрьской революцией на самые разные сферы жизни общества, его и сейчас, спустя 100 лет, изучают не только историки, социологи, политологи, но и лингвисты, ведь в эпоху революционных преобразований самые разные разделы русского языка претерпели серьёзные изменения. В частности, существенно обновился лексический строй: многие слова стали историзмами, появилось большое количество неологизмов. Интересно узнать, какова судьба неологизмов эпохи Октябрьской революции 1917 г. в современном русском языке?

Неологизмы, появившиеся в русском языке после Октябрьской революции 1917 г., современные учёные-лингвисты предлагают именовать советизмами. Для настоящего наблюдения они были взяты нами из «Толкового словаря Совдепии» В. М. Мокиенко. Определяя временные рамки появления этих слов, мы рассматривали не только собственно дни Октябрьской революции, но и первые годы Советской власти (1917–1922 гг.), поскольку революция и коренные изменения в жизни государства и общества, которые она за собой повлекла, неотделимы друг от друга.

Методом сплошной выборки мы получили 261 лексему, связанную с событиями Октябрьской революции 1917 г. и/или явившуюся их прямым следствием. Условно их можно разделить на тематические группы:

- 1) лексемы, обозначающие новые учреждения, профессиональные объединения – 61 % от общего количества (*главвоздухофлот, комбед*);
- 2) лексемы, связанные с контрреволюционной деятельностью – 10 % от общего количества (*врангелевец, контра, махновщина*);
- 3) имена собственные, порождённые революцией – 8 % от общего количества (*Владилен* – от Владимир Ильич Ленин, *Октябрин*);
- 4) лексемы, обозначающие новые должности – 7 % от общего количества (*военком, комиссар, нарком*);
- 5) лексемы, связанные с революционной агитацией и пропагандой – 7 % от общего количества (*буревестник, колыбель, орлёнок*);
- 6) лексемы, обозначающие новые общественные процессы – 4 % от общего количества (*всеобуч, ликбез, уплотнение*);
- 7) лексемы, связанные с событиями революционных дней 1917 г. – 2 % от общего количества (*Аврора, Октябрь, советовластие*);
- 8) лексемы, обозначающие новые отношения в социуме – 0,4 % от общего количества (*гражданин, товарищ*).

Подавляющее большинство советизмов, появившихся в русском языке сразу же после Октябрьской революции 1917 г. и в первые годы Советской власти, с течением времени перешло в разряд историзмов. Сюда отнесём практически все наименования вновь организованных советских учреждений, объединений, постепенно сменивших свои названия. Следовательно, по-другому стали называться и должности служащих в данных учреждениях. Революция победила контрреволюционные формирования на всём пространстве Советского Союза, поэтому перестали быть актуальными названия их группировок и объединений. С годами сошла на нет мода называть детей именами-аббревиатурами, связанными с советской идеологией... Что же из лексики, порожденной Октябрьской революцией 1917 г., осталось в активном запасе современного русского языка?

Чтобы ответить на этот вопрос, мы обратились к «Толковому словарю русского языка с включением сведений о происхождении слов» Н. Ю. Шведовой и «Толковому словарю русского языка начала XXI в.» Г. Н. Скляревской. В них нами было обнаружено всего 40 советизмов, зафиксированных «Толковым словарём Совдепии» В. М. Мокиенко. То есть всего 15 % лексических единиц, порождённых событиями Октябрьской революции 1917 года, в современном русском языке продолжают быть актуальными, не вышли из активного словарного запаса.

Во-первых, это советизмы, непосредственно связанные с деятельностью коммунистической партии (*коммунизм, ленинец*), поскольку и на сегодняшний день в нашем государстве Коммунистическая партия Российской Федерации продолжает свою деятельность.

Во-вторых, по-прежнему достаточно активно россиянами используются обращения, вошедшие в обиход после установления советской власти, – *товарищ, гражданин*. Первое наиболее продуктивно в речи старшего поколения, второе активно употребляется в официально-деловой речи.

В-третьих, не вышли из активного словарного запаса современного русского языка и наименования должностей, появившихся в первые годы советской власти по наиболее продуктивной и любимой в тот период модели сложения частей слов, – *военком, завуч, завхоз*. Произошло это, по нашему мнению, в силу того, что должности были широко распространены, а сами лексемы звучны и понятны.

В-четвертых, сохранились в сфере активного употребления и наименования отдельных социальных процессов, ставших прямым следствием революции 1917 г. и установления советской власти, – *всеобуч, ликбез*. У названных лексем произошло расширение лексического значения. Так, в современном русском языке *всеобуч* – это не «всеобщее обязательное обучение», а «широкая пропаганда основ каких-н. знаний»; *ликбез* – это не «ликвидация безграмотности – массовые ме-

роприятия по обучению грамоте взрослых и подростков в послереволюционные годы», а «сообщение самых необходимых, начальных сведений о чём-н., обучение элементарным навыкам». Подобная ситуация, на наш взгляд, доказывает жизнеспособность советизмов, востребованность этой лексической категории современным русским языком.

Есть советизмы, претерпевшие сужение лексического значения. Например, согласно «Толковому словарю Совдепии» В. М. Мокиенко *буревестник* – это «символ приближающейся революции», а *орлёнок* – это «пионер-, комсомолец-герой революции, Гражданской войны». В современных толковых словарях данные значения не сохранились, поскольку, на наш взгляд, были частью революционной пропаганды, ставшей достоянием прошлого.

Наконец, интересно понаблюдать за трансформацией лексического значения отдельных советизмов. Так, слово *бывший* в словаре В. М. Мокиенко имело значение «о людях, утративших свое привилегированное положение», сохранило его и в словаре Н. Ю. Шведовой, а вот в словаре Г. Н. Складневской обрело значение «переставший существовать в связи с разрушением советского строя, Советского Союза». Указанная лексема сохраняется в активном словарном запасе современного русского языка, а трансформации лексических значений иллюстрируют изменения, происходившие в истории государства.

Таким образом, советизмы, появившиеся в русском языке как следствие событий революции 1917 г., в современном русском языке употребляются с разной степенью частотности и имеют разную актуальность.

Библиографический список

1. Валгина, Н. С. Современный русский язык / Н. С. Валгина. – М., 2002.
2. Ермакова, О. П. Жизнь российского города в лексике 30–40-х годов XX века / О. П. Ермакова. – М., 2011.
3. Мокиенко, В. М. Толковый словарь языка Совдепии / В. М. Мокиенко. – М., 2005.
4. Селищев, А. М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком (1917–1926) / А. М. Селищев. – М., 2009.
5. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Складневской. – М., 2008.
6. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова ; отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М., 2007.

ПЛЕННИКИ РОДНОГО ЯЗЫКА (РОДНОЙ ЯЗЫК КАК ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА)

Центральным понятием концепции человека является его картина мира (целостный образ, сложившийся в процессе познавательной деятельности его бытия). Собранные воедино «гетерогенные, гетерохронные, гетеросубстратные сведения о мире», поступающие по всем перцепционным каналам (визуальному, акустическому, тактильному, одорическому и густическому) [Гришаева, Цурикова, 2008, с. 71], формируют не только отношение человека к миру, но и нормы его поведения. Выделяется общая для всех представителей одной лингвокультуры, «прототипическая» (универсальная) часть в картине мира, позволяющая осуществлять коммуникацию в тех или иных дискурсивных условиях. О взаимосвязи языка и культуры говорил В. Гумбольдт: разные языки – разное видение мира. Он был предвестником того, что смогли подтвердить учёные лишь в XX в.: неразрывную связь языка, мышления, культуры. Общечеловеческий и национальный компоненты сосуществуют в культуре и языке каждого народа. Индивидуальная картина мира есть один из многочисленных вариантов культурно обусловленной (национально-специфичной) картины мира.

В научной литературе принято выделять наивную, научную, языковую, концептуальную картину мира. Языковая картина мира лишь часть «картины мира вообще, которая опосредована языковыми знаками или даже – шире – знанием языка, его единиц и правил и, главное, содержанием его форм» [Кубрякова, 1988, с. 144].

Лексика – самое яркое и очевидное в языке, способ отражения этнокультурной картины мира (эквивалентная, безэквивалентная, коннотативная, фоновая лексика, так называемые ключевые слова и фразеологизмы; паремии).

Согласно гипотезе Сепира – Уорфа, без названий предметы и явления «обречены быть невидимками»; мир «как калейдоскопический поток впечатлений... может быть организован нашим сознанием, а это значит в основном – языковой системой...» [Уорф, 1962, с. 63].

Существование разных картин мир проступает рельефнее и ярче при переводе с одного языка на другой, обнаруживается отсутствие точного эквивалента, а нередко и самого понятия.

Несмотря на многочисленную критику теории, случайное (или намеренное) искажение количественных показателей экспериментов Э. Сепира и Б. Уорфа (наименование снега в языке эскимосов в цитирующей литературе выросло с 7 слов до 40 и, наконец, до 100!), теория

лингвистической относительности сегодня переживает второе рождение. Э. Сепир и Б. Уорф в языке американских индейцев (хопи) обнаружили, что все летящие предметы (кроме птиц) обозначаются одним словом, а числительные в этом же языке зависят от объектов, которые начинают считать (люди или предметы, даже их разновидности).

Технические возможности, позволяющие фиксировать результаты психолингвистических исследований (лаборатория Л. Бородинки и др.), во многом подтвердили истинность гипотезы Сепира – Уорфа: люди, говорящие на разных языках воспринимают и познают мир по-разному. Изучая языки американских индейцев, учёные обнаружили грамматическое несоответствие описания времени в языке хопи и в европейских языках (английском, немецком, французском, русском и др.), где время – бесконечная линия с делением на прошлое, настоящее и будущее. Прошлое – сзади, будущее – впереди (что совсем не так в языке хопи!). Всё просто, но проведём эксперимент. Как поймут носители русского языка фразу: «занятия переносятся на час вперёд» (на час раньше или позже?). Ответ: понимают по-разному! Итак, восприятие времени – одна из важных характеристик картины мира человека. По отношению ко времени позже были выделены полихронные и монокронные культуры (Э. Холл); моноактивные, полиактивные, реактивные культуры (Р. Льюис). В монокронных культурах (Германия, США, ряд североевропейских стран) время имеет вещественную ценность – его можно «потратить, сэкономить, потерять». Время – континуум, который можно разделить на равные отрезки с равной значимостью: «время можно резать ломтиками, как колбасу, и продавать их. Время – деньги. При таком западном понимании времени люди слишком забывают, что время также и самооценно в потоке переживания и субъективно течёт отнюдь не всегда линейно» [Eilers, 1987, с. 52]. В полихронных культурах (страны Латинской Америки, Ближнего Востока, Средиземноморья и Россия) время не линейный вектор, а непрерывный цикл; совершается несколько дел одновременно; приоритеты меняются в зависимости от обстоятельств; пунктуальности и распорядку не придаётся такого значения, как в монокронных культурах. В русском языке время приобретает черты одушевленного субъекта: «время идёт, бежит, летит», что отчасти обусловлено «висцеральной чувствительностью» (в ожидании чего-то время тянется и, напротив, «счастливые часы не наблюдают»); можно «идти в ногу со временем», «опередить своё время»; «время подождёт», «время всё рассудит», даже можно «убить время» и т.д. Время ценно – его можно «украсть», «потерять». Время в некоторых других культурах может напоминать движение по кругу, возвращение в точку отсчёта. Восприятие времени в реактивных культурах (Китай, Япония и др.) можно сформулировать так: «соответствовать изменяющейся ситуации без суеты».

У многих африканских народов отношение ко времени определено во многом социальным фактором. Деревенские жители не пользуются часами: жизнь организована в соответствии с природным ритмом: «до/после восхода солнца» и т.д., но никак не точное обозначение времени. Следовательно, отличие языков не только в том, **что** в них можно выразить, но и в том, **как** в них можно выразить, исходя из особенностей условий жизни.

«...Постоянно встающая перед человеком языковая проблема ... от меньшей эксплицитности к большей ... Человек живёт в мире: он видит мир физически, глазами. Но он видит его взглядом человека только тогда, когда он увидел его в себе...» [Гийом, 1992, с. 143–144].

При характеристике картины мира носителей соответствующей культуры выделяют несколько ключевых параметров: восприятие времени, цвета, числа и причины и т.д. При изучении иностранного языка необходимо обращать на них внимание учащихся.

Особенность языковой картины мира заметнее на лексическом уровне: отмечается различное понятийное расчленение мира. Например, у русского – 20 пальцев, у носителей английского языка – 8 пальцев (на руках); 2 больших (thumb) и 10 пальцев на ногах (toes). Понятия, естественно, универсальны (внеациональны), но в разных языках они имеют различное словесное оформление и выражение. «Рассматривая вопрос о структуре значений и структуре мира действительности, мы должны считаться с наличием трёх величин: мира действительности, мира понятий и мира значений» [Звегинцев, 1967, с. 62]. Сравним «стол» (рус.) и «table» (англ.): понятия совпадают. Прекрасно: нет проблем при переводе, но подождём радоваться... «Стол заказов», «стол находок», «паспортный стол», «шведский стол» и т.д., даже выражение «писать в стол» (рус.); в английском «table» – «заповедь», «плоская поверхность», «таблица» – лексические значения различны, национальны.

Особенности русской лингвистической картины мира выражаются различными средствами языка в их неразложимом единстве: фонологически, лексически, грамматически (морфологически, синтаксически, словообразовательными средствами). Национальная специфика и своеобразие языковой картины мира отражены и в речевом этикете. Сравним английский с его демократичным «you» и русский с нашим «ты» и «вы» / «Вы» со всем многообразием оттенков и отношений (Танечка, Вы были вчера? и Татьяна Петровна, ты приходи ко мне завтра и т.д.).

Представьте «ужас» студентов некоторых национальностей, узнавших, что «карандаш» в русском языке – он, а «ручка» – она (если в их родном языке нет категории рода). Русский язык как флективный при помощи окончаний слов выражает несколько грамматических значений, создавая серьёзные «проблемы» иностранцам. (Русский студент,

изучающий китайский язык, столкнётся с другой проблемой: прочитав текст, например, о китайском авторе какой-то книги, узнает многое, но так и не поймёт: автор – мужчина или женщина). Глаголы СВ и НСВ инофон никогда не проверит вопросом (что делать? / что сделать?): ему, бедняге, каждый раз надо задумываться: «процесс», «повторяющееся действие» / «результат» или «однократное действие». Глаголы движения русского языка (о которых не догадываются, правильно используя, носители языка) «идти», «ходить», «пойти», «походить», «зайти», «заходить» (при- / за- / о- / обо- / пере-) и т.д. И это лишь «вершина айсберга»! Начинается то, о чём говорил Ж.-П. Сартр: «...коммуникация – глубокое несчастье бытия»... При коммуникативном акте между отправителем (кодирующем сообщение) и получателем (декодирующим) возникают помехи (во многом зависящие от языковой картины мира, навязанной родным языком). Все мы – «пленники родного языка»!

Библиографический список

1. Гришаева, Л. И. Введение в теорию межкультурной коммуникации / Л. И. Гришаева. – М., 2008.
2. Гийом, Г. Принципы теоретической лингвистики / Г. Гийом. – М., 1992.
3. Звегинцев, В. А. Теоретическая и прикладная лингвистика / В. А. Звегинцев. – М., 1967.
4. Кубрякова, Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира / Е. С. Кубрякова. – М., 1988.

*М. Н. Перфилова
(г. Пенза, Россия)*

О ЗЕЛЁНЫХ ОБЛАКАХ, ЗОЛОТОМ ОГНЕ И ЧЁРНЫХ МЕДВЕДЯХ (ЦВЕТОВАЯ ЛЕКСИКА РУССКИХ ЗАГАДОК)

Русский фольклор всегда характеризовала особая глубина проникновения в жизнь. Такая глубина открывается тогда, когда человек смотрит на мир глазами поэта, и её невозможно выразить иначе как через метафору. А метафоры в творчестве нашего народа полновесны, осязаемы, зримы.

Значительную роль в красоте метафоры играет цвет. Разнообразные фольклорные жанры хранят в себе множество слов, передающих его, – цветообозначений, или колоративов. Они обладают богатой семантикой и широкой сочетаемостью и выполняют различные функции

в зависимости от жанровых особенностей. Мы же в нашей статье рассмотрим колоративный аспект только одного жанра – загадок.

Загадки сохранили в себе как ныне известные цветообозначения, так и прошедшие процесс архаизации. Наибольшее число цветовых слов относится к группам красного, белого и чёрного тонов. Данный факт можно объяснить архетипностью красного, белого и чёрного цветов: они присутствуют в культурах всех народов Земли. Напомним, что архетип – универсальная врождённая психическая структура, составляющая содержание коллективного бессознательного. Фольклор начал своё развитие как раз в то время, когда стали появляться первые признаки коллективного бессознательного, и с тех пор стал его неизменным спутником. Загадки являются одним из наиболее древних фольклорных жанров, и это даёт возможность предположить, что в них сохранились следы самых первых, самых исконных элементов архетипа. Вполне возможно, что эти следы можно увидеть и в наборе цветообозначений, используемых в загадках.

Из колоративов группы красного тона наиболее часто употребляется в загадках колороним «красный». Семантика этого цветового слова разнообразна, и архетипными значениями являются «блестящий», «сверкающий», «цвета огня», часто связанные с образом красного петуха: *Красненькій кочетокъ по жерди ходитъ (горящая лучина)* [Даль, 1879, 2, с. 112]. *Красный кочет / Дыру точит (огонь)* [Даль, 1879, 2, с. 198].

Этот факт неслучаен: «В большинстве традиций петух связан с божествами утренней зари и солнца, небесного огня <...> Но петух не только связан с солнцем, подобен ему: он сам земной образ, зооморфная трансформация небесного огня – солнца» [Топоров, 1992, с. 309–310]. Развитие у колоратива «красный» значений «блестящий», «сверкающий», «цвета огня» в данном контексте предстаёт как воплощение определённых верований наших предков, имеет культурную основу.

Не только образ красного петуха помогает передать древние значения цветолексемы, используются также образы красных ложек, коров, яиц: *Полна коробка красных ложек (загнетка)* [Садовников, 1876, с. 18]. *Полная конюшня красных коров; черная зайдет, всех выгонит (кочерга)* [Садовников, 1876, с. 35]. *Чёрная курица сидит на красных яйцах (котелок)* [Садовников, 1876, с. 44].

Загадки сохраняют и оценочное значение цветового слова «красный» – «прекрасный», «хороший», «красивый», когда колоратив выступает в качестве постоянного эпитета к словам «солнышко», «девица», «лето», «весна», «день»: *Краше краснаго солнышка, свѣтлѣ яснаго мѣсяца (икона)* [Даль, 1879, 1, с. 24]. *Сидитъ утка на плоту, хвалится казаку: никто меня не пройдетъ, ни царь, ни царица, ни красна дѣвица (смерть)* [Даль, 1879, 1, с. 351].

Отметим, что у слова «красный» в загадках актуализирована положительная оценка, тогда как в пословицах и поговорках у цветообозначения наблюдается поляризация оценочных значений.

Сохранились загадки, в которых колороним «красный» употребляется в контексте, который не даёт до конца понять, передаёт он цветное или оценочное значение: *Около прорубочки / Сидят красненькие голубочки (чашка и ложки)* [Садовников, 1876, с. 52]. *У нас в избушке / Красны бабушки (ложки)* [Садовников, 1876, с. 53]. *Красный бѣсъ / На дѣвку влѣзь (сарафан)* [Садовников, 1876, с. 82]. *Между гор, между дол бежал быстрый конь под красной попоной (корабль)* [Садовников, 1876, с. 186–187].

Цветообозначение «белый», представляющее в загадках группу белого тона, имеет два значения:

– «светлый», «блестящий»; подобное значение колоратива встречается в загадках об огне, воде, солнце, месяце, изделиях из светлого дерева, воска и металла: *Кругленько, бѣленько, всему свѣту миленько (деньга)* [Даль, 1879, 1, с. 99]. *Под ярусом, ярусом капуста бела, вода дорогá, собаки злые (улей, соты, пчелы)* [Садовников, 1876, с. 177]. *Белая кошка / Лезет в окошко (солнечный луч)* [Садовников, 1876, с. 226]. *Выведу коня / Из заднего хлева. / Копыты белы / Да и подковы (пахт)* [Садовников, 1876, с. 65].

На первый взгляд, непривычно наблюдать колоратив «белый» в загадке про деревянный пахт. Однако история показывает, что пахт оковывали снаружи обручами из металла, и они образно названы в загадке копытами и подковами.

– «цвет снега»: *Сидит баба на печѣ / В белой епанче (печная труба)* [Садовников, 1876, с. 15]. *Беленький тулупчик / Сшит без рубчик (яйцо)* [Садовников, 1876, с. 67]. *Беленька собачка в подворотню глядит (сугроб)* [Садовников, 1876, с. 244].

О подобной семантике говорит также частое сравнение загадываемого предмета со снегом и белым лебедем: *Бел как снег, / В чести у всех (сахар)* [Садовников, 1876, с. 69]. *Белый лебедь / На блюде не был, / Ножом не рушен, / А всяк его кушал (грудное молоко)* [Садовников, 1876, с. 223].

Семантика колоратива «чёрный» – «цвет сажи». В загадках содержится чисто цветное его значение, и колоратив употребляется для передачи образов дыма, сажи, металлов тёмного цвета, ряда животных и растений: *Два свояка, между ихъ черная собака (чело, труба, дымъ)* [Даль, 1879, 2, с. 101]. *Черная корова все поле перепорола (соха)* [Даль, 1879, 2: 611]. *Черненько, маленько, въ платье вскочило, царя разбудило (блоха)* [Даль, 1879, 2, с. 627]. *Чёрный конь прыгат в огонь (кочерга)* [Садовников, 1876, с. 35]. *Черно и расколото / А берёт всякого оскомина (черемуха)* [Садовников, 1876, с. 98].

В загадках сохранилась древняя сочетаемость колоронима *чёрный* со словом «медведь»: «*Ванька малый, где был? / У Тули. / Что видел? / Алхирия* (прим.: архиерея) */ В чём он? / В чёрной шубе и кольцо у губи*» (медведь) [Садовников, 1876, с. 189]. *Ворона* – да не кобыла, *черная* – а не медвѣдь; *шесть ногъ безъ копытъ, рога есть* – а не быкъ (блоха) [Даль, 1879, II, с. 627].

Остатки связи этих слов сохранились в говорах, где медведя называют «чёрный звѣрь» и «черная немочь» [Даль, 1881, 2, с. 311]. Возможно, «чёрный» использовался для передачи тёмных цветов в целом.

Стоит отметить, что цветообозначения, называющие архетипные цвета, в загадках не развивают амбивалентности, хотя сам архетип обладает таким свойством. Колороним «красный» в качестве постоянного эпитета оценивает предметы только положительно, а «белый» и «чёрный» обладают по большей части цветовой семантикой, тогда как в пословицах и поговорках они амбивалентны. С чем может быть связано такое расхождение поведения цветowych слов? Вероятно, здесь происходит влияние самого жанра. Загадки призваны через сопоставление явлений жизни зафиксировать конкретный предмет и его внешние признаки, в то время как пословицы и поговорки имеют цель осмыслить и передать абстрактные законы и правила жизни. Абстрактным понятиям более свойственно развивать амбивалентность, чем конкретным предметам, отсюда и различное поведение колоративов как элементов, предназначенных для описания явлений жизни.

Цветообозначение «золотой» в загадках употребляется намного чаще, чем «жёлтый»: по своей семантике оно больше удовлетворяло потребности жанра. Поскольку колоратив *золотой* используется для передачи образа огня, реализуется семантика «сверкающий», «цвета огня»: *Полна коробочка золотыхъ воробышковъ (Жаръ въ печи)* [Даль, 1879, 2, с. 101]. *Летитъ птица тонка, перья красны да желты, по конецъ ея челоуѣчьа смерть (ружье, выстрѣль)* [Даль, 1879, 2, с. 585]. *Золото гумешко, овсяный бережок (зеркало)* [Садовников, 1876, с. 30]. *Из окна в окно / Золото бревно (солнечный луч)* [Садовников, 1876, с. 226]. *Золот хозяин – на поле; серебрян пастух – с поля (солнце и месяц)* [Садовников, 1876, с. 227].

Подобную семантику в загадках, как мы уже отмечали, имеют многие колоронимы, и она является одной из самых древних в истории цветообозначений. Загадки сохранили в себе древнее значение целой группы слов, что, несомненно, показывает, насколько ценно изучение этого малого фольклорного жанра для лексикологии и лингвистики в целом.

Значение «блестящий», «сверкающий» колоронима «золотой» наблюдается и в загадках о солнце и месяце.

Иногда при употреблении цветового слова «золотой» наблюдается единство положительной оценки и цвета, т.е. загадываемый предмет одновременно характеризуется и с цветовой, и с оценочной стороны. Такое явление встречается в загадках о церковных праздниках, культурных растениях и некоторых предметах крестьянского быта, имеющих особую важность для русского народа: *Триста орлевъ, пятьдесятъ соколовъ, дерево сухое, верхъ золотой (будни, воскресные дни и Пасха)* [Даль, 1879, 1, с. 24]. *Стоит мостъ на семь верстъ; во конецъ моста золота верста (Великій Пост и Воскресеніе Христево)* [Даль, 1879, 1, с. 24]. *Лежит мужичок в золотом кафтане, подпоясан, а не поясом; не поднимешь, так не встанет (сноп)* [Садовников, 1876, с. 150].

В загадках иногда выделяется в качестве отличительного признака не только цвет, но и материал, из которого сделан загадываемый предмет: *Стоит домина, золотая вершина (Колокольня)* [Даль, 1879, 1: 26]. *Около кола золотая трава (Кольцо)* [Даль, 1879, 2: 113]. *Мал малышка, золота кубышка. Ни зверь, ни птица, ни вода, ни масло (серьга)* [Садовников, 1876: 83]. *Сидитъ баба на горушкѣ/Въ золотой борушкѣ* (прим.: борушка – закрытый женский праздничный головной убор) *(церковь)* [Садовников, 1876: 123].

Колоратив «зелёный» употребляется в загадках, как правило, в современном значении: «цвета травы»: *Лежит Егор под межой, / Накрыт зеленой фатой (огурец)* [Садовников, 1876, с. 92]. *Чёрная лошадь, красное сидит, зелёное плетью погоняет (банный веник)* [Садовников, 1876, с. 132]. *Чёрненький мужичок, / Зелёненький поясок (гречневый сноп)* [Садовников, 1876, с. 150]. *Зелено – не мак: / Красно – не кумак, / Вертится, что бес, / Повернётся в лес (сорока)* [Садовников, 1876, с. 194].

Как видно из приведённых примеров, цветообозначение «зелёный» часто используется в загадках о растениях: в народном понимании зелёный – цвет растительности. Исключением является только загадка о сороке. В ней зелёный цвет – отличительный признак птицы, самый яркий цвет на её переливающимися чёрных крыльях.

Существовало и более необычное использование зелёного цвета как признака загадываемого предмета: *Без крыльев летит, без горла ревит, зимой зелено (облако)* [Садовников, 1876, с. 240].

Возможно, что колоратив «зелёный» сохранил здесь то же значение, какое наблюдается в частушке *«Зелененькія ведерочки / Поставила на ледокъ; / Всю ноченьку продумала, / Что любитъ ли дружокъ?»* [Симаков, 1913, с. 69]. Вёдра изготавливались из светлой древесины или металла, следовательно, колоратив «зелёный» здесь имеет значение «светлый», что больше соответствует окраске облака. Подтверждением этой мысли можно считать отколоративный глагол *позеленеть* с семантикой «побледнеть», который зафиксирован в «Материа-

лах для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И. И. Срезневского: Позеленѣти, позелѣнѣю – поблѣднѣть: – Аще бы се вѣдалъ кто, егда ся гнѣваеть, како есть попыснѣль и позеленѣль и како ему слины падають изъ оустъ [Срезневский, 1893, 2, с. 1078].

Причина употребления колоратива в загадке, как мы убедились на предшествующем примере, не всегда лежит на поверхности. Так, может показаться непонятным указание на зелёный цвет в загадке про кабак: *На полѣ полищѣ / Стоитъ зеленище; / Въ томъ зеленищѣ: / Сусло, масло, / Легость, больсть, / И смерть недалеко* [Садовников, 1876, с. 129]. В основе употребления цветового слова здесь лежит народный образ «зелена вина», причём наблюдается синекдоха: часть (вино) характеризует целое (кабак, в котором наливают зелено вино).

Колоратив «синий» в загадках также сохранил древнейшие значения:

– «блестящий», «сверкающий», соответствующее этимологии слова: «Синий – к группе сив-, сиять и проч.; образование: си-нь. Первоначальное значение «сияющий, блестящий» [Преображенский, 1959, 2, с. 287]. *Синенька, маленька по городу скачетъ, всѣхъ людей красить (иголка)* [Даль, 1879, 2, с. 24]. *На улице амбар, в амбаре сундук, в сундуке синь плат, в синем плату золото (изба, печь, чело, жар)* [Садовников, 1876, с. 19]. *Есть мальчик в синенькой рубашке; все его любят, все его хвалят (сахарная голова)* [Садовников, 1876, с. 99]. *Синяя корова поле лижет (косят)* [Садовников, 1876, с. 147].

– «чёрный»: *Шитовило-битовило, по-нѣмецки говорило, спереди ишльце, сзади вильце, сверху синенько суконце, съ исподу бѣло полотенце (ласточка)* [Даль, 1879, 2, с. 621]. *Написана грамотка по синему бархату, и не прочесть этой грамотки ни попам, ни дьякам, ни умным мужикам (небо и звёзды)* [Садовников, 1876, с. 231]. *Сидит мужик на полатях, / На нѣм синенький халатик (дым курной избы)* [Садовников, 1876, с. 18].

Употребляется колоратив «синий» и в современном значении, в том числе в качестве постоянного эпитета моря: *Свѣтъ-цвѣточекъ въ сыру землю зашелъ, синю шапку нашелъ (лень)* [Даль, 1879, 2, с. 610]. *Летит орлица по синему небу, крылья распластала, солнышко застлала (туча)* [Садовников, 1876, с. 243].

Голубой цвет достаточно редко используется в загадках, и значения, в которых употребляется колоратив «голубой», иногда столь же редки:

– «серый цвет»; значение указывает на древнюю сочетаемость цветового слова «голубой», которое когда-то употреблялось для масте-обозначения. В загадках голубая масть закрепилась за мышью и крысой: *Корова голуба, дома не любят, на базаре не купят (крыса)* [Садовников, 1876, с. 190]. *Конек голубой, Вести на базар – не купят (мышь)* [Садовников, 1876, с. 190].

Одно из употреблений колоратива «голубой» ставит вопрос о семантике: *Взгляну я в окошко, / Раскину рогожку, / Посею горошку, / Положу хлеба краюшку. / Всякий видит, / Да не всякий чует: / Кому светло, / Кому темно, / А мне голубо (небо, звёзды, месяц)* [Садовников, 1876, с. 232].

Если судить по внешним признакам, перед нами категория состояния. Семантика, следовательно, оценочная, не цветовая; оценка особая, если исходить из сопоставления со светообозначениями «светло» и «темно». Можно сказать, индивидуальная оценка, говорящая о различном восприятии людьми одного и того же явления, цвета. Загадка интересна тем, что фиксирует редкий случай, когда колоративы приобретают форму категории состояния. В современном языке с колоронимом в роли категории состояния встречается мало выражений, среди которых наиболее известно «мне фиолетово» – «безразлично, всё равно». В приведённой выше загадке оценка приближается к положительной.

Мы рассмотрели наиболее яркие с исторической точки зрения примеры употребления цветолексем в русских загадках. Они, несомненно, сохраняют в себе множество древних, ныне утраченных значений слов, что ещё раз подтверждает ценность тщательного и подробного исследования этого жанра русского фольклора.

Библиографический список

1. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – СПб. ; М., 1881. – Т. 2. (И–О). – С. 311.
2. Даль, В. И. Пословицы русского народа : в 2 т. / В. И. Даль. – СПб. ; М. : Изд. М. О. Вольфа, 1879.
3. Преображенский, А. Г. Этимологический словарь русского языка : в 2 т. / А. Г. Преображенский. – М. : ГИС, 1959.
4. Садовников, Д. Н. Загадки русского народа: Сборник загадок, вопросов, притч и задач / Д. Н. Садовников. – СПб. : Типография Н. А. Лебедева, 1876. – 344 с.
5. Симаков, В. И. Сборник деревенских частушек / В. И. Симаков. – Ярославль : Типография К. Ф. Некрасова, 1913. – 364 с.
6. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам / И. И. Срезневский. – СПб. : Типография Императорской академии наук, 1893.
7. Топоров, В. Н. Мифологический образ петуха / В. Н. Топоров // Мифы народов мира: Энциклопедия ; под ред. С. А. Токарева. – 2-е изд. – М., 1992. – Т. 2. – С. 309–310 с.

О СИНТАКСИЧЕСКОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ ЗНАЧЕНИЙ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ ТРЕТЬЕГО ЛИЦА

В канун юбилея пензенской кафедры русского языка и методики его преподавания – замечательного коллектива, в котором автор этой статьи начинал работать и которому многим обязан, хочется пожелать ему всегда оставаться верным классическим традициям отечественного языкознания и методической науки! И поэтому начнём статью о третьем лице, которое является темой нашего исследования, со ссылки на слова академика В. В. Виноградова. Характеризуя глагольные формы, он писал: «Как неличная форма выступает форма 3-го лица, особенно в единственном числе. Её личное значение только потенциально. Оно обусловлено обязательным наличием или подразумеванием субъекта. Оно целиком синтаксично» [Виноградов, 2001, с. 375]. Это замечание заслуживает внимания и лингвистов, и методистов. А студентам оно может показаться удивительным. Разве форма лица бывает неличной? И зачем нужно специально подчёркивать синтаксический характер значения у спрягаемой глагольной формы, которая нормативно выполняет функцию простого сказуемого?

В. В. Виноградов вкладывал больший смысл в понятие ‘личное значение’. То, что мы сейчас называем личной формой глагола, превратилось в чисто грамматическое определение. В вузе при морфологическом анализе личной называют форму настоящего или будущего времени в изъявительном наклонении, формы повелительного наклонения, а о том, что она обозначает именно лицо или должна обозначать лицо, мы думаем в основном тогда, когда встречаемся с безличным значением. Оно выделяется в противовес личному или даже как исключение из него. Если же ряд ‘личное – безличное’ дополнить средним членом ‘неличное’, то это направление характеристики приобретёт несколько другой облик – не формальный, т.е. основанный только на форме, а смысловой.

В отличие от форм 1-го и 2-го лиц, глагольные формы 3-го лица многозначны. Увидев вне контекста слово *учится*, мы не можем точно сказать, приписывается ли обозначаемое действие лицу, ср.: *Такой это было редкостью в селе – крестьянская девочка учится в школе* (И. Архипова); *Человечество учится быть разумным, подавлять звериные побуждения* (Е. Фейнберг); *Прелюдии Понсе я не играл, но куски из сонат запоминал очень быстро. Пьеса учится быстро тогда, когда она вам нравится* (коллективный интернет-форум); *Язык учится быстро и легко – именно методом погружения!* (коллективный интернет-форум). Интересно, что глагольные формы других лиц имеют

только собственно личное значение: *учусь, учимся, учишься, учитесь* не относятся к объектам неодушевлённым, так как их пара – собственно личные местоимения *я, мы, ты, вы*. Получается, что для третьеличной глагольной формы существенным условием проявления в ней собственно личного значения является связь с личными существительными, ср.: *Хорошо откушав, Коля лежит на спине, травинку покусывает, в небо глядит, потом поднимается и молча уходит в направлении церкви, виднеющейся на нашем, левом, берегу.* (В. Астафьев). – *В то же время, наблюдая жизнь города, он убеждался, что процесс «успокоения», как туман, поднимается снизу, от земли* (И. Бунин).

Всем известно и обратное влияние рассматриваемого явления: синтаксическая связь с предикатами речи и мысли способна персонифицировать, «олицетворять» неодушевлённые предметы, этот приём широко используется в басенном жанре: – *Прочь, бедна тварь! – Ружье молчанье прерывает.* – *Или не знаешь ты, что я, лишь захочу, Сейчас тебя в ничто за дерзость превращу?* (И. Дмитриев). То же явление лежит в основе метонимического переноса: *ТАСС сообщает, газета опровергает, СМИ поддерживают* и т.п.

Остаётся ещё один вопрос: почему В. В. Виноградов разделяет семантический функционал третьеличных глагольных форм единственного и множественного числа? Дело в том, что у них разные возможности. Форма множественного числа способна выступать в независимой позиции главного члена односоставного глагольного предложения или входить в структуру этого главного члена. При независимом употреблении получается либо обобщённо-личное предложение: *Снявши голову, по волосам не плачут* (посл.); *Теперь так не делают. Это уже вышло из моды* (М. Горький); либо неопределённо-личное: *А тут вдруг на утро приходят и говорят мне, что Мари умерла* (Ф. Достоевский); *Поколе совесть в нас чиста, То правда нам мила и правда нам свята, Её и слушают и принимают...* (И. Крылов). Интересно, что неличное значение в обобщённо- и в неопределённо-личных предложениях проявляться не может.

А вот форма 3-его лица единственного числа не способна выступать в независимой синтаксической позиции. Ей необходим субъект, а если его нет, то конструкция получается семантически и структурно неполной, а наличие личного или неличного значения зависит уже от восстанавливаемого из контекста существительного. «*Упорное молчание газеты, – делал вывод бдительный товарищ, – поневоле наводит на мысль, не находится ли редактор в преступной связи с поэтом Исаковским, а если находится, то не является ли это признаком разветвленной вредительской организации?»* (В. Войнович); *Но как один атомный взрыв может обжечь Слойку со всех сторон, если находится от нее лишь с одного боку? Геометрия сопротивляется* (Г. Горелик).

Итак, проанализировав особенности употребления глагольных форм 3-го лица, мы можем сделать вывод о том, что собственно личное значение проявляется в них не всегда, а только в определённых синтаксических условиях.

Как представляется, такие наблюдения над спецификой значения «личных» глагольных форм, сделанные в связи с замечанием крупнейшего отечественного лингвиста, могут способствовать развитию исследовательского интереса у студентов-филологов.

Библиографический список

1. Виноградов, В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. – М., 2001. – 718 с.

А. С. Сидорова
(г. Пенза, Россия)

УСТАРЕВШАЯ ЛЕКСИКА В ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБОРОТАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Среди фразеологизмов принято выделять фразеологические сращения – неразложимые по смыслу фразеологические единицы, целостное значение которых совершенно не мотивировано значениями компонентов. В составе фразеологических сращений чаще, чем в остальных фразеологизмах, выделяют архаичные грамматические формы и встречаются лексические, семантические архаизмы или историзмы [Рахманова, Суздальцева, 1997, с. 241].

По материалам «Большого словаря крылатых слов русского языка» В. П. Беркова, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежковой и «Фразеологического словаря русского литературного языка» А. И. Фёдорова нами был составлен словник из 117 фразеологических оборотов, содержащих в себе устаревшую лексику.

Фразеологизмы с устаревшими словами могут быть использованы для создания языкового колорита эпохи, торжественно-патетической речи или комического эффекта. Но в силу их лексического состава и структуры, стилистическое использование фразеологических архаизмов и историзмов может быть подобным тому, какое характерно для фразеологических оборотов, входящих в активный словарный запас языка. В таком случае они подвергаются индивидуальной авторской обработке и выступают в соответствующем контексте уже как фразеологические неологизмы.

Говоря о данной группе фразеологизмов, следует обратиться к сращениям, так как именно эта группа отличается такими формаль-

ными признаками, как архаичные фонетические признаки и архаичные грамматические признаки, наличие устаревших форм.

В современном русском литературном языке насчитывается значительное количество фразеологизмов, включающих лексические архаизмы и историзмы, например: *бить челом* (почтительно просить что-либо, приветствовать и благодарить за что-либо), *хранить как зеницу ока* (тщательно, чрезвычайно заботливо оберегать кого-либо, что-либо), *подпускать туры на колесах* (присочинять что-либо, врать) и др.

В этой группе фразеологизмов сохранились слова, вытесненные из употребления другими синонимичными словами, или слова, исчезнувшие из употребления в языке, так как прекратили существование предметы и явления действительности, которые они прежде обозначали. Лексические архаизмы, вышедшие из употребления и не имеющие синонимов в современном русском языке: *баклуши*, *туры*, *балясы* и др., встречаются и в наше время. К лексическим архаизмам относятся и такие слова, которые встречаются в современном словарном составе языка, но имеют, помимо основных, еще и устаревшие значения, например: *брань* – «ругань», «битва, сражение» и др.

Фразеологизмы, включающие лексические архаизмы, могут быть связаны с понятием о человеческом организме. В качестве устаревших компонентов в них выступают слова:

а) древнерусские (из общеславянского языка): *плоть* – «тело», *стать* – «телосложение, склад фигуры», *чело* – «лоб» и др.;

б) старославянские: *перст* – «палец», *вежды* – «веки», *чресла* – «поясница», *чрево* – «живот» и др.

Эти существительные в настоящее время почти не употребляются в свободных словосочетаниях, но входят в состав фразеологических оборотов:

- *дух бодр, плоть же немощна* (употребляется как извинение при желании, но неспособности сделать что-либо для кого-либо);
- *перст божий* (мистическое предопределение, переломный момент в жизни) и др.

Многие из перечисленных компонентов входят в состав не одного, а двух и более фразеологизмов, например:

- *око: как зеницей ока дорожить, око за око, зуб за зуб* (о необходимости отомстить, отплатить злом за зло);

Слово при возникновении фразеологического оборота свободно по своему употреблению и принадлежит к активной лексике, употребляясь как во фразеологизме, так и вне его. Позднее сужается сфера его функционирования и часто ограничивается одним фразеологизмом. Например:

- *забубённая головушка* (разгульный и безбашенный человек, способный на всё): забубённая – прилагательное, образованное от имени существительного забубёны < забобоны – «вздор» [Даль, 2011, с. 209];

- *яко тать в нощи* (неожиданно появляться, наступать; тайно, невидимо): тать – «вор», «бандит», «разбойник» и др.

Одежда и обувь людей в прошлом были строго регламентированы: каждый должен был одеваться в соответствии со своим положением в обществе. Поскольку основная часть современной русской фразеологии формировалась именно в XVIII в., то элементы одежды и обуви существенно обогатили её:

- *лаптем щи хлебать* (жить, прозябать в нищете, невежестве; быть отсталым, некультурным);

- *два сапога пара* (о людях, по своим качествам похожим друг на друга);

- *снимать шапку, ломать шапку* (раскланиваться перед кем-либо, снимая головной убор; унижаться, заискивать) и др.

В качестве компонентов многих фразеологических оборотов выступают древние названия букв русской азбуки: *аз, буки, глагол, мыслете и др.*: *азы да буки* (первоначальная грамота, начальное школьное обучение), *и иже с ним* (подобные ему); *знать на ять* (очень хорошо, великолепно) и др.

Компонентами фразеологических оборотов русского языка могут быть наименования букв греческого алфавита, что объясняется давними культурными связями носителей этих языков. Например, во фразеологических сращениях «*альфа и омега*» (самое главное, начало и конец чего-либо), «*ни на йоту*» (ничуть, ни на самую малость) содержатся наименования первой и последней букв (альфа и омега) и девятой буквы греческого алфавита (йота).

Национально-культурная специфика русской картины мира может передаваться фразеологическими оборотами, включающими единицы веса, длины, расстояния, денежные системы: *от горшка два вершка* (очень маленький), *семи пядей во лбу* (очень умный), *семь вёрст до небес и всё лесом* (очень много наговорить, наобещать), *коломенская верста* (человек очень высокого роста; верзила) и др.

Не раз на Руси изменялись денежные единицы, многие являются исчезнувшими. Отдельные наименования вошли в состав фразеологических оборотов: *пропасть ни за грош* (бессмысленно пропасть), *копейка по копейке* (постепенно, используя каждую возможность) и др.

С обычаями, обрядами и бытом русского народа связаны следующие фразеологизмы:

- *типун тебе на язык* – «недоброе пожелание кому-либо, кто сказал не то что следует или предсказал что-то неприятное» (*типун* – болезненный нарост на кончике языка у птицы);

- *чин чином* – «как нужно, как полагается, как следует» (*чин* – «порядок»).

В именных компонентах фразеологических оборотов современного литературного языка сохранилось достаточно большое количе-

ство архаичных отвлечённых существительных: *лихо* – «горе», *помин* – «особый обычай отмечать память об усопших», *зазрение* – «осуждение», *отпущение* – «прощение», *одр* – «ложе больного» и др. Они встречаются в следующих фразеологизмах: *лёгкок на помине* (появляется тогда, когда о нём вспоминают), *без зазрения совести* (не испытывая стыда), *козёл отпущения* (человек, на которого сваливают чужую вину), *на смертном одре* (в состоянии, близком к смерти), *не поминай лихом* (вспоминая, не думать плохо о ком-либо) и т.д.

Фразеологические обороты с лексическими архаизмами характеризуют национальное своеобразие и богатство современного русского языка. Они оказываются в изоляции от современной лексической системы языка, а потому приобретают особую «экзотичность» и сообщают особую выразительность всей фразеологической единице.

После введения на Руси христианства в древнерусском языке закрепилось довольно большое количество фразеологических оборотов, представляющих собой цитаты из Священного писания. В словарях, на основе которых проведено исследование, подобных оборотов около 40. И это прежде всего фразеологизмов библейского происхождения: *всякой твари по паре* (о смешанном, пестром составе человеческого общества, группы, толпы) из Сказания о Ноевом ковчеге, *благорастворение воздухов* (о тишине, мире и спокойствии или чудесной погоде) из «великой ектеньи» литургии Иоанна Златоуста, *питаться мёдом и акридами* (постничать, жить впроголодь) из Евангельской легенды об Иоанне Крестителе.

Фразеологические обороты современного русского литературного языка, содержащие в своей структуре различные архаичные элементы, образуют значительный пласт в русском языке. Систематизация данных фразеологизмов позволяет полнее представить общую картину языка, помогает осознать многослойный характер современной языковой системы, воссоздать прежний словарный состав русского языка, опираясь на его исторические факты и исходя из современного состояния.

Содержание фразеологизмов передаёт образные признаки, указывающие на сходство человека с чем-либо или кем-либо. Народная фразеология чаще указывает на отрицательные качества, выражая юмористическое отношение к ним. Экспрессивно-образный, конкретно-детализирующий характер фразеологической семантики обуславливает её непереводимость на язык формализованных понятий.

Чтобы содержание словарной статьи о фразеологическом обороте обладало достаточной полнотой сведений о его семантике, экспрессивности, сочетаемости, лексикографу необходимо иметь максимально полный иллюстративный материал картотеки, который позволил бы установить все «составляющие» фразеологической семантики и точно отразить их в определении и в экспрессивно-стилистических пометах.

Большинство фразеологических оборотов любого языка восходит к народным метафорам, сравнениям, метонимиям, частям пословиц и поговорок. Такие образные выражения возникают в сознании людей в результате восприятия фактов действительности, общественной жизни, географической среды. Восприятие дополняется, корректируется опытом, имеющимися у людей знаниями. Поэтому народная метафора, сравнение и любой другой образный оборот могут повторяться в речевом общении при одинаковых или близких ситуациях, превращаясь из свободного словосочетания в воспроизводимое. В большинстве фразеологизмов, сохранивших образность, передаётся чувство, настроение, экспрессивная оценка предмета мысли, которые соотносятся в речи с экспрессией всего высказывания [Фёдоров, 2008, с. 6–7].

Фразеологические обороты обогащают нашу речь, позволяя в некоторых случаях избежать повторения одних и тех же слов. В свою очередь, фразеологические обороты, содержащие устаревшую лексику, позволяют нам не забывать об истории родного языка.

Библиографический список

1. Берков, В. П. Большой словарь крылатых слов русского языка / В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежкова. – М. : АСТ : Астрель : Русские словари, 2005. – 623 с.
2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – М. : Дрофа, 2011. – 2732 с.
3. Рахманова, Л. И. Современный русский язык / Л. И. Рахманова, В. Н. Суздальцева. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1997. – 479 с.
4. Фёдоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Фёдоров. – М. : Астрель, АСТ, 2008. – 878 с.

М. В. Сомова, Ю. А. Южакова
(г. Рязань, Россия)

ЯЗЫК, КОТОРЫЙ МЫ ПЕРЕДАДИМ ПО НАСЛЕДСТВУ

Мы много и часто говорим о русском языке, его роли в духовной жизни общества, статусе на международной арене. Вспоминается высказывание В. Гумбольдта о том, что язык народа есть его дух. Идея о теснейшей связи истории языка и истории народа, на нём говорящего, была обоснована русскими лингвистами Ф. Ф. Фортунатовым, А. А. Шахматовым, доказавшими, что история русского языка является главной составляющей истории русской культуры: «Язык принадлежит обществу, язык принадлежит людям, как членам того или другого общества; язык в числе других элементов сам образует и поддерживает связи между членами общества... язык с течением времени видоизме-

няется, язык имеет историю, но эту историю язык имеет в обществе, т.е. как язык членов общественного союза, и этот общественный союз с течением времени изменятся сам, имеет свою историю» [Шахматов, 1914, с. 34]. Исследование состояния языка и перспектив его функционирования должно способствовать правильной оценке состояния общества и путей его развития.

С нашей точки зрения, оценка состояния языка должна вестись по двум направлениям. Во-первых, это отношение к русскому языку в мире, понимание его роли в качестве языка межнационального общения. Во-вторых, изучение состояния национального языка как средства общения, ибо «тенденции в речи молодых могут стать языковыми реалиями будущего» [Химик, 2004, с. 10].

Когда мы говорим о роли русского языка в мире, первым и наиболее важным аспектом является сохранение русского языка в бывших союзных республиках СССР, а ныне самостоятельных государствах. С одной стороны, необходимо заботиться о защите интересов российских граждан и русскоязычного населения, слабо или вообще не владеющих языком титульной нации. С другой стороны, каждое государство имеет право защищать собственную независимость и самостоятельность, в том числе при помощи языкового фактора, являющегося важным признаком государственности. Такая ситуация сложилась практически во всех государствах СНГ и Балтии, за исключением Беларуси. Государственные структуры стран на постсоветском пространстве, провозгласившие языки титульных наций государственными, объективно заинтересованы в их укреплении. Но делается это нередко за счёт принижения роли и значения или полного вытеснения русского языка. При этом нередко игнорируют интересы собственных граждан, для которых русский язык является или родным, или привычным в качестве языка межнационального и бытового общения. Во многих государствах СНГ в настоящее время стоит выбор языка науки и образования, и выбор этот между русским и английским. Национальные языки уступают основным мировым в перспективах признания трудовых и интеллектуальных ресурсов на международном рынке специалистов. К сожалению, чаще выбирают английский, дающий больше шансов на европейском и американском континентах. Это ведёт к сокращению доли русскоязычного населения, уменьшению количества русских школ, ограничению преподавания на русском языке в вузах, даже гражданской войне, как это происходит на Украине. За тридцать лет появилось поколение, не изучавшее русский язык в школе и воспитанное в обстановке неприязни ко всему русскому. Причём это происходит не только на Украине, аналогичные предпосылки сложились и в других государствах СНГ. Подобная ситуация не обязательно должна привести к межгосударственному конфликту, но напряжение межличностных отношений неизбежно. На самом деле бывшие республики

СССР больше тяготеют к русскому языку и рынку труда в объединённом постсоветском пространстве. Русский язык является языком международного общения. При резком уменьшении доли русского населения количество говорящих на русском языке по-прежнему составляет 70–75 % от общего состава населения.

На этом фоне население этих стран, и не только русское, стремится сохранить или даже укрепить позиции русского языка, считая его необходимым в своём культурном развитии, в укреплении международных связей, в приобщении к научно-техническому прогрессу. Отчасти это связано с привычкой, традиционным отношением к России и её народу. Во многих странах усиливается стремление получить образование на русском языке, поскольку оно качественно выше, чем на родном языке, приобщиться к русской культуре как более развитой и богатой, а через неё к мировой культуре.

Изучение состояния национального языка невозможно без анализа современной языковой личности. Из чего она складывается? Языковая личность формируется из совокупности влияний на неё различных факторов: родителей и социальной группы, потом школы и СМИ, и только на фоне воспринятых влияний происходит собственный выбор. В социальных учреждениях, которые посещает ребёнок, развивают его речь, прививают навыки связного изложения собственных мыслей. Однако нередко этому уделяется недостаточное внимание, часто педагоги и родители слишком мало разговаривают с малышом, не отвечают на его вопросы или обходятся односложными высказываниями типа «да», «нет», повторяют уже произнесённое ребёнком или обрывают малыша на полуслове. В результате такого пренебрежения ребёнок «перестает говорить», предпочитая разговаривать с игрушками (в лучшем случае) или вообще молчать. С этим неумением или нежеланием говорить, боязнью, что его не станут слушать, опасением, что он глуп, ребёнок приходит в школу. Здесь, как нигде, велика роль учителя в формировании картины мира языковой личности. На уроках родной литературы дети мало читают, почти не учат стихотворения, «вопросы по прочитанному» наивны, не требуют развёрнутого ответа. Всё это не способствует формированию развитой языковой личности. Детям не нужно много говорить, правильность ответа в любом случае важнее его грамотного оформления, часто на литературность речи школьника вообще не обращается внимание. В результате мы имеем так называемых «неговорящих» детей. Причём эти дети вовсе не глупы, они лишь не хотят озвучивать свои мысли, ведь проще выбрать в тесте правильный ответ на вопрос. Обычно эти дети много часов проводят за компьютером, который заменяет им родителей, друзей и книги. Школа не только не учит правильно говорить, но и не формирует данной потребности. Современные дети не рассказывают дома о том,

что происходило с ними в школе: незачем, да и не о чем. И «в школу» играть они совсем перестали.

Сформировавшаяся языковая личность осознаёт себя в обществе. Это место оценивается несколько противоречиво. Студенты Рязанского государственного университета уже много лет проводят опрос среди студентов и на улицах Рязани. На вопрос «Считаете ли Вы себя грамотным человеком?» в 2011 г. утвердительно ответили 48 % опрошенных, в 2013 – 70 %, в 2017 г. – 79 % респондентов. Парадоксально, но выросло количество не только положительно ответивших на данный вопрос, но и ответивших отрицательно: в 2011 – 5 %, в 2017 – 12,5 %. На вопрос «Влияет ли то, как Вы говорите, на то, как Вас оценивают окружающие?» положительно ответили в 2011 – 50 %, в 2017 – 86 %. Налицо понимание роли речевой культуры как слагаемого общей культуры человека. А вот при ответе на вопрос «Как Вы произносите слова *торты, звонит, баловать?*» произнесли все слова без ошибок только 10 % опрошенных, допустили одну или две ошибки 62 %, все слова произнесли неправильно 28 % рязанцев. Среди студентов картина лучше: в 2011 г. все слова произнесли правильно 26 % опрошенных, в 2013 г. – 46 %, в 2017 – 51 %.

Анализируя сложившуюся ситуацию, мы попытались сформулировать некоторые её причины. Во-первых, это систематическое нарушение норм, связанное с их незнанием, нежеланием изучать и, как следствие, утверждение их чрезмерной сложности и попытка упрощения. Даже пресловутую букву «ё» используют, по данным нашего опроса, только 16 % пишущих, редко или никогда не используют 84 %. Упрощение орфографии, о котором так много говорится, – первый шаг по пути превращения русского языка в эсперанто. Это, может, и облегчит наше «вхождение в глобализированный мир», но обернётся невозможной утратой национальной самобытности.

Во-вторых, это «американизация» русской речи. Об этом «недуге» говорили ещё писатели и критики пушкинской эпохи (Вспомним: ... *панталоны, фрак, жилет – всех этих слов на русском нет* ...). Большинство этих заимствований никак не мотивировано и ничем не оправдано (например, слова *спонсор, маркет, бутик, бренд, пиар* и т.д.). Наш язык, по меткому определению профессора В. П. Даниленко, «сначала подвергается нашествию заимствований» [Даниленко, 2009, с. 3] в политической сфере, потом варваризмы отвоёвывают себе и другие сферы деятельности, прежде всего тесно связанный с политикой бизнес. Судите сами: *брокер, бренд, денонсация, дилер, дисконт, дистрибьютор, ипотека, инвестор, клиринг, котировка, консорциум, ликвидность, лизинг, ноу-хау, риелтор, секвестр, фьючерс, холдинг* и т.д. и т.п.

В-третьих, популяризация ненормативных вариантов. В традициях России безоговорочная вера печатному слову. Сейчас само понятие «печатное слово» уничтожено. В словарях появляются такие слова,

произнести которые стыдно. Неспециалист, увидевший такое «печатное слово», может сделать вывод, что оно дозволено. Написание напечатанного слова или произнесение его с экрана телевизора запоминается как эталонное, даже если оно неправильно. Убедить человека, а тем более ребёнка, в обратном очень сложно. Чего стоит оглашение результатов экспертизы словарей! На волне повышенного интереса неграмотный комментарий несёт больше вреда, чем пользы. Сенсацией стало мнимое «изменение правил» русского языка. Специалисты знают, что задача словаря – не только констатация эталонного произношения или написания, но и предостережение от возможных ошибок. Произносительная норма неоднозначна, она может быть рекомендательной и запретительной. А теперь многие сделали вывод, что правильно говорить *дОговор* и *чернОЕ кофе*. Вспоминается ситуация на занятии по русскому языку и культуре речи. Студенты проверяли постановку ударения по словарям. Наряду с классическими словарями использовали приложение к одному из учебников, где все слова были записаны в две колонки: слева – правильный вариант, справа – неправильный. Студенты, не удосужившись разобраться в структуре словаря и прочесть заголовки столбцов, вместо литературного варианта выбрали недопустимый. Ответом на недоумение преподавателя была фраза: «Так в словаре написано». Сейчас налицо аналогичная ситуация: прочесть рядом со спорными вариантами помету «разговорное» и объяснить степень ограниченности такого варианта – долг журналиста, дающего комментарий. Столь же губительное значение имеет популяризация жаргона, мата, «албанского» языка.

Если старшее поколение как носитель языка сохранило в целом добротный литературный язык, то подрастающее всё больше отдаёт предпочтение *неформальному* языку. Под этим определением мы имеем в виду язык, используемый в «чатах», в SMS, в телефонных переговорах и просто в повседневном общении молодёжи. Например, восклицание «*Готично!*». Сразу возникает в памяти из «Свадьбы» М. Зощенко: «*Феерично!*» или Эллочка-Людоедка с её «блеск», «жуть», «мрак», «красота». Разница в том, что классики русской сатиры пародировали и высмеивали убогость речи своих героинь, а для большинства молодых людей – это привычная и понятная речь собеседников. Интересен тот факт, что с приходом в школу компьютеров и Интернета грамотность учащихся не только не возросла, а наоборот снизилась.

Всё сказанное выше, на наш взгляд, можно назвать «агрессивными факторами среды», влияющими на становления языковой личности. Конечно, всё сказанное выше обозначает проблему, настоятельно требующую решения. В числе путей выхода из сложившейся ситуации перечислим следующие: активно пропагандировать для чтения образцы художественной литературы, повсеместно, в том числе через Интернет, прививать любовь к родному языку, изменить подходы школьного об-

разования, в том числе форму итоговой государственной аттестации и единого государственного экзамена.

Библиографический список

1. Даниленко, В. П. Языковое чужебесие / В. П. Даниленко // Советская Россия. – 2009. – № 133.
2. Химик, В. В. Язык современной молодёжи / В. В. Химик // Современная русская речь: состояние и функционирование : сб. аналитических материалов. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2004. – С. 7–66.
3. Шахматов, А. А. Фортунатов / А. А. Шахматов // Известие Императорской АН, серия IV. – 1914. – № 14.

З. Р. Шарибжанова
(г. Пенза, Россия)

ТЮРКИЗМЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Одним из способов обогащения русского языка является заимствование. Значительный пласт лексики русского языка составляют заимствования из тюркских языков.

Целью работы является анализ «Словаря тюркизмов в русском языке» Е. Н. Шиповой под редакцией академика А. Н. Кононова с лексической точки зрения и тематическая классификация тюркизмов, входящих в его состав.

Этот словарь уникален. Он «составлен на материале русских и тюркских языков, многочисленных исследований о тюркизмах русских и иностранных авторов и является первым трудом в истории лексикографии в этой области. Словарь включает около двух тысяч слов-тюркизмов. В нём раскрыта этимология этих слов и история их появления в русском языке. Широко представлена также вошедшая в русский язык тюркская лексика, начиная с древнерусских памятников письма. Значительное место отводится устной и просторечной лексике, сохранившейся в русских диалектах и используемой писателями в художественных произведениях, а также в периодической печати» [Шипова, 1972, с. 3].

Тюркизмами в русском языке называют слова, заимствованные из тюркских языков в русский, древнерусский и праславянский языки в разные исторические периоды. К ним же относят слова тюркского происхождения независимо от языка-посредника. Они обладают ярким фонетическим признаком, называемым сингармонизмом гласных (явление, при котором все гласные в слове одного ряда): *айран, басман, атаман, бурундук, джигит, керемь*. Однако этот признак можно об-

наружить не всегда: *бергамот, боярин, тенька, шатёр* и т.д. Чтобы быть уверенным в происхождении таких слов, необходимо обращаться к этимологическим словарям.

В развитии русско-тюркских языковых связей выделяется несколько исторических периодов. Древнейшим является праславянский период. Он продолжается с первых веков нашей эры до образования Киевской Руси. С VI–VII вв. н. э. славяне вступают в торговые взаимосвязи с тюрками-аварами, а позже – с хазарами, волжскими болгарами и другими тюркскими племенами, а также с иранцами и финно-уграми [Шипова, 1972, с. 6].

К древнейшим заимствованиям относится, например, слово *баба* и его производные *бабай* и *бабайка*. Несмотря на то, что ряд учёных (Н. М. Шанский, Т. А. Боброва, Г. А. Крылов) считают, данное слово пришло во взрослый русский язык из детского, а образовалось путем удвоения изначального *ба* (точно так же образовалось и слово «мама»), Е. Н. Шипова вводит его в свой словарь, ссылаясь на «Этимологический словарь» М. Фасмера, «Словарь живого великорусского языка» В. И. Даля и на «Словарь иностранных слов» (М., 1937). «Баба у тюркских народов – почётное обращение к старшему по возрасту» [Словарь иностранных слов, 1937, с. 87].

Русский и тюркские народы издревле находились в тесном контакте, который был обусловлен территориальной близостью и необходимостью поддерживать торгово-экономические связи. Эти обстоятельства потребовали от народов знания языков своих соседей. «Частые поездки русских князей в Орду, общение с представителями Орды вызвали к жизни появление первых переводчиков-толмачей (тюрк. *тыл, тил* – язык)» [Кононов, 1972, с. 16].

В период Киевской Руси (X–XII вв.) заметно оживились взаимоотношения русских с кыпчакскими (половецкими) и огузскими племенами. К этому времени относится выдающийся памятник древнерусской литературы «Слово о полку Игореве», сохранивший много половецких слов.

Наличие явных тюркизмов в «Слове...» породило тюркологическую традицию его изучения. Интересным, на наш взгляд, является предположение В. А. Воронцова о том, что слово *Дунай* в произведении могло обозначать вовсе не известную европейскую реку, а тюркский мир. Эту точку зрения лингвист основывает на материалах «Древнетюркского словаря» и «Словаря народных географических терминов» Э. М. Мурзаевой, где *дунья* – «мир, вселенная» (тюркск.) [Воронцов, 2006, с. 6].

Проникновение наибольшего количества тюркских слов в русский язык приходится на XII–XV в., вошедшие в историю России как мрачный период монголо-татарского ига. Знакомые нам со школьной скамьи *баскак, ярлык* появились в русском языке именно в это время.

Проанализировав «Словарь тюркизмов в русском языке», мы выделили двадцать семь тематических групп: «Аксессуары» (19 сл.), «Анатомические названия» (16 сл.), «Блюда и напитки» (160 сл.), «Военное дело» (35 сл.), «Действия» (104 сл.), «Деньги и разного рода плата» (34 сл.), «Заведения» (15 сл.), «Меры» (8 сл.), «Местность» (143 сл.), «Мифология и литература» (24 сл.), «Музыкальные инструменты» (17 сл.), «Одежда, обувь, головные уборы, ткани» (209 сл.), «Погодные явления» (26 сл.), «Постельные принадлежности, ковры, мебель» (36 сл.), «Посуда» (76 сл.), «Праздники» (10 сл.), «Признаки предметов» (57 сл.), «Разное» (169 сл.), «Религия» (21 сл.), «Социальный статус» (170 сл.), «Строения, помещения, жильё» (38 сл.), «Слова, обозначающие умственную и физическую характеристику человека» (69 сл.), «Транспортные средства» (24 сл.), «Украшения» (9 сл.), «Утварь» (92 сл.), «Фауна» (273 сл.), «Флора» (146 сл.). Остановимся на некоторых из них.

Больше всего слов оказалось в группе «Фауна». Преимущественно это слова, обозначающие мелкий и крупный рогатый скот, а также непарнокопытных животных и их гибридов. Примечательно, что многие названия указывают на возраст животного: *башмачок*, м., обл. (симб.) годовалое домашнее животное (телёнок); *боровчак*, м., обл. (вост.-сиб.) годовалый теленок; *бурун III*, м., обл. (сиб.) годовалый бычок; *бушмак*, ж., обл. (оренб.) годовалая тёлка (тат.); гунак, *гуначик*, м., обл. (вост.-сиб.) телёнок по третьему году; *гунан*, ж., обл. (сиб.) трёхлетний телёнок или жеребёнок; *даган*, ж., обл. (сиб., астрах., забайк.) двухгодовалый жеребёнок; (сиб., астрах.) годовалый жеребёнок, стригун и другие.

Важно отметить, что почти в каждой группе встречались диалектизмы. Наибольшее их количество по отношению к общеупотребительной лексике было выделено в этой же группе. С примечанием «обл.» оказалась одна третья часть слов (91/273).

На втором месте группа «Одежда, обувь, головные уборы и ткани». Многие из этих слов являются на данный момент устаревшими: *шишак*, ж., стар. металлический шлем с острием (шишом) с шишкой наверху, шлем, каска с гребнем, с конским хвостом, с перьями; *шугай*, м., стар. и обл. род женской короткополой кофты, род сарафана для старух; *лудан*, м., стар. ткань камка или род камки || обл. (пенз.) шёлковая вещь, платок, передник; луданный, лудановый (пенз.) шёлковый [Даль, 2000, с. 271]. Но также сохраняются лексемы, активно функционирующие в современном русском языке: *атлас*, *бахрома*, *башмак*, *войлок*, *кушак*, *паранджа*, *парча*, *шаль*, *штаны* и т.д.

Стоит обратить внимание на группу «Социальный статус», оказавшуюся по количеству слов на третьем месте. Несмотря на то, что слова *падишах*, *паша*, *визирь*, *ага*, *бей*, *кади*, *эфенди*, *янычары*, входящие в эту группу, не относятся к активному запасу, наши соотече-

ственники их неплохо знают, так как являются поклонниками турецких сериалов.

Группа «Слова, обозначающие умственную и физическую характеристику человека» показалась нам интересной тем, что составляющие ее слова в большинстве случаев имеют негативную окраску: *абаза*, м. и ж., бран. бестолковый басурманин; *абатур*, м., *абатура*, ж., обл. (ряз., вят., влад.) упрямец, наглец, нахал; *болван*, м. 1. бестолковый, неуклюжий, невежливый человек, глупец, дурак; *музавер*, м., обл. (кур., орл., укр.) безбожник, неверный; басурман, злодей; *наян*, м., обл. нахал, наглец; попрошайка; *хайдук*, м., обл. (казан.) вор, буян, грабитель; *ханжа*, м. он ж. притворно набожный; лицемер, святоша; *шалагай*, ж., обл. (тамб.) дармод, повеса и т.д. Из шестидесяти девяти слов лишь двадцать четыре относятся к положительной характеристике человека.

Вышедший в 1976 году «Словарь тюркизмов в русском языке» Е. Н. Шиповой стал на то время итогом сбора и систематизации материала, касающегося изучения тюркизмов в русском языке. Словарь по сей день не имеет аналогов. Значит ли это, что интерес к тюркским заимствованиям исчез? Конечно, нет. Несмотря на сложность изучаемого материала и ограниченность источников, исследования в этой области продолжаются.

Библиографический список

1. Воронцов, В. А. Скрытые и явные тюркизмы в «Слове о полку Игореве» / В. А. Воронцов. – Казань : Изд-во Института истории АН РТ, 2006. – 222 с.
2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Русский язык, 2000. – Т. 2. – 779 с.
3. Кононов, А. Я. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период / А. Я. Кононов. – Л., 1972. – 344 с.
4. Словарь иностранных слов. – М. : Гос. ин-т «Советская энциклопедия», 1937. – 723 с.
5. Шипова, Е. Н. Словарь тюркизмов в русском языке / Е. Н. Шипова. – Алма-Ата : «Наука» КазССР, 1976. – 392 с.

ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Ю. А. Акямсова
(г. Пенза, Россия)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРАКТИВНЫХ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ РАССКАЗОВ В. М. ШУКШИНА НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ В СТАРШИХ КЛАССАХ

Василий Макарович Шукшин – уникальное явление русской культуры. «Если бы Василий Шукшин был только актёром, только режиссёром, только сценаристом и драматургом и, наконец, только прозаиком, то и тогда, в этом каждом отдельном случае, мы имели бы перед собой выдающееся дарование» [Залыгин, 1974, с. 31], – писал С. П. Залыгин. Как писатель В. М. Шукшин сложился необыкновенно быстро. Его книги дали основание критике говорить о появлении в литературе «шукшинского» героя, «шукшинского» языка, «шукшинской» сфере действительности.

Творчество В. М. Шукшина находит отражение в современных школьных программах по литературе.

В школьной практике изучения литературы достаточно методического опыта работы с произведениями писателя на уроках литературы и внеклассного чтения в средних и старших классах. Однако современный деятельностный подход к обучению требует приобретения учащимися опыта разнообразной деятельности. В связи с этим особое место отводится интерактивным методам, предполагающим коммуникацию, основанную на активном взаимодействии всех участников образовательного процесса.

Вовлечению ученика в активный процесс получения и переработки знаний помогает работа в малых группах или технология обучения в сотрудничестве, обеспечивающая успешное усвоение учебного материала всеми учениками, интеллектуальное и нравственное развитие, самостоятельность учащихся, обогащение речевой сферы, коммуникативную активность.

Для оптимальной работы класс делится на группы по пять человек. Школьникам предлагается распределить внутри группы роли (координатор, редактор, спикер и др.) Каждой из групп предлагаются карточки с заданиями (аналитическими, аналитико-конструктивными, конструктивными) и даются инструкции к их выполнению. В зависимости от цели работы и этапа, на котором эта работа проводится, зада-

ния могут быть одинаковыми для каждой группы или различными. Результатом совместной деятельности учащихся будет речевое высказывание, подготовленное в ходе обсуждения или поэтапного выполнения каких-либо действий. Подготовленное в сотрудничестве речевое высказывание озвучивает спикер, или каждый из членов группы выступает с ответом на конкретный вопрос, ориентируясь на карточку-инструкцию.

Рассмотрим возможности обучения в сотрудничестве при изучении рассказов В. М. Шукшина на уроках литературы в старших классах.

Урок начинается с лекции учителя, цель которой – показать своеобразие шукшинской прозы, особенности характеров его героев-«чудиков», тем самым раскрыть мировосприятие самого мастера слова, а также дать школьникам образец анализа (на примере одного из рассказов).

Следующий этап урока – практикум. Его целесообразно провести, используя метод сотрудничества в малых группах. Карточки-инструкции для всех групп будут одинаковыми, а произведения для анализа – разными. Приводим пример карточек-инструкций.

Карточка-инструкция для группы № 1

Проанализируйте рассказ В. М. Шукшина «Сапожки», следуя указанным заданиям:

1. «В художественном мире Шукшина герою, который задумался, испытал потребность понять себя, уже ощутил внутреннюю дисгармонию души, но ещё не сумел ответить на «проклятые» вопросы, принадлежит огромное место. Герои чувствуют глубокую неудовлетворённость, теряют душевный покой. Они мечтают. Ищут. Жаждают. Не просто праздника, а праздника души» [Горн], – писал о шукшинском герое В. Ф. Горн.

Как это наблюдение литературоведа находит подтверждение в рассказе?

2. «У Шукшина описания почти отсутствуют, даже портретные; так бросит одну деталь, но речь персонажей так выразительна, что человек живёт и виден. И суть не только в том, что автор хорошо знает, я сказал бы – чувствует, словарь современного русского языка, а в каком-то волшебстве диалога – люди обмениваются малозначительными фразами... а за этими фразами, скорее словами, видишь человека характер» (В. И. Коробов) [Коробов].

Найдите в рассказе подтверждение словам исследователя творчества В. М. Шукшина.

3. Рассказчик у Шукшина, по мнению литературоведа Н. Л. Лейдермана, «всегда остаётся на позициях народного опыта и нравственных представлений народа... Идеино-художественная роль подобной

позиции повествования состоит в том, что, цементируя художественный мир рассказа своей точкой зрения, повествователь органичен этому миру – он одновременно внутри него и вокруг него, а вместе с тем, он не «выступает», он как бы «стушёвывается», чтобы не отвлекать на себя внимания от ядра рассказа – от диалога...» [Лейдерман, 1996, с. 286].

Как такая трактовка образа рассказчика проявляется в анализируемом рассказе?

4. Н. Л. Лейдерман так определил жанровое своеобразие рассказов писателя: «Суть шукшинского рассказа – в принципиальной нерасторжимости комизма и трагизма, драмы и эпоса, которые к тому же существуют в ореоле лирического сопереживания автора-повествователя. Вот почему крайне трудно каким-то одним коротким термином обозначить эту жанровую структуру, приходится обходиться описательным названием – «шукшинский рассказ». Одно совершенно ясно: жанровая форма рассказа Шукшина несёт философскую концепцию человека и мира» [Лейдерман, 1996, с. 305].

Подтвердите наблюдение учёного на примере анализируемого рассказа.

5. «Нам бы про душу не забыть, нам бы с нашими скоростями не забыть, что мы люди, что мы должны быть...» (В. М. Шукшин).

Подтвердите позицию писателя, опираясь на предложенный для анализа рассказ. Дайте своё продолжение этому высказыванию.

Таким образом, работая в пяти группах, учащиеся проанализируют, например, такие рассказы писателя: группа № 1 «Сапожки»; группа № 2 «Микроскоп»; группа № 3 «Алёша Бесконвойный»; группа № 4 «Упорный»; группа № 5 «Мастер».

Итак, интерактивные методы обучения, в частности обучение в сотрудничестве, даёт возможность каждому учащемуся внести свой вклад в общий результат групповой работы, совершенствовать когнитивную, коммуникативно-речевую, рефлексивную деятельность школьников.

Библиографический список

1. Горн, В. Ф. Характеры Василия Шукшина / В. Ф. Горн. – URL: <http://www.host2k.ru/library/harakter-vasiliya-shukshina4.html>
2. Залыгин, С. Памяти Василия Шукшина. Некролог / С. Залыгин // Огонек. – 1974. – № 2. – С. 31–32.
3. Коробов, В. И. Василий Шукшин: Веще слово / В. И. Коробов. – URL: <http://litfile.net/web/>
4. Лейдерман, Н. Л. Русская литературная классика XX века : монографические очерки / Н. Л. Лейдерман. – Екатеринбург, 1996.

ИНТЕРАКТИВНЫЕ МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

При изучении русского языка как иностранного (РКИ) одной из основных целей является формирование межкультурной компетенции, проблемы понимания и взаимопонимания людей разных национальностей. Понять «другое», адекватно объясниться с «чужим», правильно интерпретировать иные культурные знаки – такие задачи решаются на занятиях по РКИ. Проанализировав литературу, можно выделить два подхода к определению сущности межкультурной коммуникации: лингвистический, который относит процессы межкультурной коммуникации по природе к речевой деятельности, и культурно-антропологический [Куликова, 2004, с. 20].

Межкультурная коммуникация, т.е. общение языковых личностей, которые принадлежат к различным лингвокультурным сообществам, представляет собой взаимодействие «говорящих сознаний» [Бахтин, 1998, с. 361]. Поэтому межкультурная коммуникация – это интерактивный процесс, процесс взаимодействия, участниками которого являются представители различных культур.

Любое коммуникативное задание не только включает, но и формирует у учащихся мотивационно-потребностный план деятельности. Побуждающий уровень является импульсом всего процесса речепроизводства и представляет собой соединение мотива и коммуникативного намерения, что находит своё воплощение в формулировке коммуникативного задания. Оно формулируется таким образом, что возникший у учащихся мотив объясняет характер любого речевого действия, а коммуникативное намерение выражает то, какую коммуникативную цель преследует говорящий / слушающий. Специфика коммуникативного упражнения в интерактивном обучении заключается и в том, что само задание в упражнении органически «вплетено» в контекст неформального общения преподавателя с группой и каждый раз выступает как естественная ситуация, в которой находятся участники этого общения – члены учебной группы. Управление обучением осуществляется за счёт включения в каждое коммуникативное задание коммуникативного намерения всех партнёров общения, конкретной ситуации общения и так далее. Предмет, средства и способы высказывания, как и форма взаимодействия партнёров, в одних случаях предлагаются в готовом виде как образец, в других – формируются в совместном общении всей группой или же самостоятельно учащимся. Именно эти элементы состава коммуникативного задания меняются вместе с изменением уровня упражнения на пути продвижения к конечным целям обучения.

Характеризуя коммуникативное упражнение в интерактивном обучении, следует остановиться на понятии ситуативной направленности упражнений.

Представления о речевой ситуации (РС) являются определяющими в организации упражнений по иностранному языку. Вопрос о применении РС в обучении иноязычному общению подробно рассматривался в работах Л. Л. Алхазисвили, И. М. Бермана, В. А. Бухбиндера, П. Б. Гурвича, И. А. Зимней, Д. И. Изаренкова, А. А. Леонтьева, Е. И. Пассова, В. Л. Скалкина и других. Наиболее распространённое определение понятия «ситуация» – совокупность обстоятельств реальной действительности, в рамках которой разворачиваются события и действия [Пассов, 1991, с. 45]. По мнению Е. И. Пассова, взаимоотношения, которые складываются в процессе общения, как бы «отягощены» ситуативной позицией. А это является главным в отношении интерактивных методов. Нельзя не отметить и виды ситуаций, выведенных Е. И. Пассовым. Взаимоотношения между общающимися, по мнению Е. И. Пассова, задаются четырьмя факторами:

- социальный статус человека;
- роль человека, как субъекта общения;
- выполняемая деятельность;
- нравственные критерии.

Соответственно, выделяются следующие виды взаимоотношений:

- статусные;
- ролевые;
- деятельностные;
- нравственные.

Данные виды ситуаций непосредственно связаны с формой организации интерактивного обучения.

В интерактивном обучении внеязыковые ситуации входят в состав коммуникативного задания. Принцип интерактивного общения отражается на характеристиках взаимодействия преподавателя и студентов. Принцип ролевой организации учебного процесса тоже связан с характером взаимодействия, т.е. личностном решении коммуникативной задачи. Принцип коллективного взаимодействия неотделим от формы исполнения, решения коммуникативной задачи. А содержание взаимодействия отражает принцип полифункциональности упражнений.

Интерактивное обучение предполагает отличную от привычной логику образовательного процесса. Не от теории к практике, а от формирования нового опыта (навыка) к его теоретическому осмыслению. Опыт и знания участников служат источником их взаимообучения и ценностного взаимообогащения. Делясь своими знаниями и опытом деятельности, участники берут на себя часть обучающих функций преподавателя, что повышает их мотивацию и способствует большей эффективности обучения. Эффективность интерактивного обучения связана также с особенностями человеческого восприятия.

В настоящее время к интерактивным образовательным технологиям относят игровые, дискуссионные, тренинговые, рейтинговые и рефлексивные технологии.

Комфортность пребывания студента в другой стране и (как следствие) эффективность его обучения и снижение конфликтных ситуаций прямо пропорционально зависят от сформированности межкультурной компетенции.

Следовательно, межкультурная компетенция представляет собой способность понимать, уважать и продуктивно использовать культурные условия и факторы, влияющие на восприятие, оценку, чувства и поступки субъектов межкультурного взаимодействия, позволяющую им приспосабливаться друг к другу, быть толерантными и развивать эффективные способы сотрудничества. Межкультурная компетенция описывает способность организовывать процесс межкультурного взаимодействия таким образом, чтобы совместный поиск продуктивного решения проблем происходил в обстановке взаимного уважения и согласия, исключаящего любого рода непонимание.

Библиографический список

1. Бахтин, М. М. К методологии гуманитарных наук / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М., 1998.
2. Куликов, И. С. Обучающий словарь лингвистических терминов : учеб. пособие для студентов высших педагогических учебных заведений / И. С. Куликова, Д. В. Салмина. – СПб. ; М. : Наука, 2004.
3. Пассов, Е. И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению / Е. И. Пассов. – 2-е изд. – М. : Просвещение, 1991.

Р. Р. Грдзелян
(г. Ереван, Армения)

МЕТОДОЛОГИЯ ЛИНГВИСТИКИ КАК ОСНОВА ГУМАНИТАРНОГО (ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО) ОБРАЗОВАНИЯ

Лев Толстой утверждал, что «мир, наверное, не такой, каким мы его познаем: будут другие орудия познания и будет другой мир» [Толстой, 1928–1958, с. 131]. Одной из основных областей, которыми занимается эпистемология, является изучение вопросов, связанных с *теорией метода*. Еще Р. Декартом было отмечено: «Уж лучше совсем не помышлять об отыскании каких бы то ни было истин, чем делать это без всякого метода» [Декарт – эл. ресурс]. А. Чехов в письме к А. Плещееву тоже писал о важности метода: «Важно не то, что у него есть определенные взгляды, убеждения, мировоззрение – всё это в данную минуту есть у каждого человека, – но важно, что он обладает методом;

для аналитика, будь он ученый или критик, метод составляет половину таланта» [Чехов, 1974–1983].

В современной философии вопросами эпистемологии занимаются с двух различных точек зрения. Одно направление уделяет большее внимание изучению иррациональных способов познания, в частности интуиции и пониманию, а также поиску критериев научности. Другое направление занимается рассмотрением абстрактной структуры знаний, а также социальных предпосылок их создания и функционирования.

Остановимся лишь на одной из указанных проблем – на проблеме *интуиции* (и одном из её проявлений – *языковом чутье*). С интуицией связана определённая методологическая сложность, с которой часто сталкивается лингвист. С одной стороны, именно тонкое проникновение в суть значений и смыслов, особое «предчувствование» того, «где нужно искать» и от чего отталкиваться в этих поисках, – необходимое условие в данном случае создания последующей объективной базы доказательств. С другой же стороны, подобный анализ несёт в себе определённую долю субъективности, что может сделать его уязвимым. Подобная проблема трудно устранима и требует определенных пояснений.

В латинском языке, из которого заимствовано в европейских языках слово «интуиция», лексема *intuere* имела значение 'глядеть', а позднелатинская лексема *intuicio* обозначала 'созерцание', что во многом отражает суть явления, именуемого «интуицией». В. С. Соловьёв, разъясняя роль интуиции в философском познании, отмечал, что она противопоставляется рефлексии и представляет собой «непосредственное усмотрение чего-либо в качестве истинного, целесообразного, нравственно доброго или прекрасного» [Мир философии, 1991, с. 561]. В современном русском языке слово «интуиция» понимается как 1) чутьё, тонкое понимание, проникновение в самую суть чего-нибудь; 2) непосредственное, без обоснования доказательствами постижение истины [Ожегов, 1990, с. 252].

Известный французский лингвист, основоположник психосистематики и теории лингвистического ментализма Гюстав Гийом одну из задач лингвиста видит «в рассмотрении с очень близкого расстояния и с помощью глубоких размышлений того, как образованы языковые сущности, которые в сформировавшихся и привычных для нас языках приняли форму слова» [Гийом, 2004, с. 21]. При этом большое место в «глубоких размышлениях» учёного-лингвиста Г. Гийом уделяет интуиции, поскольку истина познаётся не только умом, но и сердцем. При определении интуиции как инструмента познания Г. Гийом «часто опирается на авторитет Лейбница, Локка, Паскаля и Пуанкаре» [там же, с. 180]. В одной из своих лекций он приводит цитату, принадлежащую предположительно Паскалю: «Именно так мы постигаем первоосновы, и напрасно рассуждение, которое в этом не участвует, пытается

ся с ним бороться... Нужно, чтобы именно на эти знания сердца и инстинкта опирался разум и основывал бы на них свою речь» [там же, с. 23]. Вероятно, лингвистика в большей мере, чем другие науки, исходит из первичного интуитивного толчка, «опирается на знания сердца». Но одновременно с этим, как считает Г. Гийом, язык является еще и *хранителем* интуиции, интуитивных операций – тонкой, инстинктивно осознаваемой механики. Интуиция – это такой уровень деятельности, «над которым у нас нет контроля и сила которого заключается не в увеличении наших знаний, а в увеличении ясновидения, без которого стало бы невозможным приобретение знаний» [там же, с. 24]. Как сказал известный французский математик Анри Пуанкаре: «Логика служит доказательству, а интуиция изобретению... Интуиция – это способность, которая учит нас видеть; без неё геометр был бы подобен писателю, подкованному в грамматике, но лишённому идей» [там же, с. 180].

Таким образом, язык является наиболее сложным объектом для наблюдения, поскольку он одновременно и наблюдаем, и не наблюдаем. Предмет исследования лингвистики – язык – одновременно является «преднаукой и условием существования всех наук», поэтому лингвистика должна проникнуть в область «природного знания», т.е. в то самое ясновидение, «озарённое лингвистическое предсознание» [там же, с. 178].

Эффективность лингвистического анализа в большой степени зависит от интуиции, которая, являясь «первотолчком», должна, однако, уступать место анализу, основанному на языковых фактах. Например, наблюдения над семантикой языка часто бывают слишком тонкими, а потому легко ускользающими и подчас трудно воспринимаемыми.

Научная методология понимается как «применение принципов мировоззрения к процессу познания» [Степанов, 1975, с. 3], она основывается на определённых философских воззрениях и является базой для разработки того или иного научного метода. Как известно, основными понятиями методологии науки являются – научный метод, теория, гипотеза, наблюдение, эксперимент: «Мы располагаем тремя основными средствами: наблюдением природы, размышлением и экспериментом. Наблюдение собирает факты; размышление их комбинирует; опыт проверяет результаты комбинаций. Необходимо, чтобы наблюдение природы было постоянным, размышление – глубоким, а опыт – точным. Эти средства редко оказываются соединёнными. Вот почему творческих умов не так много» [Дидро – эл. ресурс].

Научный метод представляет собой «способы теоретического освоения наблюденного и выявленного в эксперименте» [Степанов, 1975, с. 3], а также способы получения новых знаний. Научный метод обладает важным свойством – системностью. Это упорядоченный способ познания и исследования объекта: «Метод представляет опреде-

лённый подход к изучаемому явлению, определённый комплекс положений, научных и чисто технических приёмов, применение которых даёт возможность изучить данное явление. Поэтому метод всегда является системой» [Общее языкознание, 1973, с. 258].

Таким образом, научный метод предполагает комплекс разработанных способов выявления объекта исследования и наблюдения над эмпирическим материалом, размышление над ним, его систематизацию, таксономию и понимание рассматриваемого явления как особый вид научной рефлексии.

Любой научный метод предполагает создание научной теории, которая представляет собой обобщение, совокупность выявленных закономерностей и положений. Создание теории связано с наблюдением над исследуемым объектом и его пониманием. «Построить теорию – это значит понять в самом высоком смысле. Теория – это высшая степень понимания. Отсюда вытекает необходимость завершить понимание вещей построением теории» [Гийом, 2004, с. 44]. Однако если представить научную теорию как некую целостность, состоящую из двух соотносящихся актов – наблюдения и понимания, – то в природе и традициях различных наук указанное соотношение не будет одинаковым. Так, в традиционном языкознании, по мнению Г. Гийома, удельный вес наблюдений превышает удельный вес понимания. Наблюдению в традиционном языкознании придаётся особое значение, поскольку сбор конкретного эмпирического материала всегда представлял для лингвиста большую ценность. Однако «конкретность наблюдается, но не понимается. Для самого малого понимания требуется посредничество абстрактного рассуждения» [там же]. Говоря о лингвистическом анализе, Г. Гийом вводит ещё одно крайне важное для лингвиста понятие – *видение*. К постижению, осмыслению и пониманию исследуемого языкового материала лингвист может прийти через особое видение наблюдаемого, личностное восприятие окружающего. «Было бы правильнее сказать, что нет видения, лишённого всякого понимания, а отсюда и утверждать, что большее видение, видение высшего уровня исходит часто в виде озарения, неожиданно, из глубокого понимания. Постоянная позиция лингвиста должна заключаться в непрерывном поиске видения, присущего глубокому пониманию» [там же]. Таким образом, спецификой лингвистического исследования можно считать тот факт, что к пониманию, к осмыслению языкового материала часто возможно прийти не только через поэтапные логические рассуждения, но также и через особое видение, а иногда и озарение (интуитивное понимание). Г. Гийомом составлена схема, вскрывающая механизм понимания при лингвистическом анализе. Она представляет собой ряд челночных действий от наблюдения к пониманию и обратно к наблюдению на качественно новом уровне, и вновь к пониманию тоже на качественно новом уровне и так до бесконечности. Степень понимания может быть самой разной.

С видением, по Г. Гийому, связана также проблема доказательства в науке. По утверждению А. Мейе, «наука живёт не истинами, а доказательствами». Считая данное утверждение глубоко верным, Г. Гийом думает, что оно заслоняет собой тот факт, «что человеческий разум устроен таким образом (особенно у тех, у кого он достиг особенной остроты), что он предвидит истины задолго до того, как сможет получить доказательства» [Гийом, 2004, с. 27]. С одной стороны, к истине следует приходить через доказательство: истинно то, что доказано. С другой же стороны, истину иногда можно уловить издалека, тогда, когда доказательство ещё невозможно. Вероятно, именно это явление можно назвать гипотезой – научным предположением, выдвигаемым для объяснения какого-либо явления. Однако здесь, возможно, есть и разница: гипотеза формулируется как чистое предположение с опорой на факты, но без доказательств (ср. также понятие «рабочая гипотеза», которая представляет собой один из «рабочих» этапов при создании теории); «схваченная истина» тоже требует доказательств, но тем не менее изначально предстаёт как истина, как продукт интуитивного «озарения».

Мы остановились на взглядах Г. Гийома по двум причинам. Во-первых, его научная деятельность – это деятельность лингвиста-философа, «чистого» теоретика, ставящего теорию превыше всего, а также считающего, что любая теория движется навстречу фактам и только затем факты формируют теорию. Во-вторых, в своих взглядах он изначально придерживается системности; его научные размышления всегда направлены на выявление взаимных связей между языковыми феноменами. В заключение приведем его слова: «Поваром становятся, кулинаром рождаются. Так же, как мне представляется на основании собственного опыта, историком становятся, а теоретиком рождаются. К счастью или к несчастью, я родился теоретиком» [Гийом, 2004, с. 25].

Библиографический список

1. Гийом, Г. Принципы теоретической лингвистики / Г. Гийом. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 224 с.
2. Декарт, Р. Правила для руководства ума / Р. Декарт. – URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/3958>
3. Дидро, Д. Мысли к истолкованию природы / Д. Дидро. – URL: <http://www.kph.npu.edu.ua!/e-book/clasik/data/diderot/interpretation.html>
4. Мир философии. – М. : Изд-во политической лит-ры, 1991. – Ч. 1. – 672 с.
5. Общее языкознание: Методы лингвистических исследований. – М. : Наука, 1973. – 318 с.
6. Ожегов, С. И. Словарь русского языка. / С. И. Ожегов. – 22-е изд-е. – М. : Русский язык, 1990.

7. Степанов, Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики / Ю. С. Степанов. – М. : Наука, 1975.

8. Толстой, Л. Н. Полное собрание сочинений в 90 томах / Л. Н. Толстой. – М. : Государственное изд-во художественной лит-ры, 1928–1958. – Т. 53.

9. Чехов, А. П. Письмо Плещееву А. Н., 6 марта 1888 г. Москва / А. П. Чехов Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Письма : в 12 т. // АН СССР. Ин-т мировой лит-ры им. А. М. Горького. – М. : Наука, 1974–1983. – Т. 2. – С. 210–211.

*А. К. Григорьева, И. И. Московкина
(г. Пенза, Россия)*

ПЕНЗЕНСКАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ «ПРОЧтение»

В современных условиях системного кризиса читательской культуры проблема чтения осознается как общенациональная и государственная, о чём свидетельствует ряд документов, в числе которых Стандарт основного общего образования 2010 г., Концепция преподавания русского языка и литературы, Национальная программа поддержки и развития чтения и др. Проблема чтения может и должна быть решена, потому что «нечтение», по мнению И. Бродского, высказанному в Нобелевской лекции, является тягчайшим преступлением против литературы, за которое «человек расплачивается всей своей жизнью», а нация «всей своей историей».

Хорошо известно, что развитие информационных технологий, глобализация и коммерциализация средств массовой информации, возрастание роли «экранной» культуры, активное воздействие на формирование досуга индустрии развлечений – эти и другие факторы обуславливают снижение интереса к книге и чтению. Дети перестают читать, следовательно, страдают грамотность и интеллект, эмоциональное и нравственное развитие. «Современная ситуация с чтением в России представляет собой системный кризис читательской культуры, – отмечается в «Национальной программе поддержки и развития чтения». – Россия подошла «к критическому пределу пренебрежения чтением», за которым «можно говорить о начале необратимых процессов разрушения ядра национальной культуры».

Одним из конструктивных решений заявленной проблемы является объединение усилий различных ведомств для создания и поддержания так называемой инфраструктуры чтения – своеобразной культурной среды, находясь в которой, человек формируется и воспитывается как читатель, осознающий ценность книги и чтения для

выстраивания собственной жизненной траектории. На создание такой среды в образовательных организациях Пензенской области направлена **региональная образовательная технология «ПРОчение»**, разработанная в центре гуманитарного образования ГАОУ ДПО «Институт регионального развития Пензенской области».

Под образовательной технологией мы понимаем «научно и / или практически обоснованную систему деятельности, применяемую человеком в целях преобразования окружающей среды, производства материальных или духовных ценностей» [Селевко, 2005, с. 3]. Образовательную технологию характеризует ряд признаков: системность, комплексность, концептуальность, управляемость, вариативность и гибкость.

Образовательная технология «ПРОчение» разработана с учётом основных положений Концепции преподавания русского языка и литературы вместе с утвержденными в законодательном порядке Федеральными государственными образовательными стандартами (ФГОС) и Примерными основными образовательными программами (ПООП). Её *концептуальные основы* опираются на понимание чтения как сложного и многоаспектного социально-педагогического феномена, который характеризуется (по Т. Г. Галактионовой):

- пониманием роли чтения в современном мире как средства вхождения человека в культуру и важнейшего фактора его личной успешности в различных сферах жизнедеятельности;
- изменением условий социальной коммуникации в пространстве чтения, усилением роли социального окружения и функции социально-педагогического взаимодействия (*открытое сообщество чтения*);
- новыми типами, формами и многоплановым содержанием текстов, доступностью и мобильностью текстовой информации (*открытый текст*);
- новым типом читателя-школьника, для которого характерны, с одной стороны, преобладание прагматического отношения к чтению, с другой – многообразие и свобода выбора способов постижения и порождения текстов различной природы (*открытый читатель*).

Воспитание читателя – длительный процесс, требующий системной работы и поэтапного решения задач обучения и воспитания, поэтому технология «ПРОчение» реализуется на всех уровнях образования, а решаемые задачи характеризуют как урочную, так и внеурочную деятельность. Так, главная задача на этапе *дошкольного образования* – создание условий для приобщения ребёнка к книге и чтению на основе овладения методом чтения-рассматривания, а также возрождения традиций семейного чтения. На этапе *начального общего образования* одновременно с формированием технических умений чтения в учебной деятельности школьник овладевает основами работы с текстовой информацией, а в системе внеурочной деятельности включается в инфра-

структуру чтения через знакомство с возможностями школьной и/или других библиотек. Формирование потребности в систематическом чтении происходит на этапе *основного общего образования*. В учебной деятельности школьник осваивает способы рационального чтения (просмотровое, ознакомительное, изучающее), овладевает основными стратегиями чтения и работы с текстовой информацией, азами библиотечно-библиографической грамотности. Во внеурочной деятельности в этот период школьной жизни происходит формирование круга чтения и читательских предпочтений, закладываются основы ценностного отношения к книге и чтению. Эти процессы получают развитие и завершение в *старшей школе*, когда обучающиеся не только овладевают более широким набором стратегий чтения и работы с текстовой информацией, но и осваивают приемы создания вторичных текстов, учатся использовать текстовую информацию для решения практических задач. Важным направлением работы в этот период является формирование читательского вкуса, основ читательской культуры.

Очевидно, что эффективное решение данных задач возможно при условии создания в образовательной организации культурной (читательской) среды, которая, объединяя всех участников образовательного процесса (педагогов, библиотекарей, обучающихся, их родителей), представляет собой сложную и многоуровневую систему взаимодействий в рамках урочной и внеурочной деятельности, дополнительного образования и самообразования. Формы взаимодействия многочисленны и многообразны: родительские собрания и родительские всеобучи, педагогические советы и заседания методических объединений, уроки и факультативные (элективные) курсы, проектная деятельность, конкурсы, игры, акции и мероприятия, направленные на поддержку и продвижение чтения. Обязательным условием эффективности работы по созданию и развитию читательской среды является переход от отдельных мероприятий к системной организации деятельности, а также межведомственное взаимодействие учреждений образования и культуры, регулярные мониторинговые исследования, развитие социального проектирования.

Одним из главных инструментов реализации технологии является конкурс проектов «Читающая школа». В 2016 г. в нём приняли участие 44 образовательные организации г. Пензы и Пензенской области. Победителями конкурса, в числе которых МБОУ СОШ № 65 г. Пензы, № 17 г. Кузнецка, № 2 г. Нижний Ломов, МБОУ ООШ с. Топлое Малосердобинского района, не только представлена система работы внутри образовательной организации, но и обозначены широкие рамки взаимодействия школы с социумом. А школа № 1 с. Нижняя Елюзань Городищенского района предложила проект «Читающее село» (руководитель проекта Куряева Венера Аббясовна).

Опыт работы отдельных педагогов обобщается в рамках областного фестиваля методических идей «Растим читателя», который проводится по итогам конкурса методических разработок *уроков*, реализующих стратегии смыслового чтения, *внеклассных мероприятий*, направленных на поддержку и продвижение чтения, а также *программ элективных (факультативных) курсов* соответствующей тематики.

Для включения учителей-предметников в работу по созданию читательской среды в системе повышения квалификации Пензенской области предусмотрены специальные программы, ориентированные на овладение стратегиями смыслового чтения: «Чтение как метапредметное умение», «Стратегии смыслового чтения научно-учебного и художественного текста».

Планируемые результаты освоения образовательной технологии:

- позитивная динамика численности обучающихся, проявляющих интерес к чтению, при этом приобщенность к чтению должна проявляться:

- в принятии школьниками чтения как лично значимой ценности;

- в положительном отношении к чтению как средству удовлетворения актуальных личностных потребностей;

- в положительном отношении к читательскому сообществу как к пространству личностной самореализации;

- увеличение числа семей, в том числе молодых, вовлечённых в реализацию школьных и библиотечных программ, направленных на возрождение и поддержание традиций семейного чтения;

- увеличение числа участников конкурсов, акций, мероприятий, направленных на повышение уровня читательской активности;

- повышение уровня компетентности учителей-предметников и школьных библиотекарей в вопросах формирования грамотного читателя.

Образовательная технология является системно ориентированным способом вовлечения в деятельность по приобщению к чтению всех заинтересованных участников культурно-образовательного процесса и предполагает создание условий, объединяющих потенциал всех компонентов соответствующего социокультурного пространства. Очевидно, что только в условиях соответствующей читательской среды работа по воспитанию настоящего читателя будет по-настоящему эффективной.

**«РУССКИЙ ЯЗЫК: УЧУ – УЧУСЬ – ОБЩАЮСЬ»:
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ САЙТ КАК ПИЛОТНЫЙ ПРОЕКТ
ПРОДВИЖЕНИЯ В МИРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА**

Поиск новых форм продвижения русского языка в мире и образования на русском является одним из государственных приоритетов в области международной образовательной политики. Русский язык выступает как средство взаимодействия народов, а его изучение стимулирует развитие культурных, экономических и политических отношений между разными странами.

Особенно важным становится укрепление позиций русского языка как средства образования и интернационального общения в молодёжной среде. Для этих целей сегодня необходимо использовать наиболее привычные для молодёжи каналы коммуникации, и образовательный интернет-сайт может стать оптимальным средством, которое поможет с наименьшими затратами: 1) передать большое количество полезной информации, 2) привлечь большое количество участников и 3) обеспечить онлайн-общение.

Цель пилотного образовательного сайта «Русский язык: учу – учусь – общаюсь» – способствовать успешному продвижению русского языка и русской культуры за рубежом и повышению эффективности имеющихся образовательных программ преподавания русского языка.

Основной идеей проекта является активное взаимодействие на русском языке иностранцев, изучающих русский язык (обучаемых) и российских студентов педагогических специальностей направления подготовки «Русский язык, Литература» (обучающих) в процессе обучения русскому языку.

Проект основан на сходстве информационных и коммуникационных потребностей одной возрастной группы (учащейся молодёжи) и предполагает решение двух основных задач: 1) по отношению к иностранным студентам – пробудить интерес к русскому языку и культуре, повысить образовательную активность, стимулировать к дальнейшему получению образования в России; 2) по отношению к российским – содействовать повышению профессиональной компетентности будущих преподавателей русского языка, стимулировать творческую профессиональную активность (разработку новых форм и методов преподавания русского языка в инокультурной среде).

Предполагается, что образовательный сайт «Русский язык: учу – учусь – общаюсь» станет площадкой не только обучения русскому языку, но и коммуникации иностранцев, студентов педагогических вузов и любителей русского языка.

Помимо этого, образовательный сайт «Русский язык: учу – учусь – общаюсь» будет способствовать решению целого комплекса задач:

- 1) способствовать формированию привлекательного образа России у молодёжи разных стран;
- 2) привлекать зарубежных студентов к обучению в России;
- 3) обнаружить и исследовать проблемы, возникающие у иностранцев при изучении русского языка и общении на русском;
- 4) разработать направления обучения разговорному русскому языку в форме онлайн-коммуникации.

Активное участие в развитии могут принимать студенты и преподаватели-словесники российских и зарубежных вузов, слушатели зарубежных курсов и все любители русского языка.

Сегодня в интернет-пространстве существует достаточное большое количество сайтов, направленных на обучение русскому языку. Особенность сайта «Русский язык: учу – учусь – общаюсь» состоит в том, что обучение предполагается вести в общении, организованном по типу социальных сетей. Студенты историко-филологического факультета направления «Русский язык. Литература» помогут иностранцам понять тонкости русского языка, получая при этом опыт в профессиональной сфере. Иностранные студенты, общаясь с русским ровесниками, получают опыт общения на русском в дружественной среде, смогут привлечь своих друзей к его изучению.

Сегодня в Пензенском государственном университете обучаются около 1500 иностранных студентов из более 45 стран. Несмотря на то, что все они прошли соответствующие подготовительные курсы, многие иностранцы испытывают трудности не только в общении на русском языке, но и в усвоении учебной информации, транслируемой по-русски. Это становится проблемой и серьёзным препятствием на пути успешного образовательного процесса. Именно поэтому на подготовительном этапе разработчиками проекта был проведён социологический опрос, в котором приняли участие студенты Пензенского государственного университета из Туркменистана, Вьетнама, Таджикистана, Египта, Узбекистана, Туниса и других стран. На вопрос: «Нужен ли сайт помощи в изучении русского языка?» – большинство студентов-иностранцев (82 %) ответили: «Да, нужен». Более подробный анализ ответов показал, что наибольшие трудности иностранцы испытывают при изучении грамматики, а наибольший интерес проявлен к таким вопросам, как история, культура и быт российского народа и развитие коммуникативно-речевых умений.

Исходя из этого, разработка сайта осуществляется по трем основным направлениям:

1. Лексика и фразеология русского языка. Представлена двумя рубриками:

а) «Интерактивный словарь». Участники проекта пополняют этот раздел неизвестными для них словами, а модераторы сайта объясняют их значение и употребление;

б) «Загадки русской фразеологии». Фразеологические обороты, особенно идиомы, сложны для понимания иностранцами, так как их значение не складывается из значений даже уже знакомых слов, поэтому не только будет объясняться значение фразеологизма, но и иллюстрироваться его функционирование в речевых конструкциях.

2. Живая грамматика. Изучение речевых конструкций в живом диалоге представлено в рубрике «У нас. – А у вас?». По предложенным модераторами языковым конструкциям иностранцы составляют высказывания о себе, своей семье и т.д.

3. Форум «Я с миром говорю по-русски».

Направление включает три раздела: 1) общение на актуальные темы, в том числе не связанные с языком, 2) общение с модераторами сайта о трудностях, возникших при изучении русского языка, разбор конкретных языковых ситуаций и фактов, 3) общение на интересующие языковые темы, о которых участники проекта хотели бы узнать больше.

Кроме основных направлений, на сайте планируется размещение информации о конкурсах, планируемых в рамках проекта, и целого ряда рубрик:

1) «География общения», где каждый участник может отметить себя на карте мира, что поможет найти своих соотечественников и наглядно увидеть географию проекта;

2) «Готов учить – готов учиться», где можно оставить контактные данные для индивидуальной помощи в изучении языка;

3) «А знаешь ли ты?» – соцопрос на языковые темы.

За обновлением сайта (планируется каждые 3 дня) и за соблюдением правил общения на сайте будут следить дежурные модераторы из творческой группы, которая была создана для разработки и реализации проекта. Активное участие в развитии сайта могут принять студенты и преподаватели-словесники российских и зарубежных вузов и все любители русского языка. Впоследствии возможно расширение творческой группы за счет приглашения наиболее активных участников проекта. Предполагается подводить промежуточные итоги работы сайта, в том числе создать коллективный портфолио (методические материалы, комплекс видеоуроков и т.п.) и словарь лексики, актуальной для межкультурного общения и обучения на русском языке. Задача руководителей проекта – обеспечить его организационную, методическую и материально-техническую поддержку.

Таким образом, сайт «Русский язык: учу – учусь – общаюсь» позволит создать международное пространство для изучения русского языка и общения на русском языке. Он объединит иностранцев и русских, поможет преодолеть психологические и языковые барьеры между представителями разных культур.

ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕГРИРОВАННОГО УРОКА В РАЗВИТИИ ТЕКСТОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ УЧАЩИХСЯ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ)

Приоритетной задачей современного российского образования является формирование всесторонне развитой личности, владеющей принципами компетентного подхода в условиях информационного общества. Для достижения поставленной задачи учёными-методистами разрабатываются различные педагогические технологии. Одна из них включает интеграцию педагогической деятельности, то есть синтез двух и более предметов. Наиболее распространённой формой являются интегрированные уроки, которые будут эффективными, если предметы имеют области, близкие для изучения, например такие, как история и литература. Интегрированные уроки позволяют решить ряд задач на качественно новом уровне, одна из которых – создание условий для практического применения знаний и навыков, то есть формирование метапредметных умений, которые предполагают в том числе «использование различных источников для получения информации, понимание зависимости содержания и формы представления информации от целей коммуникации и адресата» [Ерёмина, 2016]. Таким образом, одна из составляющих метапредметных умений – способность работать с текстом с целью получения информации и её дальнейшего анализа. «Текст – это то, с чем любой человек, вынужденно или добровольно, соприкасается ежедневно» [Ярославцева, 2009, с. 30].

Рассмотрим возможности организации работы с текстом на интегрированных уроках литературы и истории. Так, например, изучение рассказа Л. Н. Толстого «После бала» в 8 классе может быть сопряжено не только с историческими текстами о николаевской эпохе, но и другими литературными источниками, позволяющими более глубоко и подробно проанализировать деятельность Николая I. Не случайно тема урока определена так: «Николай I: Pro et contra», поскольку как в исторических, так и художественных текстах содержится информация, позволяющая неоднозначно взглянуть на деятельность царя.

Исторические источники располагают сведениями разного характера, согласно которым учащиеся могут дать конкретную оценку. Так, например, строительство железной дороги, основание университетов несут в себе исключительно положительное начало. А введение жесткой дисциплины в армии влечёт негодование общества и т.д.

Художественные тексты уникальны тем, что оценка событию уже дана современником (она часто носит субъективный характер), а учащимся стоит найти её и установить причинно-следственные связи.

После анализа рассказа Л. Н. Толстого учитель предлагает учащимся вспомнить писателей-современников николаевской эпохи, которые, будучи гуманистами, могли обращаться к проблеме соотношения нравственных качеств личности и способами выполнения долга перед Отечеством. После того как ученики назовут А. С. Пушкина, учитель рекомендует для ознакомления стихотворение «Друзьям» (1828).

Задания учащимся:

– Кому посвящено стихотворение? Какие эпитеты подбирает Пушкин для характеристики царя? («бодро, честно правит», «дух державный не жесток») Как поэт относится к царю? («Его я просто полюбил, / во мне почтил он вдохновенье»)

– За что поэт любит царя?

Заслушиваются предположения учеников, затем учитель истории дополняет сведениями о внутренней и внешней политике Николая I, которая расценивалась сначала положительно, в том числе и писателями. Потом учитель предлагает познакомиться с характеристикой царя, данной А. С. Пушкиным уже в 1834 г.: «Какая глубокая безнравственность в привычках нашего Правительства! Полиция распечатывает письма мужа к жене и приносит их читать царю (человеку благовоспитанному и честному), и царь не стыдится в этом признаться – и давать ход интриге, достойной Видока и Булгарина! Что ни говори, мудрено быть самодержавным».

Задания учащимся:

– Какие эпитеты использует Пушкин для характеристики Николая I? Почему? (Поэт считает, что вторжение в частную жизнь безнравственно).

– Вспомните, в произведении какого писателя-современника Пушкина нашла выражение эта проблема? (В комедии Н. В. Гоголя «Ревизор»).

Для того чтобы дать более полную оценку личности Николая I современниками, учитель предлагает учащимся познакомиться со стихотворением Ф. И. Тютчева «Не гул молвы прошёл в народе...» (1850).

Задания учащимся:

– Каким эпитетом поэт награждает царя? Почему? (Ученики вспоминают, что у славянофилов (а к ним примыкал и Тютчев) были связаны все надежды на объединение славянских народов, причём фигура императора Николая мыслилась как фигура «всеславянского царя»). Каково настроение в стихотворении? (Поэт воодушевлён, полон надежд). Однако уже в 1855 г. Тютчев пишет совсем иное стихотворение, по жанру напоминающее эпиграмму: *Не Богу ты служил и не России, / Служил лишь суете своей, / И все дела твои, и добрые и злые, – / Всё было ложь в тебе, всё призраки пустые: / Ты был не царь, а лицедей.*

– Как называет Тютчев царя? Почему изменилось отношение поэта? (При затруднении учитель истории может подвести учащихся к результату Крымской войны в 1855 г. – падению Севастополя).

Завершается данный этап интегрированного урока составлением таблицы, отражающей ключевые моменты анализа произведений:

Оценка деятельности Николая I		
	1828 г.	1834 г.
А. С. Пушкин		
	1850 г.	1855 г.
Ф. И. Тютчев		

Таким образом, интегрированные уроки помогают не только глубже установить причинно-следственные связи происходящих событий, но и выстроить работу с текстовой информацией так, чтобы она отвечала требованиям ФГОС.

Библиографический список

1. Ерёмина, А. Ю. Новые образовательные стандарты: метапредметный подход в обучении / А. Ю. Ерёмина. – URL: infourok.ru
2. Ярославцева, М. Ю. Методика работы с текстовой информацией на уроках истории. Курс лекций для дистанционного обучения / М. Ю. Ярославцева // История. – 2009. – № 17.

Е. И. Логинова
(г. Пенза, Россия)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИИ ГИПЕРТЕКСТА ПРИ ИЗУЧЕНИИ РАССКАЗА А. П. ЧЕХОВА «ЧЕЛОВЕК В ФУТЛЯРЕ» НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ В 10 КЛАССЕ

Использование информационных технологий на уроках литературы имеет ряд преимуществ перед традиционными методами обучения: открывают широкие возможности для использования на уроке разных видов наглядности, для осуществления поисково-исследовательской работы обучающихся, для организации и проведения альтернативных форм учебного процесса, для развития критического мышления и творческих способностей школьников; обеспечивают высокий контроль над работой класса, объективность оценивания результатов, максимальную вовлечённость учащихся в образовательный процесс, индивидуализацию и дифференциацию обучения, эргономичность; способствуют интенсификации учебного процесса, расширению границ образовательного пространства, установлению межпредметных и внутрипредметных связей.

Информационная среда Интернета предоставляет широкие возможности для реконструкции художественного текста, являющейся необходимым условием понимания произведения, ведь диалог читателя с текстом возможен только тогда, когда дистанция между ними на лингвистическом уровне сведена к минимуму. С этой целью в мультимедийной презентации учителем могут создаваться адресные (гипертекстовые) комментарии к тексту. Рассмотрим возможности технологии гипертекста при изучении рассказа А. П. Чехова «Человек в футляре» на уроках литературы в 10 классе.

В данном произведении отсутствует указание на время описываемого события (время принципиально не значимо), однако содержится информация о месте: действие разворачивается на самом краю села Мирносецкого – небольшого уездного города с церковью, в котором можно обнаружить приметы города Серпухова, где Чехов работал земским гласным и куда часто ездил из дорогого его сердцу Мелихова. Кроме того, в рассказе упоминается о Гадячском уезде, из которого родом Варенька. Этот уезд – примечательная черта чеховской эпохи. Использование гипертекста-комментария позволяет школьникам более подробно познакомиться с приметами города Серпухова, Гадячским уездом и Мелиховским периодом жизни писателя.

Писатель обыгрывает имена героев, поэтому возникает потребность в лексическом комментарии, содержащем значения их имён и фамилий, что приближает школьников к пониманию образов. Например, имя Варвара – от греческого слова «барбарос», то есть иноземец, варвар, чужестранец. Первоначальное его значение – говорящий не по-гречески, в рассказе оно непосредственно связано с учителем гимназии Беликовым, преподающим древние языки. Порывы воли и неумная сила, способная свернуть горы и уничтожить преграды, звучат в этом имени. Фамилия главного героя Беликова происходит от слова «белый» и означает «ведущий праведный образ жизни; прозрачный». Учитель действительно следует распорядкам, отрезая себя от настоящей жизни. Отгородиться от внешнего мира ему помогает чехол, сооружённый им самим в виде зонтика, калош, теплого пальто, фуфайки, тёмных очков, ваты в ушах, колпака, халата, задвижек, кровати с поломом, а также чехлов для зонтика, часов, перочинного ножа и даже лица. Беликов – образ во многом карикатурный, он чужд внешнего миру; не случайна деталь, которую школьники замечают: герой не имеет имени. Главная оболочка Беликова – футляр, в которую он кладет свою мысль, ссылаясь на запреты циркуляров.

В личности Беликова Чехов выразил целую общественную среду. Убедиться в этом школьники могут, выявив интертекстуальные связи чеховского рассказа.

В рассказе Чехов сравнивает героя с «раком-отшельником или улиткой», причиной «футлярности» Беликова называет его страх перед

жизнью и прежде всего жизнью современной, упоминает имя Салтыкова-Щедрина. Эти интертекстуальные аллюзии выводят на сказку М. Е. Салтыкова-Щедрина «Премудрый пескарь».

Подобно пескарю Салтыкова-Щедрина, который «жил и дрожал – только и всего», Беликов тоже «дрожит» – «как бы чего не вышло». Как пескарь страшится, чтобы его «щука его не заглотала», «рак клешней не перешиб», «рыболов на уду не поймал», так и чеховский герой боится даже собственного дома. «Параллель к пескарю (образная и стилевая), – верно отмечает О. В. Богданова, – очевидна и (пред) намеренна» [Богданова].

Но в отличие от героя Салтыкова-Щедрина Беликов не жалок, а страшен. По справедливому утверждению Л. В. Чернец, страшным его делает «сочетание в нем страха (в том числе страха перед свободной мыслью) и агрессивности, которой окрашена его должность педагога. «А на педагогических советах он просто угнетал нас своею осторожностью, мнительностью и своими чисто футлярными соображениями насчёт того, что вот-де в мужской и женской гимназиях молодёжь ведёт себя дурно, очень шумит в классах, – ах, как бы не дошло до начальства, ах, как бы чего не вышло, – и что если б из второго класса исключить Петрова, а из четвертого – Егорова, то было бы очень хорошо». «Как бы чего не вышло» – рефрен, повторяющийся в рассказе восемь раз» [Чернец].

Чтобы понять чеховский рассказ, необходимо адекватно воспринимать текст. Для этого нужно организовать работу со словом. Компьютерный гипертекст со ссылками на интернет-источники позволит реконструировать содержание рассказа, охватить все заранее прогнозируемые «точки непонимания» (Ю. В. Ээльмаа) в рассказе писателя. Это может быть следующее:

- лексическое значение устаревших и редко употребляемых слов: атавизм, антропос, разбитной, малороссийский, подбоченясь, хутор, шинки, кабаки, полог, ложа, чуб, фискал, чинодрал, благочиние, оцепенеть, пасквилянт, манкировать, винт, верста, сутяга, передняя и др.;

- историко-культурные реалии времени: Гадячский уезд, циркуляры, денщик, хохлы;

- семантика имён и прозвищ: Иван Иванович Чимша-Гималайский, Буркин, Беликов, Варвара Саввишна, Михаил Коваленко, Мавра;

- бытовые реалии: скромное, судак на коровьем масле;

- мифологический комментарий: Афродита;

- аллюзии на сказку М. Е. Салтыкова-Щедрина «Премудрый пескарь».

Работа со словом может вестись в трёх направлениях:

- 1) объяснение значений слов с помощью электронных словарей и энциклопедий;

- 2) словотолкование с привлечением зрительной наглядности;

3) выявление интертекстуальных связей. В этом случае формат компьютерного гипертекста даёт читателю возможность находиться в пространстве нескольких текстов одновременно и позволяет легко переходить от основного текста к скрытой цитате и обратно.

Таким образом, работа с гипертекстом-комментарием, по справедливому замечанию Ю. В. Ээльмаа, «позволит не только глубже понять художественный текст, но и будет воспитывать отношение к тексту как к шифру, в котором нет незначимых деталей» [Ээльмаа 2012: 88]. Поиск информации о «темных сторонах» текста вырабатывает привычку идти от поверхностного восприятия произведения на уровне сюжета к более глубокому пониманию текста как сложной многоуровневой и многоаспектной системы.

Библиографический список

1. Богданова, О. В. Интертекстуальные аллюзии в рассказе А. П. Чехова «Человек в футляре» / О. В. Богданова. – URL: <http://evnuir.univer.lutsk.ua/bitstream/123456789/12801/1/3.pdf>
2. Чернец, Л. В. Человек в футляре: литературный тип и его вариации / Л. В. Чернец. – URL: <http://www.den-za-dnem.ru/page.php?article=1165>
3. Ээльмаа, Ю. В. Информационные технологии на уроках литературы : пособие для учителей / Ю. В. Ээльмаа, С. В. Федоров. – М. : Просвещение, 2012. – 176 с.

Л. П. Перепёлкина
(г. Пенза, Россия)

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПОЭМЫ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА «МЦЫРИ» В ШКОЛЕ

Творчество М. Ю. Лермонтова является сквозной темой школьного курса литературы. Обращение восьмиклассников к поэме «Мцыри» (большинство школьных программ рекомендуют знакомство с этой поэмой в 8 классе), проблематика которой связана с центральными мотивами лирики М. Ю. Лермонтова: свободы и неволи, одиночества и изгнания, взаимоотношения природы и человека, жизни и смерти – расширит представление учащихся о самобытности и мастерстве поэта.

При анализе данного произведения необходимо учитывать особенности художественного метода поэта. Большинство учёных рассматривают эту поэму как апофеоз лермонтовского романтизма [Максимов, 1964; Манн, 1976]. Исходя из этого, мы ведём поиск методического решения уроков по изучению данной темы.

В школьной практике обучения литературе имеется богатый методический опыт изучения поэмы «Мцыри». Однако современная па-

радикала образования выдвигает иные требования к организации учебного процесса, в связи с чем меняются цели обучения и методические подходы к преподаванию. Одним из предметных результатов изучения литературы является «воспитание квалифицированного читателя... способного аргументировать своё мнение и оформлять его словесно в устных и письменных высказываниях разных жанров, создавать развёрнутые высказывания аналитического и интерпретирующего характера, участвовать в обсуждении прочитанного» [Федеральный государственный стандарт основного общего образования]. Достижение такого предметного результата возможно при использовании стратегического подхода, который, по справедливому утверждению Г. В. Пранцовой и Е. С. Романичевой, «учит анализировать, выбирать, отбирать, организовывать, интегрировать и применять то, что читается, формирует и воспитывает мыслящего чтеца и читателя» [Пранцова, Романичева, 2011, с. 10]. Этой позицией ученых-методистов мы руководствовались при разработке методики уроков.

На первом уроке на вступительном этапе с целью актуализации предшествующих знаний и опыта учащихся, имеющих отношение к теме урока, создания для школьников ориентиров в общем характере произведения, предлагаем использовать стратегию предтекстовой деятельности «Мозговой штурм»: Какие ассоциации возникают у вас по поводу темы урока «М. Ю. Лермонтов. Поэма "Мцыри"»? (Учитель записывает все называемые ассоциации: «мечта», «свобода», «идеал»...). Теперь прочитаем текст и посмотрим, имеет ли место информация, данная вами при «Мозговом штурме», тому, что мы узнали из текста.

Идейное содержание поэмы выражено в её единственном центральном образе – Мцыри. Следовательно, осмыслить лермонтовское произведение школьники смогут лишь в том случае, когда им в полной мере раскроется характер героя. Для достижения этой цели на наш взгляд, будет эффективной такая стратегия текстовой деятельности, как «Следуйте за персонажем» (с составлением граф-схемы), цель которой дать наиболее полную характеристику герою произведения.

После прочтения поэмы школьникам предлагается составить графическую схему «маршрута» Мцыри, который он прошел за три дня, находясь «на воле». Так в поле зрения восьмиклассников оказываются следующие эпизоды: бегство из монастыря, встреча с молодой грузинкой, сон и пробуждение героя, бой с барсом, предсмертный бред Мцыри, возвращение в монастырь.

Второй урок отводим анализу произведения.

В поэме «Мцыри» преобладает лирическое начало. Это обусловлено, по справедливому замечанию З. С. Смелковой, «прежде всего, эмоциональной глубиной восприятия мира, проникновенностью лермонтовской мысли, страстным стремлением противопоставить не удовлетворяющей его действительности свое представление о смысле

жизни, об идеале героя» [Смелкова, 1997, с. 112]. В связи с этим «следуя за героем», школьники должны не только проследить, где, в каких условиях в каждый данный момент находится герой, с кем взаимодействует, какие проблемы встречаются на его пути, и отметить логические связи с другими субъектами текста, но и раскрыть характер героя во взаимосвязи его поступков и чувств.

В каждом эпизоде «маршрута» скитаний герой сталкивается с препятствием, затрудняющим достижение идеала. Так, в процессе анализа эпизода бегства героя из монастыря школьникам предлагается в парах обсудить следующий блок вопросов: Каково место эпизода в развитии сюжета и композиции произведения? Какова причина бегства Мцыри из монастыря? Какую роль в произведении играет образ грозы? Каким открывается герою мир природы? Как проявляет себя герой? Какие качества его характера раскрываются?

Школьники отмечают, что данный эпизод является сюжетной завязкой поэмы. Опираясь на текст произведения, учащиеся приходят к выводам о том, что причиной побега Мцыри было желание «узнать, прекрасна ли земля, / Узнать, для воли иль тюрьмы / на этот свет родимся мы».

Образ грозы играет важную роль в воплощении авторского замысла поэмы. Гроза – это, во-первых, явление природы, подчёркивающее бунтарское начало героя, его «бурное сердце» и «могучий дух» (не случайно он совершает побег во время грозы), во-вторых, это символ Божьего гнева на тех, кто во имя высоких идей свершает насилие над личностью. Не случайно в поэме противопоставляются образы «Божьего сада» и «вечного леса».

Мцыри предстаёт здесь человеком свободолюбивым, бесстрашным. Так школьники отмечают, как по-разному воспринимают грозу монахи и Мцыри: монахов гроза пугает, в Мцыри же гроза вызывает страстное желание слиться с родной стихией:

Природа полна опасностей, герой понял, что он оказался «на краю грозящей бездны... где выл, крутятся, сердитый вал», но несгибаемая сила воли, желание свободы, любовь к природе оказались сильнее страха.

Подобным образом организуется работа по анализу эпизода встречи героя с грузинкой: Какие чувства испытывает юноша при встрече с молодой грузинкой? Почему, на ваш взгляд, Лермонтов не даёт развернутого любовного сюжета? Почему Мцыри, испытывавший чувство голода, не заходит в саклю? Как характеризует героя этот поступок?

Мцыри проходит испытание любовью. Увидев молодую грузинку, герой впервые почувствовал себя робким влюблённым юношей. Красавица тронула его сердце, ещё не знавшее любви, не случайно во сне герой видит «грузинки образ молодой». Однако Мцыри, побеждая

нахлынувшие чувства, отказывается от личного счастья во имя идеала свободы. Ощущающий чувство голода, он не посмел зайти в саклю, чтобы утолить голод. Так герой проявляет силу воли, упорство в достижении поставленной цели.

Следующая «точка маршрута» героя – его поединок с барсом.

Чтобы раскрыть черты характера Мцыри, проявленные в этой жизненной ситуации, и осмыслить авторскую позицию в отношении персонажа, анализ данного эпизода целесообразно организовать как решение проблемной ситуации, созданной проблемным вопросом: Следовало ли Мцыри вступить в борьбу с барсом?

Некоторые учащиеся полагают, что герою, хоть он и явился победителем в этой борьбе, не следовало бы вступать в схватку со зверем, потому что он потерял силы и не смог достичь своей цели – вернуться на родину. Чтобы избежать такой трактовки, при анализе данного эпизода важно не только сконцентрировать внимание учащихся на чертах характера и внутреннем состоянии героя, но и на том, как поэт передаёт это состояние, какие изобразительно-выразительные средства и стилистические приёмы использует, как при этом звучит стих.

Борьба с барсом – поединок силы физической с силой духа. Мцыри физически слаб, но он силен духовно, ему присуща неистребимая воля к победе, его «сердце... зажглося жаждою борьбы». Человек и зверь оказываются достойными соперниками. Этот поединок – «момент высшего напряжения сил героя» (З. С. Смелкова), когда в условиях свободы раскрываются скрытые возможности человека. Такое восприятие этого эпизода даёт сопоставление: барс «застонал как человек» – Мцыри «... был страшен в этот миг; / Как барс пустынный, зол и дик».

Мцыри предстаёт умелым, отважным, бойцом. Упоение открытой и честной борьбой, силу страсти, энергию героя передают сравнения: «надежный сук мой, как топор, / Широкий лоб его рассек», «...мы, сплетясь, как пара змей» и др.; эпитеты: «удар мой верен был и скор», «смертельный бой», «я был страшен в этот миг» и др.; метафоры: «сердце... зажглося жаждою борьбы», «бой закипел»; инверсия «и в груди моей родился тот ужасный крик»; радость и торжество победы переданы риторическим восклицанием: «...с торжествующим врагом / Он встретил смерть лицом к лицу, / Как в битве следует бойцу!»

Острота ситуации, душевный подъём героя, его сила духа и жажда борьбы передаются и четырёхстопным ямбом с мужской рифмой, и системой переносов и пауз.

Заканчивается «маршрут» героя его возвращением в монастырь. Возвращение в монастырь для Мцыри – случайность, или герой был обречен туда вернуться и погибнуть? – вот проблемный вопрос, который организует на уроке проблемную ситуацию.

Для решения этой проблемной ситуации школьники должны осмыслить размышления Мцыри о цветке, с которым он сравнивает себя, о предсмертном бреде и песне рыбки.

Сравнение с темничным цветком объясняет причину возвращения в монастырь и гибели героя. Как цветок, одиноко выросший «меж плит сырых», перенесенный из темноты на свет, сгорел от палящих солнечных лучей, так и Мцыри, выросший в «сумрачных стенах» монастыря, не знавший мира вне этих стен, оказался неприспособленным к жизни на воле.

Почему три дня, поведённые на воле, стали для Мцыри «блаженными днями»? Какой смысл вкладывает герой в это определение? Что для Мцыри включает в себя понятие «жизнь»? К какому выводу приходит Мцыри, размышляя над вопросом: «...для воли иль тюрьмы на этот свет родимся мы»? Почему Лермонтов избрал форму исповеди? Каким образом эпиграф к поэме, взятый из Библии, соотносится с судьбой главного героя? – подобные вопросы дают возможность школьникам увидеть в Мцыри необычного героя – могучую личность, противостоящую окружающему миру. Для него свобода – высшее благо, главная ценность жизни. Три дня воли позволили Мцыри не только узнать себя, но и в какой-то мере прожить основные этапы жизни, дали герою ответ на главный вопрос – человек рожден только для воли. Идея земного меда звучит в эпиграфе к произведению.

На заключительном этапе предлагаем школьникам дать развёрнутый ответ на вопрос: прав ли Белинский, назвав Мцыри «любимым идеалом ... поэта»?

Таким образом, предложенные подходы к анализу поэмы Лермонтова «Мцыри» будут способствовать формированию у школьников навыков смыслового чтения, совершенствования познавательной, речевой, рефлексивной деятельности.

Библиографический список

1. Максимов, Д. Е. Поэзия М. Ю. Лермонтова / Д. Е. Максимов. – 2-е изд. – М. ; Л., 1964.
2. Манн, Ю. В. Поэтика русского романтизма / Ю. В. Манн. – М., 1976.
3. Пранцова, Г. В. Современные стратегии чтения и понимания текста: учебное пособие / Г. В. Пранцова, Е. С. Романичева. – М. ; Пенза, 2011.
4. Смелкова, З. С. Литература как вид искусства. Книга для учителя и учащихся / З. С. Смелкова. – М. : Флинта, Наука, 1997.
5. Федеральный государственный стандарт основного общего образования. – URL: http://window.edu.ru/catalog/resources?p_str

*Н. А. Просина
(г. Пенза, Россия)*

ФОНЕТИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ВЛАДЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКОМ

*Каждый национальный язык имеет
свою неповторимую индивидуальную
фонетическую систему*

А. А. Леонтьев

Обучение иностранных студентов фонетике и интонации русского языка является одним из наиболее сложных аспектов преподавания РКИ. Произносительная деятельность, привычная для носителя языка, для студента-иностранца, только начинающего знакомство с языком, вызывает огромные трудности. Поэтому задачи обучения – научить воспринимать фонетический облик русского слова в потоке речи и понимать значение высказывания. Иностранному студенту необходимо усвоить русскую артикуляционную базу и овладеть всеми типами переключений артикуляционных органов с одних артикуляций на другие.

Нарушение языковой системы происходит на всех уровнях, однако наиболее яркий характер оно имеет на звуковом. В этом случае говорят о фонетической отрицательной интерференции¹, которая проявляется как при восприятии, так и при речевой деятельности и представляет основную трудность при формировании фонетического слуха (Бернштейн С. И., Реформатский А. А., Трубецкой Н. С.). «Фонетика изучает языковые единицы, природа которых материальна. Они лишены значения, но, становясь единицами грамматики или лексики, приобретают значение... Звуки речи – материальные знаки, при помощи которых осуществляется основная коммуникативная функция языка» [Иванов, Новиков, 1985, с. 9]. Формирование фонетической компетенции иностранного студента подразумевает владение правилами словоупотребления, орфоэпии, интонации, т.к. «невозможно выделить в «потоке речи» слово, не зная заранее фонологической системы соответствующего языка» [Леонтьев, 1965, с. 127].

В основе обучения любой речевой деятельности лежит развитие слухопроизносительных навыков. В работах Выготского Л. С., Леонтьева А. Н., Леонтьева А. А. навык рассматривается «как способность осуществлять оптимальным образом ту или иную операцию» [Леонтьев, 1975, с. 61]. Если в процессе реальной коммуникации внимание ак-

¹ «Интерференция – взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия, складывающегося либо при контактах языков, либо при индивидуальном освоении неродного языка; выражается в отклонении от нормы и системы второго языка под влиянием родного» [Лингв.словарь 1990,197].

центрируется на смысловой стороне речи, то предполагается автоматизация всех действий, связанных с речевым актом. «Автоматизированность является тем качеством, которое обеспечивает скорость, плавность, экономичность речевого действия» [Пассов, 1991, с. 27]. Это не является проблемой при изучении родного языка, т.к. обеспечивается влиянием языковой среды. При обучении же иностранному языку, РКИ, автоматизация речепроизводительных действий, доведение всех фонационных операций до навыков – долгий процесс, осложнённый особенностями фонетической системы русского языка.

В произносительном аспекте «специфику произносительных параметров речи» отражает формальная сторона, «их речевую предназначённость» – функциональная. Одна из трудностей обучения иноязычному произношению – «преодоление противоречий между сформированными в родном языке функциональными механизмами речи и новыми средствами реализации речевых функций». Одним из способов преодоления подобных трудностей становится обучение иноязычному произношению на коммуникативной основе, с включением культурного компонента, что «есть моделирование условий преодоления этого противоречия с учётом основных закономерностей реального общения» [Пассов, 1991, с. 176].

Язык изначально существует в устной форме, и «безусловно правильно мы слышим только те звуки речи, которые умеем произносить» [Бернштейн, 1937, с. 15]. Следовательно, обучение русскому произношению необходимо начинать с постановки изолированного звука. Однако это имеет и негативную сторону: многократное повторение звуков, не имеющих значения, или отбор лексического материала, не имеющего выхода в реальную коммуникацию, снижает мотивацию иностранного студента к изучению фонетики и языка в целом. Кроме того, изолированные звуки без реального речевого высказывания могут не быть восприняты звуками человеческого языка. Фонетический минимум любого курса изучения языка, учитывает поэтапность и цикличность подачи материала и включает три компонента: «1) фонемы и их оппозиции; 2) позиции и способы реализации фонем в речи, ударение и ритмико-редукционная панорама слова; 3) система интонационных конструкций» [Пашковская, 1997, с. 53].

Результативность коммуникации зависит от многих условий: правильного с точки зрения грамматики построения фразы, стилистически верного выбора лексики, информационной наполненности речи. Однако основу общения составляет аспект звучания: слово существует не изолированно, а в связи с другими словами в предложении и требует звукового, акцентно-ритмического и интонационного оформления. От правильности произнесения слов во многом зависит возможность быть понятым и адекватно воспринятым своим собеседником.

Библиографический список

1. Бернштейн, С. И. Вопросы обучения произношению применительно к преподаванию русского языка иностранцам / С. И. Бернштейн. – М., 1937.
2. Леонтьев, А. А. Путешествие по карте языков мира / А. А. Леонтьев. – М. : Просвещение, 1990.
3. Леонтьев, А. А. Слово в речевой деятельности. Некоторые проблемы общей теории речевой деятельности / А. А. Леонтьев. – М. : Наука, 1965.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энциклопедия, 1990.
5. Пассов, Е. И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению / Е. И. Пассов. – М. : Просвещение, 1991.
6. Пашковская, С. С. Тестирование слухопроизносительных навыков в обучении русскому языку как иностранному : дисс. ... канд. пед. наук / Пашковская С. С. – М., 1997.
7. Современный русский язык. Теоретический курс. Фонетика / Л. Г. Зубкова, В. В. Иванов, Л. А. Новиков и др. – М., 1985.
8. Трубецкой, Н. С. Основы фонологии / пер. с нем. А. А. Холодoviча ; под ред. С. Д. Кацнельсона / Н. С. Трубецкой. – М. : Аспект Пресс, 2000.

И. Г. Родионова
(г. Пенза, Россия)

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ АНАЛИТИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦИИ, ПРЕДСТАВЛЕННОЙ ГЛАГОЛОМ С ЧАСТИЦЕЙ *ВСЁ*

Усиление аналитических тенденций в грамматическом строе современного русского языка проявляется в функционировании сочетаний глаголов с частицами. В. В. Виноградов отмечал: «К глаголу как к организующему центру притягиваются частицы речи, во всяком случае, модальные частицы и предлоги» [Виноградов, 1972, с. 511].

В этом плане интерес представляет аналитическая синтаксическая конструкция, образованная сочетанием глагола с частицей *всё*. Такие конструкции активно функционируют в речи, имеют устойчивую структуру – включают глаголы только несовершенного вида, обладают определённым значением (называют интенсивное, повторяющееся, длительное действие), в предложении выполняют единую синтаксическую функцию: *Слушай, пан Данило, как страшно говорят: что будто ему всё чудилось, что все смеются над ним* (Н. Гоголь); *Он дремал, покачивался и всё думал о пьесе* (А. Чехов); *А дождь всё лил, и уже с половины дня стало смеркаться* (М. Рощин).

Аналитическая конструкция, представленная глаголом с частицей *всё*, является осложнённой формой **простого глагольного сказуемого**. Ср.: «Простое глагольное сказуемое может быть выражено гла-

голом в сочетании с различными частицами, которые сообщают сказуемому разные модальные и экспрессивные оттенки. <...> Такие формы образуют осложнённое глагольное сказуемое» [Грамматика русского языка, 1954, с. 405]. По словам П. А. Леканта, «осложнённые формы сказуемого являются видоизменением основных форм, результатом осложнения основных форм. Основная форма включается в любую осложнённую форму как конструктивный минимум. <...> Устранение усложняющего элемента должно приводить не к разрушению конструкции сказуемого, не к выведению её за пределы данного структурного типа, а лишь к утрате соответствующего добавочного грамматического значения. В результате устранения усложняющего элемента должна выявиться соответствующая основная форма сказуемого» [Лекант, 1976, с. 32]. Специализированными формами простого глагольного сказуемого являются спрягаемые формы глагола, употреблённые в своём прямом грамматическом значении: *А утром он подозвал к себе Белолобого, больно оттрепал его за уши и потом, наказывая его хвостиком, **всё приговаривал**: «Ходи в дверь! Ходи в дверь! Ходи в дверь!»* (А. Чехов); *Чувство отчуждённости **всё нарастало** во мне* (Ю. Нагибин); *А к мёртвым, выправив билет, **Всё едет** кто-нибудь из близких, И время добавляет в списки Ещё кого-то, кого нет... И ставит, ставит обелиски* (К. Симонов).

Рассматриваемая аналитическая конструкция в функции простого глагольного сказуемого может быть представлена его неспециализированной формой – глагольным фразеологизмом или описательным глагольно-именным оборотом: *Так я **всё веду речь** эту не к тому, чтобы начать войну с бусурманами: мы обещали султану мир, и нам бы великий был грех, потому что мы клялись по закону нашему* (Н. Гоголь); *На поясе у меня штык, обычный трёхгранник, от нашей драгунки. Конечно, это не оружие, с таким в партизаны не примут. А где взять лучше? **Всё** думаю о том, **ломаю голову*** (В. Быков); *И он **всё шарил глазами** вокруг с той самой минуты, как поднял руки: на чердаке, потом в сенях, **всё ловил момент**, чтобы убежать* (В. Быков); *Из головы **всё не шёл** самоубийца, с его любовью и его ненавистью* (Б. Акунин).

Простое глагольное сказуемое может быть выражено неспрягаемой усечённой формой глагола с частицей *всё*: *Сижусь как-то под окошечком, вижу – раз Егорка прошёл мимо избе, два... а моя – **всё нырь да нырь** к окошечку...* (И. Бунин); *Это Алёшку так прозвали, потому что лёгок, на месте не удержишь, **всё прыг да скок**, и мысли в голове такие же скакущие* (Б. Акунин).

Средством грамматического осложнения простого глагольного сказуемого, выраженное аналитической конструкцией с частицей *всё*, является повтор двух одинаковых спрягаемых форм, который, по словам П. А. Леканта, «выражает «количественное» значение – длитель-

ности, полноты действия» [Лекант, 2004, с. 66]. Повторяющиеся глаголы обычно соединяются сочинительной связью – союзами *и* или *да*; союз *да* усиливает разговорный характер высказывания: *Она всё шла и шла, задыхаясь от утомления и рыдая* (А. Чехов); *Надя уже забыла про Горного и Груздева, мысли её путались, а радость всё росла и росла...* (А. Чехов); *А мужик всё гребёт да гребёт, да кормит генералов селёдками* (М. Салтыков-Щедрин); *Наверху козёл стоит – и всё бьёт да бьёт серебряным копытцем, а камни сыплются да сыплются* (П. Бажов); *И всё пел и пел, приближаясь к нам, пастуший рожок* (К. Паустовский). Бессоюзная связь между повторяющимися глаголами в аналитической конструкции используется реже, в подобных высказываниях оттенок длительности действия выражен ярче в силу открытости структуры: *Читаю и всё плачу, плачу* (А. Чехов); *От мельничного устройства осталась лишь бревенная ось, которую всё точил, точил, да так и не мог доточить неустанно льющийся водоток* (Б. Акунин).

Аналитическая конструкция, представленная глаголом с частицей *всё*, является частью **составного глагольного сказуемого**, в котором частица «оттеняет» (по А. Шахматову) вспомогательный глагол, а основной компонент выражен инфинитивом или глагольным фразеологизмом в форме инфинитива. Вспомогательный глагол с частицей *всё* реализует одно из значений – фазисное или модальное.

Среди **фазисных** вспомогательных глаголов наиболее активно используется глагол *продолжать*, который в сочетании с частицей *всё* выражает длительное продолжение, протекание действия: *Дьякон всё продолжал играть перстами в бороде* (И. Тургенев); *И всё продолжали палить* козаки из пицалей, ни на минуту не давая промежутка (Н. Гоголь); *Зинаида Фёдоровна всё ещё продолжала в волнении ходить по гостиной* (А. Чехов); *Солдат всё продолжает идти* в одну с ним сторону (Н. Островский); *Жуков всё продолжал отмалчиваться, глядя на нас и думая, по-моему, о чём-то другом* (К. Симонов); *А музыка в актовом зале всё продолжала играть* (В. Беляев); *Они поднялись на лифте на восьмой этаж, Настя отпирала квартиру, а её спутник всё продолжал сокрушённо сетовать на свою рассеянность* (А. Маринина). Частица *всё* редко употребляется с фазисным глаголом *начинать*, поскольку начало действия предполагает скорее резкость, быстрый приступ к действию, нежели длительность этой фазы. Аналитическая конструкция, представленная вспомогательным глаголом *начинать* с частицей *всё*, выражает не длительность фазы начала действия, а неоднократный приступ к действию: *За воротами говорили, смеялись ребята, кто-то всё начинал играть на сломанной, с западающими клапанами, гармонии* (И. Бунин); *Он всё начинал напевать песенку, но тотчас обрывал её и начинал снова* (К. Паустовский). Случаи использования частицы *всё* с фазовыми глаголами, обозначающими конец действия, не зафиксированы.

Частица *всё* активно сочетается с **модальными** вспомогательными глаголами, реализующими значение **волеизъявления** с различными оттенками:

– с оттенком длительной желательности: *Алька **всё хотела спросить** тётку: где теперь эта старая лиса?* (Ф. Абрамов); *Рыбак вдруг обернулся к товарищу: «**Всё спросить хочу**: в армии ты кем был?»* (В. Быков); ***Всё хочу** сам **съездить** да **похлопотать**, только собраться никак не могу* (В. Белов); *Несколько дней мы морочили ему голову этой лягушкой, и он приходил к нам в шалаши – **всё хотел посмотреть**, как мы её кормим* (Ф. Искандер); ***Всё хочу спросить** тебя, граф: почему ты живёшь один?* (Э. Радзинский); *К Таисье уже полгода ходил француз, обучал европейскому обхождению, и троюродная сестрица очень тем гордилась, **всё желала блеснуть** перед роднёй* (Б. Акунин); *Лифтёрша ругала Настю, а Настя радовалась. Радовалась, что она не обманута, и **всё ещё надеялась увидеть** Балашова* (К. Паустовский); *Куприн не мог забыть Балаклаву и **всё мечтал** снова **поселиться** там* (К. Куприна); *Она **всё мечтала поехать** на большую комсомольскую стройку и **работать** на экскаваторе* (Б. Можаяев);

– с оттенком длительной готовности, решимости совершить действие: *Отец, я помню, **всё намеревался** что-то **написать** о Красной гвардии: то ли исторический очерк, то ли книгу воспоминаний, но так и не написал* (Ю. Трифонов); *Он **всё намеревался** куда-то **ползти**, но потом успокоился* (В. Каверин); *Я **всё собиралась спросить** об этом кого-нибудь из сталинградцев, да так и не спросила* (В. Каверин); *Несколько лет подряд я **всё собирался** к нему **съездить**, имея, как говорится, самые серьёзные намерения* (В. Солоухин); *Ещё его отец, колхозный сторож, **всё собирался починить** топор, да так и не собрался до ареста* (В. Быков); *Когда же я пробовал с ними разговаривать, то они глядели на меня с удивлением, отказывались понимать самые простые вопросы и **всё порывались целовать** у меня руки – старый обычай, оставшийся от польского крепостничества* (А. Куприн);

– с оттенком интенсивного приступа к действию, длительной попытки совершить действие: *Одицов тяжело опирался на палку, и Андрей **всё старался идти** с ним в ногу, умеряя свой размашистый шаг* (Д. Гранин); *Но и тут не поддавался лях, **всё ещё силился нанести** врагу удар, но ослабела упавшая вместе с саблею рука* (Н. Гоголь); *Я **всё пытался обратиться** к кому-то из командиров, но не знал к кому, а часовые в штаб не пускали* (Г. Бакланов); *А Борис **всё пытался устроить** справедливое царство: строгостью и казнями начал бороться со взяточниками* (Э. Радзинский); *Маня эту пуговицу держит в руке и **всё пытается приложить** к платью, к тому месту, от которого она отскочила* (И. Пивоварова);

– с оттенком субъективно-эмоциональной оценки: *Побеседовав таким образом с супругой своей, он в тот же день вечером завернул*

в кофейню Печкина, которую **всё ещё любил посещать** как главное прибежище художественных сил Москвы (А. Писемский); Думали, к комиссару пошёл. Или на ручей. **Всё** возле ручья последнее время **любил сидеть** (В. Быков); Он **всё боялся пропустить** умные разговоры, которые он может услышать (Л. Толстой); Комедия была окончена, но автор **всё ещё боялся выпускать** её в свет, находил нужным «подкрасить» её несколько, чтобы не краснеть за неё (И. Иванов);

Значение **возможности** модальные глаголы с частицей **всё** реализуют редко в силу особенностей семантики таких глаголов, не предполагающей длительность действия: Леонид **всё забывал** их (часы) **заводить** (В. Астафьев).

Аналитическая конструкция, представленная отглагольной связкой с частицей **всё**, является компонентом **составного именного сказуемого**. Связка выражает длительность существующего отношения признака к субъекту:

– фазисные связки, обозначающие длительное обладание признаком: Наконец мало-помалу отец мой успокоился, хотя **всё оставался** очень **грустен** (С. Аксаков); Обстановка под Москвой **всё ещё оставалась грозной**, и Климовичу до сих пор не приходила в голову даже мысль о возможности парада (К. Симонов); А Юрик **всё оставался недовольным**, **всё** ему не нравилось, **всё** раздражало его! (Л. Чарская); Она **всё ещё пребывала в заблуждении**, что младшая дочка души не чает в милом друге (Ю. Нагибин);

– модальные связки со значением констатации признака: Скоро мы озябли, перестали выпрыгивать и старались отсидеться в воде, она **всё ещё была тёплой**, а воздух исчезал, нечем было дышать (Ю. Трифонов); Теперь ему шёл шестьдесят первый год, но он **всё ещё был спортивен и подтянут** и работал в том самом институте физкультуры, который когда-то закончил (А. Маринина); В воздухе **всё ещё был разлит** мрак, и лишь на востоке, откуда шёл караван, начинало светлеть (Е. Водолазкин); Очевидно, слово «ловчий» **всё ещё является** законным **обитателем** «большого круга» – словарного состава русской речи (Л. Успенский);

– модальные связки со значением подлинности восприятия признака: У него даже лицо округлилось, хотя он **всё ещё выглядел человеком суховатого телосложения** (Ф. Искандер); Фёдор Степаныч был высокого роста и чрезвычайно крепкого телосложения, так что, несмотря на свои восемьдесят лет и морщины, **всё ещё имел вид здорового, сильного человека** (А. Чехов); К началу 1380-х годов собор **всё ещё производил впечатление грандиозных развалин** (С. Еремеева);

– модальные связки со значением «притворной (мнимой) подлинности»: А я дивлюсь да передумываю, что б это значило, что он **всё притворяется глухим**, когда станешь говорить о деле (Н. Гоголь); Те-

левизор у отца плохо включался – на эту тему он был готов поговорить с сыном, но тот **всё ещё прикидывался спящим** (А. Битов);

– модальные связки со значением «условленности» («общего мнения»): *Тогда она уже повернула за роковой для красавицы предел сорокалетия, но **всё ещё считалась красавицей*** (П. Боборыкин); *Приличия соблюдались: Советский Союз и Великобритания **всё ещё считались союзниками** в соответствии с договором, заключённым во время войны* (О. Трояновский);

– «вещественные связки» (по А. М. Пешковскому): *К счастью, дорога **всё ещё лежала пустая*** (В. Быков).

Аналитическая конструкция, представленная глаголом с частицей *всё*, активно используется в **односоставном безличном предложении**, где выполняет функцию **главного члена**: – *Неужели не выбьется из ума моего эта негодная Оксана? – говорил кузнец, – не хочу думать о ней; а **всё думается**, и, как нарочно, о ней одной только* (Н. Гоголь); *Так минут десять прошло; читать не хотелось, **всё мечталось** о чём-то, и с бабушкой в качалке хорошо так было* (С. Сергеев-Ценский); *Алёша ёрзал на поскрипывающем стуле, и ему **всё хотелось пересест** на диван: тот не скрипел* (Б. Горбатов); *Не знаю, почему-то меня **всё тянет** на Север* (Ю. Казаков). Обращает на себя внимание высокая частотность использования в составе аналитической конструкции глагола *казаться*, выражающего длительную неуверенность субъекта в восприятии действительности: *Но со вчерашнего дня мне **всё кажется**, что я отвечаю за эту детскую жизнь* (К. Паустовский); *Ей **всё казалось**, что она где-то его встречала, но очень давно, ещё до своего неудачного замужества* (К. Паустовский); *Уже и стемнело, стало страшно. **Всё казалось**, кто-то шевелится, крадёт, а то станет, слушает* (В. Быков); *Приказ получался длинным, а ему **всё казалось**, что он перечислил не всех, кто достоин награды* (Б. Васильев).

Таким образом, аналитическая конструкция, представленная глаголом несовершенного вида с частицей *всё*, занимает следующие синтаксические позиции в простом предложении: выступает в роли простого глагольного сказуемого, является частью составного глагольного или составного именного сказуемого, а также выполняет функцию главного члена односоставного безличного предложения. Синтаксическая позиция аналитической конструкции обусловлена лексико-грамматическими особенностями её основного компонента – глагола.

Библиографический список

1. Виноградов, В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – М. : Высш. шк., 1972. – 616 с.
2. Грамматика русского языка. Т. II. Синтаксис. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1954. – 704 с.

3. Лекант, П. А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке : учеб. пособие для студентов филолог. специальностей пед. ин-тов / П. А. Лекант. – М. : Высш. шк., 1976. – 141 с.

4. Лекант, П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке : учеб. пособие / П. А. Лекант. – 3-е изд., испр. и дополн. – М. : Высш. шк., 2004. – 247 с.

А. В. Сергеева
(г. Пенза, Россия)

ОПИСАНИЕ ПАРНОЙ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ЧАСТИЦЫ НЕ...БЫ В СЛОВАРЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА

На данном этапе развития современного русского языка особенно значимыми представляются изменения в грамматическом строе, связанные с ростом аналитизма – раздельного выражения лексического и грамматического значений. Так, лексическое значение передаётся прежде всего в пределах слова, а грамматическое – вне его, с помощью некоторых вспомогательных слов и контекста.

Склонность к аналитизму является характерной чертой для русской морфологии и синтаксиса. Исследовательские интересы большинства учёных в вопросах роста аналитизма на морфолого-синтаксическом уровне имеет глубокую традицию, представленную в работах В. В. Виноградова, П. А. Леканта, М. В. Панова, Т. Б. Астен, Ю. В. Рощиной, М. Я. Гловинской и др.

Несмотря на то что многие исследователи отмечают рост аналитических тенденций преимущественно на морфологическом уровне, аналитизм всё же отмечается и в синтаксисе, что связано с возрастанием значимости служебных слов, в первую очередь частиц, в выражении лексической и грамматической информации в структуре предложения (см. работы П. А. Леканта, И. Г. Родионовой). По мнению П. А. Леканта, «участие частиц в образовании аналитических форм и конструкций нужно рассматривать на фоне общего процесса роста аналитизма в грамматическом строе русского языка» [Лекант, 2013, с. 3].

Таким образом, частицы способны образовывать вместе с полнозначным словом аналитическую форму или конструкцию и вносить в неё определённый оттенок значения.

Среди проявлений аналитизма в сфере частиц особый интерес для нас представляют те случаи, когда две самостоятельные частицы объединяются в парную частицу без главенства одного из компонентов. По утверждению П. А. Леканта, в русском языке выделяются «три богатыря» – частицы *не*, *бы*, *ли*, объединяющиеся в пары *не...ли*, *не...бы*, которые активно «сотрудничают» с инфинитивом и образуют

вместе с ним аналитические модальные формы с определёнными значениями: *не...ли* – предположение, намерение; *не...бы* – опасение, предупреждение. Таким образом, независимый инфинитив с каждой из этих частиц образует едва ли не самые яркие аналитические формы [Лекант, 2013, с. 6].

В настоящей статье рассматривается происхождение и описание парной аналитической частицы *не...бы* в словарях русского языка.

Названная частица представляет особый интерес в связи с её распространённостью в современной русской речи. Это подтверждается данными из частотных словарей русского языка, в которых содержатся списки лемм с указанием частоты их встречаемости в текстах. Поскольку вполне очевидно образование парной частицы *не...бы* из самостоятельных частиц *не* и *бы*, важно отметить частоту использования отдельных компонентов данной частицы в различных текстах, так как сама парная частица *не...бы* в таких словарях не фиксируется. По сведениям частотного словаря русского языка под редакцией Л. Н. Засориной, частица *не* занимает 3 место в частотном списке лемм (употребляется 19 228 раз). Чаше всего это слово используется в драматургических (7060 раз) и художественных текстах (4988), частота использования частицы *бы* чуть меньше – 3941 раз, из которых в драматургических (1700 раз) и художественных текстах (817 раз). Регулярность использования данных частиц прослеживается и в более современном частотном словаре русского языка под редакцией О. Н. Ляшевской, где частица *не* также занимает третье место среди самых встречаемых частиц русского языка, частота её использования – 18 028 раз, тогда как частица *бы* находится на 21 месте с частотой использования 2322 раза. Столь частое функционирование данных частиц в художественных и драматургических текстах объясняется основной сферой использования частиц – устно-разговорная речь и художественная литература. Использование частиц в речи придаёт высказываниям большую выразительность, эмоциональность.

Не менее интересным представляется употребление частицы *не...бы* в этимологических словарях русского языка, которые фиксируют не только историю слова, но и фонетические и семантические изменения. Проанализировав семь этимологических словарей, мы пришли к выводу, что данная парная частица в этих словарях не представлена как единая частица, даны лишь её отдельные компоненты – частицы *не* и *бы*. В исследуемых словарях для частицы *не* приводится следующее объяснение происхождения, во многом совпадающее у всех авторов: частица *не*, по их мнению, того же корня, что лит. *ne*, др.-инд. *na*, греч. *ne* с исходным значением «нет», также отмечается, что *не* в русском народном творчестве выступает в значении «как», при этом сравнивается лит. *ne*, *negi*, *negu* – то же, др.-инд. *na* – как, словно, также лит. *nei* – словно.

История происхождения частицы *бы* представляет определённую сложность для исследователей: так, в 3 из 7 проанализированных словарей происхождение данной частицы не объясняется, остальные же сходятся в следующем: «частица со значением предположительной возможности действия; пожелания; вежливого или смягчённого предложения, просьбы и др. В русском языке 16–17 вв. известны *бы*, *абы*, *дабы*, *кабы*. Собственно-русское новообразование, возникшее как частица из формы 2–3 лица, единственного числа аориста глагола *быти*» [Шапошников, 2010, с. 89]. Кроме того, отмечается, что данная частица имеет глубокие корни: так, по мнению Соболевского, «первые памятники, в которых мы встречаем частицу *бы*, относятся к XIII–XIV вв. (Милетино Евангелие 1215 г., Евангелие 1339 г. и др.).

Таким образом, проанализировав представленность частиц *не* и *бы* в этимологических словарях русского языка, мы пришли к следующим выводам:

1) далеко не все словари раскрывают историю данных частиц, что объясняется, без всякого сомнения, сложностью исторического анализа;

2) ни в одном этимологическом словаре парная частица *не...бы* не представлена, а раскрыты значения лишь отдельных её компонентов – *не* и *бы*;

3) по мнению большинства авторов исследуемых словарей, частица *не* имеет общеславянское происхождение, а *бы* – собственно-русское новообразование, вместе с тем обе частицы имеют интересную историю происхождения и использовались в речи с давних времён.

Рассмотрим толкование частицы *не...бы* в одном из крупнейших словарей русского языка XIX в. – «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля. Вышеназванную частицу он не выделяет, более того, частицу *не* он называет наречием, а *бы* – союзом, состоящим в связи с глаголом и выражающим желание, условие или следствие. В. И. Даль определяет *не* как наречие со значением отрицания в следующих высказываниях: «*Хочешь? – Не*», «*Шить не шьёт, а только иглой тычет*»; «*Не в том углу сидишь, не в том песни поёшь*» [Даль, 1994, с. 502]; лексикографом отмечаются случаи употребления частицы *бы* вместе с отрицанием, однако связи между этими компонентами он не выделяет: «*Не тебе бы говорить, да не мне бы слушать*», «*И не ломлив бы парень, да в гости не зовут*».

В современных словарях *не...бы* как единая парная частица не встречается, хотя по отдельности данные частицы исследуются. Так, в большинстве словарей *не* в самостоятельных употреблениях выступает не только как отрицательная частица, придающая следующему за ним слову противоположное или отрицательное значение, а также вступающая в союз с инфинитивом и глаголом совершенного вида, но и как отделяемая при сочетании с предлогом часть местоимений и как

приставка, придающая слову новые эмоциональные оттенки значения. В то время *бы* трактуется во всех словарях только как частица, которая образует вместе с глаголом в прошедшем времени сослагательное наклонение со следующими значениями: 1) предположительной возможности. *Поехал бы, если бы было время*; 2) вежливо-предупредительного пожелания, совета, предложения. *Ты прилег бы*; 3) желательности или долженствования. *Покрапал бы дождичек! Ты бы хоть позвонил!* 4) (с отрицанием «не») опасения. *Не заблудились бы ребята. Не захватил бы нас дождь* [Ожегов, Шведова, 2010, с. 304].

Однако попытки объединить данные частицы в одну всё же прослеживаются. Условно лексикографы придерживаются двух мнений относительно данной частицы:

1) в некоторых словарях устанавливается, что частица *бы* с отрицанием *не* образует сослагательное (условное) наклонение не только с глаголами прошедшего времени, но и с неопределённой формой глагола, и с предикативными наречиями, имеющими значение долженствования, необходимости, возможности: «Ну, Тарас Семёныч, спас ты меня. **Не жить бы мне**», «**Мне бы не справиться, если бы ты не помог**» (См. Большой Российский энциклопедический словарь, словарь Д. Н. Ушакова, Т. Ф. Ефремовой, Малый академический словарь под редакцией А. П. Евгеньевой);

2) в других словарях также описывается возможность частицы *бы* вместе с *не* и с глаголом прошедшего времени образовывать сослагательное наклонение, однако другие случаи употребления данных частиц вместе комментируются следующим образом: например, Ожегов отмечает, что частица *бы* с отрицанием *не* выражает обусловленную возможность: «**Не знать бы ей забот, если бы не семья**». «**Не бывать бы счастьем, да несчастье помогло**», а в составе предложения без спрягаемой формы глагола выражает опасение: «**Не опоздать бы**». С ним соглашается составитель «Русского толкового словаря» В. В. Лопатин, приводя следующие примеры: «**Не упал бы ты!**», «**Не заболеть бы!**» (Выражает опасение); «**Не успеть бы ему, если бы не такси**» (в данном случае с отрицанием и неопределённой формой выражается обусловленная чем-нибудь невозможность).

В целом изучение представленных источников показало, что статус парной аналитической частицы *не...бы* в современном русском языке неоднозначен. Во многих проанализированных словарях возникает ряд трудностей в определении статуса данной частицы, т.к. многие исследователи не объединяют её в парную аналитическую частицу и рассматривают лишь значение её отдельных компонентов. Данные трудности объясняются, во-первых, отсутствием полного монографического исследования данной частицы, а также её выделения в классификациях частиц (большинство исследователей в своих классификациях вообще не рассматривают парную частицу *не...бы*); во-вторых,

значением составной аналитической частицы *не...бы*, расширяющимся и дополняющимся различными семантическими оттенками, что осложняет выбор не только того или иного разряда для данной частицы, но и исследование особенностей её функционирования.

Библиографический список

1. Большой энциклопедический словарь / ред. А. М. Прохоров. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2000. – 1456 с.
2. Даль, В. И. Толковый словарь русского языка: иллюстрированное издание / В. И. Даль. – М. : Эксмо, 2015. – 896 с.
3. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный : в 2 т. / Т. Ф. Ефремова. – М. : Русский язык, 2000. – 1209 с.
4. Лекант, П. А. Аналитизм в категории русских частиц / П. А. Лекант // Электронный журнал «Вестник МГОУ». – 2013. – № 1 – С. 1–8. – URL: www.evestnik-mgou.ru
5. Лопатин, В. В. Толковый словарь современного русского языка / В. В. Лопатин, Л. Е. Лопатина. – М. : Эксмо, 2013. – 928 с.
6. Ляшевская, О. Н. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка) / О. Н. Ляшевская, С. А. Шаров. – М. : Азбуковник, 2009.
7. Малый академический словарь. – М. : Институт русского языка Академии наук СССР. Евгеньева А. П. – 1957–1984.
8. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова // Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М. : ИНФОТЕХ, 2010 – 874 с.
9. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь современного русского языка: Около 100000 слов / Д. Н. Ушаков. – М. : Аделант, 2013. – 800 с.
10. Частотный словарь русского языка / под ред. Л. Н. Засориной. – М. : Русский язык, 1977.
11. Этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / сост. А. К. Шапошников – М. : Флинта : Наука, 2010. – Т. 1. – 584 с.

С. А. Стрыгина
(г. Рязань, Россия)

РОЛЬ УЧИТЕЛЯ-СЛОВЕСНИКА В РАЗВИТИИ ТВОРЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ ШКОЛЬНИКОВ

В настоящее время важное место в системе образования занимает развитие творческого мышления учащихся. Стоит отметить, что данная проблема была актуальна во все времена, однако сегодня ей следует уделить особое внимание, поскольку уровень грамотности современных школьников значительно снизился, а интерес к чтению заменило

увлечение интернетом и разнообразными гаджетами. Поэтому именно сейчас особенно велика роль педагога-словесника, так как он владеет главными орудиями борьбы с проблемами современных детей. Орудия эти не что иное, как родной язык и русская классическая литература. Умело используя все имеющиеся ресурсы, учитель способен воспитать личные качества учеников, пробудить интерес к изучению своих предметов, а также развить творческое мышление, зачатки которого, безусловно, имеются у большинства детей.

Развитие творческого мышления неразрывно связано с речевым развитием, под которым известный учёный М. Р. Львов понимает «процесс овладения речью: средствами языка (фонетикой, лексикой, грамматикой, культурой речи, стилями) и механизмами речи – её восприятия и выражения своих мыслей», а также «специальную учебную деятельность учителя и учащихся, направленную на овладение речью» [Львов, 2007]. То есть, подобрав нужные слова, учитель решает сразу несколько педагогических задач, в том числе развивает как творческое мышление учащихся, так и их речевую деятельность.

В условиях современной системы образования (в частности – реализации Федеральных Государственных Стандартов) развитие речевой деятельности учащихся становится особенно актуальным, поскольку замечено, что беда современных школьников – так называемое «клиповое» мышление. Оно характеризуется способностью человека воспринимать мир только через короткие, яркие образы, т.е. в условиях школьной среды это означает, что ученик усваивает материал лишь на уровне представлений. Зачастую информация забывается, не переходя на уровень умений и навыков. Впервые в отечественной науке данный термин употребил философ Ф. И. Гиренок [Гиренок, 1995]. Особенность данного вида мышления в том, что ребёнок делает акцент лишь на красивом и ярком, иными словами, книга для него важна не содержанием, а иллюстрацией. Из этого следует, что перед учителем стоит задача преподнести материал в такой форме, чтобы суметь заинтересовать ученика. Если же педагог будет являться транслятором учебника и методических пособий, результаты его труда не достигнут должного уровня. Исходя из этого, отметим, что именно от личности педагога, от его харизмы и умения пробудить интерес к преподаваемому материалу зависит, насколько плодотворно будет воспринят учениками его предмет.

Творческому развитию учащихся посвящено много различных трудов, один из которых принадлежит М. Р. Львову. В его пособии «Школа творческого мышления» [Львов, 1993] предлагается система упражнений для школьников младших классов, которая направлена на развитие их речевых навыков и расширение кругозора. В качестве иллюстративного материала мы предлагаем упражнение, разработанное на материале одного из заданий пособия Львова.

Упражнение

Давай составим словарь сказочного языка.

1. Вспомни имена, которые встречались тебе в сказках. Например, Баба Яга, Царевна Лягушка, Иван-дурак. Напиши имена своих любимых сказочных героев и расскажи, какие они. Например, Баба Яга – злая, хитрая, живёт в избушке на курьих ножках.

2. Вспомни, какие транспортные средства были у сказочных героев. Например, Баба Яга летала в ступе. А как передвигались другие герои?

3. Какая у тебя любимая сказка? Кто её главный герой? Чему она нас учит? Чем эта сказка понравилась тебе?

В процессе выполнения упражнения ребёнок вспоминает сказки, учится размышлять и творчески переосмысливать уже знакомые сюжеты, ведь книге всегда отводилась особая роль в развитии личности. Но именно личность педагога может либо пробудить интерес к изучению предмета, либо навсегда искоренить у ребёнка желание им заниматься. Получается, что развитие творческого мышления школьников напрямую зависит от качеств, которыми обладает учитель-словесник. Данная традиция характерна и для православной педагогики, которая уделяет нравственному и душевному развитию детей более пристальное внимание и тесно связана со словесностью.

Обратимся к трудам одного из лучших представителей педагогической мысли в данной области – протоиерея Артемия Владимирова, который является выпускником филологического факультета МГУ и педагогом высшей категории. В своих многочисленных выступлениях он говорит о том, насколько большую роль на уроке играет личность учителя. Много изданных трудов и интересных уроков подтверждают его правоту, а на основе разработанных о. Артемием занятий любой учитель может разработать свои собственные упражнения. В качестве примера обратимся к уроку, который называется «Тайна успешного учения». Он построен в форме беседы священника и учеников начальной школы, однако там поднимаются темы, которые способен раскрыть любой учитель.

Если из пособия М. Р. Львова мы можем использовать отдельные упражнения, перерабатывать их и включать в собственные уроки, то из книг о. Артемия можно использовать целые фрагменты занятий. В ходе упомянутого нами выше урока ведётся беседа о том, что надо сделать для достижения успеха в учёбе. В ходе беседы ученики отвечают на ряд вопросов. Например: *«Как развивать сообразительность? Можно ли развивать её, часами просиживая за телевизором? Можно ли развивать сообразительность, читая хорошие книги?»* [Владимиров, 2014]. Развивая данную мысль, учитель русского языка и литературы может предложить ученикам вспомнить героев любимых книг, назвать самых сообразительных, написать несколько предложений о том, почему эти герои могут считаться таковыми.

Таким образом, говоря о развитии творческого мышления у современных школьников, мы приходим к выводу, что от личности педагога-словесника зависит, полюбят ли дети родную речь, литературное наследие своей страны и станут ли всесторонне развитыми людьми.

Библиографический список

1. Владимиров, А. В. Уроки жизни. Беседы с детьми : кн. 1. / А. В. Владимиров. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : АНО ЦДС Артос, 2014. – 320 с.
2. Гиренок, Ф. И. Метафизика пата (косноязычие усталого человека) / Ф. И. Гиренок. – М. : Лабиринт, 1995. – 201 с.
3. Львов, М. Р. Школа творческого мышления : учеб. пособие по русскому языку для обучения в начальных классах / М. Р. Львов. – М. : Дидакт, 1993. – 183 с.
4. Львов, М. Р. Основы теории речи : учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / М. Р. Львов. – М. : Академия, 2002. – 248 с.
5. Львов, М. Р. Методика преподавания русского языка в начальных классах : учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / М. Р. Львов, В. Г. Горецкий, О. В. Сосновская. – 3-е изд., стер. – М. : Академия, 2007. – 464 с.

***Р. В. Шириаков**
(г. Пенза, Россия)*

ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА И ЕЁ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ КОМПЕТЕНЦИЙ БАКАЛАВРА РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Учебный курс «Русская диалектология» на историко-филологическом факультете Пензенского государственного университета (направление «Педагогическое образование», профиль «Русский язык, литература») завершается диалектологической практикой, целями которой являются: 1) углубление и закрепление теоретических знаний по дисциплине «Русская диалектология»; 2) практическое применение этих знаний при сборе и анализе конкретного текстового материала; 3) овладение современными методами и приемами диалектологических исследований.

Достижение целей учебной практики требует решения следующих задач: 1) сбор и анализ диалектологического материала на всех уровнях языковой системы (фонетическом, грамматическом, лексико-фразеологическом); 2) обработка и систематизация диалектологических материалов с использованием современных информационных технологий.

Диалектологическая практика относится к вариативной части профессионального цикла Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования (ФГОС ВО), утверждённого приказом Министерства образования и науки РФ 04.12.2015 года (номер государственной регистрации № 40536), по направлению подготовки 44.03.01 Педагогическое образование.

Общая трудоёмкость учебной практики составляет три зачётные единицы, или 108 часов.

Базу для успешного прохождения диалектологической практики составляет освоение содержания учебных дисциплин «Русская диалектология», «Теория языка».

Диалектологическая практика, имеющая огромное научно-практическое значение, является, с одной стороны, продолжением учебного процесса, а с другой стороны призвана сыграть значительную роль в накоплении ценнейших сведений о русских народных говорах.

Диалектологическая практика готовит студентов к будущей работе учителя в условиях местного диалекта, даёт возможность им увидеть, как диалектные черты отражаются в речи молодого поколения.

В результате прохождения данной учебной практики у обучающихся должны быть сформированы элементы следующих компетенций в соответствии с ФГОС ВО по данному направлению подготовки:

1. Способность работать в команде, толерантно воспринимать социальные, культурные и личностные различия

Для формирования этой компетенции студент должен приобрести определённые знания, умения и навыки, а именно: **знать** специфику групповой работы в полевых и лабораторных условиях; **уметь** применять знание местной материальной и духовной культуры в работе с информантами с учётом социальных, культурных и личностных особенностей; **владеть** методами и приёмами ведения беседы.

2. Способность выявлять и формировать культурные потребности различных социальных групп

Данная компетенция предполагает следующий набор знаний, умений навыков: **знать** содержание и этническое своеобразие основных тематических групп диалектной лексики и фразеологии, отражающие особенности местной материальной и духовной культуры; **уметь** применять знание особенностей местной материальной и духовной культуры в учебно-педагогической и культурно-просветительской работе; **владеть** методами и приёмами обработки, систематизации и анализа сведений о региональной материальной и духовной культуре.

3. Способность выделять и анализировать единицы различных уровней языковой системы в единстве их семантики, структуры и функционирования в речи

В рамках этой компетенции студент должен обладать такими знаниями, умениями и навыками, как: **знать** особенности исследуемо-

го говора на разных языковых уровнях (фонетическом, морфологическом, синтаксическом и лексическо-фразеологическом); **уметь** применять теоретические знания при сборе и анализе конкретного текстового материала; **владеть** основными методами и приемами диалектологических исследований.

Диалектологическая практика предполагает описание говора села на всех уровнях языковой структуры (фонетическом, грамматическом, лексическом). Основное в практике – познакомиться с диалектной речью, услышать её; для этого необходимо выполнить работу в соответствии с заданиями (см. программу диалектологической практики).

Описание говора села следует предварить сведениями о населённом пункте, говор которого исследуется, указав название села (официальное и неофициальное, местное) и его частей (начало села, середина, конец; всего одна улица); дать сведения о его расположении (ближайшие населённые пункты); нарисовать план села со всеми названиями рек, оврагов, лесов, улиц и т.д.; указать сведения о наличии культурных и хозяйственных учреждений (школа, клуб, библиотека, административные здания и др.); сведения об истории села, времени заселения, местные названия коренных жителей.

Каждый студент-практикант делает аудиозаписи бесед на самые разнообразные темы, чаще всего это будут бытовые темы. Надо, чтобы информанты происходили из данного села и провели в нём большую часть своей жизни. Составляется паспортизация информанта: фамилия, имя, отчество; год рождения; место рождения; образование, род занятий в прошлом и в настоящее время.

По окончании практики студенты сдают следующую отчётную документацию: тексты бесед в фонетической транскрипции; заполненные и обработанные анкеты в соответствии с вопросами Программы собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров [Программа, 1994]; лексикографические карточки; аудио-, фото- и видеоматериалы; описание говора (фонетика, грамматика, лексика); дневник практики.

По результатам практики студенты готовят сообщения и доклады на итоговую конференцию.

Материалы, собранные практикантами, являются основными источниками (как новыми, так и дополнительными, проверочными) для пополнения картотек – фактологической базы словарей различного типа и научных исследований по русскому языку.

С 2006 г. в рамках диалектологической практики организуются экспедиции по сбору материалов для Лексического атласа русских народных говоров (ЛАРНГ), программа собирания сведений для которого включает широкий круг тем, связанных с названиями природных явлений, человека, его семейных отношений, традиционной духовной культуры, процессов и предметов трудовой деятельности, ремесел,

промыслов, предметов материальной культуры, питания, путей сообщения и транспорта и нек. др.

Работа над ЛАРНГ – это коллективный труд сотрудников Российской академии наук (Института лингвистических исследований и Института славяноведения), а также многочисленных вузов России (более 50 вузов, на базе которых созданы региональные центры, в которых силами энтузиастов ведётся большая диалектологическая работа по сбору и обработке материала).

Библиографический список

1. Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров. – СПб., 1994. – Ч. 1, 2.
2. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 44.03.01 Педагогическое образование (уровень бакалавриата). – М., 2015.

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

М. П. Болотская, Е. В. Белякова

(г. Пенза, Россия)

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗА «ВЛАСТИ» В ТРИЛОГИИ В. П. АКСЁНОВА «МОСКОВСКАЯ САГА»

Р. Блакар, исследуя функционирование языка в составе социальной и политической деятельности или поведения, утверждал, что невозможно выразиться нейтрально, использование языка всегда предполагает воздействующий эффект [Блакар, 1987, с. 98]. В политической деятельности, основополагающей целью которой является борьба за власть, речь политика – это один из основных инструментов воздействия. Манера говорить как на трибуне, так и в повседневной жизни создаёт определённый образ. В случае с представителем власти этот образ должен быть показательным. Изучением потенциала воздействия речи реальных политических деятелей занимается политический дискурс. Художественный же дискурс комбинирует в себе разные виды дискурсов, в том числе и политический.

В «Московской саге» В. П. Аксёнова фигурирует достаточно большое количество представителей «власти». Среди них можно выделить В. Р. Менжинского, Л. П. Берию, И. В. Сталина, В. М. Молотова, Н. И. Бухарина, Л. М. Кагановича, Н. С. Хрущёва, Г. М. Маленкова, А. И. Микояна, А. С. Енукидзе, Н. И. Ежова, Л. Д. Троцкого, а также представителей американской дипломатической миссии. В данной работе будет рассмотрена специфика лексических средств, используемых в речи И. В. Сталина и Л. П. Берии, так как их речевая деятельность, в отличие от других политических деятелей, в трилогии показана наиболее обширно.

И. В. Сталин в трилогии В. П. Аксёнова «Московская сага» является лицом, которое принимает активное участие в разнообразных диалогах, влияющих на события в стране в целом и в жизни главных героев в частности. Следует отметить следующие ситуации общения, выявляющие основные характеристики образа вождя: реакция Сталина на обморок командарма Фрунзе на заседании Политбюро; на попытки оппозиционеров учинить беспорядки в Москве во время празднования 10-летия Октябрьской революции; речь Сталина по поводу деятельности оппозиционных групп; обращение Сталина к Градову в Кремле на собрании по поводу новоизбранного Совета; разговор больного Сталина и профессора Градова; разговор Сталина и генерала Градова о военных действиях против Германии; общение между Сталиным и Берией.

На наш взгляд, анализ речи Сталина поможет глубже понять представление автора о личности вождя, а также раскроет тайну лидерства Иосифа Сталина в СССР.

Выбор лексических средств, используемых Сталиным, обусловлен реалиями эпохи, связан с борьбой с «троцкизмом» (т.н. правыми), тенденциозным внедрением классового сознания в массы, введением новых форм развития крестьянского хозяйства – колхозов, противопоставленностью СССР капиталистическому миру (Европе и Америке), борьбой с фашистской Германией. Кроме того, имеются и указания на проблемы внутренние, т.н. перегибы власти, направленные на борьбу с «контрреволюцией». Фигурируют такие лексемы и словосочетания, как: *товарищ, темпы развития, перспективы развития, партия, дух социализма, борьба за социализм, рабочие, колхозники, акция, капиталистический мир, советский парламент, «ежовская травма»* (в 30-е годы был период, характеризовавшийся массовыми репрессиями, организацию которых связывают с именем народного комиссара внутренних дел Н. Ежова, а также сами эти репрессии), *политотдел, немецко-фашистское вторжение*. В речи вождя часто звучат и названия госучреждений: *ЦК, Совет Обороны, Политбюро* (руководящий орган, в который входили наиболее влиятельные члены Центрального Комитета, определяющие политику партии, а в условиях однопартийной системы – и всего государства).

В речи Сталина часто упоминаются топонимические имёна прилагательные, связанные с национальной родиной вождя (И. В. Сталин родился в городе Гори Тифлисской губернии и начинал свою партийную деятельность именно в Грузии). Упоминание некоторых грузинских имён и названий позволяет вождю сблизиться с собеседником, показать ему, что в их прошлом и настоящем есть много общего: *«Ламадзе... Ламадзе из Сигнахи...»*; *«Послушай, вы не родственники ли тем боржомским Ламадзе, к которым имеют отношение кутаисские Мжаванадзе?»*; *«Стало быть, и те Кикнадзе, батумские пароходчики, ваши родственники?»*; *«Ты, стало быть, джигит, должен быть родственником тем тифлисским Гудиашвили, а? Помнишь, Лаврентий, была там знаменитая аптека Галактиона Гудиашвили?»*

Основная масса слов в речи Сталина имеет нейтральную стилистическую окраску. Но нами выделено 8 слов, которые можно отнести к обценной лексике, два из которых употреблены на русском языке (*мерзавцы, идиоты* – адресованы своей кремлёвской прислуге); другие 6 – были произнесены вождём на заседании Политбюро (по поводу обсуждения проблемы переселения еврейского народа в отдельную область) в адрес Л. П. Берии, который, пользуясь своим высоким положением в структуре власти, насильно склонял женщин к близости с ним. Почти все эти слова Сталин проговорил уже на грузинском языке: *«– Чучхиани прочи, что ты творишь, подонок?! Работаем над*

*историческими решениями, от которых счастье человеческое зависит, а ты, **дзыхнера**, не можешь свой, **хлэ**, **грязный иланг** завязать, **гамохлэбуло!** А ну, сними очки, нечего на меня стеклами блестеть! Немедленно отпусти эту девчонку и оставь всех этих Градовых в покое, **дзыхнериани чатлахи!***

Из всех присутствующих только Микоян немного понимал что к чему».

Почему для этого был выбран именно родной язык Сталина? С одной стороны, возможно, чтобы члены Политбюро не поняли, о чем идёт речь и, таким образом, хотя и отчитать Берия за неподобающее поведение, но всё-таки скрыть его действия, так как Берия считался одним из самых влиятельных политических деятелей «при дворе» вождя. С другой стороны, возможно, переход на грузинский язык был вызван простым порывом, связанным с национальной спецификой характера Сталина (последнее кажется нам сомнительным, так как генсек был слишком осторожен во всём, что касается политического поведения). В начале 90-х годов, после распада СССР, когда жёсткие цензурные запреты исчезли, обценная лексика широко проникла в литературу, используя в различных функциях. Первичная функция – реалистическая передача разговорной речи: если в жизни люди матерятся, то, видимо, они должны делать это и в книгах. Думается, В. П. Аксёнов при создании трилогии исходил из данных причин. Но, как мы знаем, во времена СССР было запрещено употреблять нецензурную лексику публично, в связи с этим, возможно, у В. П. Аксёнова Сталин использует обценную лексику грузинского языка.

Интересны высказывания различных политических деятелей той эпохи о Сталине (их В. П. Аксёнов приводит в самом конце книги).

Адмирал Уильям Лихи (американский военно-морской деятель, адмирал флота, политик и дипломат): *«Мы все думали, что это атаман бандитов, пробравшийся на вершину власти. Это мнение было неверным. Мы сразу поняли, что имеем дело с интеллигентом высшей пробы».* У. Лихи употребляет в контексте местоимение «мы», что говорит нам о том, что собственное мнение приравнивается к мнению власти США. Вначале адмирал сравнивает Сталина с «атаманом бандитов», а затем опровергает этот тезис. В своём изречении он использует контекстуальные антонимы: *атаман бандитов – интеллигент высшей пробы.* Таким образом, У. Лихи признаёт заслуги Сталина и его статус исполнителя закона.

Президент США Ф. Рузвельт высказывается о Сталине кратко (*«В общем, очень впечатляющ, я бы сказал»*) и как бы с неохотой – об этом говорит нам использование вводных конструкций и сам характер фразы – её краткость (известно, что наши отношения с капиталистической Америкой на тот момент были довольно напряжёнными). Но даже он не может отрицать роль Сталина в мировой политической жизни

и в связи с этим употребляет словосочетание *очень впечатляюще* (как видим, значение слова «впечатляющий», которое и так имеет высокую форму оценки, ещё больше усиливается наречием меры и степени «очень», что говорит всё-таки, если не об уважении Рузвельта к личности Сталина, то о признании его как политика, равного себе).

Л. Д. Троцкий называет Сталина «самой выдающейся посредственностью в Партии». В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова представлены следующие значения слов «выдающийся» и «посредственность»: Выдающийся. Выделяющийся какими-н. качествами (обычно положительными) [Ожегов, 1990, с. 115]; Посредственность. 2. Посредственный, бездарный человек [Ожегов, 1990, с. 567]. Таким образом, «выдающаяся посредственность» – это оксюморон. Троцкий, используя данное сочетание, принижает личностные качества Сталина, высказывает своё негативное отношение к нему. Слово «Партия» написано с заглавной буквы, хотя является нарицательным именем существительным (видимо, автор трилогии подчёркивает таким образом, что партия как институт власти имеет для Троцкого большую ценность).

Британский лейборист Герберт Моррисон в своей речи оценивает личность Сталина неоднозначно: «Он был великий, но нехороший человек» (использует для этого контекстуальные антонимы: *великий* – *нехороший*). Интересно также, что британский лейборист употребляет слово «человек», а не «политик» в отношении вождя СССР. Видимо, это из-за сочетаемости слов «великий деятель / человек», но не «нехороший деятель» («нехороший» – только человек). В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова: Нехороший. Лишённый хороших качеств, плохой [Ожегов, 1990, с. 413]. В связи с этим можно сделать вывод, что Г. Моррисон акцентирует внимание больше на личностных качествах вождя, на действиях Сталина не политика, а человека.

Л. П. Берия – один из влиятельнейших политических деятелей своего времени. В. П. Аксёнов в анализируемой нами трилогии почти не касается вопросов, связанных с достижениями и той пользой, которую он принес СССР, автор сосредоточился на презентации негативных поведенческих черт и действий как в области политики, так и в личной жизни: показывает моменты допросов с пристрастием, описывает отношения с женщинами, насилие над ними.

Большинство слов в речи Берии относятся к нейтральной лексике, но используются и разговорная: *дружки, миндальничать, парикмахерши, аристократочки, Максимильяныч, зануда, девчонки, дачка, баба, контора (место работы), зачем* (вм. «почему»): «Зачем ты пойдёшь?! Зачем не Нугзарка пойдёт?!»

Выбор лексических средств для создания образа Л. П. Берии обусловлен также временем, эпохой, в которой происходят события романа: *товарищ, советская власть, вождь народов СССР, советская*

пресса, «ежовская травма», «наккард», подполье, председатель Центральной контрольной комиссии, американский шпион, партийная кличка, по-революционному, наша республика.

Лексика, связанная со сферой деятельности Л. П. Берии: план высадки, сведения из источников, питать доверие, власть, свобода, политические проблемы, американский генерал Эйзенхауэр (американский государственный и военный деятель, генерал армии), маршал Жуков, танки Гудериана (Хейнц Вильгельм – командующий немецкой танковой группой, после поражения по Москвой снят с должности), армия Роммеля (немецкий генерал-фельдмаршал, командовал войсками Оси в Северной Африке), объединённое командование операцией, Коба, маршал Ежов, взгляды, акция, интернационалистская позиция, прорабатывать серию мероприятий, трудовые слои, советские люди, коллективное письмо советских деятелей, Евг. Евтушенко (советский поэт) и др. (Евгения Евтушенко, кстати, Берия называет именно сокращённо *Евг.*, как было подписано стихотворение, что свидетельствует о полном неуважении к автору произведения, а также о том, что стихотворение совершенно не понравилось наркомун).

В. П. Аксёнов акцентирует внимание на употреблении Берии обценной лексики: большое количество нецензурных слов и выражений использует Берия в своём общении с заключёнными и служащими. Употребление такого обценной лексики в речи одного из вождей народов показывает его не с лучшей стороны:

1) обуславливает его пренебрежительное, потребительское отношение к женщине: «– Впрочем, мы ещё и сейчас с тобой <...> что надо, а, Нугзар?»; «Вдруг расхохотался: – Это же анекдот, привлекут, говорит, к ответственности за растление, а за малолеткой <...> тут же подъезжает!»; «Когда русскую бабу <...>, кажешься себе завоевателем, а?»; «Обязательно чувствуешь, что ты как будто рабыню <...> или наёмную <...>, верно?»;

2) не слишком уважительное отношение к подчинённым при разговоре с ними: «Берия расхохотался: – Люблю тебя, **подлеца!**»; «– Вставай, Нугзар, перестань **дурачиться!**»; «Слушай, давай, к **чёрту**, хоть на пять минут забудем о делах, давай об общей страсти поговорим, о женищинах, а?»; «Никто меня не понимает в этой <...> конторе, кроме Максимильяныча!»;

3) пренебрежительное-агрессивное поведение при допросе: «Берия улыбнулся и произнёс любезнейшим тоном: – Слушай, <...>, если эта информация куда-нибудь просочится, <...>, если кому-нибудь скажешь о нашей встрече, понял, о нашем разговоре, я тебя **отдам со всеми потрохами** Мишке Рюмину <...>»

Из-за использования в речи политика такого рода лексики при разного рода диалогах с одним из подчинённых вырисовывается образ не столько политика (который и в личной и в общественной деятельно-

сти должен представлять из себя, своего рода, образец для подражания), сколько образ некоего жёсткого «уличного» мафиози с «относительным» набором манер, огромным самомнением и претензией на вседозволенность. В связи с анализом выявленных механизмов воздействия (на лексическом уровне: использование обценной лексики; идеологической лексики; лексики, связанной со сферой деятельности; имён собственных, связанных с определённой эпохой) нами были сделаны выводы о характере «власти» в трилогии.

Образ Сталина, созданный В. П. Аксёновым, сложный и противоречивый. Речевая манера вождя позволяет максимально раскрыть основные качества Сталина: властность (использование повелительных предложений и побудительных интонаций), подозрительность (жесты и характерные вопросы), предприимчивость (подбор нужных слов и высказываний), гордость (проявляется в жестах и умалчивании некоторых насущных проблем), умение задавать вопросы, умение расположить к себе народ, умение подчинять себе, умение лавировать (проигранный спор с генералом Градовым), умение разбираться в людях, умение манипулировать людьми при помощи страха.

В трилогии «Московская сага» В. П. Аксёнов буквально «расправляется» со «вторым я» Сталина – Берией: он изображён развратным и циничным человеком, жестоким манипулятором.

Таким образом, речь является инструментом воздействия (власти), она же становится средством создания образа «власти».

Библиографический список

1. Аксёнов, В. П. Московская сага / В. П. Аксёнов. – М., 2013.
2. Блакар, Р. М. Язык как инструмент социальной власти / Р. М. Блакар // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М., 1987.
3. Ожегов, С. И. Словарь русского языка: 70 000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. – 23-е изд., испр. – М., 1990.

Е. М. Вавилова
(г. Заречный, Россия)

ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ В РАСКРЫТИИ ТЕМЫ ОДИНОЧЕСТВА В ОДНОИМЁННОМ СТИХОТВОРЕНИИ И. А. БУНИНА

Предметом моего исследования является функционирование языковых единиц в художественном тексте, в частности меня заинтересовала структура предложения как изобразительное средство. Материалом для исследования послужило стихотворение И. А. Бунина «Одиночество», написанное в 1903 г.

Тема одиночества была близка И. Бунину, очевидно, по двум причинам: во-первых, тем, что он стоял особняком в литературе XX в., не примыкая ни к одному из модных течений, таких как акмеизм, символизм, футуризм. Во-вторых, уход жены, Анны Николаевны Цакни, который писатель очень болезненно переживал.

У Бунина семантика как бы наслаивается на синтаксис. В связи с этим мне представляется интересным рассмотреть, какие типы предложений использовал поэт в своём стихотворении, и второе, как синтаксис взаимодействует с семантикой.

Известно, что в мышлении и в языке отражаются факты объективной действительности. В языке эти факты выступают в виде:

- 1) синтаксической структуры, грамматическое членение которой не зависит от ситуации, от содержания сообщения;
- 2) предложение является смысловой структурой, которая преследует определённую коммуникативную цель;
- 3) в тексте происходит коммуникативное развёртывание высказывания.

Синтаксическая структура оформляется всегда по законам данного языка.

Рассмотрим синтаксические единицы в стихотворении И. А. Бунина «Одиночество»:

Мне темно (нар.)

За мольбертом, и дует (гл.) в окно.

Сложносочинённое предложение состоит из двух частей, которые соединены сочинительным союзом «и». Между частями предложения отношение одновременности. Первая часть построена по модели безличного предложения. Главный член предложения, сказуемое, выражено наречием и обозначает состояние окружающей среды.

Вторая часть тоже построена по модели безличного предложения (в позиции главного члена личный глагол в безличном значении).

Вчера ты (мест.) была (гл.) у меня,

Но тебе уж тоскливо (нар.) со мной.

Сложносочинённое предложение состоит из двух частей, связанных противительным союзом «но». Отношения между частями противительно-уступительные, потому что предложение трансформируется в структуру промежуточного наречного типа между сочинением и подчинением.

Как видно из примера, первая часть построена по модели полного двусоставного предложения.

Вторая часть построена по модели безличного предложения, где главный член предложения (сказуемое, выраженное наречием) обозначает психическое состояние живого существа.

В анализируемом тексте помимо предложений с союзной связью есть предложения с бессоюзной связью, их 3.

Рассмотрим это на примерах:

*Мне крикнуть хотелось (СГС, гл.+гл.) вослед:
«Воротись, я сроднился с тобой!»*

Бессоюзное сложное предложение (БСП) состоит из двух частей (из слов лирического героя и его речи).

Первая часть построена по модели безличного предложения (главный член предложения, сказуемое, обозначает психическое состояние живого существа).

Вторая часть представляет собой прямую речь, состоит из двух компонентов:

1) первый компонент построен по модели односоставного определённо-личного предложения:

Воротись (гл. 2л., ед.ч.)

2) второй компонент представляет собой модель двусоставного полного предложения:

Я сроднился с тобой!

Далее:

*Но для женщины прошлого нет.
Разлюбила – и стал ей чужой.*

Это бессоюзное сложное предложение состоит из трёх компонентов:

1) Первый компонент построен по модели безличного предложения, где главный член предложения выражен словом «нет» в значении «не имеется».

Вторая часть анализируемого предложения:

Разлюбила – и стал ей чужой

в свою очередь, представляет собой сложное бессоюзное предложение (БСП), поскольку между частями причинно-следственные, причинно-условные отношения.

2) Второй компонент построен по модели двусоставного контекстуально-неполного предложения (глагол стоит в форме прошедшего времени):

Разлюбила (гл.).

3) Третий компонент тоже построен по модели двусоставного контекстуально-неполного предложения (глагол стоит в форме прошедшего времени):

И стал ей чужой (СИС, гл.+прил.).

Проанализировав структуру простого предложения, я пришла к выводу, что в тексте встречаются разные их типы:

первый – определённо-личные предложения. Главный член предложения (сказуемое) имеет разные способы выражения:

а) форма 1 лица ед. числа, например:

*Проживу и один – без жены...
Камин затоплю, буду пить...*

б) форма 2 лица ед. числа, например:

Воротись.

Таким образом, определённо-личных предложений – 3.

Второй тип: безличные предложения, их 7.

Например:

а) Мне темно (нар.) за мольбертом.

б) Дует (гл.) в окно.

в) Тебе уж тоскливо (нар.) со мной.

г) И мне больно глядеть (СИС, нар. + гл.) одному

В предвечернюю серую тьму.

д) Мне крикнуть хотелось (СГС, гл.+гл.) вослед...

е) Но для женщины прошлого нет...

ж) Хорошо (нар.) бы собаку купить (гл.)...

Третий тип: Одно номинативное (назывное) предложение:

И ветер (сущ.), и дождик (сущ.), и мгла

Над холодной пустыней (Д.) воды.

Данное предложение содержит детерминант, вынесен во вторую строку и отделён от первой коммуникативным (актуальным) членением.

Вопрос относительно синтаксической функции главного члена номинативных предложений является спорным. Одни учёные (А. А. Потебня, Ф. Ф. Фортунатов, А. М. Пешковский) квалифицируют его как сказуемое, другие (Д. Н. Овсянико-Куликовский, В. А. Богородицкий) – как подлежащее, третьи (Академическая Грамматика-70) не называют его ни сказуемым, ни подлежащим, четвёртые (А. А. Шахматов, Е. М. Галкина-Федорук) разграничивают подлежащие и сказуемые номинативные предложения [Бабайцева, Максимов, 1981].

Как известно, предложения, в основе которых только один главный член, функционировали в старославянском и древнерусском языках. Такие предложения всегда были объектом изучения лингвистов: Ф. И. Буслаева, А. Шахматова, В. В. Бабайцевой [Бабайцева, Максимов, 1981].

Четвёртый тип: нечленимое предложение:

Что ж!

Рассмотрев структуру синтаксических единиц текста, я обращаюсь к семантике, поскольку структура для семантики является формой, а форма без содержания не существует.

Анализируемый текст является сложным многоуровневым образованием и связан с процессом мышления, отражения действительности, своего внутреннего мира, своих чувств.

При анализе художественного текста логико-семантическую и коммуникативную структуру можно лишь весьма условно, с большей степенью упрощения и огрубления художественного процесса рас-

смаатривать как отражение формы движения, мысли автора. Здесь все формы отражения действительности пропущены через художественный замысел автора, подчинены сознательному выбору способа представления действительности как средства воздействия писателя на читателя.

Как я убедилась, такой формой является структура предложения, но обратимся к тексту.

Текст – это последовательность речевых единиц, объединённых смыслом и оформленных по законам данного языка, состоящих из предложений, абзацев, разделов [Бабайцева, Максимов, 1981].

Данный текст имеет заголовок, который определяет тему текста: одиночество. По толковому словарю С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой слово «одиночество» следующего значения: состояние одинокого человека. Семантически и словообразовательно слово «одиночество» связано с прилагательным «одинокый» и числительным «один». Слово «одинокый» в тексте не встречается, но зато встречается слово «один», которое имеет следующее значение: без других, в отдельности. Исходя из заголовка текста, я делаю вывод, что значение одиночества будет прослеживаться в каждом предложении.

Стихотворение начинается односоставным номинативным предложением:

*И ветер, и дождик, и мгла
Над холодной пустыней воды.*

Данное предложение располагается на двух строках, причём в первую позицию вынесены имена существительные, связанные союзом «и». Они составляют открытый ряд, который позволяет продолжить перечень отрицательных природных явлений, созвучных психическому состоянию лирического героя.

Детерминант (над пустыней) вынесен во вторую строку, что противоречит нормам прозы, но в поэзии такое расположение уместно, ибо он (детерминант) подчёркивает бесприютность человека в огромном безлюдном пространстве. Детерминант отделён от имён актуальным членением и усиливает отрицательный эмоциональный настрой.

Здесь же, во второй строке (Над холодной пустыней воды.) есть слова, которые подчёркивают состояние лирического героя: одиночество. Слово «холодной» имеет следующее значение: с низкой или относительно низкой температурой. Но, исходя из темы анализируемого стихотворения, на значение слова «холодный» наслаивается значение «равнодушный, безразличный».

Тема одиночества подчёркивается и другими лексическими средствами:

*Здесь жизнь до весны умерла,
До весны опустели сады.*

«Умереть» т.е. перестать жить существовать, исчезнуть на какое-то время. Но есть временной предел этой смерти «до весны».

Глагол «опустеть» имеет значение: стать заброшенным, пустынным. В данном предложении «идёт» акцентация одиночества на словах: «умерла», опустели», и акцентация через повтор структур, но повтор неидентичный:

*Я на даче один. Мне темно
За мольбертом, и дует в окно.*

Поле зрения в этой строке сужается, взгляд перемещается на описание окружающей обстановки. Тема одиночества передана лексически.

Слово «темно» по словарю С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой имеет следующее значение: отсутствие света. На это значение наслаивается ещё одно значение, подчёркивающее состояние героя. «Темно», т.е. печально, мрачно.

«Дует в окно» – в значении «веет, несёт струи воздуха». Таким образом, на улице и дома бесприютно.

Определяющее состояние и героя, и природы – холод, опустошённость.

*Вчера ты была у меня,
Но тебе уж тоскливо со мной.
Под вечер ненастного дня
Ты мне стала казаться женой...
Что ж, прощай! Как-нибудь до весны
Проживу и один – без жены...*

Следующие шесть строчек начинаются сложносочинённым предложением (ССП), которое на первый взгляд снимает одиночество. В начало предложения вынесен детерминант (вчера), который позволяет рассмотреть эти строки как воспоминание.

В предложении:

*Вчера ты была у меня,
Но тебе уж тоскливо со мной.*

меня интересует не только структура, но и смысловые отношения между частями текста. Примером может служить союз «но»: первая часть сложносочинённого предложения (ССП) снимает тему одиночества, а союз «но» выражает противительно-уступительное значение, которое продолжает работать на тему текста: одиночество.

Ты есть, т.е. я не один, но это мнимое «неодиночество», так как вторая часть является односоставным безличным предложением. Но в то же время мы уже чужие – нам нечего вместе делать, т.е. я и с тобой – в одиночестве.

*Под вечер ненастного дня
Ты мне стала казаться женой...*

В этой структуре смысловая нагрузка падает на слова «стала казаться». Слово «казаться» по толковому словарю С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой имеет следующее значение: представляться воображению, а не быть таковой. И здесь прослеживается данная тема.

Пятая строка шестистишья начинается словами «Что ж...», которые как бы подводят итог оконченных отношений между мужчиной и женщиной, и следующее слово «прощай!» говорит об этом окончательном решении.

*Как-нибудь до весны
Проживу и один – без жены...*

Герой осознанно оценил свою ситуацию «до весны», т.к. весна сулит возрождение.

*Сегодня идут без конца
Те же тучи – гряда за грядой
Твой след под дождём у крыльца
Расплылся, налил водой.
И мне больно глядеть одному
В предвечернюю серую тьму.*

Следующие шесть строк переносят в настоящее. В ударную позицию вынесен обстоятельственный детерминант (сегодня). В этом четверостишии опять продолжается картина ненастья, об этом говорит словосочетание «гряда за грядой» в значении вереницы облаков, следующих друг за другом, одно за другим.

И как следствие ненастья, дождь смывает следы, смывая тем самым воспоминания об ушедшем человеке. И становятся вполне понятными последние две строки:

*И мне больно глядеть одному
В предвечернюю серую тьму.*

Семантически они связаны с четырьмя предыдущими строками. В ударной позиции выступает слово «больно». Лирический герой смирился со своим душевным состоянием, прошлого не вернуть. Опять тьма, мрак, безысходность.

Следующие шесть строчек начинаются словами:

Мне крикнуть хотелось вослед...

Они являются первой частью бессоюзного предложения. В этом предложении обращает на себя внимание инверсия, которая помогает разрушить надвигающееся одиночество.

*Но для женщины прошлого нет:
Разлюбила – и стал ей чужой.*

Данные строки анализируемого стихотворения, развёртывая структуру текста, присоединяются противительным союзом «но», и тогда между предложениями возникает уступительно-противительная связь. Опять тема одиночества передаётся словами «стал чужой».

Пятая строка начинается:

Что ж!

Это как бы подведение итога и окончательного решения, которое предполагает действие героя физически:

Камин затоплю, буду пить...

Герой пытается снять это состояние одиночества, пытается уйти в призрачный мир.

И абсолютное одиночество подчёркивает последнее безличное предложение с модальностью желания:

Хорошо бы собаку купить.

Библиографический список

1. Бабайцева, В. В. Современный русский язык в трёх частях / В. В. Бабайцева, Л. Ю. Максимов. – М., 1981. – Ч. 3. – С. 105–114.
2. Кожевникова, Н. А. Словоупотребление в русской поэзии начала XX века / Н. А. Кожевникова. – М., 1986.
3. Лекант, П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке / П. А. Лекант. – М., 1986.
4. Москальская, О. И. Грамматика текста / О. И. Москальская. – М., 1981.
5. Новиков, А. И. Семантика текста и её формализация / А. И. Новиков. – М., 1983.

О. О. Есафьева
(г. Пенза, Россия)

О РОЛИ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЙ В РАННЕЙ ПРОЗЕ А. ПЛАТОНОВА (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА «ЧУЛЬДИК И ЕПИШКА»)

Трудно найти в русской литературе писателя, в творчестве которого противопоставления играли бы большую роль, чем в творчестве А. Платонова. Обратим внимание на рассказ «Чульдик и Епишка» (1920). В нём отразилась личная трагедия создателя как следствие раскола между новой реальностью и во многом консервативным мировоззрением: «...его муза билась над соединением двух несоизмеримых и яростно противостоящих миров – мирового Пролетариата-Массы и «детской семьи» прошлого и будущего» [Платонов, 2013, с. 10]. Это определило черты идиостиля писателя: топос традиционного Дома у Платонова включает как «базовые составляющие – русский пейзаж, храм, семейный род, детей, пушкинский образ верной жены, сельское кладбище, сакральность обыденного» [Платонов, 2013, с. 12].

Образная система рассказа «Чульдик и Епишка» выстроена на противопоставлении мужского и женского начала. В основе такого противопоставления лежит внутренняя противоположность, а противоположность, с точки зрения философии, предполагает наличие внутренней, необходимой связи, внутреннего единства: предметы, признаки, процессы и т.д. образуют собой противоположность друг другу лишь тогда, когда они связаны через исключение, отрицание друг друга.

Мужское начало воплощено в образах Чульдика и Епишки, женское – в образах Дуни, девочки в люльке, девок. Интересно то, что мужские образы, как и женские, находятся в позиции и внутреннего противопоставления. «Ехидный мужичок» Епишка и «душевный мужичок» Чульдик. Дуня («Дуняшь» – «Дунька»), воплощающая властное физиологическое начало, и «его девочка», зависимая, нравственно чистая.

Платонов использует в рассказе различные средства, выражая значение противопоставления. Например, в описаниях Епишки и Чульдика видим эпитеты «ехидный» (2) – «душевный» (3), которые можно считать контекстуальными (окказиональными) антонимами. Языковые (узуальные) антонимы передают противопоставление смыслов «благополучие – горе», «свой – чужой»: Чульдик жил, чувствуя «сплошное благо», – у Епишки «горело от горя сердце» (метафора), Епишка как камень «с чужого неба» – Чульдик «был там свой». Открытость миру Епишки и закрытость, изолированность Чульдика передаётся антитестически: «был зорек на ехидный глаз» – «от годов глаза, как говядина, и видел он шагов на пять». Тема дома для героев решается тоже через противопоставление. У Епишки – хата («его хата» – семейный очаг, тепло жизни), а у Чульдика – землянка (одинокчество, холод смерти). Так синонимы становятся окказиональными антонимами.

Нельзя не заметить противопоставлений, когда автор рисует картину пожара в деревне, где образ огненной стихии несёт символические черты социального потрясения, катастрофы. До пожара: «Вонна его хата» (реальность и статичность) – Епишка «бродит один... и думает неведомо о чём...» (ирреальность и динамичность). Пожар: «Хата закружилась в огне и ветре, а Епишка упал в пыль» (динамичность – статичность). Между движением и покоем Епишка переживает сложное эмоционально-физиологическое состояние, для описания которого автор использует СПП с однородным соподчинением придаточных изъяснительных, содержащих значение противопоставления: «чуует..., как стоит кровь в жилах и пляшет сухое сердце».

Рассказ вполне подходит под определение жанра новеллы. Жизни двух героев и их самих изменяет один эпизод. Об этом можно говорить в частности и потому, что герои, их состояния и действия противопоставлены и самим себе. Глаголы здесь обеспечивают не только динамику текста, но и реальность происходящего, эмоциональность и

возможность антитезы. Из 80 предложений текста 47 двусоставные полные с глагольными сказуемыми (58,8 %).

Вот находящийся в постоянном движении Епишка («вскочил», «поплыл», «дул», «летит», «бродит», «пополз») в конце текста останавливается («упал», «лежал», «похирел», «стих»)-умер). Подчёркивая живость темперамента Епишки, Платонов в начале текста говорит о лежащем герое: «И нельзя было понять, спит он или и сейчас хитрит». В конце текста ещё живой Епишка уже «лежал мёртвым». До встречи с Епишкой, до его гибели Чульдик одиноко жил в своём закрытом мире: река, перемены, рыба (автор детализирует жизнь героя, используя закрытые ряды однородных членов: «таскал бирючков, подустов и головлей»). Жил так, «как будто в мире было сплошное благо». В конце текста невольное воспоминание о непутёвом Епишке заставляет Чульдика двигаться («как подхваченный, пошёл...»). В благополучный мир героя приходит внутреннее беспокойство, а горе Кузьмы, Кузи (Чульдик обращается к Епишке на могиле уже не по деревенскому прозвищу, а по имени) становится частью его мировосприятия. Чульдик, поражённый новыми для него мыслями и чувствами, восклицает: «Нешто можно так...!» Автор суров к герою: как прежде уже не будет никогда. Сюжетная часть рассказа заканчивается образом землянки Чульдика, которая теперь видна ему «как чёрная дыра»...«на том берегу». Прочитав это, мы по-новому можем понять первое предложение, где говорится о Чульдике в сравнении с Епишкой: «...другой такой же мужичок, будто брат его».

Страдающее, растерянное, тоскующее по теплу мужское начало в конце текста жёстко сталкивается с началом женским, которое в лице поющих «девок» у Платонова отражает новый мир ранней советской морали. Рассказ заканчивается то ли куплетом песни, то ли частушкой, обращенной к мужчине («гадина»). Это стихотворный текст из двух сложных предложений. В первом значение противопоставления заложено в бессоюзной связи с тире вместо противительного союза: «Я какая ни на есть – // Ко мне, гадина, не лезь!». Во втором сложном предложении («Я сама себе головка, // А мужик мне не обновка!») значение противопоставления выражено союзной связью с сочинительным противительным союзом. В тексте среди ССП таких 31,6 % (почти одна треть).

Если говорить о тексте в целом, то ещё в двух случаях противительный союз начинает предложение при парцелляции и в одном используется для усиления драматизма ситуации, чтобы подчеркнуть несоответствие состояния героя моменту. Из 43 предложений текста 21 % имеют противительный союз, при этом используется союз «а» (только один союз «но»), который «при противопоставлении показывает, что вместо одних предметов, действий, признаков устанавливаются

другие, т.е. что одно понятие утверждается, а другое отрицается» [Розенталь, 1974, с. 289]. Это свидетельствует о принципиальной конкретности противопоставлений и значимости их для понимания метасмысла текста.

Авторская позиция выражена чётко: новый мир антигуманен, новая мораль безнравственна, потому и страдает в одиночестве человек, потому и гибнут дети, традиционно в русской литературе олицетворяющие нравственную чистоту. Сгоревший ребёнок «окаянного» (отверженного, проклятого) Епишки именно девочка, которой автор не дал имени, обобщив образ. Платонов определяет самое главное противоречие, порождённое триединством женского начала: нравственное противостоит физиологическому и моральному. По логике автора, отрицая по факту именно нравственное, новый мир отрицает будущее, следовательно, самого себя. Идея обречённости, саморазрушения, идея своеобразного неодаканса, воплощённая в рассказе, спровоцировала негативную критику современников, обвинивших Платонова в излишнем натурализме, в неспособности увидеть и оценить красоту действительности. Но только так в одном небольшом рассказе Платонов смог через систему противопоставлений расширить границы индивидуального и раскрыть тему, едва ли не главной социальной и общекультурной трагедии XX в. – разрушения Дома и одиночества человека.

Библиографический список

1. Платонов, А. «...я прожил жизнь»: Письма. 1920–1950 гг. / А. Платонов ; сост., вступ. статья, ком. Н. Корниенко и др. – М. : Астрель, 2013. – 685, [3] с.
2. Розенталь, Д. Э. Практическая стилистика русского языка : учеб. пособие для вузов. / Д. Э. Розенталь. – 3-е изд., испр. и доп. М. : Высш. шк., 1974. – 352 с.

*А. А. Злобин
(г. Киров, Россия)*

СЕМАНТИЧЕСКОЕ НАПОЛНЕНИЕ КОНЦЕПТА «ЛАГЕРЬ» И ЕГО ТЕКСТОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В ПОВЕСТИ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА «ОДИН ДЕНЬ ИВАНА ДЕНИСОВИЧА»

Известно, что действительность подвергается категоризации со стороны языка, то есть язык является неким опосредующим элементом между миром и сознанием человека. Концептуализация мира – процесс его освоения посредством языка, а концепты – компоненты этого познания мира, репрезентированные в языке.

В языковой картине мира писателя широко представлен такой тип концепта, как художественный. Данный тип концепта формируется в сознании писателя и репрезентируется в его произведениях. Он, как правило, вмещает в себе как общекультурное, так и индивидуально-авторское осмысление предмета или явления и эксплицируется в словах и словосочетаниях.

Объектом анализа данной статьи является концепт *лагерь* в знаковой повести А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Данный концепт является ключевым в произведении писателя, о чём свидетельствует частотность употребления:

- лексемы *лагерь* и производных от неё единиц: *лагерный*, *лагерник* и др. Ср.: *Бригадир в лагере – это всё: хороший бригадир тебе жизнь вторую даст, плохой бригадир в деревянный бушлат загонит; Сидит он второй срок, сын Гулага, лагерный обычай знает напрожог* [Солженицын, 2004, с. 44];

- синонимически близких лексем: *зона*, *тюрма*, *карцер*. Ср.: *Мороз тут за зоной при потягивающем ветерке крепко покусывал даже ко всему притерпевшееся лицо Шухова* [Солженицын, 2004, с. 36]; *Ну как тебя на свободу отпускать? Без тебя ж тюрма плакать будет!* [Солженицын, 2004, с. 106]; *С выводом на работу – это ещё полкарцера. И горячее дадут, и задумываться некогда. Полный карцер – это когда без вывода* [Солженицын, 2004, с. 7];

- языковых единиц, входящих с лексемой *лагерь* в одну тематическую группу – *свобода*, *воля*. Ср.: *Чем в каторжном лагере хорошо – свободы здесь от пуза* [Солженицын, 2004, с. 151]; *Руки у Шухова ещё добрые, смогают, неуж он себе на воле верной работы не найдёт* [Солженицын, 2004, с. 42].

Статистические данные свидетельствуют о том, что основной синтаксической функцией для лексемы *лагерь* является функция обстоятельства места, где она выступает в качестве зависимого компонента непредикативного подчинительного словосочетания, например: *Шухов же сорок лет землю топчет, уже зубов нет половины и на голове плешь, никому никогда не давал и не брал ни с кого, и в лагере не научился* [Солженицын, 2004, с. 42].

Лексема *лагерь* в повести А. И. Солженицына чаще всего находится в грамматической зависимости у глаголов движения (*идти*, *выходить*), мыслительной деятельности (*думать*). Ср.: *С утра, как из лагеря выходит, получает повар на большой лагерной кухне крупу* [Солженицын, 2004, с. 70]; *И чтобы брюхо не занывало, есть не просило, перестал он думать о лагере, стал думать, как письмо будет скоро домой писать* [Солженицын, 2004, с. 38].

Ядерные смысловые компоненты лексемы *лагерь*, входящие в её семантическую структуру, реализуются в значениях производных слов,

имеющих достаточно широкую сочетаемость: *лагерный* (волк, обычай, бушлат, надзиратель), *лагерная* (вахта, привычка, работа), *лагерные* (ворота, придурки, спины), *лагерник* (старый). Ср. соответственно: *Бушлат* у Дэра *лагерный*, но новенький, чистенький [Солженицын, 2004, с. 99]; *Кавторанг* – он и на *лагерную работу* как на морскую службу смотрит: сказано делать – значит, делай! [Солженицын, 2004, с. 62]; *Вот на этом-то вечернем пересчёте, сквозь лагерные ворота* возвращаясь, зэк за весь день более всего обветрен, вымерз, выголодал... [Солженицын, 2004, с. 130]; *Только вслух об этом высказывать старому лагернику* непристойно [Солженицын, 2004, с. 66].

Главные герои повести – люди, находящиеся в лагерном заключении: Иван Денисович Шухов, Алёшка-баптист, Цезарь Маркович, Кильдигс, Андрей Прокофьевич Тюрин. Ситуация пребывания в лагере расценивается ими по-разному.

С одной стороны, лагерь (тюрьма, зона) – место тотальной не-свободы: *Дума арестантская – и та несвободная, всё к тому ж возвращается, всё снова ворошит: не нацупают ли пайку в матрасе? В санчасти освободят ли вечером? Посадят капитана или не посадят* [Солженицын, 2004, с. 38].

Изображая лагерную систему, А. И. Солженицын акцентирует особое внимание на карцере, который является высшей точкой страдания заключённых: *Десять суток здешнего карцера, если отсидеть их строго и до конца, – это значит на всю жизнь здоровья лишиться. Туберкулёз, и из больничек уже не вылезешь. А по пятнадцать суток строгого кто отсидел – уж те в земле сырой. Пока в бараке живёшь – молись от радости и не попадайся* [Солженицын, 2004, с. 160].

Находясь в лагере, заключённые мечтают об окончании тюремного срока, о скорейшем освобождении, о возвращении домой: *Сколько раз Шухов замечал: дни в лагере катятся – не оглянешься. А срок сам – ничуть не идёт, не убавляется его вовсе* [Солженицын, 2004, с. 63]; *А иной раз подумаешь – дух сопрёт: срок-то всё ж кончается, катушка-то на размоте. Господи!.. Своими ногами – да на волю, а?* [Солженицын, 2004, с. 66].

Ситуация выхода из лагеря рассматривается как очень желаемая. Она, как правило, включает двух обязательных участников: объекта освобождения (зэки, лагерники) и субъекта освобождения (начальник лагеря, старший подрядчик, младший подрядчик, лагерные надзиратели).

С другой стороны, живя в трудных, стеснённых условиях тюрьмы, человек способен открыть высший смысл бытия. Именно лагерь становится тем местом, где главный герой имеет возможность взрастить душу, задуматься о подлинных ценностях: *Что тебе на воле? На воле твоя последняя вера терниями загложнет! Ты радуйся, что в тюрьме! Здесь тебе есть место о душе подумать!* [Солженицын, 2004, с. 169].

Люди, живущие на воле, по мнению заключённых, не могут обрести подлинной свободы, поскольку *«едут мимо жизни»* [Солженицын, 2004, с. 88]. Очень часто заключённые, характеризуя людей, находящихся вне лагерного пространства, используют лексику *вольные*: *«На небо смотреть ещё меньше было у Шухова времени. Одно понимал он – что мороз не отпускает. Кто-то от вольных слышал, передавали: к вечеру ждут тридцать градусов, к утру – до сорока»* [Солженицын, 2004, с. 73].

Совершенно справедливым представляется суждение А. Д. Шмелёва: «В речи советских заключённых слово *воля* обозначало весь мир за пределами системы лагерей и в таком употреблении отразилось в представлении о *воле* как о внешнем, постороннем мире. Характерно, что слово *воля* (и его производные *вольный*, *вольняшка*) в таком значении могло употребляться только самими заключёнными, а также говорящими, как бы становящимися на их точку зрения» [Шмелёв, 1996, с. 36].

Таким образом, особенности текстовой репрезентации концепта *лагерь* в повести «Один День Ивана Денисовича» позволяют сделать вывод о его особом месте в языковой картине мира писателя. Ядерные смысловые компоненты данного концепта обнаруживают непосредственную связь с ключевыми для творчества А. И. Солженицына концептами *воля* и *свобода*, расширяющими и углубляющими его смысловое пространство.

Библиографический список

1. Солженицын, А. И. Один день Ивана Денисовича / А. И. Солженицын. – М. : Терра – Книжный клуб, 2004. – 194 с.
2. Шмелёв, А. Д. Лексический состав русского языка как отражение русской души / А. Д. Шмелёв // Русский язык в школе. – 1996. – № 4. – С. 36.

К. В. Злыднева
(г. Пенза, Россия)

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ПРЯМОГО СОЛНЕЧНОГО СВЕТА В РОМАНЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА «ВАДИМ»

Роман «Вадим» написан в 1832 г. на стыке двух литературных направлений: романтизма и реализма. Доминирующее влияние романтизма обусловило наличие особенностей языка произведения. Одна из них – изобилие светообозначений (73 СО, употреблённых 238 раз). С их помощью создаются картины естественного и искусственного освещения. Естественного света в романе значительно больше: он

изображён в 137 случаях с помощью 43 лексем. Особое внимание М. Ю. Лермонтов уделяет образу солнечного света. Это связано с мировосприятием писателя. И. Анненский отмечал, что «Лермонтов любил день больше ночи, любил синее небо, золотое солнце, солнечный воздух» [Анненский, 1979]. В. М. Фишер обращал внимание, что писатель «любит яркий тропический свет и не признаёт полутонов севера. Тучи у него никогда не закрывают солнца» [Фишер, 1914, с. 201].

В романе «Вадим» солнечный свет освещает мир в разное время суток. Картины утреннего освещения создаются с помощью синонимов *солнце* утра – *рассвет* – *восходящее светило* – *розовый блеск*; дневного освещения: *солнце* – *ясное солнце* – *солнце*, медленно катящееся по жарким небесам; вечернего освещения: *низкое солнце* – *вечернее солнце* – *заходящее солнце* – *зарница* – *закат* – *солнце*, начинающее приближаться к западу. Таким образом, в романе «Вадим» показан весь солнечный цикл. Лермонтов обогащает световую палитру, создавая предпосылки для расширения семантических связей в русском языке.

Лексема *солнце* относится к числу самых употребляемых световых обозначений в романе. Она употребляется 17 раз. Согласно словарю русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой, *солнце* – это «центральное тело Солнечной системы, звезда, представляющая собой гигантский раскалённый газовый шар, излучающий свет и тепло за счёт протекающих в его недрах термоядерных реакций» [МАС, IV, с. 191]. Во втором значении *солнце* обозначает непосредственно «свет, тепло, излучаемые этим телом» [там же].

В романе «Вадим» образ солнца употребляется в общенациональном контексте. Согласно исследованиям Е. П. Панасовой, в мифологии *солнце* предстаёт как «источник жизни и различных благ» [Панасова, 2007, с. 14], в фольклоре – как символ нравственных ценностей, в первую очередь «справедливости, истины» [Панасова, 2007, с. 16]. В сознании народа «присутствует понимание и практической ценности солнца» [там же], а также стремление одухотворить его, придав свойства живого существа.

Эти особенности солнечного света находят отражение на страницах романа «Вадим». В произведении выделяются два типа солнечного света: прямой и отражённый. В первом случае *солнце* само освещает объекты действительности (*золотит, светит, освещает, озаряет*), во втором случае объекты действительности, находясь под воздействием солнечного света, способны сами излучать энергию (*блестеть, сиять, озаряться*).

Прямой солнечный свет встречается в романе гораздо чаще. Солнце, разливая свет на окружающий мир, становится у Лермонтова действующим лицом. Писатель, следуя литературной традиции, одухотворяет образ солнца, наделяя его способностями «оживлять», «иг-

рать», «золотить»: «В 8 верстах от деревни Палицына, у глубокого оврага, размытого дождями, окружённая лесом, была деревушка, <...> *солнце утра золотило* её соломенные крыши»; «Вдали одетые туманом курганы, может быть могилы татарских наездников, подымались, выходили из полосатой пашни; еловые, березовые рощи казались опрокинутыми в воде; и мрачный цвет первых приятно отделялся желтоватой зеленью и белыми корнями последних; летнее *солнце* с улыбочкой *золотило* эту простую картину»; «Вечернее *солнце* порою играло на тёсовой крыше и в стёклах золотыми переливами». Во всех трёх фрагментах передано радостное, светлое настроение, навеянное окружающими пейзажами, а сама лексема *солнце* выполняет пейзажно-психологическую функцию.

Солнечный свет в романе сопровождает главного героя Вадима, преображая окружающий мир, позволяя ему по-другому взглянуть на свою судьбу. В главе VI содержится фрагмент размышлений Вадима, открывшегося накануне Ольге и обретя, наконец, родственную душу. Испытывая душевный подъём, он видит, как «...*золотой луч солнца*, скользя мимо соломенной крыши, упал на его коленку, и Вадим, казалось, любовался воздушной пляской пылинок, которые кружились и подымались к *солнцу*». Данный пейзаж находит отклик в душе Вадима, он любит природу, солнечный свет представляется ему золотым. Лингвист Т. А. Ермаковская отмечает, что «*золото* <...> является знаком Божественного света. Небесный Свет, открывшийся людям, освещает землю: свет солнца оживляет человека и согревает его своим теплом. <...> Золотой символизирует духовное солнце, а оно – славу Христа и тех, кто просветился божественным светом» [Ермаковская, 2011, с. 91]. Солнце, освещающее природу, становится символом божественной любви, тронувшей сердце героя.

Солнечный свет способен открыть для Вадима не только красоту мира природы, но и красоту монастыря, который всю жизнь воспринимался героем как духовная клетка: «Молиться!.. у меня в сердце были одни проклятия! – часто вечером, когда розовые *лучи* заходящего *солнца* играли на главах церкви и медных колоколах, я выходил из святых врат, и с холма, где стояла развалившаяся часовня, любовался на тюрьму свою». Солнечный свет словно преображает действительность, позволяет увидеть другую сторону характера Вадима: в его душе «одни проклятия», но он всё равно способен «любоваться своей тюрьмой».

Однако солнце способно не только согревать, но нещадно сжигать всё живое. Картина удушливого зноя, предвещающего грозу, разворачивается в главе XXI и сопровождает скитания Юрия и Ольги: «Было около 2-х часов пополудни; *солнце* медленно катилось по жарким небесам, и гибкие верхи деревьев едва колебались, перешёптываясь друг с другом; в густом лесу изредка попевали странствующие птицы,

изредка вещая кукушка повторяла свой унылый напев, мерный, как бой часов в сырой готической зале». В отличие от предыдущих фрагментов *солнце не золотит*, а «медленно катится по жарким небесам». Пейзаж согласуется с внутренним состоянием Ольги и Юрия, выбившихся из сил, скрываясь от крестьянской погони и ища спасения в пещерах, обманчивая прелесть которых сулит смерть. Появление образа медленно катящегося солнца меняет темпо-ритмическую организацию текста: действие замедляется, почти останавливается, для того, чтобы позднее развиваться с увеличенной скоростью к завершению романа.

Наряду с лексемой *солнце* М. Ю. Лермонтов употребляет синонимичные светобозначения: восходящее *светило*, *рассвет*, розовый *блеск*; *закат*, *зарница*, необходимые для передачи утреннего и вечернего освещения и выполняющие пейзажную, пейзажно-психологическую и символическую функцию.

Солнечный свет раннего утра передан в романе с помощью лексем *рассвет*, восходящее *светило*, розовый *блеск*, являющихся контекстуальными синонимами. Светобозначения выполняют пейзажную и символическую функции. В отличие от дневного света, который, как правило, согласуется с внутренним состоянием героев, утренний свет диссонирует с их переживаниями и действиями.

В романе время рассвета связано с надеждой и является символом воскрешения: «Ужасна была эта ночь, – толпа шумела почти до *рассвета* и кровавые потешные огни встретили первый *луч* восходящего светила; множество нищих, обезображенных кровью, вином и грязью, валялось на поляне, иные из них уж собирались кучками и расходились; во многих местах опалённая трава и чёрный пепел показывали место угасшего костра; на некоторых деревьях висели трупы... два или три, не более...» В данном фрагменте создаётся контрастная картина между нежным рождением дня («первый *луч* восходящего *светила*») и кровавыми следами прошедшей ночи («во многих местах опалённая трава и чёрный пепел показывали место угасшего костра; на некоторых деревьях висели трупы... два или три, не более...»). Солнечный свет диссонирует с окружающей обстановкой, но дарит надежду на обновление.

Используя приём метонимии, Лермонтов называет утренний солнечный свет *блеском*: «Восток белел приметно, и розовый *блеск* змеёй обрисовывал нижние части большого серого облака, который, имея вид коршуна с растянутыми крылами, держащего змею в когтях своих, покрывал всю восточную часть небосклона; фантастически отделялись предметы на дальнем небосклоне, и высокие сосны и берёзы окрестных лесов чернели, как часовые на рубеже земли; природа была тиха и торжественна, и холмы начинали озаряться сквозь белый туман, как иногда озаряется лицо невесты сквозь брачное покрывало, всё было

свято и чисто – а в груди Вадима какая буря!» Лермонтов изображает первый луч солнца в нежных розовых оттенках, чтобы подчеркнуть хрупкость, эфемерность этого момента. Создаётся лёгкая, почти прозрачная картина зарождающегося дня, полная нежности, красоты и невинности. Лермонтов вводит образы невесты, чьё лицо постепенно открывается возлюбленному сквозь фату, и блестящей змейки, связывающей роман с ранним поэтическим наследием автора. Анненский отмечает, что поэзия Лермонтова «полна змей»; чтоб полюбоваться грациозной и блестящей змейкой, как часто прерывает он рассказ <...> Он видит змей в молнии, в дыме, на горных вершинах, в реках и в чёрных косах, в тонкой талии, в тоске, в измене, в воспоминании, в рассказании» [Анненский, 1979]. В. М. Фишер отмечает, что змея как образ сопровождает всё творчество Лермонтова: со змеями он сравнивает «изгибы облаков, коварство женщин, чувства, живущие внутри героев» [Фишер, 1914, с. 207]. И. Анненский, С. В. Шувалов отмечают, что Лермонтов, в первую очередь, психолог природы. Через её состояния он показывает, что происходит в душах его героев. В данном случае Лермонтов с особой образностью описывает состояние природы, чтобы на контрасте показать, что происходит в душе Вадима: «всё было свято и чисто – а в груди Вадима какая буря!» Накануне он совершил убийство, и его душа погибла.

Свет вечернего солнца передан в романе с помощью синонимических словообозначений *закат* – *зарница* – *красные лучи*. Лексема *закат*, называющая «окраску, освещение неба над горизонтом при заходе солнца» (во втором значении) [МАС, I, с. 525], выполняет пейзажную функцию, обозначая время суток, и пейзажно-психологическую, выделяя важные, смыслообразующие детали: «Их [крестьян – прим. К. З.] одежды были изображения их душ: чёрные, изорванные. Лучи *заката* останавливались на головах, плечах и согнутых костистых коленях; углубления в лицах казались чернее обыкновенного; у каждого на челе было написано вечными буквами *нищета!* – хотя бы малейший знак, малейший остаток гордости отделился в глазах или в улыбке!» Лермонтов подчёркивает, что солнце, стремясь к западу, на какое-то время замедлило свой ход, чтобы осветить нищету, в которой оказалось бесправное крестьянство XVIII в.

Закат также назван в романе словосочетанием *красные лучи* («День угасал лиловые облака, протягиваясь по западу, едва пропускали красные *лучи*, которые отражались на черепицах башен и ярких главах монастыря») и синонимической лексемой *зарница*, использованной при описании вечернего неба во время речной прогулки Ольги и Юрия. *Зарницей* называют «мгновенную световую вспышку <...> ночью или вечером, отблеск далёкой грозы» [МАС, I, с. 566]. В романе это словообозначение становится символом предстоящей беды, о которой герои

ещё не знают, и наслаждаются последними днями счастья: «их лодка скользила неприметно вдоль по реке, оставляя белый змеистый след за собою между тёмными волнами; вёсла, будто крылья чёрной птицы, махали по обеим сторонам их лодки; <...> на западе была ещё красная черта, граница дня и ночи; *зарница*, как алмаз, отделялась на синем своде, и свежая роса уж падала на опустелый берег <Суры>». Яркость сияния зарницы подчёркнута сравнением с алмазом – «прозрачным драгоценным камнем, <...> превосходящим все другие минералы и драгоценные камни блеском и твёрдостью» [МАС, I, с. 32]. Шувалов отмечает, что для выражения всего «яркого, блестящего, сверкающего» [Шувалов, 1941, с. 299] писатель выбирает сравнения с драгоценными камнями (*золото, серебро, алмаз, жемчуг, изумруд* и др.). Подобные сравнения являются наследием романтизма, провозглашающего богатую образность.

Проведённый анализ показал, что в романе «Вадим» большое значение уделяется солнечному свету, способному совпадать или диссонировать с внутренним миром героев. На страницах произведения солнечный свет может освещать идиллические картины русской природы и последствия человеческой жестокости, предвещать трагедию и дарить надежду. Солнечный свет представляется самостоятельным действующим лицом романа. Оттенки солнечного света переданы с помощью лексического окружения и через семантические связи. Выделяются три синонимических ряда: *солнце* утра – *рассвет* – восходящее *светило* – розовый *блеск*; *солнце* – ясное *солнце* – *солнце*, медленно катящееся по жарким небесам; низкое *солнце* – вечернее *солнце* – заходящее *солнце* – *зарница* – *закат* – *солнце*, начинающее приближаться к западу.

Библиографический список

1. Анненский, И. Об эстетическом отношении Лермонтова к природе / И. Анненский. – М. : Наука, 1979. – URL: http://az.lib.ru/a/annenskij_i_f/text_0410.shtml
2. Ермаковская, Т. А. Лексико-семантическое цвето-световое поле в прозе Б. К. Зайцева : дис. ... канд. филол. наук / Ермаковская Т. А. – М., 2001. – 159 с.
3. Панасова, Е. П. Концепт «солнце» в русском языке и речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Панасова Е. П. – Екатеринбург, 2007. – 24 с.
4. Словарь синонимов русского языка : в 2 т. / АН СССР, Институт русского языка ; под ред. А. П. Евгеньевой. – Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1970.
5. Фишер, В. М. Поэтика Лермонтова / В. М. Фишер // Венюк М. Ю. Лермонтову : Юбилейный сборник. – М. ; Петроград : Изд. т-ва «В. В. Думнов, наследники бр. Салаевых», 1914. – С. 196–236.

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ПОВЕСТВОВАТЕЛЯ В ПОВЕСТИ Э. ФОНЯКОВОЙ «ХЛЕБ ТОЙ ЗИМЫ»

Детская книга – особенная, находится, можно сказать, на стыке литературного творчества и педагогики. Особенно высоки требования к нравственной составляющей и к художественной форме произведений для детей. Признанный исследователь специфики детской читательской аудитории, Корней Чуковский так заканчивал перечень «Заповедей для детских поэтов» в своей книге «От двух до пяти»: «Не забывать, что поэзия для маленьких должна быть и для взрослых поэзией» [Чуковский, 1990, с. 1].

Автобиографическую повесть Эллы Фоняковой «Хлеб той зимы» [Фонякова, 2016, с. 2] хочется назвать по-настоящему поэтичной, хотя кажется, что тема её не предполагает удовлетворения читателя в эстетическом наслаждении. Это книга о детстве в блокадном Ленинграде. В России каждый взрослый, услышав слова «детство» и «блокада», непременно воскресит в памяти скорбный список утрат, что вела обыкновенная ленинградская школьница Таня Савичева в блокадную зиму, – дневник всего в несколько страничек, помеченных буквами алфавита. Это редкое по силе воздействия на читателя свидетельство неслыханных испытаний и душевной стойкости ленинградцев.

В книге Э. Фоняковой «Хлеб той зимы» более 200 страниц, но она так же не отпускает, пока вместе с первоклашкой Леной, её родителями, родственниками и друзьями не переживешь страшный первый год блокады Ленинграда фашистскими войсками.

Не только о хлебе как таковом ведёт автор разговор с подростком, но и о «хлебе насущном» для души, вдвойне необходимом растущему человеку. Один из залогов того, что жестокий по необходимости материал не отпугнёт юного читателя, это мастерство писательницы в передаче самых разных настроений и чувств, богатый интонациями, выразительный, живой язык повести.

Э. Фонякова всегда заботится о том, чтобы не нанести вреда ранимой детской психике тяжёлыми, безысходными переживаниями, поэтому она много работает с синонимами, метонимией, перифразами. Например, в главе «Прогулка по улице Правды», где даётся представление о неизбежной массовой гибели людей по вине блокады, отсутствует слово «труп», вместо него читаем: «запакованное и завязанное шнурочками тело», «длинные белые свёртки», «печальный груз»; прямое упоминание о смерти только один раз, и то в словосочетании «ноги умерших»; мысль об огромной цифре погибших от голода опять-таки

высказывается не напрямую, а посредством метонимии, усиленной звуковым сходством и повтором:

Саночки, саночки...

Саваны, саваны...

Тема голода становится в повести сквозной. В начале описание еды отсутствует, достаточно называния её разновидностей, перечислений – ведь война недавно началась, отношение к еде почти не изменилось. Первые указания на то, что уже искажаются нормы человеческой жизни, видим в метафорах «женщины, нагруженные батонами», «тащут батоны». Контраст между образом запасливых женщин и описанием «энзе» усугубляет едва наметившуюся тревогу за судьбы основных персонажей – так они наивны и непрактичны, если всерьёз считают себя «молодцами» с таким «энзе», о котором говорят с уменьшительными суффиксами и изящными сравнениями: маленькая сумочка, перевязанные ленточками пакетики, похожие на новогодние подарки.

О том, как по мере убывания еды меняется отношение к ней (прежде всего маленькой героини), автор рассказывает, создавая ряды эпитетов, иногда с восклицаниями или повторами (котлеты – горячие! Румяные! Сочные! Настоящие! Из мяса!; пухлый, белый, довоенный батон; сладкая горошина), эмоционально-оценочные эпитеты и метафоры (поджаристое чудо (о блине), диковинный деликатес (о картошке), изумительный блинный дух). Процесс еды определяется не иначе, как «смаковать», «продлить удовольствие», «насладилась». На катастрофическое уменьшение порций указывают уменьшительно-ласкательные суффиксы, метафоры, сравнения: крошечный брусочек масла, крошечки, мизерный завтрак, довесочек, краюшечка, сухарик, пузатенькая чашечка с супом, на желобочках донышка застряли блески (сгущенки), долька шоколада размером с почтовую марку; пластик хлеба такой тоненький, что через него просвечивает воздух.

В описание неожиданно обретенной «картошины», кроме уменьшительно-ласкательных суффиксов, входит и олицетворение, придавая описанию оттенок умиления: покоится; с хорошеньким отросточком; на бочках; с карим глазком на макушке; бело-розовое сочное «мясо»; сняли «шкурку».

О еде и обо всем, что связано с едой, говорится высоким слогом: пирог сияет, как солнце, вожаделенное лакомство; благоговейно глотала; врата рая (двери в комнату, где готовится чай), сладостное лакомство; сокровище, богатство (о чернике), незабвенный подарок (о горбушке), сокровищница (о кладовой).

Об условно-съедобной еде, наоборот, говорится сухо, эпитеты и сравнения только усиливают неаппетитность, неестественность образа: клейкие синеватые вареники; студень какой-то небывалый: мутный, грязного вида; чёрные-пречёрные, горькие-прегорькие оладьи из кофейной гущи; щи из «хряпы» – сорной капусты; горькая пшённая сеч-

ка; чёрные горькие вываренные макароны; похожие на обмылки кусочки плавленого сыра; дуранда – это жмыхи, чёрно-коричневые, тяжёлые, горькие; шроты представляют собой беловато-жёлтую чешуйчатую массу с тошнотворным привкусом; кашу заправляют олифой – она вязкая, пахнет рыбой и квартирным ремонтом. В главе «В столовой» такие блюда названы «фантастическими», очевидно, имеется в виду «чёрная», «с ужасами» фантастика.

Э. Фонякова не скрывает, что голод может довести человека до унижительных, постыдных поступков, до потери способности сочувствовать, сострадать. Система средств выразительности в подобных эпизодах нередко контрастно организована, в речь персонажей проникает эмоционально-сниженная лексика, что мотивируется напряжённостью переживаний; авторское слово при этом остается нейтральным. Так, в главе «Довесок» изголодавшиеся люди «хмуры», «придирчиво, враждебно смотрят», «буравят недобрые, подозрительные взгляды», «зло отзывается продавщица». Это поведение направлено против «хуленького, какого-то совсем бесплотного мальчишки».

В главе «Прогулка по улице Правды» противопоставлены портретные детали девочки-подростка (стиснутые судорожно, костлявые посинелые пальцы в «мёртвой хватке») и обвинения в её адрес: «гадина», «воровка» – в один прекрасный миг переходящие в самообвинение: «Что ж это я делаю, падла! Иди...»

Голодные дети, по убеждению писательницы, должны быть оправданы, если и совершили что-то предосудительное с точки зрения обычной, мирной морали. Поэтому и у автора в их адрес грубых слов нет. Утрата детьми под воздействием голода контроля над собой изображается в повести Э. Фоняковой прежде всего синтаксическими средствами выразительности – парцелляцией, пропуском, градацией, риторическими фигурами, а также повторами, с их помощью психологически верно обрисовано состояние героини, на время потерявшей способность реально оценивать свои действия и – вдруг опомнившейся. Ритм и интонация находятся в прямой зависимости от содержания эпизода: «Острым ножом срезаю один пластик. Чудно, ни малейшего следа. Ещё срежем. Ещё... Ещё... Вкусно-то как! Ещё! Ещё! Теперь хлеба... [...].

Когда на тарелке чернеет последний ломоть, я хватаюсь за голову. Что я натворила! Оставила всех без еды. Как я взгляну в глаза маме?»

Искреннее раскаяние лишает хлеб в глазах девочки привлекательности, он становится «горчайшим в жизни». Книжное определение отделяет повествователя-взрослого от внутреннего монолога повествователя-ребёнка, ещё не умеющего точно охарактеризовать свои переживания. Взаимодействие двух голосов – детского и взрослого – проходит через всю книгу. Чисто детская непосредственность выражается в обилии риторических конструкций, неполнотой, показательной для детской речи.

Библиографический список

1. Фонякова, Э. Хлеб той зимы : повесть / Э. Фонякова. – СПб. ; М. : Речь, 2016.
2. Чуковский, К. Собрание сочинений : в 2 т. / К. Чуковский. – М. : «Правда», «Огонёк», 1990. – Т. 1.

К. Е. Кочетова
(г. Кузнецк, Россия)

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МОДАЛЬНЫХ ЧАСТИЦ В РЕЧИ ГЛАВНОГО ГЕРОЯ РОМАНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»

Термин «модальность» весьма широкий по объёму, поскольку он используется для обозначения различных явлений, неоднородных по смысловым, грамматическим свойствам и по степени оформленности на разных уровнях языковой структуры. Вопрос о границах этой категории решается разными исследователями по-разному [Думанишева, 2011, с. 53].

По мнению В. В. Виноградова, любое предложение, отражая действительность «в её практическом общественном осознании», выражает отнесённость содержания речи к действительности и поэтому с предложением, с разнообразием его типов тесно связана категория модальности. «Любое целостное выражение мысли, чувства, побуждения, отражая действительность в той или иной форме высказывания, облекается в одну из существующих в данной системе языка интонационных схем предложения и выражает одно из тех синтаксических значений, которые в своей совокупности образуют *категорию модальности*» [Виноградов, 1975, с. 41].

В современном русском языке одним из лексических средств модальности служат модальные частицы. Рассмотрение их позволяет понять специфику этих служебных слов, заключающуюся как в создании дополнительных семантических оттенков высказывания, так и в определении цели и намерения говорящего, эмоциональной оценки содержания. Кроме того, частицы обнаруживают и закреплённость за отдельными типами синтаксических конструкций, и значительный семантический объём, который раскрывается в контексте в тот момент, когда речь обособлена от каких-либо «обязательств», потому что чаще всего «естественность» языка проявляется в речи разговорной [Нагорный, 1995, с. 34].

Особый интерес представляет речь главного героя романа Ф. М. Достоевского «Идиот» князя Лева Николаевича Мышкина.

Множество монологов и грамматически правильно построенных речевых оборотов Льва Николаевича говорят о его начитанности и способности связно и литературно выражать свои мысли. Но каковы они? Что и как он хотел сказать? Передать замысел, показать сущность персонажа помогают частицы с модальным значением.

Анализируя речь героя, мы увидели присутствие в ней следующих модальных частиц: *ещё, даже, уж, же, -то, бы, нет, только, ведь, да и, неужели и др.*, которые имеют определенные значения: уточнение, сомнение, усиление и т.д. Нами было выявлено, что наиболее часто встречаются модальные частицы усилительного характера, например, *даже, уж, ведь* и др.: *Когда я упрюсь и замолчу, то **даже** очень благоразумным кажусь.* В данном контексте частица *даже* используется для усиления значения сочетания слов «кажусь благоразумным». Здесь автор хотел передать мнение князя относительно своего состояния, которое, по мнению окружающих, не всегда бывает здоровое. Частица *даже* также употребляется, чтобы подчеркнуть значимость умозаключения: *«Чувства меры тоже нет, а это главное; это **даже** самое главное...»*

Часто встречается частица *уж* с усилительным оттенком, которая делает акцент на значении временного отрезка, подчёркивает давность события, последствия которого в настоящий момент остаются актуальными: *Сказано: «Не убий», так за то, что он убил, и его убивать? Нет, это нельзя. Вот я **уж** месяц назад это видел, а до сих пор у меня как пред глазами. Раз пять снилось; либо заостряет внимание на важной информации: *Жизнь его в тюрьме была очень грустная, уверяю вас, но, **уж** конечно, не копеечна.**

Для усиления значения отдельного слова используется частица *ведь*: *Я **ведь** сам князь исконный и с князьями сижу; **Ведь** вы, вот, не оскорбляетесь же тем, что я в глаза говорю вам, что вы смешны?; **Ведь** это действительно так, мы смешны, легкомысленны, с дурными привычками, скучаем, глядеть не умеем, понимать не умеем, мы **ведь** все таковы, все, и вы, и я, и они!*

Кроме модальных частиц с усилительным значением, немаловажную роль в тексте играют и частицы с оттенком вопроса. Речь князя нередко содержит риторические вопросы, которые помогают показать размышления героя, его мнение, не похожее на мнение других. Большинство этих вопросов содержит модальные частицы: *...и **неужели** в самом деле можно быть несчастным?; **Разве** может церковь совершенно исчезнуть?; Но я думаю минутами, что я и не прав, что так думаю: искренность ведь стоит жеста, так **ли**? Так **ли**?; Нечего смущаться и тем, что мы смешны, не правда **ли**?*

В своем известном монологе о католицизме князь очень часто употребляет частицу *только*, которая выполняет ограничительную функцию, подчёркивает взволнованность и эмоции героя: *Атеизм!*

у нас не веруют ещё **только** сословия исключительные, как великолепно выразился намердник Евгений Павлович, корень потерявшие; Атеизм **только** проповедует нуль, а католицизм идёт дальше: он искажённого Христа проповедует, им же оболганного и поруганного, Христа противоположного!

Немаловажным является употребление отрицательных частиц с модальным оттенком. Следует сказать о высокой частотности употребления данной единицы. В речи князя отрицание имеет не кардинальный характер, а скорее всего, оно подчеркивает его мнение относительно какой-либо ситуации: **Нет**, знаете, лучше уж мне говорить! – с новым лихорадочным порывом продолжал князь; **Нет**, с человеком так нельзя поступать!; Я **не** был влюблён – отвечал князь так же сильно и серьезно, – я был счастлив иначе.

Несомненно, главный герой романа «Идиот» – князь Лев Николаевич Мышкин – один из самых значительных образов как в творчестве самого Ф. М. Достоевского, так и в мировой литературе в целом, но полностью картина мира персонажа, его цели, намерения и установки выявляются и через его восприятие другими персонажами. Так, в речи генеральши Епанчиной употребление частицы *не* в репликах, касающихся князя, показывает то, что отрицание лишь подчёркивает её интерес к персоне князя, снисходительность относительно его простоты; с её стороны видна поддержка героя: **Не** труните, милые, ещё он, может быть, похитрее всех вас трех вместе. Увидите [Генеральша в разговоре с дочерьми о князе]; **Не** верьте ей, князь, она это нарочно с какой-то злости делает.

Диаметрально противоположное отношение наблюдается со стороны Лизаветы Прокофьевны, в речи которой через употребление модальных единиц заметно пренебрежение, что, несомненно, предопределяет манеру общения её с князем: Во-первых, и **не** смей думать, – начала она, – что я пришла к тебе прощения просить. Вздор! Ты кругом виноват; ...слушай же и садись, потому что я стоять **не** намерена; **Не** финти! О чём писал? [Разговор Елизаветы Прокофьевны с князем].

Употребление модальных частиц в речи главного героя и выражение ими всевозможных значений и оттенков, а также восприятие его другими персонажами, несомненно, говорит нам и о присутствии авторского «я»: мы замечаем мысли автора, понимаем его замысел. Использование данной модальной единицы помогает читателям понять внутренний мир тонко чувствующего и глубоко переживающего человека, который остро реагирует на несправедливость, философски рассуждая о любых жизненных ситуациях. Несомненно, всё это большей степенью передается через речь персонажа, которая изобилует модальными частицами.

Таким образом, модальные частицы – это класс единиц, вносящих дополнительные оттенки в значение других слов и служащих для выражения грамматических и экспрессивных отношений, функции которых совпадают с их лексическим значением. Семантический объём данных частиц широк и подвижен. Поэтому, на наш взгляд, следует говорить о весьма важной роли частиц в художественном тексте, а в частности, в речи литературного персонажа, где они выступают как модальные квалификаторы. Ведь те самые «дополнительные оттенки» связаны с точкой зрения говорящего [автора], который оценивает содержание высказывания в философском, логическом, эмоциональном аспектах.

Библиографический список

1. Виноградов, В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке / В. В. Виноградов // Исследования по русской грамматике. – М. : Просвещение, 1975. – 216 с.
2. Достоевский, Ф. М. «Идиот»: роман / Ф. М. Достоевский. – СПб. : Азбука : Азбука-Аттикус, 2015. – 640 с.
3. Думанишева, Ж. Б. Модальные средства и средства выражения модальных отношений в языке и речи (На примере романа Э. Хемингуэя «По ком звонит колокол») / Ж. Б. Думанишева // Известия Северо-Кавказской гуманитарно-технологической академии. – 2011. – № 1. – С. 52–54.
4. Нагорный, И. А. Роль частиц со значением недостоверности в выражении утверждения – отрицания / И. А. Нагорный // Структура; семантика и функционирование в тексте языковых единиц. – М. : МПУ, 1995. – С. 31–40.

М. М. Кривцова
(г. Пенза, Россия)

СЕМАНТИКА ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ КРАСНОГО ТОНА В РОМАНЕ М. А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

Роман «Мастер и Маргарита» – одно из самых ярких и мистических произведений XX в. Оно привлекает внимание своей необычностью, философской глубиной, необыкновенно гармоничным сочетанием реальности и фантастики [Николаев, 2006, с. 12]. В романе царят свобода творческой фантазии и одновременно строгость композиционного замысла. Смех и печаль, радость и боль органично соединены. «Мастер и Маргарита» – произведение о любви и нравственном долге, о добре и зле, об истинном творчестве, которое всегда является преодолением бесчеловечности, порывом к свету и добру.

Одним из важнейших элементов поэтики романа является цветопись. Лексика цвета образует в произведении семантическое поле. Ис-

следуемое нами поле цветообозначений – парадигматическое поле, то есть совокупность слов разных частей речи, связанных хотя бы одной общей семой (компонентом значения). Для цветовых слов таким компонентом семантической структуры является сема «цвет».

Цель данной работы – через семантику цветообозначений красного тона показать их функции в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита».

26 цветообозначений (далее в тексте – ЦО), включённых нами в группу красного тона, употребляются 80 раз. Группа стоит лишь на третьем месте по количеству употреблений, но очень разнообразна, поэтому частотность равна 3, что ниже средней частотности цветоименований в романе. Сюда мы включили ЦО «алый», «багряный», «багроветь», «багровый», «краска», «красный», «краснеть», «красноватый», «краснощёкий», «кровавый», «малиновый», «налитый кровью», «огненный», «персиковый», «побагроветь», «покраснеть», «порозоветь», «пунцовый», «розовый», «розоватый», «рубиновый», «румяногубый», «тёмно-вишнёвый», «цвет крови», «червонный», «чёрно-красный».

Отметим, что ЦО *огненный* встречается в романе очень часто в значении «красный» («Ему померещилось, что чёрные волосы, теперь причёсанные на пробор, покрылись *огненным* шёлком», «Так, на спинку стула наброшен был траурный плащ, подбитый *огненной* материей»), хотя, конечно, оно фигурирует и в значениях «сотканный из огня» и «горячий» [Горбачевич, 1979, с. 324]. Мы рассматриваем только значение цвета. Анализируя распределение ЦО по «ершалаимским» и «московским» главам, мы заметили интересную особенность употребления однокоренных слов «багровый» и «багряный». Первое присутствует в обеих главах, хотя в два раза чаще в «московских», а вот слово «багряный» – только в «ершалаимских», причём только для описания плащей прокуратора и командующего легионом легат: «в наброшенном на левое плечо *багряном* плаще», «белый плащ с *багряной* подбивкой возник в высоте», «разглядел фигурку в *багряной* военной хламиде», «в сухом *багряном* военном плаще».

ЦО красного тона полифункциональны. В романе они используются во всех функциях – символической, психологической, пейзажной, портретной и в функции создания тропов. Стоит отметить, что символическая функция может сочетаться с любой из других, дополняя семантику цветообозначений. Остановимся на символической и психологической функциях как на важнейших для понимания замысла автора.

Писатель несколько раз применяет сочетание белого и красного тонов. *Красный цвет* во все времена считался цветом крови, в христианской символике он символизирует кровь Христа [Обухов, 1996, с. 41]. В сцене гибели Берлиоза красный символизирует кровь, которая должна будет пролиться [Капран, 2009, с. 139].

Повернув его, он уже собирался шагнуть на рельсы, как в лицо ему брызнул *красный* и белый свет: загорелась в стеклянном ящике надпись «Берегись трамвая!». [...] разглядел несущееся на него с неудержимой силой совершенно белое от ужаса лицо женщины-вагоновожатой и её *алую* повязку.

Обратимся к образу Понтия Пилата. При описании облика прокуратора писатель также использует сочетание белого и красного тонов: «в белом плаще с *кровавым* подбоем». Известно, что в Римской империи пурпурный цвет считался символом царской власти [Обухов, 1996, с. 42], но М. А. Булгаков использует эпитет «кровавый», а не пурпурный. С Понтием Пилатом в романе связана тема власти. Употребление слова «кровавый» в описании прокуратора показывает нам, какой ценой добывается и сохраняется власть. Вспомним слова Иешуа Га-Ноцри: «Всякая власть является насилием над людьми».

Используя данный колоратив, писатель хотел указать на причастность Понтия Пилата к смерти Иешуа Га-Ноцри, разбойников, к смерти Иуды. Таким образом, внешний облик Понтия Пилата вызывает у нас на символическом уровне ассоциации со смертью, с пролитой кровью.

Колоративы красного тона часто используются в ершалаимских сценах: «У ног прокуратора простиралась неубранная *красная*, как бы *кровавая*, лужа и валялись осколки разбитого кувшина».

В 30 главе «Пора! Пора», в которой происходит сцена в подвальчике, Азазелло говорит: «... Прошу заметить, это то самое вино, которое пил прокуратор Иудеи. Фалернское вино», «Вино нюхали, налили в стаканы, глядели сквозь него на исчезающий перед грозой свет в окне. Видели, как всё окрашивается *в цвет крови*».

Багряный цвет символизирует угрозу для жизни. Именно в одежде багряного цвета был одет командир когорты, который принимал участие в казни Иешуа Га-Ноцри и разбойников: «...разглядел фигурку в *багряной* военной хламиде, поднимающуюся к площадке казни».

ЦО красного тона очень активно используются в психологической функции. Примерно наравне с ними находится только группа белого тона, все остальные тона в этой функции употребляются значительно реже.

ЦО употребляются, например, для передачи эмоций Иешуа Га-Ноцри:

Связанный мгновенно рухнул наземь, как будто ему подрубили ноги, захлебнулся воздухом, *краска* сбежала с его лица и глаза обесмыслились. [...] Арестованный пошатнулся, но совладал с собою, *краска* вернулась, он перевёл дыхание и ответил хрипло: «Я понял тебя. Не бей меня».

Здесь с помощью колоративов М. А. Булгакову удаётся убедить нас в том, что Иешуа Га-Ноцри, как и любой человек, чувствовал боль. Он боялся этой боли и не хотел умирать.

ЦО красного тона служат для передачи разного рода эмоций героев: удивления, смущения, стыда, возмущения [Николаев, 2006, с. 219].

1. *Краска* выступила на желтоватых щеках Пилата, и он спросил по-латыни...

– Ну да, иконка... – Иван *покраснел*, – иконка-то больше всего и испугала...

Никанор Иванович густо *покраснел* и стал ее отпихивать от себя.

Несколько справившись с собою, весь *красный* как рак, он объявил, что счёл долгом поднять рубашечку, лично принести её.

2. – Так и пошла! – вскрикивала Наташа, всё более *краснея* оттого, что ей не верят... При описании Пилата видим «воспалённые, в *красных*жилках белки глаз», здесь ЦО *красный* помогает передать постоянное напряжение персонажа, который вынужден находиться в ненавистном ему городе и терпеть страшную головную боль.

ЦО красного тона связаны с рядом денотативных сфер. Так, в частности, одной из самых многочисленных среди них является «внешность человека»: «Рюхин тяжело дышал, был *красен* и думал только об одном», «Иван *покраснел*», «Бенгальский стоял *красный*, а Римский был бледен», «обратился Коровьев к молоденькой, *краснощёкой* продавщице», «толстяка с *багровой*физиономией», «Станный человек за столом даже *побагровел* от напряжения», «весь *пунцовый* от изумления», «Отвечал [...] Фока *румяногубому* гиганту».

Другой распространенной группой, для наименования членов которой используются ЦО, является «Одежда»: «Белая мантия, *красный* подбой!», «человек в *красном* с ласточкиным хвостом фраке», «лицо женщины-вагоновожатой и её*алую* повязку», «волосы воронова крыла были повязаны *алым* шёлком», «Возле них метались негры в *алых*повязках», «молча ткнул пальцем в пижаму из *пунцовой* байки».

Следующая выделенная сфера денотации «Световые явления»: «брызнул *красный* и белый свет», «вспыхнула и замигала *красная* лампочка», «вспыхнула и дала *красноватый* отблеск на низ занавеса рампа», «маячил *красноватый*тусклый огонёк», «Тут в *багровом*свете от камина блеснула перед буфетчиком шпага», «*багровая* и полная луна».

Выделим также группы «Флора» («осыпавшиеся *красные*елестки на титульном листе», «В следующем зале не было колонн, вместо них стояли стены *красных, розовых*, молочно-белых роз»), «Предметы» («Крупными *красными* буквами», «*Красную* потёртую мебель», «в переулок вкатил*акрасная*пожарная машина с лестницей»), «Пища и напитки» («полную чашу *красного* вина», «Чашу вина? Белое, *красное*?»).

Итак, анализ лексико-семантической группы красного тона романа «Мастер и Маргарита» показал, что цветообозначения полифункциональны. Важнейшей является символическая функция. Лексико-семантическая группа красного тона является неотъемлемой частью поэтики романа, благодаря которой реализуется идейно-художест-

венный замысел автора, передаётся низость человеческой трусости и величие милосердия, а также сила любви, способной преодолеть всё, что угодно.

Библиографический список

1. Горбачевич, К. С. Словарь эпитетов русского литературного языка / К. С. Горбачевич, Е. П. Хабло. – Л., 1979.
2. Капран, В. И. Цветовая символика – история и философия / В. И. Капран // Психология и разработка рекламной продукции. – М., 2010. – С. 128–133.
3. Николаев, К. Тайнопись «Мастера и Маргариты». Между строк великого романа / К. Николаев. – М., 2006.
4. Обухов, Я. Л. Образ-рисунок-символ / Я. Л. Обухов // Журнал практического психолога. – 1996. – № 4. – С. 44–54.
5. Обухов, Я. Л. Красный цвет / Я. Л. Обухов // Журнал практического психолога. – 1996. – № 5. – С. 39–47.

***М. М. Кривцова**
(г. Пенза, Россия)*

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ КОЛОРАТИВОВ ЧЁРНОГО ТОНА В РОМАНЕ М. А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

Михаил Афанасьевич Булгаков – один из крупнейших писателей XX в. Роман «Мастер и Маргарита» по праву считается его центральным, главным, можно сказать, самым выстраданным произведением. Само построение произведения изначально настраивает нас на необычное прочтение: это не просто текст с сюжетом, скорее, это некая интеллектуальная игра, сыграть в которую нас приглашает автор.

Любой художник, в том числе и мастер слова, в своём произведении создаёт особенную неповторимую игру красок. Булгаковская палитра очень выразительна и многогранна, а исследование цветовой лексики – ещё один ключ к разгадке тайны романа. Светообозначения (далее в тексте – ЦО) в романе полифункциональны, при этом автор очень активно использует их как символы.

Символом называют художественный образ, воплощающий в себе с наибольшей выразительностью характерные черты какого-либо явления, его определяющую идею [Тимофеев, Венгров, 1952, с. 114].

Цель настоящего исследования – представить анализ символической функции колоративов чёрного тона в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита».

Цветообозначения чёрного тона, наряду с ЦО красного и белого тонов, являются одними из самых частотных в романе «Мастер и Маргарита», что не может быть случайностью и используется автором с целью достижения точности передачи замысла. Так, ЦО чёрного тона довольно широко используются во всех функциях (символической, психологической, пейзажной, портретной и в создании тропов), однако наиболее активны они именно в символической функции. Границы этой функции, в отличие от остальных, нельзя чётко определить, и, строго говоря, количество примеров, в которых проявлена символическая функция, почти всегда в значительной мере зависит от точки зрения исследователя.

На наш взгляд, символическую функцию в романе выполняют 8 из 11 ЦО чёрного тона: *чёрный* (59 употреблений), почернеть (2), черноглазый (1), (цвета) воронова крыла (1), темнота (1), потемнеть (3), потемнение (1), тьма (7 употреблений, 6 из которых – в составе фразы «Тьма, пришедшая со Средиземного моря...»). Таким образом, на 8 ЦО в данной функции приходится 75 употреблений, что дает среднюю частотность 9. Выше этого показателя лишь частотность у ЦО *чёрный*.

ЦО *чёрный* является ядром лексико-семантической группы (далее в тексте – ЛСГ) чёрного тона. Как утверждает исследователь И. В. Григорьева, «семантическая значимость у различных лексем, в том числе у цветообозначений, имеет разную степень выявленности. В большей степени этим свойством обладают лексемы, занимающие в общем составе членов ЛСГ цветообозначений центральное, ключевое положение» [Григорьева, 2010, с. 25]. В связи с этим доминантное положение данного цветообозначения является вполне закономерным.

И. В. Григорьева утверждает, что «при семантическом анализе структуры ЛСГ [...] и близких к ней ЛСГ в конкретных речевых контекстах каждый из членов группы по отношению к любому другому её члену может выступить в качестве его речевого синонима» [Григорьева, 2010, с. 35]. Слово *каждый* в данном высказывании может вызывать сомнение, однако в утверждении действительно подмечена важная закономерность: слова объединены в ЛСГ по принципу семантической близости, а потому в определённых контекстах могут выступать в качестве синонимов. Кроме того, в нашем исследовании слова в ЛСГ относятся к разным частям речи, а значит, в полном смысле считать их синонимами нельзя, однако можно допустить использование в отношении этих лексем термина *синонимические выражения*. Например, в таких функциональных отношениях находятся ЦО «его волосы *воронова крыла* были повязаны алым шёлком» и «*чёрные* волосы, теперь причёсанные на пробор, покрылись огненным шёлком».

Частеречный состав традиционен для группы ЦО – большая часть употреблений приходится на прилагательные (61 употребление).

Благодаря слову «тьма» на втором месте находятся колоративы-существительные: 9 употреблений на три слова. Реже всего используются в символической функции (и вообще в романе) цветообозначения-глаголы (5 употреблений на два слова).

Многие исследователи, в частности Е. А. Юшкина, отмечают, что в последнем романе писателя почти все ключевые объекты и герои имеют цветовую доминанту *чёрный*. Этот цвет является основным при описании Москвы, Воланда, Маргариты, Мастера, Бегемота и Левия Матвея, а также нескольких второстепенных образов [Юшкина, 2008, с. 124].

Чёрный цвет издавна считался цветом зла, греха, ада, смерти, обречённости, несчастья, скорби. Именно этот цвет символизирует в романе тёмные силы, зло. Однако в произведении ЦО этого тона неоднозначны. Они могут символизировать также умиротворение, спокойствие, справедливость. Нельзя забывать при анализе и эпиграф романа, содержащий в себе, возможно, ключ к толкованию символики чёрного тона: «Я – часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо». Поэтому неслучайно при изображении Воланда и его свиты в романе М. А. Булгакова часто использует цвета именно этого тона. Приведём примеры:

Воланд оказался в какой-то *чёрной* хламиде со стальной шпагой на бедре.

Воланд сидел на складном табурете, одетый в *чёрную* свою сутану.

Воланд, Коровьев и Бегемот сидели на *чёрных* конях в седлах, глядя на раскинувшийся за рекою город с ломаным солнцем, сверкающим в тысячах окон, обращённых на запад, на пряничные башни девичьего монастыря.

Обратимся к портретному описанию Низы, предавшей Иуду. Писатель отмечает, что на ней было «*чёрное* покрывало». Он говорит, что Низа была очень красива, но не даёт подробного описания. М. А. Булгаков отмечает лишь одну деталь – *чёрные* глаза.

Мысли его помутились, он забыл про всё на свете и смотрел молящими глазами в голубые, а теперь казавшиеся *чёрными* глаза Низы.

Чёрный цвет также считается цветом траура [Капран, 2010, с. 128]. Неслучайно Маргарита в день знакомства с Мастером одета в чёрное:

И эти цветы очень отчётливо выделялись на *чёрном* её (Маргариты) весеннем пальто.

Чёрная одежда героини в данном случае символизирует траур. Маргарита скорбит о своей несчастливой, «пустой» жизни. Вспомним слова Мастера, когда он рассказывал Ивану Бездомному о своей возлюбленной: «Так вот она говорила, что с жёлтыми цветами в руках она вышла в тот день, чтобы я наконец её нашёл, и что, если бы этого не произошло, она отравилась бы, потому что жизнь её пуста».

Тёмная комната в доме Маргариты, где она ищет уединения, – символ одиночества, обречённости и тоски: «Напившись чаю, она ушла в *тёмную*, без окон, комнату», «Маргарита аккуратно сложила своё имущество, и через несколько минут оно было опять погребено под шёлковыми тряпками, и со звоном в *тёмной* комнате закрылся замок», «несколько месяцев я сидела в *тёмной* каморке и думала только про одно – про грозу над Ершалаимом».

Следует отметить, что ЦО *чёрный* при создании образа Маргариты используется ещё и для того, чтобы подчеркнуть её связь с тёмными силами, ведь в дальнейшем Маргарита станет ведьмой.

Причастность или непротивление тёмным силам символизируют ЦО данного тона также в образе «**черноглазого** красавца», «волосы **воронова крыла**» которого были повязаны алым шёлком и которому под стать было плыть на бриге в Карибском море «под **чёрным** гробовым флагом» – Арчибальда Арчибальдовича из «Дома Грибоедова», который решил не чинить никаких препятствий свите Воланда и постарался выйти из опасной ситуации с максимальной выгодой для себя.

Колоративы тёмного тона автор активно использует в финальной сцене полёта, когда в лунном свете всё приобретает свой истинный вид: «*чёрные* кони», «ночь начала закрывать *чёрным* платком леса и луга», «князь *тьмы*», «печальные леса утонули в земном *мраке*», «*за-чернели* провалы», «над *чёрной* бездной», «глыба *мрака*», «*чёрный* Воланд» и др.

Таким образом, цветообозначения чёрного тона используется автором с целью достижения точности передачи замысла. Они закономерно и последовательно употребляются при описании ряда ключевых персонажей и важных явлений. С их помощью автор доносит до читателя не только фактический цвет, но также настроение и скрытый смысл: невозможность существования добра без зла, двойственность явлений, низость человеческой трусости и величие милосердия, а также силу любви, которая может помочь преодолеть всё, что угодно.

Библиографический список

1. Григорьева, И. В. К вопросу об изучении цвета в современной лингвистике / И. В. Григорьева // Вестник КарГУ. – Караганда, 2010. – С. 28–37.
2. Капран, В. И. Цветовая символика – история и философия В. И. Капран // Психология и разработка рекламной продукции. – М., 2010. – С. 128–133.
3. Тимофеев, Л. Краткий словарь литературоведческих терминов / Л. Тимофеев, Н. Венгров. – М., 1952.
4. Юшкина, Е. А. Поэтика цвета и света в прозе М. А. Булгакова : дис. ... канд. филол. наук / Юшкина Е. А. – Волгоград, 2008. – 223 с.

БЫЛИНЫ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ЯЗЫКА

Одним из ценнейших источников изучения истории русского языка является фольклор, в частности, русские былины. Научный интерес представляет фактический материал по имени существительному, глаголу и лексике русского языка.

Анализ 204 архаичных форм имени существительного, отобранных из 252 былин Киевского и Новгородского циклов отразил живой процесс становления современной системы склонения: взаимодействие форм двойственного и множественного числа, развитие категории одушевлённости, унификацию древнерусских типов склонения.

Тексты былин Киевского (X–XI в.) и Новгородского (XII–XIV в.) циклов репрезентируют живой процесс взаимодействия форм двойственного и множественного числа: в ряде примеров сохраняются формы двойственного числа (**дво богатыря, два сокола, два тѹра**), в ряде – двойственное число вытесняется множественным (**по колѣнямъ, на колѣнка, паличи**). Критерием утраты формы двойственного числа является употребление числительного *два* с существительными во множественном числе (**два богатыри**).

В былинах отражается развитие категории одушевлённости, проявляющееся в том, что форма родительного падежа стала употребляться в значении винительного (видел **дочерей** вместо **дочери**). В процессе становления категории одушевлённости замена винительного родительным распространялась и на неодушевлённые предметы (**мимо дворъ, промежь ноги, по плечь, по рѹкъ**). Процесс развития категории одушевлённости протекал медленно. Окончательно категория одушевлённости утверждается в языке только к XVII в.

В исследуемых былинах широко отражена также унификация древнерусских типов склонения. Материал былин свидетельствует о сближении следующих древнерусских типов склонения:

а) сближались ИС с древними основами на *ѡ, *јѡ и *ѹ (**бояровъ, снѹ**);

б) разрушению подверглось склонение на *ѹ (**именю, церьква**). Предпосылкой для этого явилось совпадение форм частью И.п. ед.ч., частью косвенных падежей с соответствующими формами других склонений. В былинах сохраняются переходные падежные формы, «предложенные» языком для отбора в современный русский язык:

Вы видали ли церьквѹ-тѹ, всё церьквѹ соборнѹю,

Вы соборнѹ-тѹ церьковь, богомольнѹю... («Туры и турица»)

Как видим, в истории русского языка актуальными оказались

формы на -а (*церьква*) и вин. п. на -ь (*церьковь*). В современный русский язык перешла застывшая форма Вин. п., ед. числа *церковь* (современное 3 склонение). В говорах сохраняется и ИС *церьква*, изменяющаяся по основам на *ā, *jā (современное 1 склонение);

в) среди ИС с основой на согласный разрушению подверглась группа на *s. Слова, относившиеся к этому типу склонения, перешли в склонение на *ō, *jō, основавшее современное второе склонение.

Кабы мнѣ да земнүю тягү найти,

Ўтвердилъ вы въ небеси (флексия -и из *ō, *jō) **кольцо...**
(Святогор).

Существительные с основой на *n сначала перешли в тип склонения на *ī, а затем стали склоняться по типу *jō (**со *каменьями*, со *кореньями***).

Слова женского рода на *r в единственном числе также утратили прежние падежные формы, примкнув к склонению на *ī. Например, *мати* имеет форму склонения на *ī вместо исконной *матери*.

Таким образом, группа имён существительных с древней основой на согласный перестала существовать как единая: слова, входившие в её состав, разошлись по разным типам склонения: *ī, *ō, *ā, которые на новом этапе истории дали основу 3-м современным типам склонения.

Изменения в склонении с основой на *ī выразились в том, что слова мужского рода подверглись влиянию слов древнего типа склонения на *ō, *jō мягкого варианта и стали склоняться по типу склонения на *ō, *jō.

А скажите вы мне прямова пүтя́ (флексия -я на месте исконной -и)

Ко святому граду Иерусалиму... («Василий Буслаев молиться ездил»)

Таким образом, все изменения имён существительных свидетельствуют о том, что в былинах «застыли» живые переходные формы, имеющие место в истории русского языка и отражающие становление его именной системы.

Анализ 350 глагольных словоформ, отобранных из 85 былин, показал становление современной глагольной системы русского языка: историю инфинитива, форм прошедшего и настоящего времени, переход причастий в деепричастия.

В былинах последовательно отмечены архаичные варианты инфинитива (они есть во всех былинах), сохраняющие исконный суффикс -ти (84 формы) (*бѣитисе*, *бывати*, *испытати*, *наказывати*, *пѣти*, *похвалятися*, *смолвити*, *тѣшити* и другие). Встречается неопределённая форма глагола с суффиксом -ть (27 форм) (*вымать*, *подъѣждать*, *скрипѣть*, *смотрѣть*, *тѣпезовать*, *угрызывать*, *унѣть* и другие). Зафиксированы три переходные формы – *лекчи́*, *отсѣкти́*, *отсѣкци́*, в основах которых были заднеязычные

Теперь пора вѣдь мнѣ-ка на спокой лекчѣи («Святогор и Илья Муромец»);

А пришло-то онъ къ змѣѣ-то лютою,

Захотѣлъ змѣи отсѣкти вѣйну голову («Добрыня и змѣя»).

Такие переходные формы (в современном русском языке – *лечь, отсець*) появились вследствие образования из основной формы на *-чи*, контаминированной с основой настоящего времени, и распространены в севернорусских говорах [Русская диалектология, 1990, с. 141].

В текстах былин встречаются архаичные формы глагола прошедшего времени (*быль жилъ, затулялися, кинáлъ, лучи́лосе, обзáрился* и другие). «Бывшее причастие на *-л-* уже в XI в. функционирует как центр предикативности, а форма настоящего времени фиксирует лицо во избежание двусмысленности» [Ремнёва, 2003, с. 75]. В текстах былин формы глаголов прошедшего времени функционируют как формы глаголов простого прошедшего времени, но в контексте **ишше быль жилъ Микитѣшка Романовичъ живѣчѣи-то Романовичъ составилсѣ** наблюдаем форму плюсквамперфекта.

Исторические процессы в области глагола не оставили без изменений и настоящее (простое будущее) время (72 формы) (*бѣде, бѣеть, вѣдае, естѣ (есть), живѣть, кладѣ, кричѣть, кѣшае, прокладѣдѣесе* и другие). Отметим в перечисленных формах ряд особенностей, которые касаются только форм 3 лица. «Наиболее общим для говоров является различие форм 3-го лица глаголов по признаку твердости и мягкости конечного *т*. Мягкий [т'] характерен для южнорусских говоров, а твердый [т] – для севернорусских. Появление [т] – новообразование, результат отверждения исконно мягкого [т'] в этой форме» [Русская диалектология, 1989, с. 114]. В изучаемых былинах отражены старые формы с мягким конечным *т*, всего 14 форм из 72 анализируемых (*атарветь, бѣеть, вазьметь, възъжѣить, живѣть* и другие). Все указанные выше глаголы встретились в «Былине о Добрыне Никитиче» (сборник В. Ф. Миллера), которая была записана на хуторе Кременском, Усть-Быстрицкой станицы, Донской области.

В рассмотренных былинах процесс развития деепричастий из причастий действительного залога настоящего и прошедшего времени до конца не произошёл. Именно переходность форм представляет научный интерес (40 форм) (*бегѣчи, взглянувши, взявши, наливаѣвъ, пи-ваѣючи, плачѣючи, помолѣмиши* и другие). В текстах былин широко отражён переход действительных причастий настоящего времени на *-учи (-ючи)* в деепричастия. Одной из причин перехода причастий в деепричастия является нарушение согласования исторических причастий с подлежащим: *разказалъ Илья, какъ Святогоръ* (м. род), *кончаючись* (перевод – *умирающая*) (ж. род), *завѣщалъ ему свой богатырскій мечъ; Илья Муромецъ Ивановичъ* (м. род) *гледючи* (перевод – *глядящая*)

(ж. род) *на свое чадѡ милое и заплакалъ*. В перечисленных примерах подлежащие стоят в мужском роде, а причастие (будущее деепричастие) – в женском. Вторая причина – употребление причастий в роли сказуемых: *столько видѣли добра молодца, когда сряжающисѣ* (перевод – *сряжался*), *а не видѣли, когда да на добра коня сѣжающисѣ* (перевод – *садился*). В данном контексте наблюдается употребление предикативных деепричастий. «Употребление деепричастных форм в предикативной функции характерно для говоров западной диалектной зоны. <...> Предикативные деепричастия функционируют по преимуществу в предложениях, построенных на основе подлежащно-сказуемостной структурной схемы. Но возможны и односоставные предложения с предикативными деепричастиями» [Русская диалектология, 1989, с. 139–140]. В предложении **какъ приходя Маринка, къ ширакѣ свамѣ дварѣ, кричить то Маринка громкимъ голосомъ своимъ** предикативный член в придаточной части выражается деепричастной формой, при этом предложение является двусоставным. Итак, глагольные словоформы из русских былин являются ценным источником при изучении истории инфинитива, перфекта и плюсквамперфекта, переходных форм настоящего времени, перехода действительных причастий настоящего времени в деепричастия.

Материал былин является ценным для изучения устаревшей лексики русского языка. Для лексико-семантического анализа было отобрано 102 устаревших лексемы из 70 былин Киевского цикла. Из них 84 архаизма и 18 историзмов.

Историзмы в проанализированных былинах принадлежат к двум лексико-тематическим группам: «Историзмы бытовые и хозяйственные» (*бесѣда, браный, братина, гридня, епанча*). Так, слово «бранный» раньше употреблялось в значении «вытканый узорами, узорчатый» [МАС, I, с. 112]. Например: «Они сѣли за дубовые столы, А за тѣ же вѣдь за скатерти за **браныя**, А за тѣ же яства сахарныя...» («Ставеръ Годиновичъ») [Миллер, 1908, с. 246]. К бытовым и хозяйственным историзмам относятся также следующие: *камка, кольчуга, косящатый, отчина, сыта, чара, чѣбот*. Вторая лексико-тематическая группа «Историзмы, называющие явления общественно-политического порядка» (*атаман, мужик, мурза, стольник, целовальник, чашиник*). Целовальник – историзм, выборное должностное лицо в Русском государстве 15–18 вв., собиравшее подати и исполнявшее ряд судебных и полицейских обязанностей (при вступлении на должность приносившее присягу целованием креста) [МАС, IV, с. 746]. Например: «Гой вы, братцы, гости-корабельщики, И вы всѣ, **целовальники** любимые! Вы берите-ка щупалы желѣзныя, щупалы желѣзныя, долгомѣрныя...» («Соловей Будимировичъ») [Авенариус, 1876, с. 80].

Историзмы выполняют в былинных текстах номинативную функцию, являясь единственно возможными обозначениями тех пред-

метов, явлений, которые существовали в период создания былин. В современном истолковании указанные историзмы отражают язык эпохи.

В текстах былин обнаружены архаизмы разных типов: собственно лексические (*безвре́мье, имать, кали́ка, лъзя, наипа́че* и др.), лексико-фонетические (*драго́й, жере́бий, по́мочь, уро́дствовать* и др.), лексико-словообразовательные (*бессча́стный, взви́деть, кроволі́тие* и др.), семантические (*око́льный* в значении «близлежащий, окружающий», *полагать* в значении «класть», *почать* в значении «начать», *ярлык* в значении «письменное распоряжение о выдаче чего-л.» и др.). Акцентологические и лексико-морфологические архаизмы выявлены не были.

Причины, по которым слово устаревает, уходит из активного словаря, бывают различными. Слово может выйти из активного употребления, потому что вышли из употребления лицо, предмет, явление, обозначенные этим словом: *братина, гри́дня, отчина, сто́льник, сыта́, целова́льник* и т.п. Слово может быть по каким-либо причинам вытеснено другим обозначением того же самого предмета, явления: *драго́й* (дорогой), *эжели* (если), *жере́бий* (жеребий), *затуля́ть* (закрывать), *здрáвие* (здоровье), *злато́й* (золотой), *имать* (брать, хватать), *казать* (показывать) и т.п.

По этимологическому словарю русского языка М. Фасмера мы определили, что среди устаревшей лексики преобладает исконно русская по происхождению. 77 лексем из 102 являются исконно русскими: *баять, взвидеть, всколебаться, въявь, горенка, отчина, сто́льник, сыта́, целова́льник, чара, чаши́к*. Однако имеют место и заимствованные слова (25 лексем). Языками-источниками заимствованных слов являются старославянский (*бранный, глава, драгой, здравие, златой, имать, младой*), польский (*атаман и кольчуга*), древнеиранский (*гу́ня*), латинский (*кали́ка*), а также арабо-персидский (*мурза*) и тюркские языки (*епанча, камка, че́бот, ярлык, ясак*). Историзмы и архаизмы могут обозначать русские реалии и понятия или относиться к прошлому других государств, важных для русской культуры.

Примеры показывают, что русские былины сохраняют ценнейший материал по истории русского языка: как осуществлялось становление именной и глагольной систем современного русского языка, как исторически развивалась его лексико-семантическая система.

Библиографический список

1. Авенариус, В. П. Книга о киевских богатырях. Свод 24 избранных былин древнекиевского эпоса / В. П. Авенариус. – URL: <http://www.runivers.ru/lib/book4321/52873/> (дата обращения: 13.12.16).

2. МАС – Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 1985–1988. – Т. I–IV.

3. Миллер, В. Ф. Былины новой и недавней записи из разных местностей России / В. Ф. Миллер. – URL: <http://bookre.org/reader?file=733766> (дата обращения: 15.12.16).

4. Ремнёва, М. Л. Пути развития русского литературного языка XI–XVII вв. : учеб. пособие по курсу «История русского литературного языка» / Ремнёва М. Л. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2003. – 336 с.

5. Русская диалектология : учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. «Рус. яз. и лит.» / С. В. Бромлей, Л. Н. Булатова, К. Ф. Захарова и др. ; под ред. Л. Л. Касаткина. – 2-е изд., перераб. – М. : Просвещение, 1989. – 224 с.

6. Русская диалектология : учеб. пособие для филолог. фак. университетов / В. В. Колесов, Л. А. Ивашко, Л. В. Капорулина и др. ; под ред. В. В. Колесова. – М. : Высш. шк., 1990. – 207 с.

7. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. и доп. О. Н. Трубачева / М. Фасмер. – М. : Прогресс, 1964–1973. – Т. I–IV.

И. Д. Леснова
(г. Пенза, Россия)

ДИЛОГИЯ П. И. МЕЛЬНИКОВА-ПЕЧЕРСКОГО «В ЛЕСАХ» И «НА ГОРАХ» КАК ЭНЦИКЛОПЕДИЯ РУССКОЙ КУХНИ

Павел Иванович Мельников-Печерский – писатель, который внёс достойный вклад в русскую литературу очерками, рассказами и романами, описывающими провинцию, русское дворянство и тяжёлую жизнь крестьян. Сохраняя тесную связь с малой родиной, он до конца жизни служил делу изучения народной жизни и народного языка. Созданные в XIX в. его произведения до сегодняшних дней сохраняют не только литературную, но и историческую значимость.

Итогом и вершиной литературной деятельности П. И. Мельникова-Печерского стала диалогия «В лесах» и «На горах», которая была названа эпопеей русской жизни за столь полное воссоздание нравов, быта, истории и этнографии. Здесь отразилась вся уникальность и самобытность творческой манеры писателя, которая заключается в талантливом использовании всех возможностей родного языка, а также в обогащении его за счёт элементов народной речи. Именно она и является предметом нашего исследования.

Большое количество народных слов, выражений и оборотов местных говоров, этнографических, географических названий введено писателем в художественную литературу, на что в определённой мере повлияло знакомство и общение с В. И. Далем, который выступал за сближение народного языка с литературным. В ткань повествования П. И. Мельников-Печерский включил большое количество диалектных

и устаревших слов, которые он вынужден был толковать в сносках или подстрочных примечаниях. В некоторых случаях автор давал ссылку на «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, в других же толковал слова сам.

Наибольший интерес для нас представляет семантическое поле под общим названием «Пища», которое включает в себя достаточно большое количество слов, среди которых около 50 лексем являются примерами народной речи (*папушник, чурек, артос, сочовка, дынничек* и др.) Приведённый нами ранее факт взаимодействия П. И. Мельникова-Печерского с В. И. Далем даёт основания для сопоставления толкований лексического значения слов, входящих в состав данного семантического поля, самим автором и составителем «Толкового словаря живого великорусского языка». Сравнив исследуемый материал, мы сделали вывод о том, что более 30 % слов имеют одинаковое толкование и у П. И. Мельникова-Печерского, и у В. И. Даля (*хворост, столовик, гульба, гулена* и др.), 13 % слов у них имеют разное толкование (*взварец, новь, мисинное* и др.); слово «*лафет*» не объяснено ни автором диалогии, ни В. И. Далем.

На основании классификации продуктов питания, предложенной в «Русском семантическом словаре», мы распределили слова, составляющие семантическое поле «Пища», представленное в диалогии.

Группа «Продукты питания и внутреннего потребления» выделяет в своём составе элемент под названием «Еда, питьё, кушанья; их компоненты» [Шведова, 2002, с. 252]. Она же подразделяется, в свою очередь, ещё на 8 групп, к которым мы и отнесём выбранные нами слова. Рассмотрим каждую из них и включим туда слова народной речи, используемые П. И. Мельниковым-Печерским в тексте диалогии:

1) хлеб, хлебные изделия, мука, крупа; изделия из них: *каша, кутья, блины, пироги, лепешки, кулебяки, курники, рыбники, папушник* (пшеничный хлеб домашнего приготовления), *чурек* (пресный хлеб в виде лепешки), *пеклеванный хлеб, яранский хлеб, артос* (кислый хлеб), *сочовка* (лепешка), *дынничек* (каша из тыквы, подрумяненная на сковороде), *пилав* и др.;

2) молоко, молочные изделия, яйца, яичные изделия, жиры: *молоко, варенец* (топлёное молоко, заквашенное сметаной), *айрян* (разболтанная на воде простокваша);

3) мясо, рыба, мясные и рыбные блюда, кушанья: *сельдь, осетрина, белорыбица, язь, севрюга, маханина* (конина), *стяг свежины* (мясная туша), *убоина* (говядина), *троечная* (белужья икра), *пробоечки* (остатки после приготовления зернистой икры), *доспелая* (подпорченная рыба) и др.;

4) овощи, бобовые, бахчевые, грибы; овощные и грибные блюда: *грибы (грузди, рыжики, волнухи, белые грибы), гульба, гулена* (картофель), *тебека* (тыква);

5) супы и другие (первые) блюда: *щи*, *тюря* (окрошка на квасу), *взварец* (суп из курицы), *юха* (мясная или рыбная похлёбка);

6) напитки: *кисель*, *чай*, *канун* (мёд при отпавлении панихиды), *сыта* (разварной мёд), *саламата* (пресный кисель), *копорка* (поддельный чай из разных видов растений), *сбитень* (горячий мёд с пряностями), *сыченый квас* (квас на меду), *тризна* (смесь из пива, вина и ставленой браги) и др.;

7) сладости; мучнистые и сахаристые изделия; фрукты, ягоды, орехи: *конфеты*, *пастила*, *пряники*, *фисташки*, *винные ягоды*, *варенье*, *яблоки моченые с брусникой*, *урюк*, *изюм*, *мисинное* (пирожные, подаваемые в мисках), *кабартма* (пышка) и др.;

8) общие обозначения: *закуски*, *нарезки*, *заедки* (закуски), *помочь* (угощение за работу), *учреждения* (угощения), *куштаначи* (гостинец).

Благодаря использованию данной классификации мы можем сделать вывод о том, что в тексте дилогии П. И. Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах» шире всего представлены тематические группы «Хлебные изделия», «Мясо, рыба, мясные и рыбные блюда», «Напитки» и «Сладости; фрукты, ягоды, орехи». Данные продукты были неотъемлемой частью любого застолья.

В тексте дилогии диалектные лексемы семантического поля «Пища» в основном встречаются единично, разрозненно, их можно вычленишь лишь из отдельных фраз героев и автора. Например, «*Проехали путники в Урень, под видом закупки дешевого яранского хлеба (сорт хлеба)*» [Мельников, 1993, с. 231] или «*Своего хлеба теперь у него не только до самой нови (новый хлеб) на прожиток становилось, но оставалось и бычкам на зимний корм*» [Мельников, 1994, с. 415]. Ярким доказательством этого тезиса может послужить и следующий диалог:

– *Много ль пирогов напекла?* – *спросила она Виринею.*

– *Двенадцать с тельным, девять с вязигой да с малосольной белужинной, с молоками да с жирами,* – *ответила Виринея* [Мельников, 1993, с. 314].

Тельное здесь – фарш из свежей частиковой (т.е. не красной рыбы), преимущественно из судака или щуки (толкование П. И. Мельникова-Печерского).

В. И. Даль в «Толковом словаре» даёт немного другое значение этого слова: «ТЕЛЬНОЕ ср. рыбное кушанье, котлеты из рыбьего мяса, из рыбы, очищенной от костей» [Даль, 1991, с. 378].

Некоторые лексемы, входящие в состав семантического поля «Пища» в дилогии, использовались народом лишь в отдельных случаях: в молитве, религиозных обрядах, на праздник святой Пасхи, при поминальных обрядах и т.п. Последний описывается в романе так: «*На*

улице подавали народу поминальные яства в изобилии. Из всех восемнадцати домов деревни вынесли гречневые блины с маслом и сметаной... за блинами угощали народ пирогами-столовиками, щами с соляной, лапшой со свиной, пряженцами с яйцами, а в конце стола подан был овсяный кисель с сытой. Вином по-трижды обносили, пива и сыченой браги пили, сколько хотели, без угощенья. После киселя покойницу «тризной» помянули: выпили по доброму стакану смеси из пива, меду и ставленой браги. В хоромах за красным столом кушанья были отборные: там и дорогие вина подавали, и мерных стерлядей, и жирных индюков, и разную дичину. Но блины, кисель и тризна, как принадлежности похоронной трапезы, и за красным столом были ставлены» [Мельников, 1993, с. 501–502].

Людам высших и низших сословий подавались разные блюда. Дворяне употребляли редкие сорта китайского чая, простой народ пил низкосортный. А вот образец типичных русских богатых поминок: *«Кутьи наварили, блинов напекли, киселя наготовили... Кутья на всех одна была из пшена сорочинского с изюмом да с сахаром, блины в семи печах пеклись, чтобы всем достались горяченькие; в почетные столы пекли на ореховом масле, в уличные – на маковом, мирским – с икрой да со сметками, луком и солеными грибами. Кисели готовила Никитична разные, почетным гостям – пшеничные с миндальным молоком, на улицу – овсяные с меловой сытой...»* [Мельников, 1993, с. 115].

Таким образом, художественный текст, наравне с языковыми средствами, может служить источником получения информации о культурных концептах, в частности о базовом семантическом поле «Пища». Диалогия П. И. Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах» позволяет составить представление как о продуктах, традиционно используемых в пищу в русской культуре, так и об обычаях, связанных с приёмом пищи. Именно поэтому она по праву может называться энциклопедией русской кухни.

Библиографический список

1. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – М., 1991.
2. Мельников, П. И. (Андрей Печерский). В лесах / П. И. Мельников. – Саранск, 1993.
3. Мельников, П. И. (Андрей Печерский). На горах / П. И. Мельников. – Саранск, 1994.
4. Шведова, Н. Ю. Русский семантический словарь / Н. Ю. Шведова. – М., 2002.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОБРАЩЕНИЙ В ЛИРИКЕ А. А. БЛОКА

Важнейшую роль в создании коммуникативных ситуаций, а в частности в установлении контакта между общающимися играет обращение. Обращение – это слово или сочетание слов, называющее лицо (или предмет), к которому обращена речь. Обращение не выступает ни главным, ни второстепенным членом предложения, а является одним из средств его распространения. В поэтическом синтаксисе обращение становится средством выразительности. Здесь в большинстве случаев своё первоначальное назначение – привлечение внимания к говорящему, – обращение теряет, зато приобретает широкий ряд других функций.

А. А. Блок (1880–1921) – поэт, один из самых выдающихся представителей русского символизма. По преимуществу поэт-лирик. Даже когда ему случается выходить за пределы собственно лирики в другие жанры словесного творчества, он накладывает на них явно выраженный лирический колорит. Значительная часть его творчества – это диалог, в котором поэт прибегает к использованию обращения. В значительной части произведений они встречаются в начале предложения:

Мама, красивая мама, не плачь ты!

Золотую птицу мы увидим во сне.

Очень часто обращение в начале предложения выносится за его пределы с восклицательным знаком, показывая стремление поэта обратиться на себя внимание адресата. Следует отметить нередкое использование обращения с частицей «о», которые придают стихотворениям особый пафос, поэтичность. В случаях, когда обращение подобного вида выносится за пределы предложения, оно приобретает особую интонацию и делает акцент на фигуре лирического героя, центральном понятии, выражающем эмоции автора, ещё более ярким и значимым:

О, безумный! зачем ты под старым окном

Ей, безумной, шептал в тишине...

Случаи употребления обращения в середине предложения не менее разнообразны. В этом случае обращение является скорее указанием на персонажа для читателя (слушателя), чем средством привлечения его внимания. Обращение к поэтическим героям, имеющим собственные имена, – это тоже выражение условно-звательной функции. Такие обращения являются своеобразным поэтическим канонem, признаком своеобразного условно-сентиментального стиля:

*Там, там, глубоко, под корнями
Лежат страдания мои,
Питая вечными слезами,
Офелия, цветы твои!*

В некоторых стихотворениях обращение в середине предложения выполняет функцию уточнения:

*Если же ты, **человек**, не видишь конца этой ночи,
Если без якоря ты в море блуждаешь глухом...*

Обращения в конце предложения А. А. Блок использует значительно реже. Однако большая часть случаев употребляется в восклицательных предложениях с глаголами в повелительном наклонении, добавляя словам поэта характер призыва:

*Смолкай, **позорный плач!** Уйми, о, Меценат,
Все стоны похорон, – печали места нету...*

Своё особое отношение к центральному образу стихотворения, трепет и широту эмоций показывает автор, используя в конце предложения однородный ряд обращений с некоторой градацией в значении:

*Ты, ты одна, **о, страсть моя,**
Моя любовь, моя царица!*

В стихотворении «На серые камни ложилась дремота...» Блок использует сочинительный ряд обращений, отделяя каждое восклицательным знаком. Это создаёт некоторый эффект надрывности переживаемого, как будто бы усиливает скрытое в названиях явлений значение:

***О, город! О, ветер! О, снежные бури!**
О, бездна разорванной в клочья лазури!*

При анализе способов выражения обращения заметно, что в своих стихотворениях Александр Блок обращается преимущественно к неодушевленным предметам и отвлечённым понятиям – чувствам, явлениям, событиям и пр., тем самым прибегая к приёму олицетворения синтаксическими средствами:

*Все отошли. Шумите, **сосны,**
Гуди, **стальная полоса.***

В творчестве Блока можно встретить и типичные для синтаксиса случаи употребления обращения в его первостепенной функции – собственно-звательной. Она связана с живой разговорной, диалогической речью. Их гораздо меньше, чем указанных выше.

*Назавтра: «Здравствуй, **сестра**». –
«Был ли ты счастлив, **брат?**»*

Слово «брат» также встречается в случае обозначения лица, близкого говорящему. Сюда же следует отнести и обращение «друг»:

*Только стены, да книги, да дни.
Милый друг мой, привычны они.*

Случаи использования имени в качестве обращения к лирическому герою в стихотворениях Блока крайне редки. Преимущественно обращения, указывающие на центральное лицо в стихотворении, выражены субстантивированными прилагательными:

Бедная, клонишься ты

В злую дорожную пыль.

Подобный способ выражения обращения говорит о том, что поэт, не давая герою или, чаще всего, героине конкретного имени, создаёт её образ через характеристику.

Осложнённые, пространные конструкции в качестве обращений встречаются крайне редко, однако здесь стоит обратить внимание на стихотворение «Последняя часть философской поэмы» (1901), которое почти полностью состоит из обращений именно такого вида:

Ты, о, Афина бессмертная

С неумирающим Эросом...

Исходя из рассмотренных примеров, можно сделать вывод о том, что в основной части анализируемых текстов обращения используются автором в классической конструкции, преимущественно с акцентом на какую-то конкретную, наиболее яркую и значимую для самого поэта характеристику героя, оставляя остальные черты его личности загадкой для читателя.

В поэтическом синтаксисе обращение становится средством выразительности. Использование в лирике А. Блока главным образом обращений классической структуры (нераспространённые или же распространённые, осложненные согласованным определением) из всего многообразия видов и способов выражения обращения указывает на определённый стиль изложения, присущий и самому поэту, и периоду в литературе, во время которого он творил.

Библиографический список

1. Бабайцева, В. В. Современный русский язык : учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.» : в 3 ч. / В. В. Бабайцева, Л. Ю. Максимов. – 2-е изд., перераб. – М. : Просвещение, 1987. – Ч. 3. Синтаксис. Пунктуация. – 256 с.
2. Ковтунова, И. И. Поэтический синтаксис / И. И. Ковтунова. – М., 1986.
3. Формановская, Н. И. Обращение / Н. И. Формановская // Русский язык в школе. – 1994. – № 3.

ОККАЗИОНАЛИЗМЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Е. ЕВТУШЕНКО И А. ВОЗНЕСЕНСКОГО

Словом «шестидесятники» традиционно обозначается поколение деятелей русской культуры, представляющих почти все виды художественного творчества. Его наиболее активной и популярной частью, прежде всего, были поэты. Они не были слишком радикальны в общественных взглядах, как часто их представляют в литературной критике и публицистике. Самое замечательное в их творчестве – утверждение самоценности личности, чьи качества не сводимы к выполнению общественного долга или, тем более, к трудовым подвигам. «Шестидесятники» утверждали своеобразный культ «простого человека» и культ стиливой свободы. Одни из них пытались следовать авангардистской поэтике начала XX в. – Р. Рождественский, Б. Окуджава, другие были верны традиционному стиху – Е. Евтушенко, А. Вознесенский.

Творчество Е. Евтушенко и А. Вознесенского отличается силой своей точки зрения, своего видения вещей, склонностью к эпатажу. В этом поэтам помогают художественные средства, одно из них создание индивидуально-авторских новообразований – *окказионализмов*, за счёт которых происходит «раскрепощение» языка.

Что же такое окказионализмы? Это слова, образованные по непродуктивной модели, используемые только в условиях данного контекста [Розенталь, Теленкова, 543, с. 240].

Они, как правило, создаются специально, нарочито, всегда привязаны к определённой ситуации. Специфика их заключается в том, что, обслуживая определённый контекст, данный частный случай, они не претендуют на то, чтобы закрепиться в языке и войти в общее употребление. Индивидуально-авторские новообразования в лирике поэтов очень разнообразны, но их ядро представлено тремя основными частями речи: именами существительными, именами прилагательными, глаголами.

Например, в стихотворении Е. Евтушенко «Где дорога домой?» встречаются следующие окказионализмы:

- Страшны выбор – безденежье или *безродинье*;
- Всё надеялся я, что *нахапаются*, наиграются;
- Происходит *выдавливание* в эмиграцию;
- Мой двойник шестилетний, за маму и папу болельщик, *ми-рильщик*, я запутал себя и тебя;
- Как в Париж Д'Артаньяна – *макдональдсовый* Париж.

А в стихотворении «Купание в росе» А. Вознесенского можно выделить следующие индивидуально-авторские новообразования:

- Все грехи *поискупали*,
окрещённые в красе,
- не в людских слезах – в *купавиных*,
брось врачей! *Купнись* в росе!
- Ты в росе, в росе, в *росевросевросевро*
– *серва*
ландыша не раздави!..

Самая значительная группа новообразований включает имена существительные, среди которых особый интерес представляют *сложные окказионализмы*. Например, в произведении А. Вознесенского «Преображение» слово «*водолюбец*» состоит из двух корней *вод* и *люб*. В его лирике мы видим множество таких окказиональных слов: *яблокопад, афроприческа, гробоведы, эрос-Эресэфэсэрос, гипсочеловек, паралель*.

В произведении Е. Евтушенко «Нет лет» встречается слово «*всепоколенийность*» («*Всепоколенийность* – вот гениев секрет»). Это окказионализм, образованный от двух слов *все* и *поколения*, и в данном случае его можно трактовать как передача секрета через все времена.

Группу окказионализмов, образованных чистым сложением слов или сложением с добавлением различных морфем, составляют абсолютно разные по семантике, экспрессии и стилистической функции авторские неологизмы: *пионерлагерники, будьготовчики, идеалисты-бизники, кроха-девятиностик, книгоедка, Бродскоголосье, лебедеутенюк, глобус-волчок, люди-человеки, Главгартунотрест, вечномерзлотность, брехун-самохвал, ярыжка-плут, слезовыжиматели-актеры, теловычитанье, гигантоман, двусердечность, фотопыл, пустотелость*.

Сравнивая количество сложных окказионализмов, выраженных именами существительными, можно сделать вывод, что в творчестве и Е. Евтушенко, и А. Вознесенского их значительное количество.

В поэтическом языке наиболее активен процесс образования сложных окказиональных прилагательных, например, у А. Вознесенского встречаются такие слова, как *серебряноголовые, всамделишные, оранжеволоса, скрытымные*; а у Е. Евтушенко такие окказионализмы, как *подтяжечно-зеркальный, слезооросительная, лохматодремучий, вечномерзлотное, охотнорядские, голуболобый, длинноресничный, красногалстучные*.

Сложные окказиональные слова могут быть выражены наречием: *высоколобо, так-растак, самоубийственно*.

Часто в творчестве Е. Евтушенко появляются окказионализмы, образованные в результате нарушения форм слов:

- образование сравнительных и превосходных степеней прилагательных: *несовершеннейшее, стыдней, попростей, повольнее, синё-синё*;

- образование форм единственного и множественного числа: колокола *гудут*.

В лирике А. Вознесенского таких слов практически нет.

Следующая группа окказионализмов, представленная в творчестве обоих поэтов, образована префиксальным способом.

В стихотворении «Ресницы» Е. Евтушенко пишет: «В одежде *незагармоничной* и не красавец никакой...». *Незагармоничный* – окказионализм, который соединяет в себе игру слов *негармоничный* и *заграничный*, поэтому получается такое слово с оттенком иронии «незагармоничный». Окказионализмы с префиксом *не-* в большом количестве присутствуют и в других произведениях лирика: *нецитирование, невстречи, нешевеленье*.

С помощью префикса *полу-* поэту удаётся придать значение неполноты, незавершенности действиям или явлениям. Приставка *полу-* активно присоединяется к различным частям речи: существительным: *полуэмиграция*, глаголам: *полуиспарился, полурасстались, полууладили, полуутоп*, прилагательным: *полувраждебные*.

Можно привести примеры окказионализмов, образованных префиксальным способом от слов разных частей речи при помощи различных приставок: *прослаженная, недовера, попригнуть, прижатость, обшентала, растуманы, подзастряла, разнесчастное, вцеловалась, развоплотясь*.

Префиксальный способ образования окказиональных слов мы наблюдаем и у А. Вознесенского, но слова, образованные данным способом, встречаются значительно реже. Например, в стихотворении «Тишины!» слово «*наназываемо*» образовано при помощи префикса *на-*. К такому способу образования можно отнести слова-действия из творчества поэта: *поискупали, схохмить, поудалить, разгипсовать*. В произведении «Антимиры» А. Вознесенский намеренно использует приставку *анти-*, чтобы ярче показать свою точку зрения читателю. Приставка *анти-* синонимична русской приставке *противо-* и употребляется в словах со значением противоположности: *антиголова, антимашины, антимужчины*.

Рассматривая префиксы, используемые для образования новых слов, заметим, что наиболее частым является префикс *полу-* – в лирике Е. Евтушенко и префикс *анти-* в лирике А. Вознесенского.

Самая многочисленная группа окказионализмов в творчестве поэтов образована суффиксальным способом. В стихотворении Е. Евтушенко «Медленная любовь» мы видим слова: казавшейся *капканностью*, с трусливой *истуканностью*, очень *паустовский* сад, ввели *немедленность* в обычай, в тупой мужской *победности*. Эти новообразования сохраняют тесную связь с семантикой производного слова.

С помощью суффиксов *-иночк*, *-ечк-*, *-ушечк-* Е. Евтушенко образует новые формы слова с уменьшительно-ласкательными оттенками

и положительной экспрессией: *борщиночка, любиночка, скорбиночка, эпопеечка, развлекашечка*.

С помощью суффикса *-о-* поэт образует наречия, мотивированные именами прилагательными и причастиями: *безбилетно, балетно, донжуанно, белозубо, несрастаемо, мохнато, полуголо, лунно, остолбенело, неоплаканно, лебедино, парчово*.

С помощью суффикса относительного значения *-ск-* Е. Евтушенко создаёт такие новообразования, которые мотивированы либо существительными – *охладомский* (от Охладома), *сахаровский* (от Сахаров), либо глаголами – *вральский* (от врать).

К помощи других суффиксов, которые помогают реализовать словообразовательный потенциал языка, Е. Евтушенко прибегает гораздо реже. Связано это с тем, что такие суффиксы обладают малой продуктивностью, но несут яркую экспрессию: *девятиностики* (с помощью суффикса *-ик-*), *выкормыши* (*-ыш-*), *не из коммуны* (*-як*), *чужизна* (*-изн-*), *хромучий* (*-уч-*), *спекульнуть* (*-ну-*).

Е. Евтушенко использует и бессуффиксный способ создания окказионализмов. Например, слово из стихотворения «Если снова в глазах так защиплет»: «...я скулю беспородистым *щеном*». А. Вознесенский не использует бессуффиксный способ создания окказиональных слов.

Поэт при создании окказиональных слов пользуется разными суффиксами, не отдавая предпочтения ни одному из них. Например, в стихотворении «А ты меня помнишь?» присутствует слово «*телефонищ*» («И ухало эхо во тьме *телефонищ*»), которое образовано при помощи суффикса *-ищ*.

Яркие примеры окказионализмов, образованных суффиксальным способом: *пораженицина* (*-щин*), *дерюжица* (*-иц*), *углический* (*-еск*), *нецензурованный* (*-ова, -нн*), *катастрофный* (*-н*), *наоборотный* (*-н*), *сиротино* (*-ин, -о*), *временная* (*-ян, -н*), *актрисуля* (*-ул*), *набатно* (*-н, -о*), *экспериментщик* (*-щик*), *модерново* (*-ов, -о*), *вдребезину* (*-ин, -у*), *идиотствующая* (*-ств, -у, -ющ*).

В арсенале новообразований поэтов есть и окказионализмы, образованные префиксально-суффиксальным способом. А. Вознесенский использует его чаще, нежели Е. Евтушенко, например: *прикнопленные, безнебесна, по-плисецки, застрессовал, исчервленные, зачумленные, опаутиненный, по-черноземному*. Мы видим, что поэт образует таким способом разные части речи: и глаголы, и наречия, и причастия, и прилагательные.

В лирике Е. Евтушенко такие окказионализмы встречаются реже, например: *натруженный, осатаненность, соединенность, неловконько, изжаждалось, избегновенье, безобманность, недотрожисто*. Мы обращаем внимание на то, что окказиональные слова относятся к разным частям речи, но более употребительными являются имена суще-

ствительные. Яркий пример этому явлению просматривается в произведении «Двадцать первый век», в котором встречаются слова «*беспаспортность*», «*бесправительственность*», образованные префиксально-суффиксальным способом.

В стихотворении «Предутро» мы встречаем такое слово, как *поутренье*, образованное с помощью префикса *по-* и суффиксов *-ен-* и *-й-*. Само название данного произведения «Предутро» – это окказионализм. Слово образовано при помощи приставки *пред-*.

В ходе проведённого исследования было выявлено, что в творчестве А. Вознесенского и Е. Евтушенко активно представлено явление окказиональности. Окказиональные слова обладают повышенной выразительностью в силу своей необычности на фоне канонических, нормативных образований. Они экспрессивно окрашены, являются средством художественной выразительности и создания художественного образа. Е. Евтушенко и А. Вознесенский показали, насколько богато любое слово смыслами, звуками, формами, дали нам возможность увидеть всю глубину нашей лексики.

Библиографический список

1. Бабенко, Н. Г. Окказиональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ : учеб. пособие / Н. Г. Бабенко. – Калининград : Изд-во Калининградского ун-та, 1997.
2. Вознесенский, А. Собрание сочинений : в 3 т. / А. Вознесенский. – М. : Художественная литература, 1983–1984.
3. Вознесенский, А. На виртуальном ветру / А. Вознесенский. – М. : Вагриус, 1998.
4. Евтушенко, Е. А. Не умею прощаться: стихотворения, поэмы / Евгений Евтушенко. – М. : Эксмо, 2013. – 768 с.
5. Евтушенко, Е. А. Я пришёл в XXI век / Евгений Евтушенко. – М. : Эксмо, 2014. – 688 с.
6. Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов : пособие для учителей / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Просвещение, 1976.

И. В. Сараева
(г. Пенза, Россия)

СРАВНЕНИЕ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ОБРАЗА АЛЁШИ КАРАМАЗОВА В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ»

Сравнение – один из важных приёмов человеческого познания, логического мышления, восприятия действительности, а также одно из средств создания стилистической окраски произведения, передачи

оценки, используемое автором через выбор различных по стилистическим возможностям разновидностей сравнительных конструкций.

Сравнительные конструкции – конструкции, «с помощью которых некоторый предмет, признак или ситуация Р (объект сравнения – то, что сравнивается) описывается не сам по себе, а в отношении к некоторому предмету, признаку или ситуации Q (стандарт сравнения – то, с чем сравнивается). Критерием сопоставления является некоторый признак Z (признак сравнения – то, по чему сравнивается), принимающий значение V (значение признака сравнения)» [Князев, 2007, с. 34].

В романе «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевский активно использует сравнение как одно из средств художественной выразительности (выделено и проанализировано более 400 сравнительных конструкций), в том числе как средство создания образа главного героя – Алёши Карамазова.

В основе сравнения всегда лежит субъективная эмоциональная оценка, следовательно, употребление тех или иных сравнительных конструкций в романе напрямую связано с особенностями мировоззрения самого Ф. М. Достоевского и его умением как тонкого психолога точно подметить художественные детали при описании главного героя произведения.

Наиболее частотны в романе сравнительные конструкции, выраженные 1) сравнительными оборотами с союзами *как, будто, точно* и другими: *Алёша стоял, смотрел и вдруг, как подкошенный, повергся на землю*; 2) сравнительными придаточными: *Алёша, всё слушавший его молча, под конец же, в чрезвычайном волнении, вдруг заговорил, точно сорвался с места*. Менее употребительны сравнения, выраженные творительным падежом, который синонимичен обычному сравнительному обороту: *Такие воспоминания могут запоминаться (и это всем известно) даже и из более раннего возраста, даже с двухлетнего, но лишь выступая всю жизнь как бы светлыми точками из мрака, как бы вырванным уголком из огромной картины, которая вся погасла и исчезла, кроме этого только уголочка* (воспоминания Алёши о матери).

Так, одним из ярких способов выражения авторского голоса в романе является образ положительного героя – Алёши Карамазова. Поэтому, создавая образ центрального героя, автор использует различные средства выражения сравнений с целью описать главные черты, определяющие характер Алёши – открытость, непорочность, искренность, человеколюбие.

Особую роль играет образ матери Алёши, Софьи Ивановны, мистически связанной с образом Богородицы: *Он запомнил один вечер, летний, тихий, в комнате в углу образ, а перед образом на коленях рыдающую мать свою, схватившую его в обе руки, обнявшую его крепко до боли и молящую за него Богородицу, протягивающую его из объ-*

тий своих обеими руками к образу, как бы под покров Богородице... Данное сравнение позволяет наиболее полно раскрыть христианские устремления Алёши, его решение связать свою жизнь с Богом. Сам же герой нередко сравнивается с матерью: *Алёша вдруг вскочил из-за стола, точь-в-точь как, по рассказу, мать его, всплеснул руками, потом закрыл ими лицо, упал как подкошенный на стул и так и затрясся вдруг весь. Необычайное сходство с матерью особенно поразило старика*, поскольку именно с её образом связаны самые светлые воспоминания Алёши: он отдан ею под покров Божией Матери; он – посвященный, и на нём с детских лет почитает благодать.

Алёша имел особый дар возбуждать всеобщую любовь: *Я бы взял тебя, Алешка, и прижал к груди, да так, чтобы раздавить, ибо на всем свете... по-настоящему... люблю только одного тебя!* (Митя Алёше); отец, человек не способный на глубокие чувства, полюбил его *«искренно и глубоко и так, как никогда, конечно, не удавалось такому, как он, никого любить...»* (сравнения показывают сильную душевную привязанность Фёдора Павловича к младшему сыну).

Более детально образ Алёши раскрывается через восприятие героя другими персонажами, которые видят в герое «божье начало», а потому нередко в их характеристике Алёши даются сравнения, заключающие концепт всеобщей любви героя ко всему живому на земле: *И приличнее тебе будет у монахов, чем у меня, с пьяным старикашкой да с девчонками... хоть до тебя, как до ангела, ничего не коснётся* (Фёдор Павлович об Алёше); *Вы ничего не наделали, вы действовали прелестно, как ангел* (Хохлакова об Алёше); сравнения, раскрывающие Алёшу как «божьего человека», способного спасти чужие души от нравственного падения и наставить на путь просветления: *Напротив, вы поступили как ангел, как ангел, я это тысячи тысяч раз повторить готова* (Хохлакова и Лисе об Алёше); *Да ведь я низкая, я ведь неистовая, ну, а в другую минуту я, бывало, Алеша, на тебя как на совесть мою смотрю* (Груша об Алёше); *И ты пошёл по задам? О боги! Благодарю вас, что направили его по задам и он попался ко мне, как золотая рыбка старому дурню рыбаку в сказке* (Митя об Алёше); *я к вам теперь как к моему отцу... потому что мать тут совсем не идёт... Ну, все равно как к старицу Зосиме на исповеди, и это самое верное, это очень подходит* (Хохлакова Алёше). Сравнения Алёши с ангелом, совестью, опытным старцем, золотой рыбкой в тексте романа не случайны: они являются важным средством создания образа человеколюбца, всеобъемлющая любовь которого «не есть какое-то расплывчатое физиологическое добродушие; она исходит из духовной связи его со всем миром и особенно со всеми людьми в добре, объединяющем мир с Богом [Лосский, 1939, с. 192].

Подчёркивает главные черты характера Алёши – открытость, искренность, детскую наивность и чистоту авторское сравнение героя

с ребёнком: *Алёша взглянул было на него, открыв своё распухшее от слёз, как у малого ребёнка, лицо, но тотчас же, ни слова не вымолвив, отвернулся и снова закрылся обеими ладонями.*

Описывая мысли главного героя, автор нередко обращает внимание на светлые, чистые намерения Алёши: *Обрывки мыслей мелькали в душе его, загорались, как звёздочки, и тут же гасли, сменяясь другими, но зато царило в душе что-то целое, твёрдое, утоляющее, и он сознавал это сам.*

В Алёше соединяются два типа житийного героя: он чувствует высокое предназначение с детства и обращается к Богу и предается подвижничеству после многих испытаний. В раскрытии образа Алёши важным является понимание образа старца Зосимы, духовная связь с которым помогает Алёше преодолеть земные искушения: *В чудесную силу старца верил беспрекословно и Алёша, точно так же, как беспрекословно верил и рассказу о вылетавшем из церкви гробе.* Данное сравнение отражает непоколебимую твёрдость духа, верность христианским идеалам Алёши.

Таким образом, сравнения в романе «Братья Карамазовы» являются одним из средств создания образа Алёши Карамазова, в котором воплотились жертвенная любовь к близким и духовное единение с Богом.

Библиографический список

1. Достоевский, Ф. М. Братья Карамазовы / Ф. М. Достоевский. – М. : АСТ, 2001. – 463 с.
2. Князев, Ю. П. Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе / Ю. П. Князев. – М. : Языки русской культуры. – 2007.
3. Лосский, Н. О. Условия абсолютного добра: основы этик. Характер русского народа / Н. О. Лосский. – М. : Политиздат, 1991. – 368 с.
4. Черемисина, М. В. Сравнительные конструкции в русском языке / М. В. Черемисина. – Новосибирск : НГУ, 1976.

Е. А. Хохлова
(г. Пенза, Россия)

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТВОРИТЕЛЬНОГО СРАВНИТЕЛЬНОГО В ПОЭМЕ Н. В. ГОГОЛЯ «МЁРТВЫЕ ДУШИ»

Сравнение является одной из понятийных категорий мышления, которая реализуется через установление сходных и различающихся характеристик познаваемых объектов, действий, ситуаций, то есть через

сопоставление. Развитие лингвистической теории сравнения определяется тем фактом, что в формировании сравнительных конструкций и в их функционировании одновременно принимают участие все знаковые единицы языка.

Учёные-лингвисты М. И. Черемисина, В. М. Огольцев, Л. А. Лебедева выделяют три компонента сравнения: «то, что сравнивают» – объект, «то, с чем сравнивают» – эталон, «на основе чего сравнивают» – основание (признак) сравнения [Исынбаева, 2009, с. 69].

В русской речи функционируют как стандартные сравнительные конструкции, которые состоят из двух сравниваемых объектов и сравнительного оборота, так и усечённые, включающие два элемента, при этом эталон делает акцент на признак, объединяющий предметы, явления и представляет собой реализованное сравнение. В подобных конструкциях демонстрируется готовый результат проведения мыслительной операции. Так, В. М. Фриче выделяет следующие виды сравнительных конструкций:

1) **прямые** (стандартные) сравнительные конструкции, то есть выраженные с помощью союзов *как*, *словно* или *будто*: *Радость на лице так же быстро исчезла, как и появилась, **будто** её вовсе не бывало, и вот Николай снова загрустил, что у него ничего не получится;*

2) **косвенные** (усечённые) конструкции, которые представлены существительными в форме творительного падежа (употребляется без предлога): *Старушка Лизавета была первой в деревне сплетницей, и уже спустя минуты две принесла **сорокой** на хвосте новую сплетню о том, как Михеич с женой разводится, а детей себе забирает* [Цит. по: Гаспарян, 1994, с. 36].

Творительный сравнения в предложении выполняет синтаксическую функцию обстоятельства образа действия, сравнения: *Вдруг ему захотелось сказать Анастасии всё, что у него было на сердце, когда он находился рядом с ней; он встал с дивана, подошёл к тому месту, где она сидела, положив голову на руку, и **соловьём пропел** ей о своей любви.* Данная сравнительная конструкция акцентирует внимание не на предмете, а на процессе, признаке действия *пропел* (как? каким образом?) *соловьём*.

Определяя часть речи слова в творительном падеже, обратимся к работе А. П. Печеного. Он считает, что «отдельные формы творительного падежа в настоящий момент находятся на разных стадиях словообразовательной конверсии, в данном случае перехода из имени существительного в другие части речи, главной из которых является наречие. В таком случае бывшее окончание творительного падежа служит словообразовательным суффиксом. Эти формы несут обстоятельственное значение времени (*ночью*), места (*лесом*) или образа действия (*шагом*). По степени морфологической и синтаксической автономности их можно разделить на несколько групп: 1) наиболее

автономные формы творительного падежа, в которые входят формы с наречными синтаксическими функциями, которым в настоящее время не соответствуют существительные с полной парадигмой. Это слова *урывками, сторицей, кубарем, живьём, поедом, мимоездом, мимоходом, ползком, целиком, прямоком, босиком, тайком, ненароком, битком, ничком, пешком, слишком, тишком, рядышком, мельком, ходуном, скопом, мимолётом, чохом, слыхом, телешом, нагишом, ощупью, опрометью, полностью*. В таких случаях синхронно, разумеется, суффикс творительного можно выделять лишь аналогически; 2) предложные сращения, пишущиеся слитно сочетания предлога с его зависимым (а в случае с *незачем* – ещё и с частицей), мотивацию которых синхронно не всегда возможно проследить. Этот список невелик – в него входят слова *засим, затем, зачем, незачем* и *замужем*, а также *задаром* и *недаром*; 3) формы слов с существующей синхронно парадигмой, однако имеющие сдвиг ударения. В неё входят слова *кругóm* и *верхóм*; 4) слова, морфологически и фонетически ничем не отличающиеся от свободных форм творительного синхронно существующих слов, но отличающиеся собственной моделью управления либо синтактикой. В эту группу входят вводное слово *словом*, производный предлог *посредством*, наречие *рядом* с возможностью присоединения нетипичного зависимого (*рядом с ним*), союзы *чем* и *тем*; 5) формы творительного, морфологически и фонетически никак не отличающиеся от соответствующих форм существительных; они несут нетривиальный семантический сдвиг, на этом основании данный случай можно, тем не менее, относить к конверсии. Этот ряд уже достаточно близок формам творительного, употребляющимся в различных конструкциях, таких как творительный сравнения» [Печеный, 2012, с. 6].

В своём исследовании мы придерживаемся точки зрения А. П. Печеного и считаем, что имена существительные в творительном падеже находятся на стадии адвербиализации. Поэтому в словосочетании *пропел соловьём* слово *соловьём* является адвербиализированным существительным с суффиксом *-ом*.

Творительный сравнения, обладающий динамичностью, экспрессивностью и яркостью, используется Н. В. Гоголем в поэме «Мёртвые души». Так, из 170 предложений с сравнительными конструкциями насчитывается 33 предложения с творительным сравнения. При этом данная форма выражает:

1. Способ совершения действия. Сравниваемому объекту присваивается определённый статус, например, *высматривает орлом*, то есть человек имеет пронзительный и точный взгляд, или *смотрит генералиссимусом*, где объект сравнения выполняет действие таким образом, которое свойственно людям, выше званием, эталон сравнения придаёт высокую характеристику отождествляемому объекту (предмету): *Трудно было сказать, которая лучше: все белогрудые, белошейные, у всех*

глаза репой, у всех глаза с поволокой, **походка павлином** и коса до пояса; Окончив речь, гость с обворожительной приятностью подшаркнул ножкой и, несмотря на полноту корпуса, **отпрыгнул** тут же несколько назад **с лёгкостью резинового мячика**; «Да это не Иван Петрович, – говоришь, глядя на него. – Иван Петрович выше ростом, а этот и низенький и худенький; тот говорит громко, басит и никогда не смеётся, а этот чёрт знает что: **пищит птицей** и всё смеётся»; Вот он **совой** такой **вышел** с крыльца, как пудель, понимаете, которого повар облил водой: и хвост у него между ног, и уши повесил; Прометей, решительный Прометей! **Высматривает орлом**, выступает плавно, мерно; Один швейцар уже **смотрит генералиссимусом**: вызолоченная булава, графская физиономия, как откормленный жирный мопс какой-нибудь; батистовые воротнички, канальство! и др.

2. Количество. Особенностью данной группы является невозможность преобразования творительного сравнения в стандартный сравнительный оборот с союзами, так как сравнение имеет значение количества, а не признака: **Градом лились из глаз его слёзы**, и рыдания продолжались почти весь день; Гораздо замечательнее был наряд его: никакими средствами и стараньями нельзя бы докопаться, из чего состряпан был его халат: рукава и верхние полы до того засалились и залоснились, что походили на юфть, какая идёт на сапоги; назади вместо двух болталось четыре полы, из которых **охлопьями** лезла хлопчатая бумага; Гости добрались наконец **гурьбой** к дому полицеймейстера и др.

3. Форма. Творительный сравнения описывает не действие предмета, а его номинативное свойство, показывает предмет таким, каким он представлен в контексте: **Всё это разместилось** один на другом **пирамидкой** и прикрылось сверху носовым шёлковым платком; Наконец за каретами следовало несколько **пустых дрожек, вытянувшихся гуськом**, наконец и ничего уже не осталось, и герой наш мог ехать и др.

4. Размер: За бараньим боком последовали ватрушки, из которых каждая была гораздо больше тарелки, потом **индюк ростом с телёнка**, набитый всяким добром: яйцами, рисом, печёнками и невесть чем, что всё ложилось комом в желудке; «Да это не Иван Петрович, – говоришь, глядя на него. – **Иван Петрович выше ростом**, а этот и низенький и худенький; тот говорит громко, басит и никогда не смеётся, а этот чёрт знает что: **пищит птицей** и всё смеётся» и др.

Сравнения в поэме Н. В. Гоголя являются важным элементом уникального авторского стиля и становятся его опознавательным знаком. Творительные сравнительные конструкции почти всегда носят конкретный, осязаемый характер, несмотря на усечённую структуру. Не используя сравнительные союзы в конструкциях, писатель возмещает их в суффиксах адвербиализированных существительных. Твори-

тельные сравнения придают динамичность и образность сравниваемым объектам, так как в сопоставлении акцентируется внимание на самом процессе.

Библиографический список

1. Гаспарян, С. К. Сравнение как «изъяснение» в научной речи и как средство лингвопоэтического творчества в художественной литературе : дис. ... д-ра филол. наук / Гаспарян С. К. – М. : МГУ, 1994.

2. Исынбаева, Н. Ю. Функционирование сравнительных конструкций в структуре простого предложения / Н. Ю. Исынбаева // Вестник Чувашского университета. – Чебоксары, 2009. – № 4. – С. 68–76.

3. Печеный, А. П. Творительный падеж / А. П. Печеный // Русская корпусная грамматика. – 2012.

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА ГОРОДА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Д. Ю. Александрина
(г. Пенза, Россия)

ГОДОНИМИЯ Г. ПЕНЗЫ И РАЙОННЫХ ЦЕНТРОВ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ЛЕКСИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

Улицы любого населённого пункта привлекают особое внимание людей, интересующихся их историей, и являются важной составляющей частью его лингвистического портрета.

Для обозначения названий улиц, в том числе проспектов, бульваров, аллей, набережных, проездов, переулков, шоссе, тупиков и других типов улиц, используется термин *годоним* [Подольская, 1978, с. 50].

Система *годонимов* г. Пензы насчитывает 742 номинации. В 28 районных центрах Пензенской области нами зафиксировано 2066 номинаций. Эта система *годонимов* охватывает широкий круг лексики, анализ которой позволил выделить 10 лексических групп.

Первую группу, которая является самой обширной, составляют *годонимы*, мотивированные *антропонимами* – собственными именами людей (38 % в г. Пензе и 35 % в районных центрах Пензенской области). Большинство из них представляют фамилию: ул. *Антонова*, ул. *Водопьянова* (г. Пенза); ул. *Артамонова* (пгт. Лунино), ул. *Федулова* (г. Сердобск). Некоторые могут сочетаться либо с именем: ул. *Германа Титова*, ул. *Октября Гришина* в г. Пензе; ул. *Федора Захаркина* (г. Белинский), ул. *Андрея Гусака* (рп. Мокшан), либо с воинским или учёным званием: ул. *Адмирала Истомина*, ул. *Маршала Крылова* в г. Пензе; ул. *Академика Королева* (пгт. Колышлей).

Первоначально улицы такого типа были названы в честь первопоселенцев, а также представителей дворянства. В 1918 г. с приходом Советской власти практически в каждом населённом пункте стал появляться новый топонимический пантеон. Он полностью изменил многовековую народную традицию в области образования имён улиц. Переименование в советское время было традиционным явлением. В результате этого в г. Пензе и районных центрах Пензенской области появились улицы, менявшие названия по несколько раз (ул. *Федотовка* > ул. *Интернациональная* > ул. *Костычева* в с. Бессоновке).

Советская власть провозгласила основным меморативный принцип. По замыслу В. И. Ленина названия улиц и площадей должны были стать частью глобального плана революционной пропаганды. Чем дальше, тем больше менялся топонимический ландшафт Пензенской

области, пополняясь именами героев Гражданской войны, старых большевиков. Также многие улицы в г. Пензе и районных центрах Пензенской области были названы в честь советских и революционных символов и идеологем, а также в честь исторических событий.

В 1920–1930-е гг. в системе внутригородских названий преобладали улицы, названные в честь представителей всех профессиональных групп: политиков, писателей и поэтов, деятелей искусства, деятелей науки, военных.

В 1940–1990-е гг. происходит сокращение числа используемых профессиональных групп, в результате которых основными становятся названия в честь военных и политиков.

С конца XX в. улицы всё чаще называют в честь героев-земляков. Местные жители чтут память о них и выдвигают предложения о присвоении имен героев улицам, на которых они проживали. Среди жителей сильны патриотизм, уважение к истории своей малой родины, преемственность поколений. Например, 30 апреля 1997 г. в с. Бессоновке было принято решение о переименовании ул. Знаменской в улицу имени семьи Осиповых. В семье Осиповых было 6 сыновей, которые защищали Родину. Все они ушли на фронт в Великую Отечественную войну и погибли в разные её годы. На собрании было заслушано мнение нескольких старожилов этой улицы, которые ходатайствовали о переименовании улицы в честь семьи земляков. Также были заслушаны дети и внуки погибших в войну братьев. Они просили увековечить память о них.

Вторую группу составляют топонимы с локативной семантикой (15 % в г. Пензе и 5 % в районных центрах Пензенской области). Топонимы можно разделить на три типа: топонимы, связанные с СССР и бывшими странами соцлагеря: ул. *Гомельская*, ул. *Ереванская* в г. Пензе; ул. *Одесская* (г. Городище), ул. *Варшавская* (г. Кузнецк); топонимы, отражающие названия населённых пунктов РФ: ул. *Саратовская*, ул. *Ульяновская* в г. Пензе; ул. *Норильская* (пгт. Сосновоборск), ул. *Томская* (Вадинск), и топонимы, мотивированные названиями населённых пунктов Пензенской области: ул. *Пензенская*, ул. *Вадинская* в г. Пензе; ул. *Малосердобинская* (г. Сердобск). Подобные названия появлялись в течение всего периода истории области и меньше всего зависели от изменения в общественной жизни страны.

Примечательным является то, что в районных центрах Пензенской области существуют улицы, которые названы в честь населённых пунктов Пензенской области, которые уже не существуют на карте нашего региона: ул. *Юловская* (г. Городище), ул. *Узинская* (пгт. Шемышейка).

Третью группу составляют топонимы, отражающие идеологические предпочтения общества (5 % в г. Пензе и 17 % в районных цен-

трах Пензенской области). Среди них можно выделить следующие разновидности:

- топонимы, названные в честь символов существующего строя: *ул. Дружбы*, *ул. Мира* в г. Пензе; *ул. Революции* (пгт. Беково);
- топонимы, названные в честь исторических событий, праздников: *ул. 40 лет Октября*, *ул. 9 Января* в г. Пензе; *ул. 30 лет ВЛКСМ* (г. Белинский), *ул. 9 Мая* (пгт. Пачелма);
- топонимы, названные в честь партий, вооружённых и общественных организаций: *ул. Коммунистическая* в г. Пензе; *ул. Красноармейская* (с. Наровчат);
- топонимы, названные в честь передовых групп людей: *ул. 354 Стрелковой дивизии*, *ул. Декабристов* в г. Пензе; *ул. Челюскинцев* (г. Сердобск), *ул. Панфиловцев* (с. Бессоновка).

С 1950-х гг. среди идеологических топонимов растёт число названий с нейтральной общественно-политической окраской.

В 1990-е гг. создание идеологических названий прекратилось, в настоящее время оно вряд ли возможно.

Четвертую группу составляют топонимы, имеющие пространственную семантику (4 % в г. Пензе и 4 % в районных центрах Пензенской области). Улицы называются по сторонам света, например, *ул. Западная*, *ул. Южная*, которые встречаются почти во всех городах и районных центрах Пензенской области, а также по отношению к другим улицам (*ул. Главная*, *ул. Основная* в г. Пензе; *ул. Поперечная* (г. Каменка), *ул. Межевая* (г. Нижний Ломов).

Пятую группу составляют топонимы, отражающие особенности объекта в связи с человеческой деятельностью (10 % в г. Пензе и 9 % в районных центрах Пензенской области), среди которых можно выделить следующие разновидности:

- топонимы, отражающие расположение объектов материального производства – заводов, фабрик, сельскохозяйственных объектов: *ул. Заводская*, *ул. Столярная* в г. Пензе; *ул. Райпромкомбинат* (пгт. Сосновоборск);
- топонимы, отражающие расположение объектов социальной сферы – учебных, лечебных, спортивных и зрелищных заведений: *ул. Стадионная* в г. Пензе; *ул. Больничная* (с. Кондоль), *ул. Учхоз* (г. Спасск);
- топонимы, отражающие расположение транспортных предприятий и учреждений связи: *ул. Мотоциклетная*, *ул. Вокзальная* в г. Пензе; *ул. Автовокзальная* (с. Лопатино);
- топонимы, отражающие расположение путей сообщения: *ул. Магистральная*, *ул. Колышлейская* в г. Пензе; *ул. Алексеевское шоссе* (г. Кузнецк), *ул. Автодорожная* (с. Русский Камешкир);

- годонимы, отражающие расположение торговых объектов, учреждений сервиса и туризма: ул. *Лодочная* в г. Пензе; ул. *Туристическая* (г. Белинский), ул. *Базарная* (пгт. Земетчино);

- годонимы, отражающие расположение городских и районных служб и объектов: ул. *Парковая*, ул. *Кирпичная* в г. Пензе; ул. *Гаражная* (пгт. Башмаково).

Шестую группу составляют годонимы, отражающие местоположение объекта относительно каких-либо природных объектов города или районного центра (7 % в Пензе и 14 % в районных центрах Пензенской области), среди которых можно выделить три разновидности:

- годонимы, отражающие расположение улиц относительно водных объектов: ул. *Береговая*, ул. *Озёрная* в г. Пензе; ул. *Набережная* (пгт. Исса), ул. *Запрудная* (пгт. Пачелма);

- годонимы, отражающие расположение объекта относительно каких-либо участков земли, засаженных растениями: ул. *Лесная*, ул. *Луговая* в г. Пензе; ул. *Подлесная* (с. Кондоль);

- годонимы, отражающие расположение объекта относительно форм рельефа: ул. *Горная*, ул. *Карьерная* в г. Пензе; ул. *Бугры* (пгт. Шемышейка), ул. *Овражная* (с. Неверкино).

Седьмую группу составляют годонимы, отражающие особенности того объекта, который они называют (4 % в г. Пензе и 3 % в районных центрах Пензенской области). Среди них можно выделить две разновидности:

- годонимы, отражающие физико-географические особенности объекта: ул. *Короткая*, ул. *Угловая* в г. Пензе; ул. *Широкая* (г. Кузнецк), ул. *Песочная* (с. Вадинск);

- годонимы, отражающие возраст объекта: ул. *Новая*, ул. *Старый Кавказ* в г. Пензе; ул. *Старый Дунай* (с. Вадинск), ул. *Новенькая* (г. Нижний Ломов).

Восьмую группу составляют эмоционально-характерологические годонимы (8 % в г. Пензе и 4 % в районных центрах Пензенской области). В таких годонимах ярко выражена модальность желательности: ул. *Фруктовая*, ул. *Райская*, в г. Пензе; ул. *Алмазная* (г. Никольск), ул. *Пчелиная* (г. Сердобск).

Девятую группу составляют годонимы, отражающие наименования людей по профессии и роду занятий, национальности, а также обозначающие группы лиц, которые оцениваются обществом положительно (4 % в г. Пензе и 5 % в районных центрах Пензенской области): ул. *Славянская*, ул. *Депутатская* в г. Пензе; ул. *Кузнечная* (пгт. Исса).

Десятую группу составляют годонимы, которые имеют непрозрачную семантику (5 % наименований в г. Пензе и 4 % в районных центрах Пензенской области): ул. *Захолодильная* (пгт. Башмаково), ул. *Лифалида* (с. Вадинск), ул. *Мещеровка* (г. Пенза) и др. Мотивация таких годонимов остаётся неясной как для жителей, так и для краеведов.

Таким образом, топонимия Пензы и районных центров Пензенской области охватывает достаточно широкий круг лексики, включающий как общеупотребительные, так и профессиональные наименования. Наиболее полно в названиях улиц представлены антропонимы и топонимы. Включение в номинацию большого числа топонимов, мотивированных антропонимами, на наш взгляд, показывает, что меморативный принцип является ведущим на территории Пензы и Пензенской области.

Библиографический список

1. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – 2-е изд. – М. : Наука, 1978. – 199 с.

Л. Л. Аюпова, Э. А. Салихова
(г. Уфа, Россия)

РЕЧЕВАЯ ЖИЗНЬ УФИМЦЕВ В ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Язык современной башкортостанской столицы – одного из крупных российских городов-«миллионников» – представляет собой многогранное образование русской, а также не-русской (башкирской, татарской и пр. компактно проживающих в городе этносов) устной и письменной речи, находящееся в многовариантных отношениях как с литературным (кодифицированным) языком, так и с различными «нестандартными» формами русского национального языка» (социолектами, диалектами, идиолектами, маргинальными типами речи и т.п.) [Шарифуллин, 1997].

Успешный опыт лингвистического описания конкретного города был представлен работами О. Б. Сиротининой «Языковой облик города Саратова» (1988) и Н. А. Прокуровской «Город в зеркале своего языка (на языковом материале г. Ижевска)» (1996), задавших традицию в выпусках сборников трудов, посвящённых языковому быту таких городов, как Челябинск, Екатеринбург, Пермь и др. (см., например, такие издания, как «Живое слово в русской речи Прикамья» (1972), «Живая речь уральского города» (1988), «Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии...» (2007) и мн. др.). Интерес именно к устной речи горожан объясняется тем, что в ней, по мнению Л. А. Шкатовой, отражаются характерные черты лингвистического портрета отдельного города. Так, в статье «Специфика городского общения» (Челябинск, 1988) автор предлагает описывать язык города в коммуникативном аспекте; в публикации «Языковой код уральского города» (Челябинск,

1990) она развивает идею о существовании в каждом современном городе своего лингвокода – «системы языковых обозначений, требующих расшифровки, – позволяющий отличать «своих» от «чужих» (цит. по: [Искужина, 2014, с. 12]).

Плодотворным продолжением изучения соотношения языков и их коммуникативно-функциональных подсистем в гетерогенном урбопространстве стали как локальные элементы в литературной разговорной речи, так и анализ динамики развития современного русского языка (РЯз), его территориального и социального варьирования в условиях дву- и многоязычия малых и крупных городов Башкортостана (РБ) и Татарстана (Н. В. Исмагилова, Н. Г. Искужина, З. А. Исхакова, О. А. Шарипова, И. И. Файзуллина и др). Анализ языкового быта города в работах данных авторов ориентирован на языковые различия городов.

Традиционно выделялось несколько аспектов в изучении языкового облика города: обиходная лексика, слово городской среды, корпоративные языки; позже зародилось лингвистическое градоведение, иначе именуемое как «филологическая урбанология», «урботекст», тождественный макротексту, «городской дискурс» и т.п., – опирающееся на семиотику, риторику, социолингвистику, психолингвистику, этнографию, связанное с изучением текстов городского ландшафта (наименований городских объектов, торговых вывесок и афиш, рекламы, граффити) и предполагающее обращение к языку города как к важнейшей из подсистем семиотики и культуры города в контексте других его подсистем (архитектура, история и т.д.). Многие исторические и современные городские объекты содержат разноплановую информацию, представляя семиотическое пространство города как некий континуум, в каждой временной и локальной точке которого существует сочетание традиционного и нового, потому важно констатировать его динамику, связанную и с территориальным расширением, и с увеличением населения, а также с трансформацией ценностей его жителей. Знаки и символы города отражают не только существующие объекты, но вместе с их переосмыслением «создают мир», в котором кодируется восприятие и понимание человеком окружающей его среды, в том числе речевой, придание ему определённых смыслов, различение собственного индивидуального пространства и его соотношение с пространством «другого», «всех» [Полифония городских пространств..., 2014, с. 20–21]. Потому и необходимо обращение к исследованию семиотического смысла городского пространства. «Образ города» формируется в виде личностной картины мира или его фрагментов, при этом важную роль играет слово, знак, символ. Не случайно издавна люди наделяли города индивидуальными характеристиками: *Москва Первопрестольная, Златоглавая или Белокаменная, Третий Рим; город Святого Петра, первая столица, город трех рево-*

люций, город белых ночей, Северная Венеция (о Санкт-Петербурге), *Уфа – жемчужина Урала* и пр.

В рамках теории и практики диахронно-синхронного описания отдельных элементов концептуального поля «речевая ситуация» [Салихова, 2011, с. 167] актуальность проводимых в течение ряда лет исследований в РБ определяется не столько необходимостью дать представления о речевой жизни современного города – столицы республики, сколько вниманием к «лингвоэкологической проблематике, занимающей в настоящее время центр теории и практики речевого общения» [Шарифуллин, 1997, с. 9], к специфике её языка; к «историческим, социальным и лингвистическим факторам, оказавшим влияние на формирование исследуемого феномена», к комплексному анализу подсистем языка, функционирующих в различных сферах городского общения [Аюпова, 2000; Искужина, 2014; Ярмухаметова, Салихова, 2015, с. 185]. Возможность выбора одного из языков для общения в условиях уфимского трехъязычия (по числу распространенных и коммуникативно значимых в столице и РБ целом башкирского, татарского и русского языков) предполагает соблюдение определённых правил, что позволяет рассматривать общение билингвов в отдельных случаях как некоторый ритуал, в котором проявляются различные социокультурные черты, имеющие не лингвистическую, а культурную мотивацию обладающие способностью превращаться в те или иные стереотипы коммуникации [Салихова, 2015, с. 53]. При этом, по мнению А. А. Юнаковской, социальная неоднородность билингвов и их языковая разнородность коррелируют, но не совпадают. Различия в языках и их коммуникативно-функциональных подсистемах, используемых двуязычными горожанами, отражает социальную неоднородность участников общения, и наоборот, социально и этнически разнородные группы людей обычно используют разные языки и языковых подсистемы. Это очевидная взаимозависимость, существенная для объяснения действия механизмов как «билингвального речевого общения», так и комбинированного использования горожанами кодифицированных и некодифицированных языковых средств в устной и / или письменной форм, демонстрирует разные виды и способы коммуникативного приспособления друг к другу членов «многомерного и сложного урбопространства» [Искужина, Салихова, 2013, с. 183].

С учётом признаков городского просторечия в его широкой трактовке (разнородность, связанная с особенностями градостроительства в республике; гетерогенность, обусловленная региональной вариативностью РЯз как одного из государственных и межнационального средства общения; промежуточное положение между просторечием в узком понимании (речь определённых социальных кругов малообразованных носителей языка) и разговорной литературной речью), его терминологическая размытость, мы рассматриваем это явление как социально

и территориально обусловленную подсистему языка современного города наряду с разговорной речью и комбинируемыми в речи горожан социальными диалектами, постоянное взаимодействие которых в условиях близкого «языкового микроклимата» не квалифицируется как отклонение от норм литературного языка.

Изучение и описание особенностей языка городов РБ до 2017 г. велось на кафедре общего и сравнительно-исторического языкознания БашГУ под руководством проф. Л. Л. Аюповой; сбор и обработка материала охватывали самые разные формы городской речи и отображены в данных картотеки. В языковом репертуаре г. Уфы (в целом – современных городов РБ) представлены разные пласты речевых средств, образующих некие «субстандарты», налагаемые на литературную речь как речевой стандарт, на который в различных коммуникативных условиях ориентируются горожане. Вслед за Н. В. Исмагиловой мы выделяем такие компоненты языкового субстандарта, как а) разговорная речь – вид устной коммуникации с «собственным набором языковых / речевых средств», основу которых составляют общенациональные языковые элементы; б) просторечные вкрапления, истоки которых объяснимы либо неполным усвоением отдельных групп горожан норм литературного языка, либо языковой игрой в общении образованных людей; в) формулы речевого этикета города; г) интержаргоны (молодёжные, профессиональные как системы лексико-фразеологических средств непринужденного общения в ограниченных заданным возрастом социальных макро- и микрогруппах, объединённых общностью интересов или рода деятельности), арг (с учётом криминализации современных городов РФ, в том числе РБ), «домашний язык» (ойколект), а также диалектно окрашенные слова и выражения, функционирующие как элементы языковой игры [Салихова, 2011, с. 168–169]. Дополнительно включаем в этот перечень д) составляющие городского ландшафта (граффити, надписи на различных городских плоскостях и пр.).

В рамках указанной темы небезынтересна группа речевых субстратов, содержащих явления внутригородской топонимики – сложной системы, в которой лексикографические, этимологические, ассоциативные связи значений онама выстраивают сбалансированную невидимую сеть национального языка изнутри, обеспечивая витальность и языка, и этноса. В полиязычной Уфе, как и в других столицах республик РФ, восприимчивым к взаимовлиянию разных языков оказывается ономастическое пространство, обычно характеризующееся как пассивный пласт лексики. Исследование и описание «урбанонимической панорамы» способствуют определению жанрового состава и особенностей функционирования, взаимодействия разного рода языковых единиц в речевой практике горожан. Среди антропонимического, прагонимического, годонимического, эргонимического, некронимического, хоронимического, парейонимического, ойкодонимического, хремато-

нимического, Интернет-ономастики и пр., в том числе «точечных», субпространств ономастикон включает их гибридные языковые формы и их варианты и является индикатором взаимовлияния языков. В полиэтнической уфимской среде единицы ономастикона подвержены влиянию стереотипов восприятия, присущих индивиду как субъекту познания. Например, в названии кафе-бара «Халяльная» или названии магазина по продаже средств для рыбной ловли «Fish'ка» отражается взаимодействие языковых сознаний: «Халяль» – в переводе с арабского «свободное», всё то, что допустимо в исламе» (противоположно хараму – «запретному»), «Fish» – рыба (английский язык) + словообразовательный элемент – суффиксы -н и -к- (русский язык). Форму хранения подобных проиллюстрированному ономастических знаний исследователи в области ономастики предлагают квалифицировать как «ономастический модуль», интерпретационный потенциал которого безграничен и может быть успешно использован в PR компаниях, в сфере рекламы товара т.п. О лингвоэкологической специфике функционирования и роли иных онимов в уфимском городском ландшафте подробно изложено в: [Искужина, 2014, с. 33–51]. Характеризуя городское ономотворчество РБ, в частности, уфимское, отметим, что оно находится в особой зоне восприятия реципиентом в билингвистической и поликодовой (полисемиотической) парадигме, поскольку происходящие в нём трансформации языковой системы позволяют прогнозировать витальность того или иного онима, а также механизм его когнитивно-семиологического бытия.

В языковом ландшафте Уфы и некоторых других больших и средних городов РБ сосуществуют официальные и неофициальные номинации. Первые из названных отличаются относительной устойчивостью за счёт способов именования и динамизмом, который способствует появлению новых словообразовательных моделей. Вторая группа номинаций вариативна, экспрессивна, носит окказиональный характер.

Граффити как объект городской среды можно воспринимать как своего рода диалог в его социолингвокультурном пространстве в контексте достаточно устойчивого в своих формах явления народной культуры, как части поликодовой (семиотической) – графической – системы общения. В городском ландшафте Уфы представлены практически все типы граффити, выделяемые в разных источниках: граффити-автографы, граффити-лозунги, граффити-латриналии (надписи в общественных туалетах), ученические граффити и пр., при этом значительная его часть воспроизводит традиционные тексты и/или строится на типичных приёмах и технологиях, характерных для той группы, к которой принадлежит автор, или в целом для современной граффитийной культуры. Текстам граффити присуща формульность для востребованного периода, устойчивость, поэтому пишущие на стенах являются носителями некоего поведенческого стереотипа, которо-

му следуют определённые социальные, профессиональные, половозрастные, территориальные, субкультурные группы. Коммуникативная сущность граффити проявляется на разных уровнях: они чаще представляют скрытую форму диалога, своеобразную переписку; сам факт начертания тоже воспринимается как акт коммуникации, так как всякое изображение интерпретируется как провоцирующая ответ реплика, а совокупность городских плоскостей (стены зданий, доски для объявлений, афиши) превращается в сплошное эпистолярное пространство. Язык граффити стремится стать «средством конструирования определенной социокультурной реальности – психосемиотической системы», универсальным кодом городской коммуникации [Искужина, Салихова, 2013, с. 185].

Такие подсистемы городской речи, как простречие и жаргоны, во взаимодействии находят отражение в бытовой разговорной речи, лексическое ядро которой составляют общеупотребительные слова и выражения, собственно разговорная лексика. Указанные формы общенационального языка, активно функционирующие в Уфе, отличаются спецификой их проявления на различных языковых уровнях: например, в речи русских жителей присутствуют различного рода заимствования из тюркских языков (регионализмы) и – реже – из языков иных этносов. Результаты наших наблюдений подтверждают положение о том, что именно в условиях городской среды происходит обновление грамматических норм и обогащение лексики не-русского языка (условия села благоприятствуют локализации и консервации различных его диалектов [Искужина, 2014]). Именно город и формируемый им образ жизни выступают факторами генезиса и распространения литературного языка. Эта закономерность может проецироваться на развитие языка всякой городской этнической общности. Владение языками представляет собой один из видов речевой деятельности, потому урбанизационные процессы, в которые в силу объективных причин вовлечены горожане, способствуют распространению РЯз и, наоборот, сокращают зоны применения национального языка.

Одной из причин доминирования РЯз и преобладания двуязычия в Уфе и в других городах РБ является специфика расселения жителей, поскольку в современном крупном промышленном и культурном центре отсутствуют компактно проживающие моноэтнические общности, а население отдельных микрорайонов, улиц – смешанное. При этом отмечается и обратно-пропорциональная зависимость увеличения употребляемости РЯз в зависимости от возраста: чем моложе человек, тем шире в обиходной жизни используется этот язык. Оговоримся попутно, что двуязычие как осознанное овладение языком партнёра по работе, принадлежащего к иному этносу, с целью предотвращения возможных лингвотрудовых конфликтов пока не получило сколько-нибудь массового распространения.

Резюмируя описанное, отметим, что язык современного башкортостанского города представляет собой лингвистический феномен, характеризующийся противоречивостью составляющих его компонентов: своеобразного сочетания форм русской и не-русской устной и письменной речи, находящихся в неоднозначных отношениях как с кодифицированной формой языка, так и с его различными вариантами – диалектами, идиолектами, этнолектами. Исследования гетерогенного языкового пространства города свидетельствуют о его социализационной роли в жизни горожанина, способствующей усвоению социальных норм речевого поведения, обеспечивающей информирование жителей о социальной дифференциации, о субкультурах, к которым можно примкнуть. Подобные городские «локальные ниши», различные по территориально-ландшафтным, культурным, социально-экономическим характеристикам, становятся «точками отсчёта жизненного пространства, они задают своеобразную систему координат – среды, которую горожане наполняют разной деятельностью, в том числе речевой, в которой мозаично складывается жизнь города» [Салихова, Искужина, 2013, с. 186]. При этом речевое поведение индивида в микросоциуме, отображаемое в идиолектах, посредством социолектов отображает формы и характер речевого общения макросоциума, определяемого как «языковой облик» города. Лингвистические параметры городской «системы координат» задают языковой конгломерат сосуществующих и активно функционирующих разноуровневых форм РЯз и не-русского языков.

Городское лингвосомиотическое пространство мыслится нами как лингвокультурное поле, в котором протекает бытие человека, являющегося аккумулятором памяти, ценностных ориентаций, знаков, символов, смыслов, текстов. Солидарны с мнением о том, что город, рассмотренный в междисциплинарной плоскости, представляет собой «семиотический комплекс, отражающий всю совокупность культурных и цивилизационных смыслов эпохи» (цит. по: [Полифония городских пространств..., 2014, с. 18–19]).

Библиографический список

1. Аюпова, Л. Л. Языковая ситуация: социолингвистический аспект / Л. Л. Аюпова. – Уфа, 2000.
2. Искужина, Н. Г. Гетерогенное языковое пространство города: специфика речевого контактирования / Н. Г. Искужина, Э. А. Салихова // Филологические науки: Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2013. – № 3 (Ч. 2). – С. 181–186.
3. Искужина, Н. Г. Двухязычие в городах Республики Башкортостан: монография / Н. Г. Искужина. – Уфа, 2014.
4. Китайгородская, М. В. Языковое существование современного горожанина. На материале языка Москвы / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. – М. : Языки славянской культуры, 2010. – 528 с.

5. Национальный состав населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 года: статистический бюллетень. – Уфа : Башкортостанстат, 2012. – 58 с.

6. Полифония городских пространств: Интернациональный научно-исследовательский альманах. Обзоры и концепция : в 2 т. – Самара : Медиа-книга, 2014. – Т. 1. – 152 с.

7. Салихова, Э. А. Рецензия на монографию Исмагиловой Н. В. Язык города Уфы: функционирование различных подсистем русского языка в условиях дву- и многоязычия / Э. А. Салихова // Вестник ВЭГУ. – Уфа : Восточный университет, 2011. – № 2 (52). – С. 167–169. Сер.: Филология.

8. Салихова, Э. А. Двужычие и триязычие как социопсихолингвистические факторы лингвокультурной интеграции этносов Башкортостана / Э. А. Салихова // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2015. – № 1 (62). – С. 52–56.

9. Шарифуллин, Б. Я. Язык современного сибирского города / Б. Я. Шарифуллин // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. – Красноярск, 1997. – Вып. 5. – С. 8–26.

10. Ярмухаметова, Л. Ф. Полифония речевой жизни города: описание отдельных фрагментов на примерах ситуации «транспорт» / Л. Ф. Ярмухаметова // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : материалы Междунар. науч. конф. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2016. – С. 344–348.

11. Ярмухаметова, Л. Ф. Монологические жанры в изучении языка современного города (на примере надписей в маршрутных автобусах г. Уфы) / Л. Ф. Ярмухаметова, Э. А. Салихова // Перспективы науки – 2015. – Казань : Рокета Союз, 2015. – С. 184–189.

В. Ф. Казьмина
(г. Пенза, Россия)

СЕМАНТИКА НОМИНАТИВНЫХ ЕДИНИЦ ТЕМАТИЧЕСКИХ ГРУПП «ЧЕЛОВЕК», «ВРЕМЯ», «ПРИРОДА» В ЛЕКСИКЕ ПЕНЗЕНСКИХ ХУДОЖНИКОВ

До настоящего времени, пожалуй, наиболее дискуссионной и не исследованной в полной мере остается природа языковой и речевой оценочности, её разновидности, закономерности проявления в языке. Оценочность пронизывает язык как систему на всех его уровнях, но в большей степени проявляется на лексико-семантическом уровне. Оценочность понимается как один из видов модальности. По мнению Телии В. Н., экспрессивы имеют двухмодальное значение: первое – собственно оценочное – характеризующее предмет номинации (денотат), второе – эмотивно-оценочное, мотивированное «переживанием» (человеком) того образа, который представлен внутренней формой слова, или эмоциональной реакцией говорящего на необычное означающее [Телия, 1986, с. 25].

Под оценочностью понимается также и заложенная в слове положительная или отрицательная характеристика человека, предмета или явления. Наличие «плюса» или «минуса» в значении слова – важнейший её показатель. Оценочность может быть как имплицитной, то есть заложенной в одну из его сем, так и эксплицитной, присущей не конкретному слову, а его дискурсивному употреблению. В данной работе мы рассмотрим, как проявляется оценочность в артионимах – «именах собственных (названиях) произведений изобразительного искусства (живописи, графики, пластики)» [Подольская, 1978, с. 38].

Материалом для нашего исследования послужили наименования произведений пензенских художников, являющихся экспонатами выставки, посвящённой 75-летию юбилею Союза; выставки «Мысли и сказки», посвящённой десятилетию дизайна костюма в Пензе; выставки пензенской художницы Л. Д. Кузнецовой; выставки, посвящённой 70-летию со дня рождения В. И. Буяльского; выставки «Художники Пензы. Традиции и современность», посвящённой 125-летию Пензенской картинной галереи им. К. А. Савицкого. Всего было проанализировано более 1000 единиц наименований произведений живописи и графики, скульптуры, стекла. Из них для данного исследования было отобрано 446 артионимов. Артионим, как и всякий идеоним, обладает большим потенциалом в выражении оценки, эмоции.

Тематические группы «Человек», «Время», «Природа» были выбраны нами из-за их многочисленности и большого потенциала в выражении положительной / отрицательной коннотации, чувств и эмоций.

Группа «Человек» составляет 46 % от общего количества проанализированного материала. В рамках нашего исследования мы исключаем из группы «Человек» наименования мифических существ, персонажей фольклора, божеств. Мы рассматриваем артионимы, называющие реально существовавших личностей, а также случаи, когда человек выполняет в произведении искусства роль символа, образа.

Человек является самой частой темой сюжетов произведений искусства пензенских художников. В их работах человек предстаёт и как конкретная личность, и как собирательный образ, и как некий символ, выражающий собой мысль автора. Концепт «человек» является самым многочисленным из всех представленных, поскольку авторы, являясь одновременно и носителями данного концепта, неоднократно обращаются к нему в своем творчестве: «*Черчилль*» (Зейналов И. Г.), «*Граф Егор Петрович Толстой*» (Косырев А. Н.), «*Дачница*» (Кузнецов В. Ю.).

В качестве случаев употребления особой семантики в артионимах тематической группы «Человек» следует отметить:

1) использование слов с положительной и отрицательной коннотацией: «*Красавица*» (Жаров Д. В.), «*Портрет молодой дамы*» (Горюшкин-Сорокопудов И. С.), «*Грустный старик*» (Коробков Д. В.), «*Выздоравливающая*» (Савицкий К. А.);

2) использование уменьшительно-ласкательной и пренебрежительной формы: «Вовка» (Буяльский В. И.), «Петенька» (Трошкина О.), «Мужичок с гармошкой», «Пастушок» (Коробков Д. В.). Таким образом автор выражает своё отношение к денотату;

3) использование в артионимах социально направленной лексики, придающей другим словам особый оттенок значения: «Дети Донбасса» (Акжигитов И. К.);

4) использование пунктуационных знаков для передачи основной эмоции: «Неужели не я...» (Белозерова Т. А.), «Он!» (Зейналов И. Г.).

Кроме перечисленных особенностей, можно отметить использование лексики высокого стиля. Сравни: «Мать и дитя» (Буяльский В. И.), «Мать с ребёнком» (Горюшкин-Сорокопудов И. С.). Также нами был отмечен случай субстантивации цветообозначения при наименовании предмета одежды: «Портрет женщины в синем» (Вахрамеев А. И.).

Группа «Время» составляет 28% от общего количества проанализированного материала. В тематическую группу «Время» мы включаем обозначения времени суток, года, названия месяцев. Следует заметить, что концепт «время» в русской языковой картине мира тесно связан с концептом «природа», в связи с чем возникают проблемы в отнесении артионима к одному из концептов, поскольку он часто содержит лексику, относящуюся к обоим концептам: «Солнце – на лето, зима – на мороз» (Горюшкин-Сорокопудов И. С.). Поэтому в некоторых случаях отнесение артионима к одному из этих концептов следует считать условным.

Концепт «время» в русской языковой картине мира является полицентричным и, в зависимости от культурных потребностей этноса, может приобретать различные смысловые значения: часть дня, недели, года; эпоха, период в жизни человечества; определенный, известный момент и др.

Артионимы данной группы несут в себе, в основном, положительную коннотацию: «Вечерние лучи» (Вилков А. В.), «Летний день» (Гололобов Е. В.), «Солнечный денёк» (Калинина М.), «Вечерний плеск волны» (Кузнецова Л. Д.). Передать положительную коннотацию помогают цветообозначения: «Сиреневый март» (Кузнецова Л. Д.), «Золотая осень» (Седлецкий В. И.), «Сиреневое утро» (Каменев А. В.). В данных случаях цветообозначение выражает основной цвет окружающего человека пространства (часто цвет листвы, неба). Нужно заметить, что в данной тематической группе положительная коннотация часто не имеет особого способа выражения. Установить, что коннотация всё же положительная, нам помогает ассоциативный ряд, возникающий на основе данных артионимов.

Нами был отмечен случай использования обозначения звука, как положительной коннотации: «Звонкий март» (Кузнецова Л. Д.). Пере-

нос значения звука на значение качества здесь произошло за счёт изначальной положительной коннотации слова «звонкий» (звучный; громкий; с ясным, металлического тембра звучанием).

Отрицательную коннотацию в себе несёт лексика, обозначающая неблагоприятные погодные условия. Однако даже в случае употребления такой лексики нельзя утверждать, что она несёт отрицательное значение, поскольку это зависит лишь от того, какую коннотацию вкладывал в эту лексику автор: *«Дождливая осень»* (Чагорова Т. Г.).

В качестве семантических особенностей артионимов тематической группы «Время» следует отметить:

1) использование олицетворений: *«И скоро ночь накроет покрывалом»* (Жаров Д. В.);

2) использование метафор: *«Мелодии осени»* (Вилков А. В.), *«Дыхание зимы»* (Косырева И. Ф.). В данном случае мы наблюдаем перенос семантики одного предмета на другой, что ведёт к расширению семантического объема слова.

Группа «Природа» составляет 25 % от общего количества проанализированного материала. Человек относится к природе как к некой творящей и руководящей силе, близкой ему по духу, но более мудрой и стоящей выше него. Данный концепт является сложным и многокомпонентным. В нашей работе мы относим к данной тематической группе все работы в жанре «пейзаж», а также обозначения растений (за исключением натюрмортов), диких животных, природных явлений.

В основном лексика данной тематической группы несёт в себе положительную коннотацию: *«Старые тополя»* (Карпов Г. Т.), *«Свежий ветер»*, *«Солнечные долины»* (Жаров Д. В.).

В качестве основных семантических особенностей лексики тематической группы «Природа» следует отметить:

1) использование метафор: *«Золото берёз»* (Сысоев Д. Л.), *«Шёлковый берег»* (Васина Г. Г.);

2) использование слов с ярко выраженной положительной коннотацией с оттенком метафоричности: *«Лазурный берег»* (Коробков Д. В.), *«Манящий шум океана»* (Каменев А. В.).

Описаниям природы свойственна выразительность и метафоричность. Отрицательная коннотация в данном случае требует дополнительных доказательств, поскольку автор чаще всего стремится изобразить именно красоту природы. Эта тенденция и прослеживается в артионимах тематической группы «Природа».

Кроме семантических особенностей описанных тематических групп, нами были отмечены некоторые случаи употребления слов с подобными отличительными чертами семантики в артионимах других тематических групп.

К основным особенностям отобранного материала относятся:

1) использование цветообозначений как единственного компонента артионима: «*Жёлтое и голубое*» (Буяльский В. И.), «*Красное и чёрное*» (Уваров С. А.), «*Чёрный, красный, белый*» (Цаплин П. А.). Чаще всего такое наименование произведения искусства предполагает, что работа выполнена в стиле абстракционизма, т.е. цветообозначение вызывает свободный ряд ассоциаций, основанных на его прямом значении;

2) использование лексики с положительной коннотацией: «*Прекрасные создания*» (Кармишина А.), «*Уютный дворик*» (Коробков Д. В.);

3) использование лексики, выражающей эмотивную составляющую: «*Любимая рыбка*» (Кузнецова В. Ю.);

4) использование уменьшительно-ласкательной формы для передачи положительной коннотации: «*Банька и стожок*» (Вилкова Е.), «*Костерок*» (Головченко А.), «*Натюрморт с лошадкой*», «*Рябинка*» (Кузнецова Л. Д.);

5) использование лексики с метафорическим значением: «*Сияющая тишина*» (Каменев А. В.), «*Рябиновая прелюдия*» (Кузнецова Л. Д.), «*Море любви*» (Чагорова Т. Г.);

6) использование лексики высокого стиля, для передачи соответствующей семантики: «*Золотые врата*» (Мхейн Д.);

7) использование лексики с отрицательной коннотацией: «*Дурное влияние Запада*» (Каланин Д. С.), «*Грустный праздник*» (Кузнецова Л. Д.), «*Брошенный дом*» (Уваров С. А.);

8) переход имён собственных в собирательные имена нарицательные: «*Бурёнки*» (Жаров Д. В.). При этом слово входит в семантическое поле, обозначающее тот же предмет. В данном случае – «корова».

Артионимы содержат в себе большой эстетический потенциал, что делает их культурным феноменом. Цель артионима – передача чувственной и эмоциональной информации, заключённой в произведении искусства. Однако они несут в себе и оценочную характеристику денотата. Передача положительной и отрицательной коннотации средствами языка в артионимах разнообразна и не ограничена никакими рамками.

Библиографический список

1. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М., 1978.
2. Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – М., 1986.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ГОДОНИМИИ ПОВОЛЖЬЯ

Годонимы являются важной частью лексической системы языка и содержат в себе информационный потенциал, представляющий интерес для лингвистов, историков и этнографов. Под годонимом в современной ономастической литературе понимают «название линейного объекта в городе, в том числе проспекта, улицы, линии, переулка, проезда, бульвара, набережной» [Подольская, 1978, с. 50–51].

Стоит отметить, что у каждой эпохи были своя идеология, свои политические приоритеты. При смене общественных ценностей менялось и название улиц, проспектов, бульваров. В советскую эпоху многие улицы Поволжья были названы в честь революционеров, всё это было частью советской пропаганды.

Современная номенклатура улиц Поволжья характеризуется увеличением числа нейтральных названий. Наблюдается стремление перейти от описания к характеристике. Например, в Липецке есть совсем «юные» улицы *Красивая*, *Сиреневая*, переулки *Туманный*, *Ландшафтный*, *Живописный* и другие. В Ульяновске мы можем встретить такие улицы, как *Каштановая*, *Утренняя*, *Радужная*; в Саратове – *Цветочная*, улица *Белых Рос*, улица *Черничная*. Подобные названия очень распространены в городах Поволжья. Так, во время проведения конкурса на лучшее наименование для нового бульвара г. Чебоксары горожане предлагали следующие варианты: бульвар *Голубых горизонтов*, *Влюбленных*, *Солнечный*, *Наших надежд*, *Чудес* и др.

Наш город эта тенденция не обошла стороной. В Пензе в микрорайоне город Спутник появились улицы с подобными названиями: *Звездная*, *Радужная*, *Семейная* и др.

Особого внимания заслуживает улица *Хорошая*, находящаяся в Пензе. На наш взгляд, такое название не совсем уместно, ведь в таком случае, можно подумать, что остальные улицы плохие.

Безусловно, эти названия благозвучны, приятны и удобны для функционирования. Вместе с тем, несоответствие объекта с самим названием может привести к его ироническому восприятию и породить противоположное по смыслу «народное» название.

Принцип номинации от антропонима, преобладавший в советскую эпоху и не потерявший своей актуальности в современный период, всё же отодвигается на второй план, хотя меморативы и не перестают существовать. Многие улицы по-прежнему носят имена героев прошлого или современной нам эпохи. Например, в Чебоксарах одна из новых улиц будет названа в честь чувашского композитора Анисима Асламаса. В Пензе новая улица носит имя Героя РФ Александра Сер-

геева. В Самаре появятся улицы, названные в честь самарских митрополитов Иоана Снычева и Мануила Лемешевского. В Волгограде две новые улицы будут названы именами Героев Советского Союза, участников Сталинградской битвы Джабраила Картоева и Японца Абадиева.

Проблема иного плана возникла в городе Чебоксары, когда несколько блогеров заявили в социальной сети о том, что в городе скоро появятся улицы, названные в честь зарубежных музыкантов Элтона Джона и Фредди Меркури. В Интернете тут же возникло оживленное обсуждение этого вопроса, большинство жителей Чувашии высказались против этого, считая, что данные личности, несмотря на свою известность, никакого отношения ни к городу, ни к республике не имеют. Это и было целью блогеров, которые хотели привлечь внимание жителей Чебоксар к проблеме наименований улиц.

Наряду с нейтральными, отантропонимическими, названиями с положительной семантикой, также используются названия, содержащие указание на ту или иную профессию, социальный статус человека: *проспект Строителей* в Пензе, *Студенческая улица* в Саранске, *площадь Речников* и *бульвар Президентский* в Чебоксарах.

Совсем небольшое количество новых улиц Поволжья связано с именами политических деятелей. Например, *улица Николая Панова* в Самаре, *улица Баныкина* в Тольятти, *проспект Нариманова* в Ульяновске. В Саранске сейчас свои предложения по поводу отказа от названий, связанных с политикой, готовит департамент перспективного развития. Вопрос будет вынесен на публичные слушания, а окончательные варианты названий улиц утвердят депутаты Саранского городского совета.

В республике Чувашия у любителей национального колорита появилась мысль о том, что названия улиц украсят слова из чувашского языка: "Юрату (Любовь)", "Щута (Светлая)", "Хевелле (Солнечная)", "Щамраклах (Молодежная)". Правда, далеко не все жители столицы знают чувашский язык, необходимо помнить и о гостях республики, которым тяжело будет ориентироваться в национальных названиях.

В целях сохранения культурной ценности улиц появилась идея добавлять к названию таблички с историей её происхождения. В некоторых городах, например, в Кирове, на нескольких улицах, которым вернули старые названия, появились таблички с краткой историей. Например, на *улице Большевиков* существует следующая надпись: «Казанская улица до 1928 года. Впервые появилась на плане г. Вятки в 1784. Одна из главных улиц города. Вела к Александро-Невскому собору и далее на Казанский тракт». В некоторых городах появилась тенденция «двойного» названия улиц. Одно название – то, которое было до революции, другое – современное. Например, в г. Елец (Липецкой области) появилась следующая табличка: *улица Торговая бывшая улица Мира*.

В некоторых городах улицы имеют названия-двойники: либо они названы абсолютно одинаково, либо к ним прибавляется номер, связанный с порядком их обозначения. Такая тенденция замечена в Астрахани. Улица *Авиаторная* получила своё название в 2001 г., после этого ещё две улицы получили такое же название, но уже с номерами 1 и 2.

В последнее время участилась тенденция переименовывать улицы, но это возмутило, в основном, пожилых людей. Поэтому в некоторых городах объявили мораторий на переименования до 2016 г. В Кирове и Ульяновске, где уже идёт переименование улиц, люди выступают за двойные названия.

Таким образом, можно отметить следующие тенденции в годонимии Поволжья:

- увеличение улиц с нейтральными названиями или с ярко выраженной положительной окраской;
- сокращение количества меморативов;
- появление названий, содержащих указания на ту или иную профессию, социальный статус;
- отказ от названий, связанных с политикой;
- использование двойных названий улиц;
- стремление к переименованию улиц.

Названия улиц, возникшие и возникающие в разные периоды исторического развития, являются неотъемлемой составляющей общенационального языкового и культурно-исторического пространства. Исследование годонимов региона позволяет выявить общие тенденции в наименовании улиц, свойственные всем населённым пунктам, а также определить их отличительные черты.

Библиографический список

1. В Ульяновске появились новые улицы // ulnovosti.ru: Ежедневные новости Ульяновска. – URL: http://ulnovosti.ru/content/6/V_Ulyanovske_royavilis_novye_ulicy/ (дата обращения: 04.04.2017).
2. Иванов, А. Жители Чувашии спорят о названиях улиц с чиновниками и между собой // pravdapfo.ru: Новые улицы в Чебоксарах. – URL: <http://pravdapfo.ru/articles/ladykov-vernul-razrushennoe-selo-sirotkinu-i-ostalsyas-lumumboy/> (дата обращения: 04.04.2017).
3. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М., 1978.

Ф. И. БУСЛАЕВ И ПЕНЗЕНСКИЙ КРАЙ

Фёдор Иванович Буслаев (1818–1897) – знаменитый исследователь русского языка, устной поэзии, старой письменности и древнерусского искусства. Место его рождения – г. Керенск Пензенской губернии, где его отец служил в земском суде.

До пяти лет жил в Керенске, а после смерти отца переезжает с матерью в Пензу. В 1833 г. заканчивает Пензенскую гимназию, летом 1834 поступает в Московский университет. В 1838 Фёдор Иванович окончил словесный факультет того же университета; с 1847 стал читать лекции в том же учебном заведении – сначала в качестве стороннего преподавателя, потом адъюнкта, т.е. помощника профессора (1848) и наконец ординарного профессора (1861–1881). Имел звание ординарного академика Российской Академии Наук (с 1881).

В 40-х гг. XIX в. вышли две работы Буслаева: «О преподавании отечественного языкознания» (1844) и «О влиянии христианства на славянский язык» (1848). В этих работах впервые были применены к русскому и славянскому языкам принципы и приёмы сравнительного языкознания, выработанные на Западе гриммовской школой.

Названные лингвистические и филологические работы Ф. И. Буслаева нашли непосредственное отражение в изданных им для школы учебных руководствах: «Учебнике русской грамматики, сближенной с церковно-славянской» (1869) и «Русской хрестоматии» (1870). Важнейшие исследования учёного в области устной поэзии и древнерусской письменности собраны в сборниках: «Исторические очерки русской народной словесности и искусства», «Народная поэзия» (1887) и «Мои досуги» (1886).

Знакомясь с книгой Ф. И. Буслаева «Мои воспоминания», мы отметили, что он с большим теплом вспоминает о своей малой родине – Пензенском крае.

В 1823 г. отец Фёдора умирает. Мать будущего учёного уже не могла вернуться в Керенск, «...где была она так счастлива с своим мужем, и с тех пор навсегда водворилась в Пензе, в которой прежде не бывала ни разу» [Буслаев, 1897, с. 15].

Вскоре мать будущего учёного покупает дом, «...на высоком, крутом берегу Пензы, в гористой местности, на вершине которой расстилается городская площадь с собором, с присутственными местами, с гимназиею, с семинариею, дворянским собранием и театром, а также с казёнными зданиями для губернатора и архиерея. За площадью через несколько домов поднималась широким гребнем старая берёзовая роща» [Буслаев, 1897, с. 15]. Рядом с домом находилась церковь Бого-

любской Божией Матери с кладбищем, на котором был похоронен отец Ф. И. Буслаева.

Крутой берег, на котором стоял их дом, справа шёл к городской площади. Недалеко от дома был перекинут мост через реку прямо к приходской церкви Казанской Божией Матери. С этого времени малой родиной Ф. И. Буслаева становится Пенза.

Огромной любовью наполнены воспоминания академика о его родном доме. Он с нежностью описывает состояние своей небольшой усадьбы, пейзаж из окон, обстановку. Особенно ему запомнилось угольное окно в гостиной: «Подолгу сживали мы у него с матушкой друг против друга. Она поверяла мне свои заботы и планы, свои надежды и опасения, свои горькие печали и немногие радости, которые редко выпадали на её долю после того, как она лишилась моего отца» [Буслаев, 1897, с. 19].

Летом 1825 г. через Пензу проезжал император Александр Павлович. Встреча должна была проходить в соборе. На площади толпилась огромное количество людей, среди них находился и будущий учёный с матушкой. Со стороны южных ворот должен был появиться государь.

Есть ещё одно воспоминание, связанное с государем: «В том же году зимою мы были с матушкой свидетелями другой церемонии, которая своей мрачной безотрадностью составляла резкий контраст с этим светлым торжеством. Дело было ночью. На площади того же собора, только с северной стороны, а не с южной, тоже собрался народ... При свете луны на белом снегу и у белой стены собора поднималась громадная чёрная колесница без лошадей, под чёрным же балдахином: на колеснице стоял саркофаг, в саркофаге был гроб, а в гробу – усопший император Александр Павлович. Вот как он возвращался с далёкого юга в свою северную столицу через Пензу, где недавно встречали его в радостном ликовании» [Буслаев, 1897, с. 21].

В 1828 г. Фёдор Буслаев поступает в Пензенскую гимназию, где два года оставался в первом классе. Учебное заведение находилось недалеко от дома будущего академика, поэтому он добирался до него пешком. Это каменное двухэтажное здание стояло на углу городской площади и Троицкой улицы напротив семинарии. По воспоминаниям юного гимназиста, вход в это учебное заведение был посреди фасада, обращённого на площадь.

Система гимназического обучения согласовалась с продолжительностью двухчасового урока. Учителю предоставлялось очень подробно и не торопясь излагать содержание каждого параграфа и заставлять учеников по нескольку раз пересказывать это изложение, так что ученики были готовы к следующему занятию. Учёный с гордостью и любовью вспоминает своих учителей и их уроки. Вот как он отразил это в своей книге: «Очень хорошо помню, что мне никогда не прихо-

дилось дома готовиться к урокам алгебры и геометрии, и я был из лучших учеников у Василия Филипповича Меркушова. Какой-то учебник логики и риторика Кошанского были у нас в руках только во время класса, и мы шутя заучивали всё, что было нам надобно...» [Буслаев, 1897, с. 22].

Двухчасовой урок давал много простора практическим упражнениям. Поэтому Ф. И. Буслаев со своими товарищами рос образованным. Он знал четыре языка: французский, немецкий, латинский и греческий. Также в академии преподавали историю и словесность. Русскую словесность преподавали в гимназии В. Г. Белинский и Н. П. Евтропов. Позднее в одном из писем Ф. И. Буслаев писал: «В Пензенской гимназии под руководством Белинского и Евтропова я впервые узнал и полюбил русскую словесность». На этих уроках Н. П. Евтропов читал с гимназистами сам или заставлял их читать произведения писателей, таких как Ломоносов, Державин, Фонвизин, Батюшков, Жуковский и Пушкин.

Для выработки устной и письменной речи гимназистов заставляли много писать. Книги тогда были редкостью, их было очень мало. Мы выяснили, что книжной лавки в тот период в Пензе не было, а когда у кого-то появлялись книги, их переписывали от руки. Таким образом, у каждого из гимназистов была своя рукописная библиотека.

С особым восторгом автор вспоминает кулачные бои, происходившие в Пензе, «...которые по зимам в праздники затевались у слободских мужиков на ледяной поверхности реки Пензы. Мы всегда присутствовали на этих доморощенных турнирах и восхищались молодечеством удалых бойцов; но особенно интересовали нас ряды храбрых мальчишек, которые с криком и гамом геройски предшествовали каждой из двух вступающих в бой армий [Буслаев, 1897, с. 27].

Особенно ярким пятном в памяти Ф. И. Буслаева осталась берёзовая роща, или «гулянье». Она находилась недалеко от гимназии, поэтому огромное количество времени будущий учёный со своими друзьями проводил именно в ней: «В течение всего гимназического курса роща эта была немою свидетельницей нашего постепенного физического и нравственного развития и усовершенствования, начиная от детских шалостей и буйных забав мальчишества до благодетельной чинности добропорядочного юношества, которое и в весёлых досугах знает цену времени и умеет соединять приятное с полезным» [Буслаев, 1897, с. 30].

Последним годом пребывания Ф. И. Буслаева в Пензе был год его подготовки к поступлению в Московский университет. Пробудившуюся уже в гимназии склонность юноши к литературе заметила мать, она настояла на том, чтобы Фёдор поступал на словесное отделение философского факультета, хотя после окончания гимназии он собирался стать врачом, чтобы обеспечить безбедное существование родным.

Ему нужен был греческий язык, который в Пензенской гимназии не преподавался. В изучении греческого языка Буслаеву помогал Д. О. Львов. Впоследствии Ф. И. Буслаев с огромной благодарностью отзывался о всех учителях, которые преподавали в гимназии.

Последний раз Ф. И. Буслаев был в Пензе в 1836 г., по случаю смерти матери. На протяжении своей жизни он ни разу не посетил ни Керенск, ни Пензу. Однако малая родина навсегда осталась в сердце академика.

В 2018 г. исполнится 200 лет со дня рождения Ф. И. Буслаева. Так как же связаны Пензенский край и великий исследователь русского языка?

Именно отсюда, с пензенской земли, начался путь юного Буслаева во взрослую жизнь и большую науку. Позже Ф. И. Буслаев напишет проникновенные строки благодарности своей малой родине: «Я постоянно питал в себе и личные чувства привязанности и любви к тому маленькому уголку нашего великого отечества, где я родился и где получил первые начала образования. Там, в Керенске и Пензе, всегда были для меня моя собственная личная и семейная старина, там были дорогие предания ранних годов моей юности...»

Пензенский край чтит своего выдающегося земляка, внёсшего особый вклад в историю и культуру всей России.

В Керенске (ныне Вадинск), где он жил до пяти лет, в его честь названа улица. На здании Вадинской средней школы установлена мемориальная доска. В школьном музее есть экспозиция, посвящённая Ф. И. Буслаеву. В Пензе есть улица, названная в честь великого филолога, установлена мемориальная доска на здании Литературного музея.

Библиографический список

1. Буслаев, Ф. И. Мои воспоминания / Ф. И. Буслаев. – М., 1897.

М. Г. Луннова
(г. Пенза, Россия)

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ г. ПЕНЗЫ

Современная языковая ситуация характеризуется стремлением к использованию игры и игровых приёмов практически во всех сферах словесности. В рекламе это выражается в использовании приёмов языковой игры при создании слоганов.

Термин «языковая игра» стал одним из наиболее популярных терминов в отечественном языкознании конца XX – начала XXI в. В настоящее время языковой игрой называют широкий круг явлений,

имеющих место в разговорной речи, публицистике, художественной литературе, языке газет и непосредственно в рекламе. Принято считать, что впервые термин «языковая игра» употребил Л. Витгенштейн, который связывал с данным понятием применение языка в различных сферах общения и возможность реализации языком коммуникативной, экспрессивной, аппелятивной функций [Витгенштейн, 1994, с. 90].

Жизнь в XXI в. невозможно представить без рекламы. Язык рекламы мгновенно реагирует на появление новых идей и событий, а изменения в любой жизненной сфере неизбежно отражаются в рекламных текстах.

В условиях жёсткой конкуренции слоган компании является хорошей возможностью для привлечения внимания потенциального покупателя, стимулирования покупки товара или услуги, поскольку передаёт в яркой, образной форме основную идею рекламной кампании, придаёт цельность рекламным мероприятиям.

Актуальность выбранной темы определяется, во-первых, ростом рекламного бизнеса в Пензе и необходимостью осмысления рекламных имён, слоганов и текстов, а во-вторых, тем фактом, что приметой такого рода текстов в рекламном пространстве г. Пензы являются новообразования, созданные нетиповыми способами с нарушением языковых стандартов, поэтому существует необходимость их оценки и анализа.

Объектом исследования данной работы послужили 200 текстов наружной рекламы, печатной и телевизионной рекламы, функционирующей в масс-медийном пространстве г. Пензы.

Предметом исследования являются различные приёмы и особенности языковой игры в рекламных текстах.

При создании рекламных слоганов используются игровые приёмы на разных языковых уровнях:

– фонетические: 1) рифма: *первое, что приходит на УМ, – ЦУМ!* (реклама торгового центра «ЦУМ»); 2) намеренное изменение дикции: *Берегите жубы ж дештва!* (реклама стоматологической клиники);

– морфологические: *«космос – ТВ больше, чем ТВ»*; *«Ягоднее ягод»* («Сагу» с ароматом ягод); *шаурма – это 100 %*;

– синтаксические: *Загляни!* (реклама магазинов сотовой связи «Связной»); *Суетитесь при выборе подарка? Приходите к нам!* (магазин сувениров «Fusion Style»).

Чтобы добиться необходимого эффекта, создатели рекламных текстов используют разнообразные стилистические фигуры, а именно:

– анафору: *универсальное чудо – товар для вашего сада и огорода. Чудо-лопата, чудо-секатор, чудо-грабли* (магазин для садоводов в Пензе);

– аллитерацию: *Первое, что приходит на УМ, – ЦУМ!* (реклама торгового центра «ЦУМ»); *Будьте бдительны, водители, Почти все из вас родители* (ГИБДД);

– паронимическую аттракцию: *ВІМАХ – максимум чистоты* (реклама стирального порошка «ВІМАХ»); *Билайн. Бесплатно – все входящие с мобильных* (реклама компании «Билайн»);

– синтаксический параллелизм: *Для кого-то спорт – это бизнес... для нас бизнес – это спорт* (реклама автомобиля «Honda»);

– риторический вопрос: *У вас есть мечта? Мы её реализуем* (салон меха «Элина»);

– и другие средства выразительности языка.

На фонетическом уровне создатели рекламных текстов чаще всего применяют различные звуковые повторы, например: *объешься, обопьешься, обмычишься!* (Бар «Бешеная корова»).

Под графической игрой в рекламных текстах города Пензы мы понимаем такое использование разнообразных средств параграфемии: шрифтового выделения, варьирование шрифтов, символов, скобок, кавычек и др. В пензенской рекламе приём *графической игры* на сегодняшний день можно считать уже устоявшимся явлением. Наиболее часто встречаемый приём графической игры в пензенской рекламе – капитализация. Под этим приёмом понимается выделение части слова – сегмента – большими буквами. Чаще всего графическое выделение используется с целью псевдомотивации, когда формируется новый контекст для существующего слова, создаются новые связи между словами. Псевдомотивированные новообразования более экспрессивны, ярче выражают индивидуальное начало. Пример из рекламы сети садовогородных магазинов «Наша дача»: *уДАЧное время. Открываем новый садовый сезон*. Слово «уДАЧное» в данном примере включает в себе сразу два значения, это слово – «матрёшка». Покупатель, увидев, такую рекламу выявит такой смысл из данного образования: «удачное время для дачи». Таким образом, рекламодатели экономят рекламного пространство, из ключевого слова – рекламируемого понятия – извлекается дополнительный, как бы незапланированный смысл.

В основе морфологических трансформаций лежит использование слова в другой, чуждой ему морфологической категории. Внешне эта игра напоминает имитацию нелитературной речи, противостоящей языковым нормам. Но по своему содержанию необычная для слова грамматика развивает в обращении и новые содержательно-эмоциональные эффекты. Например: *«Больше, чем деньги. Лучшие, чем деньги»* (реклама кредитных карточек); *«Больше, чем подарок»* (конфеты «Комплимент»); *«Лимоннее лимонов»* (средство для мытья посуды «Faigu» с лимоном). Авторы рекламных текстов нередко нарушают сочетаемость слов в поисках неожиданных образов экспрессии [Петрушко, 1999].

Немаловажное значение имеет и морфологическая игра с категорией рода: *«Смотря, какой кофе... Иногда согласишься ... ОНО. А иногда... ОН»*. В данном тексте подчёркивается качество рекламируемого кофе.

Таким образом, морфологические игры активно участвуют в создании игрового рекламного текста и в немалой степени способствуют его результативности.

Одним из действенных приёмов синтаксической игры – это использование побудительных предложений: *Включите свет!* (реклама электрооборудования); *Зарядись по полной!* (реклама зарядного устройства); *Мечтай! Отдыхай!* (реклама диванов).

Добиться привлечения внимания адресата к тому или иному виду товара или услуги и побуждение его сделать выбор в пользу рекламируемого товара или услуги позволяет ещё один синтаксический прием – вопросно-ответная форма построения текста. Прочитав вопрос и тут же сформулированный на него ответ, потенциальный покупатель подсознательно понимает, что кто-то может решить за него некоторые вопросы, облегчить груз принятия решений. Например:

Решил построить Дом? Позвони в ДомоДом!

Ты это искала? Верхняя одежда для женщин.

Ремонт горит? Иди в «Колорит»!

Приём синтаксического параллелизма, т.е. построения двух предложений или частей одного сложного по одному принципу, позволяет добиться

- эффекта аналогии, прямой зависимости: *Новый год – новая кухня;*
- представления причинно-следственных связей: *Купи плазму – получи подарок;*
- эффекта противопоставления: *Цвет – так просто! Цвет – так сложно!*

Таким образом, языковая игра демонстрирует пограничные, парадоксальные явления в языке, что ведёт к намеренному нарушению предсказуемости и является одной из причин комического эффекта [Гридина, 1987, с. 13]. Языковая игра в рекламных текстах может допускать нарушение языковой нормы, если это необходимо для усиления воздействия. В языке рекламы экспрессия – норма. Но отклонения от литературной нормы, ведущие к созданию экспрессии в рекламном тексте, не должны нарушать общечеловеческих этических законов. Только использование грамотно применённых приёмов языковой игры помогает сделать рекламный текст оригинальным и запоминающимся, в то же время основная мысль рекламной кампании должна быть донесена в слогане предельно ясно и точно.

Библиографический список

1. Витгенштейн, Л. Философские работы / Л. Витгенштейн. – М., 1994. – Ч. I. – С. 90.
2. Гридина, Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество / Т. А. Гридина. – Минск, 1987.
3. Петрушко, М. В. Эмоционально-экспрессивные средства воздействия рекламного текста / М. В. Петрушко. – М., 1999.

ГОДОНИМИЯ КОМПАКТНОЙ КУРОРТНОЙ ТЕРРИТОРИИ КАК ЛИНГВОЛАНДШАФТНАЯ ПРОБЛЕМА (НА ПРИМЕРЕ КАВКАЗСКИХ МИНЕРАЛЬНЫХ ВОД)

На стыке лингвистики и географии населения возникло лингво-ландшафтоведение. По мнению В. А. Калуцкого [Калуцков, 2008, с. 161], лингволандшафтоведение изучает ландшафтные диалекты или территориальные культурные коды, которые могут быть проинтерпретированы как система ландшафтных и культурных факторов – физиофактов, артефактов, социофактов, ментифактов. Важную роль для лингвистических работ, как отмечает далее на с. 162 выше цитируемой работы В. А. Калуцков, играют топонимические и шире, ономастические изыскания (данный автор путает того, что топонимика – область ономастики, точнее её раздела – геономастики. Надо было отмечать, что топонимика как область ономастики и раздела последней – геономастики – Х. Х.), которые являются «поставщиком словесно-терминологического материала для лингволандшафтоведения. К примеру, в процессе ономастического исследования определенного культурного ландшафта формируется круг народных географических терминов, обозначающих гидрологические элементы ландшафта (по нашему мнению, не только гидрологического, но и орографического, поселенческого характера – Х. Х.) [Калуцков, 2008, с. 162]. Далее на последней странице В. А. Калуцков продолжает: «В совокупности они образуют «слова» это гидрологического, или ландшафтно-гидрологического языка этого региона. Их прочтением или ландшафтной (физико-географической, этнической, языковой) интерпретацией, и занимается лингволандшафтоведение» [Калуцков, 2008, с. 162].

Годонимия как направление топонимии – образ места и смысл места, ценностное восприятие среды, символ географического объекта и информационная составляющая географического пространства. По мнению О. Лавреновой, первый включает в себя визуальные и эстетические характеристики места, его эмоциональное воздействие, его символику, второй – визуальные характеристики и эстетические предметы культуры, третий – информационные процессы в овеществленных формах проявления [Лавренова, 2001, с. 95–99].

Годонимы – язык и культура города и средство формирования гражданского самосознания о городах как сложного социального факта.

Правильно пишет Д. Б. Луговой, что «в топонимах, как и в прозвищах, распространены такие наименования, которые отмечают пространственную отнесенность объекта номинации. Характером локализации обладают модели предложно-падежных конструкций с приста-

вочными образованиями, в которых отражается логика и последовательность освоения пространства [Луговой, 2003, с. 19]. Такими являются в топонимии, к примеру, в городе Ессентуки – Заречный, Заречная, Подгорная, Подгорный, Подкумской, Садовое кольцо, Кисловодске – Закурганская, Подгорная, Подкумская, Ракитной горы, Пятигорске – Заречный, Заречная, Подстанционная и др.

Согласно А. С. Зубцовым, что «несмотря на изучение языковых особенностей города (городов – Х. Х.) в самых различных аспектах, многие вопросы все ещё остаются открытыми, а проблема сущности и структуры языка города (городов – Х. З.) остаётся одной из наиболее актуальных в социолингвистике, этнолингвистике, этнориторике, лингвокультурологии и ряда других дисциплин» [Зубцов, 2006, с. 3]. «Положительный эффект изучения топонимии, как пишут Х. Л. Ханмагомедов, А. Н. Гебекова [Ханмагомедов, Гебекова, 2013, с. 21], может быть достигнут при правильном и дифференцированном подходе к изучению географических имён». Это могут быть отдельные территории, языки, географические, исторические зоны. В этом отношении в компактном изучении курортной территории могут служить Кавказские Минеральные Воды Ставропольского края России. В курортную группу Кавказских Минеральных Вод входят города Пятигорск, Железноводск, Ессентуки, Кисловодск [Гниловской, Котельников, 1968, с. 618]. Расстояние между Пятигорском и Железноводском по ортодромии 5 км, Ессентуками – 15, Кисловодским – 36, Минеральными водами, где находятся вблизи аэропорт – 18 км. Легко можно добраться по железным и автомобильным дорогам в эти города.

Данная проблема на материале других регионов России рассмотрена в исследованиях. Укажем ряд из них: Мурзаев 1974: 144–154, Ханмагомедов 2000: 14–17, Ханмагомедов, Гебекова 2013: 20–42, Ханмагомедов 2014: 233–238, Ханмагомедов, Гебекова 2016: 37–48, Ханмагомедов, Насруллаева 2016: 110–116; Яценко 1979: 63–70 и др.

Рассмотрим ниже происхождения ойконимов Ессентуки, Железноводск, Кисловодск, Пятигорск, предметами, которых являются топонимы данной работы.

В. А. Никонов, касаясь первого ойконима **Ессентуки**, пишет, что он назван по р. Ессентук, но считает спорным, предлагали от черкес. Есен «привыкать», туку «пристанище», также от карачаевск. есен «живой» тюк «волос» (преданье связывает с лечебными свойствами воды) и монгол. «девять знамен». Сначала называла Боргустан, с 1798 г. станция – Ессентукская [Никонов, 1966, с. 138]. С. А. Хапаев пишет, что это «название возникло из карачаевского выражения «эсен чыкъсын тютютюз «чтобы здоровой была шерсть», комментируя, что «обычно овец купали в минеральных источниках, здесь было карачаевское поселение под названием Эсен тюк, позже поселение исчезло [Хапаев, 2013, с. 195]. **Железноводск**. По мнению В. А. Никонова, он

«назван за железистые источники минеральных вод; над ним г. Железная, из которой вытекают эти источники» [Никонов, 1966, с. 139]. В. Г. Гниловской и В. Л. Котельников подчёркивают, что «химический состав источников Железноводска не оправдывает их названия [Гниловской, Котельников, 1968, с. 623]. Может быть, город получил своё название от названия речки Железной, а последней от горы Железной.

Происхождение ойконима **Кисловодск** – ясное и означает «кислые воды» по вкусу минеральных углекислых источников» [Никонов, 1966, с. 193].

Большой интерес как организующий центр курортного дела с древних времён представляет город **Пятигорск**. Нас в данном вопросе интересует происхождение его названия. Этот город, как пишут В. В. Савельева и К. А. Магомедов, возник в 1810 г. у Горячей горы. С 1830 г. она стало называться Пятигорским [Савельев, Магомедов, 1987, с. 119]. Неслучайно в цитированной нами работе В. С. Белозёрова этот город отмечается как Горячеводский [Белозеров, 1997, с. 6–7]. По мнению В. А. Никонова, название Пятигорска дано русскими в начале XIX в. по местности Пятигоры (сравн. тюркоязычное название Бештау). Дотюркское название было связано с горячими минеральными источниками: кабардинцы и теперь называют Пахуабо «горячие воды», балкарцы – карачаевцы (мы даём как в источнике – Х. Х.) Иссусу «горячая вода» [Никонов, 1966, с. 347-348]. По его мнению, к другому населённому пункту той же зоны [Никонов, 1966, с. 348]. Подробно рассматривается топоним Бештау (Пятигорск) С. А. Хапаев пишет: «К сожалению, некоторые жители Пятигорска, да и других мест Кавминвод, экскурсоводы, авторы газетных статей и книг не всегда ищут и дают правильную этимологию Пятигорска... . Совершенно очевидно, что Бештау – карачаево-балкарский топоним» [Хапаев, 2013, с. 130]. Правильно подчёркивается, что «городские топонимы, – в нашем материале годонимы, оставаясь памятниками истории, языка и диалектов, культуры, исторической географии, традиций, образа мышления и т.д. русского этноса, одновременно входят в прочную и объективную систему историко-культурных и пространственно временных вех жизни городов» [Горбаневский, 1996, с. 4]. Это не исключение и городам Ессентуки, Железноводск, Кисловодск, Пятигорск Кавказских Минеральных Вод России. Годонимы этих городов рассмотрим по работе «Ставропольский край (карта), планы городов Ставрополь, Ессентуки, Железноводск, Кисловодск, Пятигорск» [Ставропольский край, 2013]. Нами изучены в перечисленных курортных городах юго-востока России 921 годонима – названия линейных городских объектов (проспектов, улиц, переулков, тупиков, проездов). Ниже дадим статистику им.

Города	Названия					Всего	
	прос- пектов	улиц	пере- улков	тупи- ков	проез- дов	Кол- во	%
Ессентуки	–	259	69	2	17	347	37,68
Железнодорожск	–	44	9	–	–	53	5,75
Кисловодск	4	202	47	2	–	255	27,69
Пятигорск	2	186	65	5	8	266	28,88
Итого	6	691	190	9	25	921	100
%	0,65	75,03	20,63	0,98	2,71		

Немало одинаковых годонимов – названия проспектов и улиц с финалью -ая, -ею, в названиях переулков и тупиков на -ый, -ий, -ой. Такими являются, к примеру (первая – улица, вторая – переулок или тупик), по городу Ессентуки – Озёрная – Озёрный, Первомайская – Первомайский, Полевая – Полевой, Радужная – Радужный, Речная – Речной, Ручейная – Ручейный, Северная – Северный, Садовая – Садовый, Солнечная – Солнечный, Сосновая – Сосновый, Спортивная – Спортивный, Школьная – Школьный, Южная – Южный, Набережная – Набережный, Мельничная – Мельничный, Красноармейская – Красноармейский, Ручейная – Ручейный; Железнодорожск – Парковая – Парковый, Юбилейная – Юбилейный, Солнечная – Солнечный, Парковая – Парковый; Кисловодск – Западная – Западный, Крепостная – Крепостной, Седлогорская – Седлогорский, Хасановская – Хасановский, Черкесская – Черкесский, Школьная – Школьный; Пятигорск – Береговая – Береговой, Колхозная – Колхозный, Первомайская – Первомайский, Шоссейная – Шоссейный.

Такие двойные (одинаковые) названия немало в указанных и в других городах Кавказских Минеральных Вод, да и в других городах России с русской передачей годонимов, но они вызывают затруднения у многочисленной аудитории отдыхающих курортных городов, да и жителей в указанных территориях данного курортного региона Кавказа. Таких годонимов безущерба сложившейся годонимической системе можно переименовать, по моему мнению, сохранив названия проспектов и улиц.

Можно выделить следующие номинационные показатели годонимов Кавказских Минеральных вод, отражающие: 1) орографию: Крутая / Крутой (Ессентуки, Пятигорск), Горный (Ессентуки, Железнодорожск, Пятигорск), Высотная (Ессентуки), Курганная (Железнодорожск), Дамбовая (Кисловодск), Бештаугорская, Провальный (Пятигорск); 2) минералогический состав: Серноводская (Ессентуки), Минеральная (Кисловодск), Тальковая (Пятигорск); 3) факторы климата: Студенная, Теплая (Ессентуки), Солнечная (Железнодорожск, Пятигорск); 4) гидрографию: Озёрная, Речная, Родниковая (Ессентуки), Ко-

лодезный, Приозерная, Бассейновая (Пятигорск); 5) растительность и животный мир: Хвойная, Кленовая (Ессентуки), Цветочный (Железноводск), Берёзовый, Грушевый (Пятигорск), Виноградная (Кисловодск), Лебяжье (Пятигорск), Пчелиная (Кисловодск); 6) за размеры: Короткая (Кисловодск, Пятигорск), Широкий (Пятигорск); 7) за географическое положение: Пограничная, Средняя (Ессентуки); Нижне-Пограничная, Южный (Кисловодск), Гребенская, Эльбрусский (Пятигорск); 8) относительный возраст: Новая (Ессентуки); 9) этнонимического характера: Аджарская, Азербайджанская, Белорусская, Кабардинская (Кисловодск); 10) в честь Петра Великого – Петра I (Пятигорск); 11) в честь К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина и его соратников: Карла Маркса (Ессентуки, Железноводск, Кисловодск), Энгельса, В. И. Ленина (Ессентуки, Железноводск, Пятигорск), Калинина (Железноводск, Пятигорск), Свердлова (Железноводск), Луначарского (Ессентуки), Кирова (Ессентуки), Орджоникидзе (Пятигорск); 12) в честь русских и советских военачальников: Суворова, Будённого (Ессентуки), Щорса, Жукова (Пятигорск); 13) в честь русских и советских поэтов и писателей: Пушкина, Лермонтова, Чехова (Ессентуки, Пятигорск), Капиева (Пятигорск); 15) связанные с советской властью – Октябрьская, Октябрьский, Пионерский, Ударный, Социалистический, Советская, Индустриальная (Ессентуки), Красноармейская, Красногвардейская (Кисловодск), Кооперативная, Красная, Советской Армии (Пятигорск); 16) в честь защитников Отечества в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Защитников Отечества, Оборонная, Павлова, Победы (Ессентуки), Танкистов (Пятигорск), Партизанская (Железноводск), 10-й Гвардейской стрелковой дивизии, 351 Гвардейской стрелковой дивизии, 295 Стрелковой дивизии, Свободы, Юлиуса Фучика (Пятигорск); 17) в честь космонавтов: Гагарина, Комарова (Пятигорск), Гагарина (Кисловодск), Космонавтов (Железноводск); 18) в честь исследователей, открывших и освоивших минеральные ресурсы источников: Нелюбина (Кисловодск), Гааза (Ессентуки, Железноводск); 19) в честь учёных: Ломоносова, Акад. Павлова, Мичурина (Пятигорск), Менделеева, Королёва (Ессентуки); 20) в честь городов – Тюменская (Железноводск), Киевская, Грозненская, Ессентукская, Севастопольская, Ставропольская (Кисловодск), Кисловодская, Ереванская, Пятигорская (Пятигорск); 21) по учреждениям, предприятиям, коммуникациям – Госпитальный, Кирпичный, Казарменная, Высоковольтная, Цементный, Мельничная (Пятигорск) и др.

Это неполный перечень номинационных показателей четырёх (Ессентуки, Железноводск, Кисловодск, Пятигорск) курортных городов Кавказских Минеральных Вод и ими не исчерпаются.

Составной частью курортных городов Кавказских Минеральных Вод являются отгонимные образования (годономы) – продолжатели

«жизни» топонимов. Таковыми являются названия санаториев и пансионатов, в городах Ессентуки – Жемчужина Кавказа, Ессентуки, Казахстан, Украина, Кисловодск – Пикет, Кисловодск, Жемчужина Кавказа, Эльбрус, Сосновая роща, Москва, Бешпагир, Пятигорска – Ленинские скалы, Лесная поляна, Машук, в г. Железноводск – Русь, Эльбрус, Дубрава, Кавказ, Дубовая роща, Бештау и др.

По моему мнению, данная работа может служить примером топонимического изучения других курортных регионов России, скажем, Черноморского побережья Кавказа, Крыма, Белокурихи Алтая, Подмосковья, Ленинградского региона и др. Необходимо упорядочить наименования проспектов, улиц, переулков и других городских территорий, при повторе переименовать их, сохранив наиболее уникальные, среди которых топонимы этнонимического характера, биоразнообразия, связанные с Великой Отечественной войной 1941–1945 гг., открывших и освоивших новые месторождения минеральных источников и подобные им как уникальных памятников курортного освоения нашей страны.

Данная работа носит экстралингвистический характер в порядке постановки их изучения и требует дальнейшего лингвистического исследования в монографическом плане.

Библиографический список

1. Белозеров, В. Кавказские Минеральные Воды: эволюция системы городов эколого-курортного региона. Сер.: «Россия 90-х: проблема регионального развития» / В. Белозеров. – М., 1997. – Вып. 4. – 80 с.
2. Горбаневский, М. Б. Русская городская топонимия. Методы историко-культурного изучения и создания компьютерных словарей / М. Б. Горбаневский. – М., 1996.
3. Гниловской, В. Г. Ставрополье / В. Г. Гниловской, В. А. Котельников // Советский Союз. Географ. описание в 22 томах. Европейский Юго-Восток. – М. : Мысль, 1968. – С. 590–637.
4. Зубцов, А. С. Дискурсивное пространство Сочинского региона как объект лингвориторического исследования : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Зубцов А. С. – Краснодар, 2006.
5. Калущков, В. А. Ландшафт в культурной географии / В. А. Калущков. – М., 2008.
6. Лавренова, О. Новые направления культурной географии: семантика географического пространства, сакральная и эстетическая география / О. Лавренова // Культурная география. – М. : Изд. Ин-та наследия, 2001. – С. 95–126.
7. Луговой, Д. Б. Русский ономастикон Ставропольского края (на материале антропо-, торо- и зоонимии Северо-Западного региона) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Луговой Д. Б. – Ставрополь, 2003.
8. Никонов, В. А. Краткий топонимический словарь / В. А. Никонов. – М., 1966.

9. Савельева, В. В. География Ставропольского края : учеб. пособие для учащихся ср. школ / В. В. Савельева, К. А. Магомедова. – Ставрополь, 1987. – 143 с.

10. Ставропольский край: карта. Планы городов Ставрополь, Ессентуки, Железноводск, Кисловодск, Пятигорск. – Ростов н/Д : Геоном, 2013.

11. Ханмагомедов, Х. Л. Топонимическое познание как объект географической науки : учеб. пособие – коллектив авторов / Х. Л. Ханмагомедов, А. Н. Гебекова // Географическая топонимика. – Самара : Учеб. лит-ра, 2013. – С. 20–42.

12. Хапаев, С. А. Географические названия Карачая и Балкарии : научно-популярное издание / С. А. Хапаев. – М., 2013. – 576 с.

В. В. Хилько
(г. Пенза, Россия)

МЕМОРИАЛЬНЫЕ ДОСКИ ГОРОДА ПЕНЗЫ КАК ОБЪЕКТ КОММЕМОРАЦИИ

Мемориальные доски как наиболее массовая форма увековечивания исторической памяти художественными средствами, наряду с памятниками архитектуры и скульптурными сооружениями, являются неотъемлемой частью истории и материальной культуры общества.

Мемориальные доски Пензы – важнейшая составляющая городской архитектуры, содержащая в своей сущности большую историческую и культурную значимость.

Нашему городу 354 года, это достаточный срок, чтобы утверждать, что он имеет весьма богатую историю. За три с половиной века сменился не один десяток поколений жителей, город из крепости, стоящей на рубеже государства, превратился в большой областной центр.

Город Пенза подарил стране много известных и знаменитых людей, не обошли стороной его и знаковые исторические события – всё это увековечено в памяти жителей. В Пензе установлены мемориальные доски общественным деятелям: *«В этом доме жил выдающийся общественный деятель, Депутат Государственной Думы Федерального собрания с первого по пятый созывы Илюхин Виктор Иванович»*; политическим деятелям: *«Здесь в 1929 году выступал на митинге Первый нарком Просвещения РСФСР Анатолий Васильевич Луначарский»*; поэтам и писателям: *«В этом доме 5 декабря 1909 г. Родился русский писатель Николай Павлович Задорнов»*; деятелям культуры: *«В этом здании с 1978 по 1995 гг. работал Заслуженный работник культуры РСФСР, основатель и художественный руководитель народного фольклорного ансамбля «Реченька», исследователь, фольклорист, общественный деятель Тархов Александр Георгиевич (02.12.1941–26.01. 1995)»*; деятелям науки: *«Борис Петрович Сацердотов 1898–1966 Геобота-*

ник-лесовод, кандидат биологических наук, научный сотрудник ботанического сада с 1926 по 1949 гг.»; спортсменам: «В этом доме с 1965 по 1984 гг. проживал первый в Пензенской области мастер спорта СССР по планеризму Мазин Анатолий Афанасьевич», участникам Великой Отечественной войны: «В этом доме с 1984 г. по 1999 г. жил участник Великой Отечественной войны Шишков Виктор Федорович» и т.д.

Культуролог А. В. Святославский считает, что мемориальные доски представляют собой «особый вид социокультурной деятельности, в основе которой лежит акт увековечивания как попытка сохранения образа себя, своих близких, своей культуры в настоящем и будущем» [Святославский, 2013, с. 5].

Единых правил оформления текста на мемориальных досках не существует. С. В. Лихачёв считает, что у художественных надписей такого рода есть несколько особенностей: они предназначены для всех, а не для одного какого-нибудь целевого пользователя; служат для расширения кругозора [Лихачёв, 2010, с. 92].

Существует Положение о порядке размещения мемориальных досок на территории Пензенской области, из которого мы узнаем, что «текст мемориальной доски должен быть изложен на русском языке, он должен в лаконичной форме содержать характеристику события (творческого достижения, периода жизни и деятельности конкретного лица и т.д.), фамилию, имя, отчество гражданина. Из текста должно быть ясно, почему она установлена по данному конкретному адресу» [URL 1].

Многие тексты на мемориальных досках в целом соответствуют требованиям Положения, но реализуют их по-разному:

1) Фамилия, имя, отчество гражданина представлены на них в нескольких вариантах: на одних досках прямая последовательность, то есть фамилия, имя, отчество: «В этом жил Швам Зиновий Семенович / Заслуженный тренер СССР / Основоположник пензенского баскетбола», на других – иная: имя, отчество, фамилия: «Здесь в 1929 году выступал на митинге Первый нарком Просвещения РСФСР Анатолий Васильевич Луначарский».

2) Годы жизни реализуются тоже в нескольких вариантах: а) в полном: «Здание медицинского факультета построено в 1937–1938 годах на личные средства уроженца Пензенской губернии, первого Президента АМН СССР, академика Николая Ниловича Бурденко (03.06.1887–1946.11.11) и его учеников»; б) в сокращённом: «Музей одной картины создан по инициативе видного общественного деятеля Мясникова Георга Васильевича (1926–1996) открыт 12 февраля 1983 года».

3) В текстах мемориальных досок представлена характеристика события, творческого достижения, общественной, государственной деятельности конкретного лица: «В этом доме жил выдающийся общественный деятель, Депутат Государственной Думы Федерального со-

брани с первого по пятый созывы Илюхин Виктор Иванович»; «Здесь работал государственный деятель 1-й секретарь Пензенского обкома КПСС с 1952 по 1961 год Сергей Михайлович Бутузов (1909–1967гг.)» и т.д. В некоторых текстах содержится информация о наградах и почётных званиях человека: «В этом доме в 1953–1988 г.г. жил Герой Социалистического Труда, Лауреат Государственной премии Чернецов Иван Иванович»; «Герой Советского Союза, пограничник Махалин Алексей Ефимович 1908-1938» и т.д.

На здании Пензенской областной клинической больницы им. Н. Н. Бурденко установлена мемориальная доска Семену Шумакову. На доске расположена надпись: «В Пензенской областной клинической больнице им. Н. Н. Бурденко с 1954 по 1989 г. работал основатель нейрохирургической службы Пензенской области, Заслуженный врач РСФСР Шумаков Семен Иванович». Текст надписи соответствует всем требованиям Положения: он конкретизирован, лаконичен, в нем указаны все заслуги Семена Ивановича, дается информация о том, в какие годы работал нейрохирург в больнице.

Большинство досок, установленных в административных границах города Пензы, соответствуют требованиям Положения о порядке расположения мемориальных досок на территории Пензенской области, но есть и доски, в которых сожержатся ошибки разного рода.

На здании гимназии № 42 расположена мемориальная доска Роману Гаврилину: «Памяти Гаврилина Романа Вячеславовича выпускника гимназии № 42 Кавалера «Ордена Мужества» погибшего в Чеченской республике». В тексте пропущено три запятых: первая – перед словом «выпускника», так как словосочетание «выпускника гимназии № 42» является приложением, стоящим после определяемого слова и на письме должно быть выделено запятой; вторая – между однородными приложениями «выпускника гимназии № 42» и «Кавалера «Ордена Мужества»»; третья – перед причастным оборотом «погибшего в Чеченской республике», стоящим после определяемого слова. Также по нормам русского языка слово орден должно писаться с прописной буквы.

Пропущена запятая и перед причастным оборотом на мемориальной доске Алексею Брюхину: «С 1984 по 1994 г. в нашей школе № 56 учился Брюхин Алексей Николаевич героически погибший 6 августа 1996 г. в Чеченской республике».

Почти не отличаются тесты мемориальных досок, установленных на здании школы № 31 г. Пензы: «Памяти погибшего при выполнении интернационального долга в республике Афганистан Кривченко Михаила Александровича выпускника школы № 31» и «Памяти погибшего во время боевых действий в Чеченской республике Недошивина Сергея Владимировича выпускника школы № 31». В обоих текстах допущена пунктуационная ошибка: перед словом «выпускник» по нормам совре-

менного русского языка должна стоять запятая или знак тире, так как «выпускник школы № 31» является приложением и стоит после определяемого слова. Обе доски расположены на одном здании, построены по одному принципу: из текста мы узнаем, кому установлена доска и почему размещена на здании школы № 31.

Близки по содержанию тексты и на мемориальных досках Николаю Абрамову и Николаю Смаге: *«В этом доме жил Николай Кузьмич Абрамов, Первый олимпиец Пензенской области, участник XVIII Олимпийских игр в Токио, серебряный призер Чемпионата СССР, воспитанник коллектива физической культуры завода "Пензхиммаш"»* и *«В этом доме жил Николай Яковлевич Смага бронзовый призер XIX Олимпийских игр в Токио, чемпион Европы, чемпион СССР, кавалер ордена "Знак Почета", Заслуженный мастер спорта СССР, воспитанник клуба физической культуры "Пензхиммаш"»*. В них содержится информация о спортсменах, их наградах, также из текстов можно подчеркнуть информацию о том, почему доски размещены на здании, расположенном на ул. Славы. Но в тексте на доске Николаю Смаге пропущен выделительный знак и слово орден написано с прописной буквы, хотя по правилам современного русского языка должно писать со строчной.

Неточность можно заметить на мемориальных досках Сергею Курашову и Владимиру Ставскому, установленных на здании гимназии «Ступени»: *«Здесь учился с 1924–1926 гг. Сергей Владимирович Курашов 1910–1965/ академик, общественный деятель, министр здравоохранения СССР»* и *«Здесь с 1911–1915 гг. учился Ставский / Киртичников / Владимир Петрович, видный советский писатель и журналист»*. В текстах отсутствует предлог «по», который в конструкции с предлогом «с» указывает на продолжительность происходящих событий.

Выделительного знака препинания не хватает на мемориальной доске Юрию Яничкину: *«Основателем детской школы искусств и ее бессменным директором с 1990 по 2012 гг. являлся Яничкин Юрий Ермаолович Заслуженный деятель искусств России, Лауреат премии Правительства РФ «Душа России», Почетный Гражданин города Пензы»*, по нормам современного русского языка слово гражданин пишется с прописной буквы.

На ул. Урицкого 18 установлена мемориальная доска Василию Жукову: *«В этом доме в период с 12.II.1981 по 28.XI.1997 гг. проживал Герой Советского Союза участник ВОВ Жуков Василий Егорович»*. В тексте неоправданно используются римские цифры; пропущена запятая между однородными членами предложения «герой» и «участник». В тексте присутствует аббревиатура «ВОВ». Можно ли использовать сокращение подобного рода в текстах надписей на мемориальных досках? Ведь это неуважение к людям, которые отдали свои жизни ради будущего страны.

В тексте надписи на мемориальной доске Леониду Косматову не соблюдены нормы современного русского языка: *«В этой школе учился с 1918 по 1920 гг. профессор кинооператорского искусства, лауреат Государственных премий Косматов Леонид Васильевич»*. По нормам русского языка при сокращении слова «годы» разделительные знаки препинания не используются.

Неоднократно предлагалось организовать в городе Пензе соответствующий экспертный совет, куда нужно включить сотрудников администрации, лингвистов, краеведов, историков, знатоков военного дела и т.д. Это был бы консультативный орган, который помогал в написании текстов для мемориальных досок и давал компетентную оценку надписям на них.

Мемориальные доски занимают особое место, представляя собой краткую летопись города Пензы, страны, народа, неся функции эмоционального и идеологического воздействия на жителей и гостей города.

Библиографический список

1. Лихачёв, С. В. Язык надписей в современном обществе / С. В. Лихачёв. – М. : Институт управления и информатики, 2010. – 194 с.
2. Постановление о порядке размещения мемориальных досок на территории Пензенской области. – URL:<http://docs.cntd.ru/document/467804570> (дата обращения 05.09.2017).
3. Святославский, А. В. История России в зазеркалье памяти. Механизмы формирования исторических образов / А. В. Святославский. – М., 2013. – 297 с.

ЯЗЫК СМИ И РЕКЛАМЫ

В. Н. Арутюнян
(г. Ереван, Армения)

РУССКОЯЗЫЧНАЯ ПРЕССА В АРМЕНИИ

Глобальные изменения политического, экономического и идеологического характера, происшедшие за последние четверть века, коренным образом изменили ход жизни миллионов людей не только на, так называемом, постсоветском пространстве, но и во всём мире. Связано это, конечно же, в первую очередь с такими фактами, как распад СССР, крах старой биполярной мировой системы, начало демократических, рыночных преобразований политико-экономических систем многих государств. Однако этот же период жизни мирового сообщества характеризуется и развитием процессов другого типа: всеобщей компьютеризацией, экспансией английского языка, расширением интернет-пространства, формированием его русскоязычного сектора и т.д.

В языковом плане можно говорить об уменьшении зоны распространённости русского языка во всем мире и в новых независимых государствах (в том числе и его «выведение» за пределы официальных сфер практически во всех государствах постсоветского пространства), об изменении его функциональной значимости (язык науки, альтернативный язык интернет-пространства), об отсутствии стимулов для изучения его орфографии, разговорных особенностей и т.д.

В Армении все эти процессы привели к тому, что за постсоветский период значительно снизился общий уровень знания русского языка и уменьшилось количество людей, владеющих этим языком, особенно среди молодёжи, которая в настоящее время предпочитает изучение английского языка, мотивационные основы чего очевидны. Вместе с тем эти явления сопровождались и другими – очень важными для характеристики языковой ситуации в республике, среди которых основными являются приток армянского по происхождению русскоязычного населения из некоторых стран СНГ (Азербайджан, Грузия, Узбекистан), возвращение на родину тех мигрантов (или их детей), которые в 1990-е гг. уехали в Россию, усиление в последние годы военно-политических и культурно-образовательных позиций России в Армении и т.д.

В этой ситуации значение СМИ на русском языке трудно переоценить, поскольку именно они являются и некой консолидирующей силой, и поддерживающим языковые знания фактором, и проводником определённых национальных идей, и реальной возможностью изложе-

ния своих мыслей по тому или иному вопросу на русском языке и т.д. И от того, какие обстоятельства влияют на то, на каком уровне будет развит этот социальный институт, во многом зависит сохранение национального культурно-образовательного и политико-экономического единства с Россией.

Языковые особенности русскоязычных СМИ за пределами России (как тема для исследования) представляют довольно обширный спектр вопросов, возможных и интересных для рассмотрения. Есть и общие для всех существующих в мире подобных СМИ характеристики, есть и специфические особенности русскоязычных СМИ в странах СНГ, есть, конечно, и особые показатели национальных русскоязычных СМИ, в частности армянских.

В этой связи следует особо отметить популярные в современной лингвистике положения о языковых особенностях национальных вариантов того или иного языка. Термин «национальный вариант языка» введён в научный обиход уже давно, и прежде всего в связи с формированием американского варианта английского языка. Этот термин представляет собой достаточно сложное целое, содержащее общие для всего национального языка элементы, и элементы, отличающие один национальный язык от другого.

В настоящее время проблема языковой вариативности является одной из актуальных тем современной социолингвистики. В Большом энциклопедическом словаре можно найти следующее определение: «Национальный вариант – термин, характеризующий способ существования и функционирования единиц национального языка и языковой системы в целом. Под этим термином понимаются особые социолингвистические объекты (или разновидности), в виде которых существует реально единый язык» [Ярцева, 1998, с. 326].

Отталкиваясь от определения национального языка как высшей формы существования языка нации, национальный вариант языка можно охарактеризовать как форму существования единого национального языка в различных социумах, который, однако, выполняет те же функции, что и национальный язык, от которого данный вариант образован. При этом национальный вариант языка неизбежно вбирает в себя весь социально-культурный колорит той нации, в рамках которой он существует, т.е. он является формой приспособления некоего литературного языка к традициям и культурным ценностям, к современным потребностям нации, становится особой формой функционирования единого для нации языка.

В лингвистическом плане это положение соответствует обычной для лингвистических теорий ситуации, при которой одна общая терминологическая единица языка (фонема, морфема и т.д.) существует как абстракция, а практически реализуется в виде отдельных вариантов. В данном случае точно так же полинациональный литературный язык

обозначает некую совокупность некоторых частных языковых подсистем, определенным образом в реальности отличающихся друг от друга.

После распада СССР и образования на этой территории независимых государств лингвисты начали говорить и о наличии национальных вариантов русского языка, появились исследования, касающиеся особенностей украинского, белорусского, таджикского, казахского и других вариантов русского языка. Исследователи подчеркивают, что национальные варианты русского языка одинаково активно используют и этнические русские, живущие на этих территориях, и представители других национальностей, по разным причинам (семейные традиции, образование, миграция и т.д.) хорошо знающие русский язык.

Так, например, Т. В. Жеребило в своём «Словаре лингвистических терминов» (2010) выделяет 4 типа вариантов языка:

«1) национальные, появившиеся в результате территориального обособления носителей языка;

2) этнические (этнолекты), возникшие в зонах контактирования данного языка с другими языками в результате появления различий под воздействием интерференции;

3) территориальные (территориальные диалекты), появившиеся в связи с территориальным обособлением части его носителей;

4) социальные (социальные диалекты, социолекты), возникшие в связи с функционированием языка в разных социальных слоях», т.е. очевидно, что подобные варианты появляются в результате проявления тех или иных особенностей под воздействием экстралингвистических факторов».

В этом плане определённый интерес представляет описание характерных черт армянского варианта русского языка, который представляет из себя наложение на российский стандарт наиболее действенных средств армянского мышления, армянского языка, армянских культурных ценностей и т.д. С этой точки зрения мы и рассмотрели особенности армянской русскоязычной прессы.

По официальным данным [см. www.dw.de, www.rus-am.org, www.octarmenia/?page_id], в Армении выходит более 20 периодических изданий разного профиля и типа на русском языке, среди которых есть и «глянцевые» журналы, и научные журналы, и бюллетени, и газеты. Наиболее интересными в плане характеристики языковых особенностей, конечно же, является массовая пресса, поскольку в ней представлены и разнообразная тематика, и разные жанры, и актуальные тенденции развития русского языка, и все современные способы воздействия на читателей, и многие другие показатели, а таких изданий в современной Армении восемь.

Русскоязычная массовая пресса, наряду с прессой на национальных языках, наглядно демонстрирует имеющиеся в каждом национальном варианте русского языка особенности, поскольку является одной

из форм воплощения каждого такого (в данном случае – армянского) варианта русского языка. Она использует языковые средства русского языка, а потому имеет общие с российскими данными разноуровневые признаки, но при этом во многом отличается, поскольку на формирование языка статей армянской русскоязычной массовой прессы влияют разные обстоятельства: особенности родного языка, национальные традиции, экстралингвистические факторы и т.д.

Основными экстралингвистическими факторами, определяющими особенности армянской русскоязычной прессы, являются геополитическое положение Армении, её территориальные характеристики и национальное своеобразие армян, а соответственно, и вытекающие отсюда особенности тематики, направление оценочности происходящих явлений, содержание категорий принимаемое / отвергаемое, размеры статей, нежелание использования невербальных средств и прочие показатели.

Исследование языковых средств армянских русскоязычных источников массовой информации свидетельствует о нечётком размежевании материалов информационных и всех других жанров по реализации двух основных функций – информационной и воздействующей, поскольку значительно меньше внимания в них уделяется точности и четкости информации, о чём свидетельствует и рубрикация газет, и их тематика, и жанровое однообразие.

Однако, как показал наш анализ, и функция воздействия не является ведущей для национальных русскоязычных газет, основной причиной чего является отсутствие конкретного (по возрасту, социально-образовательной принадлежности, интересам и другим показателям) адресата публикаций. Отсюда и стремление к универсализации языка газет, при которой фрагменты из современной (по языковому наполнению) переписки блоггеров соседствуют со сложным, насыщенным терминами, историческим анализом, где есть не только тексты на русском языке, но и специфические по тематике вставки (порой значительные), представленные латинской и армянской графикой, и т.д.

Основной функцией армянских русскоязычных газет для авторов является функция самовыражения, то есть осуществление намерения их использования в качестве некой «языковой трибуны», реализации возможности демонстрации уровня своих языковых и фоновых знаний. По этой причине национальные газетные тексты на русском языке отличаются от российских не только по характеру лексико-грамматических, стилистических и текстовых характеристик, но и по формам использования средств речевого воздействия (прямые, эксплицитные), по таким важным показателям, как ограниченность рубрик и тематики, смешение жанров, усложнение всеми средствами исходного материала (прецедентные элементы, слоговые аббревиатуры и т.д.), низкая степень креолизации текста, т.е. желание использовать только вербальные возможности массовой прессы, а не другие), большой объем статей и т.д.

Создавая свои публицистические тексты на русском языке, авторы статей (и не только профессиональные журналисты), на наш взгляд, меньше всего думают о том, что их должен кто-то читать, об уровне языковых знаний среднестатистического читателя. Наличие этих характеристик и создает противопоставленность, несоответствие языка адресанта и адресата газетной публикации, т.е. автора текста и того, кому он предназначен.

При определении типичных для армянской русскоязычной прессы характеристик один факт сразу бросается в глаза – это объём статей: если статья большая (минимум полстраницы), то автор – армянин, во всех других случаях – материалы Интернета и авторов другой национальности. Может быть, конечно, этот факт имеет другие основания, например, коммерческие. Но нам кажется, что большой объём в любом случае мешает восприятию информационной составляющей многих публикаций. В то же время анализ содержательной составляющей подобных статей показывает, что ту же самую информацию, ту же самую мысль можно передать и другими языковыми средствами, более простыми и доходчивыми. Для читателя, на наш взгляд, полезнее и интереснее будет усвоение лишь определённой части подобной информации или, по крайней мере, её получение по дозам. Однако авторское «я», демонстрация своих знаний и знакомства с другими (часто побочными и только комментируемыми) источниками, собственная логика построения текста (а не учёт возможностей и потребностей адресата), в том числе и определение его объёма, всегда одерживают верх, представляются первостепенными в силу своеобразия национального характера и национальных представлений.

Все указанные средства выражают эмоциональное отношение пишущего к обсуждаемым проблемам, к персоналиям (например, к авторам рецензируемых произведений, создателям тех или иных теорий, политическим лидерам и т.п.). В армянских русскоязычных текстах СМИ содержится установка на усиление содержательно-концептуальной стороны публикации, а не фактографичности информации. В них чаще всего используется такая информация, которая может служить основой для создания статей аналитических жанров, а сама публикация уже содержит индивидуально-авторскую трактовку описываемых событий.

Таким образом, отрицательная оценочность, приоритетность вербального воздействия адресанта на адресата, стремление продемонстрировать высокий уровень своих знаний (и не только языковых) присутствует в газетных сообщениях любого типа. Модальная составляющая газетного сообщения зависит от позиции автора, то есть выражает точку зрения адресанта (в рамках полученного редакционного задания).

Следует отметить, что набор средств выражения оценочности лежит не только в области предпочтений конкретного автора, но и в сфере национальных стереотипов, связанных с определенными исто-

рически обусловленными, традиционными отношениями и ситуациями. С учётом чего, можно предположить, что в современных армянских периодических публицистических источниках наблюдается максимальное сближение (если не идентификация) средств выражения отрицательной оценочности и средств речевого воздействия, что как раз и объясняется историческим прошлым нашего народа, его национально-территориальными особенностями.

Итак, анализ языковых особенностей отечественной русскоязычной массовой прессы показывает, что её форма и содержание в значительной степени обусловлены не только стандартами русского языка, т.е. языка, на котором она создается, но и влиянием некоторых характеристик армянского языка, утвердившихся национальных стереотипов, воплощением конкретных целей и намерения автора, в рамках чего и создаются тексты, не столько направленные на осуществление двух основных функций СМИ (информационной и воздействующей), сколько являющиеся особым способом представления действительности, излагаемых фактов, внешнего мира через призму субъективной оценки автора.

Библиографический список

1. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / гл. ред. Ярцева В. Н. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998.
2. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – 5-е изд., испр. и доп. – Назрань : Пилигрим, 2010.
3. URL: www.dw.de, www.rus-am.org, www.octarmenia/?page_id

Е. И. Беглова

(г. Нижний Новгород, Россия)

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ И ПАРЕМИИ КАК СРЕДСТВО ОЦЕНКИ И АКЦЕНТУАЦИИ СМЫСЛА В СОВРЕМЕННЫХ ПЕЧАТНЫХ СМИ

Фразеологические единицы (ФЕ) и поговорки являются одним из актуальных средств создания выразительности в художественном, публицистическом и разговорном стилях речи. Они используются как в языковой форме (без изменения), так и в трансформированной. Для нас интерес представляют фразеологические средства языка, функционирующие в печатных СМИ – газетах и журналах. Трансформированным фразеологическим единицам и их использованию в газетных и журнальных текстах в последние пять лет посвящено большое количество работ [Корюкаева, 2015, 2016; Химич, 2011]. Предметом нашей статьи являются поговорки и фразеологические единицы, создающие

оценку описываемого явления, т.е. такие ФЕ, в семантике которых доминирует эмоционально-оценочный компонент. Мы в разное время обращали внимание на особенности функционирования фразеологических единиц и паремий в газетных заголовках и газетных текстах [Беглова, 2005, 2014, 2016], однако, по нашему мнению, особого внимания заслуживают эмоционально-оценочные фразеологизмы, передающие не только оценки конкретных описываемых явлений со стороны адресанта текста, но и эмоциональную тональность текста в целом, а также потенциальную общественную оценку. Паремии, которые в последнее десятилетие редко встречались в печатных СМИ, так же редко используются и в текстах в 2016–2017 гг.

В газетных и журнальных текстах 2016–2017 гг. употребление ФЕ с эмоционально-оценочным компонентом, преобладающим над семантическим компонентом данной ФЕ, активизировалось. Как показывают наши наблюдения за газетно-журнальными текстами, фразеологические единицы, создающие оценки, способствуют усилению диалогичности текста, его приближению к тексту разговорного стиля, и одновременно, благодаря этой диалогичности, сближению адресанта текста с тем, кого или что он описывает. Например: 1. *Эти люди потребовали «освежить» сетку вещания и персоналий, появляющихся в «ящике» по праздничным дням. Петицию громогласно поддержал Владимир Жириновский, хотя **чья бы корова мычала**. Вождь ЛДПР, как кажется, даже ночует в Останкино. В телевизоре он готов прокомментировать любую тему, от геополитики до свиного гриппа* (Звёзды и закон. № 2, 2017. С. 2–3). Паремия *Чья бы корова мычала* [Жуков, 1993, с. 365] произносится «...с пренебрежением, осуждением в ответ на упрёк, обвинения или похвалу того, кто сам чем-либо опорочил, запятнал себя». В данном контексте грубая просторечная окраска паремии способствует не только выражению отрицательной оценки поведения В. Жириновского, который поддержал петицию обновления телевещательной сетки, но придаёт пейоративную тональность тексту в целом, приближая его к тексту разговорно-обиходного стиля с точки зрения наличия паремии и скрытой диалогичности (с В. Жириновским, с представителямидвигаемых требований), проецирующей спор между адресантом и названными в тексте лицами.

2. *Молодая машина с малым пробегом, но потёртым салоном – дело подозрительное. Не исключено, что она трудилась в корпоративном парке или даже такси. Эти автомобили разменивают сотню уже в первый год эксплуатации, а за пару-тройку лет из них **высосут все соки**...* (КП. 15.03 – 22.03.2017. С. 15. Рубрика «Автомобили»). ФЕ *высосать* (все) *соки* используется как синонимический вариант словарных ФЕ *высасывать кровь* [Фразеологический словарь, 1986, с. 96], *выжимать соки* [Фразеологический словарь, 1986, с. 93], употребляемых в одном и том же значении «жестоко эксплуатировать, притеснять,

доводить до крайней степени нужды кого-либо». В данном контексте ФЕ приобретает семантическую коннотацию «быть абсолютно непригодным» и отрицательную оценку описываемых типов автомобилей.

3. *Недавно популярному и своеобразному актёру Виктору Сухорукову стукнуло 65. Виктор Сухоруков, «старший брат Данилы Багрова», уже много лет не пьёт. А вот в своё время алкоголь чуть не поставил на нём крест. Не только как на актёре, но как на человеке, личности.... Виктор Сухоруков поступил в ГИТИС в 1974 году, по окончании работал в Ленинграде в театре им. Акимова. Из труппы его уволили в 1982 году. Как признавался потом сам актёр, в это время он пил беспробудно. Но в свою звезду верил. Сумев победить пагубную привычку, Сухоруков смог вернуться на театральные подмостки в конце 1980-х* (Звёзды и закон. № 1. 2017. С. 14). *Поставить крест* – просторечная ФЕ имеет два значения: 1) «окончательно разуверившись в чём-либо, отказаться от чего-либо, перестать надеяться на что-либо»; 2) «посчитать кого-либо неспособным, непригодным и отказаться от него» [Фразеологический словарь, 1986, с. 347]. Данная ФЕ в предложении ... *алкоголь чуть не поставил на нём крест...* получает контекстуальное значение «убить, сделать недееспособным», то есть происходит частичная демегафоризация ФЕ (поставить крест на могиле). *Верить в свою звезду* – выражение ассоциативно проецируется на значения фразеологизмов *звезда возшла, родиться под счастливой звездой* [Бирих, Мокиенко, 2007, с. 241–242], имеющим общую сему «стать знаменитым, признанным в какой-либо сфере деятельности».

В третьем тексте фразеологические единицы как бы имитируют фрагмент речи актёра В. Сухорукова, выступая в качестве цитат, т.е. выполняют функцию идентификации речи, в то же время усиливают прямую диалогичность (адресант – актёр Сухоруков) и диалогичность всего текста в целом (адресант – адресат). *Поставить крест, верить в свою звезду* – оценочная ФЕ и словосочетание, ассоциативно связанное с языковыми ФЕ (*звезда возшла, родиться под счастливой звездой*), порождающиеся антонимией ФЕ и словосочетанием *верить в свою звезду*, отражают семантическую и оценочную оппозицию.

Нами отмечен оригинальный приём использования паремий и фразеологических единиц внутри текста: концентрирование смысла текста в паремии или в одной фразе, обыгрывающей значение ФЕ. Например, некоторые тексты завершаются паремиями, подводящими итог сказанному адресантом. В этом случае паремия является языковой единицей, смысл которой необходимо объяснить, а порождённый адресантом текст служит именно таким словарным (разъяснительным) иллюстративным материалом, например: – *А ведь мог быть дворником или класть плитку где-нибудь под Питером, – улыбается Нагиев. – Когда поступил в театральный институт, случилось ужасное – паралич лицевого нерва. Как это произошло и почему – загадка. Утром*

*встал – лицо не слушается. Левая сторона «встала» полностью. Была паника. А это, согласитесь, главное рабочее место актёра. Думал, всё, хана! Никто до сих пор не знает, с чем это связано. Я просто понимал, что нет выхода. И я стал работать, разминал, колол, тёрся об стенку. К счастью, со временем удалось восстановиться. Но следы остались. Теперь их называют моей «фишкой». **Не было бы счастья, да несчастье помогло*** (Тайны звёзд. № 14, 29.03.2017. С. 19).

Аналогичную роль играют и фразеологические единицы. Например: *В 2015 году звезда (Пугачёва А. Б. – Е. Б.) месяц провела в клинике в Израиле. Примадонну обследовали и подобрали индивидуальную программу лечения. – Очень хорошие таблетки! – хвалит врачей невица. – Вылечили диабет. Сахар в крови теперь держится в норме и не откладывается в жир. Потому лишние килограммы и ушли! **Результат налицо и на лице:** Алла Пугачёва выглядит превосходно. Надеемся, недуг не вернётся и диабет так будут лечить у нас.* (Дм. Скаво. Алла Пугачёва. В Израиле мне лечили диабет – и я сдулась // Тайны звёзд. № 14, 29.03.2017. С. 7). ФЕ *результат налицо* имеет значение «задача решена». Паронимическая аттракция наречия *налицо* и существительного с предлогом *на лице* в одной фразе аналогично функции паремии (подводить итог всему сказанному) фокусирует весь смысл текста в одной фразе.

Следует отметить, что такое использование фразеологических единиц и паремий внутри текста встречается редко. Оно демонстрирует языковую компетентность адресанта и его творческий выбор фразеологических средств языка, что очень важно для журналиста и его адресата. Подобного рода применение паремий и фразеологических единиц является отражением традиций в их использовании в текстах художественной литературы, а также традиций русской разговорной речи. Новаторство проявляется в том, что подобного рода включение в текст названных единиц, во-первых, усиливает диалогичность текста и «оживляет» прогнозируемый процесс общения адресанта с адресатом текста; во-вторых, доказывает образный и оценочный характер паремий и ФЕ, которые служат традиционным средством создания экспрессии публицистического текста. При этом видна динамика и статика в приёмах применения фразеологических единиц и паремий в печатных публицистических текстах.

Таким образом, внутритекстовое использование фразеологических единиц с доминирующим эмоционально-оценочным компонентом в функции идентификации речи, создания конкретной оценки описываемого явления, усиления диалогичности публицистического текста, а также паремий, служащих фокусированию смысла всего текста отражает как традиции их использования в художественной и разговорной речи, так и журналистское новаторство, обусловленной высоким уровнем языковой компетентности, творческим подходом к отбору языкового материала.

Это является доказательством того, что фразеологизмы и паремии до настоящего времени не утратили своей речевой и культурной ценности, они так же, как и ранее, востребованы журналистами как образное средство, служащее созданию аксиологичности, экспрессии газетного и журнального текстов. Они также являются средством акцентуации смысла текста.

Библиографический список

1. Беглова, Е. И. Деметафоризация фразеологизмов как приём эксплицирования оценки и смысла в языке газеты / Е. И. Беглова // Слово. Словарь. Словесность: Экология языка (к 250-летию со дня рождения А. С. Шишкова). – СПб., 2005. – С. 188–190.
2. Беглова, Е. И. Семантическая и аксиологическая функции паремии в современной газете / Е. И. Беглова // Стилистика сегодня и завтра. – М., 2014. – Ч. 1. – С. 13–17.
3. Беглова, Е. И. Фразеологические единицы как образное средство в заголовках современного публицистического текста / Е. И. Беглова // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 25–26 марта 2016 г.). – Пенза, 2016. – С. 351–354.
4. Бирих, А. К. Русская фразеология: историко-этимологический словарь / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – 3-е изд. – М., 2007.
5. Жуков, В. П. Словарь русских пословиц и поговорок / В. П. Жуков. – 5-е изд. – М., 1993.
6. Корюкаева, К. С. Устойчивые выражения и фразеологизмы в политической речи / К. С. Корюкаева // Общественные науки. – 2015. – № 6–1. – С. 88–96.
7. Корюкаева, К. С. Стилистические функции паремии в современном политическом медиадискурсе / К. С. Корюкаева // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. – 2016. – № 36. – С. 36–44.
8. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. – М., 1986.
9. Химич, С. М. Роль и место фразеологизмов в языке СМИ. 2011 / С. М. Химич. – URL: http://www.confcontact.com/20110225/fl4_himich.php

О. А. Евдокимова
(г. Пенза, Россия)

ЗАГОЛОВКИ ГАЗЕТНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ: ЯЗЫК И СТИЛЬ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕНЗЕНСКИХ СМИ)

Открывая любую газету или журнал, фотографию или иллюстрацию, первое, с чем сталкивается читатель, – это заголовки. Они обращают на себя внимание, заметно отличаясь от остального текста. Предваряя любой текст, заголовок несёт определённую информацию,

и в зависимости от того, насколько эта информация нужна и интересна читателю, газетные и журнальные статьи будут либо прочитаны, либо проигнорированы. По словам К. И. Былинского, задача заголовков – пробудить в читателе интерес [Былинский, 1996, с. 104]. Поэтому к заголовкам выдвигаются повышенные требования по яркости и точности выражения мысли. Безусловно, эффективность газетного текста во многом определяется его заглавием, ибо известно, что с помощью умело составленного заголовка часто легче убедить читателя, чем с помощью резкого памфлета. Кроме того, «исследования психологов показывают, что около восьмидесяти процентов читателей уделяют внимание только заголовкам и именно по ним выбирают для себя публикации» [Васильева, 1982, с. 3].

Анализируя заголовочные конструкции газет «Пензенская правда» и «Молодой ленинец», мы рассматривали заголовок как компонент текста, тесно связанный с другими компонентами этой системы, занимающий стилистически сильную позицию, называющий текст и дающий первоначальную информацию о нём.

В ходе исследования заголовков пензенских газет стало очевидно, что в данных печатных СМИ преобладают авторские заголовки. Они составляют 90 % от общего числа заголовочных конструкций (например, *«Трудоголики из села Батрак» (ПП)*, *«Вышел на пенсию – беги!» (ПП)*, *«Сладкий имидж Сурского края» (ПП)*, *«На дорогах – каша. Не наша?» (ПП)*, *«11 канал набирает ведущих» (МЛ)*, *«Сердце Пензы защитят от новостроек» (МЛ)*).

В качестве заголовков публикаций используются и трансформированные афоризмы и крылатые выражения (6,7 %): *«От любви до ненависти один шаг» (ПП)*, *«А лёд наш крепок!» (МЛ)*, *«Овощной пир на весь мир» (ПП)*, *«Прошли огонь и воду» (ПП)*, *«Иван Васильевич профессию не меняет» (ПП)*. Таким образом журналисты обновляют семантику, структуру и экспрессивно-стилистические свойства заголовочных конструкций.

Особую публицистичность газетным текстам придают трансформированные пословицы и поговорки, используемые в качестве заголовочных конструкций. Они составляют 3,3 %: *«Доверяй, но проверяй» (МЛ)*, *«Красиво шить не запретишь» (ПП)*, *«Береги глаза смолоду!» (МЛ)*, *«Начали за здоровье...» (МЛ)*, *«Один на рынке не воин» (ПП)* и др.

Сложность и многообразие заголовков газет «Пензенская правда» и «Молодой ленинец» кроется и в их синтаксической оформленности. Большой процент составляют простые двусоставные предложения – 43 %: *«Горожане оплатят плохое отопление» (МЛ)*, *«Автобусы приехали!» (ПП)*, *«Река унесла две жизни» (ПП)*, *«И мышь не проскочит» (ПП)*, *«Сосульки – дорогое удовольствие» (ПП)* и др.

Достаточно часто в качестве названия газетных публикаций используются односоставные предложения. Неопределённо-личные со-

ставляют 9 % заголовков: *«Работающих пенсионеров оставят без прибавки на три года»* (МЛ), *«Пензякам отказывают в получении звания «Ветеран труда»»* (МЛ), *«Пензяков лечат скандинавской ходьбой»* (МЛ).

Большая часть неопределённо-личных предложений (около 2 %) имеет обобщённое значение. Они содержат образное выражение суждений общего характера: *«Смотрят в книгу – видят гаджет»* (МЛ), *«Конец кризиса три года ждут»* (ПП), *«Обещанного три года не ждут»* (МЛ), *«Старинную икону просят о помощи»* (МЛ).

К инфинитивным предложениям в заголовках журналисты прибегают в 4 % случаев. Такие заголовки составляют фонд разговорного синтаксиса, несут большой заряд экспрессии: *«Не пускать пыль в глаза»* (ПП), *«Как местным попасть в сети»* (ПП), *«Продержаться до весны»* (ПП), *«Поднять машинку, как пушинку»* (ПП), *«Какую прибавку ждать пенсионерам в 2017 году»* (МЛ).

Безличные предложения составляют 3 % заголовков: *«Покупателя лучше не злить»* (ПП), *«Детям положено 16 разных пособий!»* (МЛ), *«Потянуло в родную школу»* (ПП). Часто они имеют разговорный оттенок.

Определённо-личные предложения в качестве заголовков составляют 2 %: *«Вспомни прошлое и... выиграй пластиковое окно»* (МЛ), *«Отдохни в Сурском крае!»* (МЛ), *«Вызываю тебя на... подписку»* (ПП), *«Держим связь через... дурилаг»* (ПП), *«Не хочу платить за дядю»* (ПП), *«Аты-баты, хочу в солдаты!»* (МЛ).

Из разговорной речи пришли на газетную полосу различные эллиптические предложения – безглагольные фразы, характеризующиеся краткостью, энергичностью выражения. Они составляют 2 %: *«Укололи – и пошёл»* (ПП), *«В секонд хенд – на иномарке»* (ПП), *«Из программистов – в фермеры»* (МЛ), *«Богатый урожай – к фонарям»* (ПП), *«К фонтану – за деньги?»* (ПП).

Безглагольные номинативные конструкции составляют 23 % всех заголовков газетных публикаций: *«Ноу-хау по-советски»* (ПП), *«Преступление без наказания»* (ПП), *«Славянский праздник с пловом»* (МЛ), *«Не по Сеньке новостройка»* (ПП), *«Реестр без вранья»* (ПП) и др. Очевидно, что среди заголовков-предложений чаще всего встречаются простые предложения. Такие названия кратки, выразительны, легко воспринимаются читателями.

Следует отметить то, что большинство заголовочных конструкций в данных печатных СМИ нейтральны, но 20 % от общего количества анализируемых заголовков являются экспрессивными. В ходе анализа выявлены следующие степени проявления экспрессии в заголовках статей газет «Пензенская правда» и «Молодой ленинец»: большинство эмоционально-оценочных конструкций – восклицательные предложения (11 %), реже используются в качестве заголовков вопросительные, инфинитивные и побудительные предложения.

Современные журналисты, стремясь обогатить свою статью и привлечь к ней внимание читателя, пользуются следующими приёмами при создании заголовков: **замещение** («Мягко стелют – дорого спать» (ПП), «Уж замуж... не торопятся» (ПП), «А вы бы сели на карусели?» (ПП), «Эх, яблочко, да под бульдозером...» (ПП), «Куда сбегает детство?» (МЛ), «Потоп на всю Ивановскую» (ПП), «Один на рынке не воин» (ПП)); **усечение** («Прошли огонь и воду...» (ПП), «Кажется, приплыли...» (МЛ), «Больше не покатаются...» (ПП)); **добавление** («Обещанного три года не ждут» (ПП), «Дом был, да сплыл» (МЛ), «Преступление без наказания» (ПП), «Телу – время. И внимание» (ПП)); **контаминация** («ТРУДно без прав» (ПП), «Война и мир Бориса Эйшлина» (МЛ), «неСНОСный дом» (ПП)).

Трансформируя известные выражения-цитаты, журналисты тем самым пытаются выразить свою, авторскую, индивидуальность, сделать заголовки оригинальными.

Отметим, что зачастую попытка журналиста быть оригинальным нарушает этические нормы. В заголовках газет «Молодой ленинец» и «Пензенская правда» можно встретить нарушения норм журналистской этики. Например, «Бабушка в декрете» (ПП), «Ещё не старые, но беззубые» (ПП), «Старость приходит, когда ты не можешь помыть пятки в раковине...» (МЛ) и др. Рассмотрим подробнее публикацию «Старость приходит, когда ты не можешь помыть пятки в раковине...» в газете «Молодой ленинец». В данной статье рассказывается о состоявшемся форуме «Активное долголетие», в котором приняли участие общественники и не стареющие душой активисты из нескольких городов России. Цель форума, который организовал фонд «Гражданский союз», – доказать окружающим, что на пенсии жизнь только начинается! Участники встречи рассказывали о необычных проектах, которые реализуются для представителей старшего поколения. Смысл статьи – положительные моменты старости, боевой настрой людей преклонного возраста, а в заголовке – неуважительная насмешка над людьми пенсионного возраста. Это и есть очевидное нарушение этики журналиста по отношению к социальному слою нашего общества – пенсионерам. Кроме того, в тексте статьи встречаются лексемы еще более ярко выражающие неуважение и даже неприязнь к пожилым людям: «клячи», «чайник». Это доказывает, что журналисты в современных СМИ не просто нарушают норму профессиональной этики, но иногда намеренно выражают личное пренебрежение к героям своих публикаций, в данном случае, к пенсионерам. Правда, подобных заголовков немного, но всё же они есть, и это является издержкой современных печатных СМИ.

Таким образом, языковая основа газет «Молодой ленинец» и «Пензенская правда» сложна и многообразна на всех уровнях современного русского языка, а этическая основа данных СМИ имеет свою

специфику. Выявлены примеры нарушения этики журналиста, вследствие которого заголовок передаёт ненужный и неуместный сарказм. Не стоит забывать о том, что заголовок – сила статьи, каждое слово ценно и значимо в нём. И это слово должно быть выбрано журналистом точно, метко и уместно!

Библиографический список

1. Былинский, К. И. Язык газеты. Избр. работы / К. И. Былинский. – М., 1996.
2. Васильева, А. Н. Газетно-публицистический стиль речи / А. Н. Васильева. – М., 1982.

А. К. Жумабекова
(г. Алматы, Казахстан)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЕМАНТИЧЕСКИХ ОППОЗИЦИЙ В ТЕКСТАХ КАЗАХСТАНСКИХ ГАЗЕТ

Язык средств массовой информации отличается, как известно, яркостью, образностью, экспрессией. В текстах современных популярных казахстанских газет часто используются оппозиции, организованные структурно и семантически в соответствии с авторским замыслом.

Так, в газетных заголовках часто используются узуальные антонимы (*Как **наши** инвесторы за **чужой** футбол болели. Как Бауржан Байбек **старую** рекламу на **новую** менял. **И строим, и сносим!** Обеды **игрушечные** и **настоящие**. От **простого** к **сложному***).

Но чаще всего журналисты используют неточные, контекстуальные антонимы (***Присвоил, но отдал. С бабушек – на девушек. Худшее – друг хорошего***).

Почти всегда при этом в контексте статьи оппозиция, представленная в заголовке, раскрывается, поясняется, расширяется с помощью синонимичного ряда противочленов, например:

*Как **наши** инвесторы за **чужой** футбол болели*

*...Этично ли засыпать «зеленью» **чужие** футбольные поля, когда на **своих** от легионеров отбоя нет? [«Время» 28.01.2016: 5]*

Ироничный тон статей одного и того же автора, заданный в заголовках намеренно однотипной синтаксической структурой, поддерживается новыми оппозициями в тексте:

*Как Бауржан Байбек **старую** рекламу на **новую** менял*

*...Реклама всегда **со щитом**, даже когда она **на щите!** – «Время» 28.01.2016: 5].*

Пример стилистической фигуры амфитезы (когда утверждаются оба члена оппозиции):

И строим, и сносим!

Стилистическая фигура, основанная на оппозиции и представленная в заголовке статьи, раскрывается в тексте в форме межчастеречной словообразовательной антонимии (*снос – отстроено*):

*По словам Хорошуна, в рамках пилотного проекта по **сносу** ветхого и аварийного жилья уже **отстроено** 151 тыс. кв. метров* [«Время» 28.01.2016: 2].

Присвоил, но отдал

*За **хищение** 2 млн тенге осудили директора компании. ...В итоге наказание для Мулюкова – пять лет условно с испытательным сроком на один год. Два миллиона, к слову, он **вернул*** [«Время» 28.01.2016: 3].

Здесь в тексте противоположность антонимичной пары заголовка (*присвоил – отдал*), усиливается в тексте статьи за счёт её синонимов, также вступающих между собой в антонимические отношения, характеризующиеся грамматической асимметрией (*хищение – вернул*).

От простого к сложному

*В барселонской больнице Валь д'Эброн в феврале прошлого года была проведена **самая сложная** операция по пересадке лица. ...**Сложнейшая** операция стала итогом командной работы 45 врачей, хирургов, медсестер и анестезиологов. ...В отличие от **схожих** операций, когда заменяют или восстанавливают черты лица пациента, тут была **прорва** работы. ...Трансплантация такой **сложности** была проведена впервые в мире* [«Время» 18.02.2016: 49].

В данной статье усиливается лексема *сложный* с помощью семантической восходящей градации: *самая сложная, сложнейшая*; грамматического варианта – существительного *сложность*. Синонимо-антонимическая парадигма включает лексему *схожие*, входящую в тематическое поле прилагательного *простой*, и просторечную лексему *прорва*, входящую в тематическое поле прилагательного *сложный*.

Структурно-семантическая организации оппозиции может повторяться в более широком контексте:

С бабушек – на девушек

*В Семее телефонные мошенники сменили тактику при выманивании денег у легковых граждан, переключившись с **бабушек на девушек*** [«Время» 28.01.2016: 18].

Часто семантически асимметричная пара антонимов в составе оксюморонного заголовка используется авторами для привлечения внимания читателей (ср. *худшее – хорошее* вместо ожидаемого *плохое – хорошее*):

Худшее – друг хорошего [«Время» 28.01.2016: 19]

В статье речь идёт о введении в Туркменистане платы за принудительно посещение школьниками и студентами домов культуры; оппозиция, вынесенная в заголовок, текстуально не поддержана. Скорее всего, объясняется это небольшим объёмом газетной заметки.

ГОСТ? Нет, IRIS!

Здесь оппозиция, заявленная в заголовке, раскрывается в тексте неявно, с помощью замены одного из членов лексемой из одной тематической группы (*ГОСТ*= *отечественный* – *IRIS*= *зарубежный, международный*):

ТОО «Электровоз құрастыру зауыты» первыми среди **отечественных** производителей железнодорожного подвижного состава прошли сертификацию **IRIS** (*IRIS – Международный стандарт железнодорожной промышленности*) [Караван 30.06.2017:13].

Этот же прием наблюдаем и в других примерах:

Обеды *игрушечные* и *настоящие*

– ...девочка уходит к себе в комнату, чтобы оттуда притащить баул с *кастрюльками*.

– будем готовить обед!

Все это время Валя Александрова...готовит **настоящий** обед из трёх блюд [«Время» 28.01.2016: 13].

Текст этой статьи поддерживает основную антонимическую пару повтором её второго члена *настоящий* и лексемой *кастрюльки* из тематической группы противочлена *игрушечный*.

Часто в заголовках представлены прецедентные выражения, иногда трансформированные: *Кто **прав**, кто **виноват**?* [«Литер» 13.04.2016]

*Период адаптации: пока **старые** кони «**бороздят**», **молодые** псы «**метят**».*

И здесь контекст полнее раскрывает заявленный в заголовке контраст, усиленный двумя парами оппозиций, один из членов которых заменяется синонимичным выражением без метафорического и коннотативного значения (*молодые псы* – *новое поколение*):

...То есть пока **старые** кони «**бороздят**» просторы Вселенной, **новое** поколение, принявшее правила игры в нынешних реалиях, активно «**метит**» предоставленную территорию [«Караван» 21.07.2017: 4].

Проведённый анализ приводит к выводу, что использование узуальных и контекстуальных семантических оппозиций в газетных заголовках является одним из частых журналистских приёмов с целью привлечения читательского внимания. Как правило, такая оппозиция находит своё развитие в тексте статьи, актуализируя соответствующую антонимо-синонимическую парадигму либо тематическую группу.

Интересно в этой связи отметить, что механизмы, порождающие языковую и контекстуальную антонимию в разных языках, являются универсальными, что было продемонстрировано нами на примере русского и казахского языков.

Библиографический список

1. Жумабекова, А. К. Антонимия в казахском и русском языках (опыт сопоставительно-типологического анализа) : моногр. / А. К. Жумабекова. – Алматы : Институт развития государственного языка, 2016. – 168 с.
2. Газета «Время». – 2016.
3. Газета «Караван». – 2017.
4. Газета «Литер». – 2016.

Е. В. Кочеткова
(г. Пенза, Россия)

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ЖУРНАЛИСТА В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Возникновение и бурное развитие новых информационных технологий в конце XX–XXI в. явилось переломным моментом во многих отраслях человеческой жизнедеятельности. Темп современной жизни постоянно ускоряется, поэтому человек стремится упростить способ передачи, хранения и представления информации [интернет-коммуникация как новая речевая формация, 2012, с. 124]. Одним из таких способов является Интернет, который в большинстве случаев оказывает негативное влияние на культуру речи населения.

Цель нашей работы – проанализировать ошибки журналистов на новостных порталах Пензы – ПензаИнформ, PenzaNews, Пенза-Пресс.

По нашему мнению, журналисты пензенских сайтов стараются обращаться к словарям и следить за грамотностью своей речи, поэтому оказалось, что **орфографические ошибки** встречаются редко: *пенсионеры в дождь сума сходят* (ПензаИнформ, 07.07.2017 г.); *туры в Тайланд* (ПензаИнформ, 08.08.2017 г.); *нашу продукцию вы можете преобрести каждую среду* (ПензаИнформ, 05.02.2017 г.).

Также журналисты допускают **пунктуационные ошибки**. Правила пунктуации зачастую игнорируются вообще, а пунктуационные знаки могут использоваться не по своему прямому назначению, запятые могут опускаться вообще, так же, как и вопросительный знак в конце предложения [Введенская, 2008, с. 100]. Например, типичная ошибка пензенских журналистов – отсутствие кавычек, в результате чего нарушается смысл данного высказывания: *умная игра Юрия Вяземского превосходит по численности все настольные игры* (ПензаИнформ, 02.06.2017 г.); *количество плохих долгов в России подскочило на 13 процентов за полгода* (ПензаИнформ, 26.07.2017 г.); *продавцы ёлок спрятали хвойные лапы на ул. Ленинградской* (ПензаИнформ, 25.01.2017 г.)

Кроме того, мы выявили **лексические ошибки**. «Выбор слов – одна из центральных, ключевых проблем грамматики говорящего» [Козырев, 2012, с. 84].

Паронимы и паронимы являются зоной особого риска для говорящего и пишущего и требуют особого контроля. Например, корреспондент: *«Вот такое письмо мы получили, а в конце его **роспись и число**»*. Роспись – это живопись на стенах, потолке и на предметах быта (хохломяская, городецкая роспись) [Вишнякова, 2002, с. 146]; *в заключение слово для доклада представили директору завода* (Пенза-Пресс, 30.08.2017 г.); *певица призналась, что ничего не может одеть на себя из своего гардероба, потому что поправились* (ПензаИнформ, 20.08.2017 г.); *грипп очень заразителен, поэтому его нельзя переносить на ногах* (ПензаИнформ, 15.02.2017 г.).

Наряду с ошибками в выборе паронимов, мы также встретились с явлением *тавтологии*. Например: *пожар возник на очень высокой высоте* (ПензаИнформ, 01.07.2017 г.); *репортер проводил репортерское исследование* (PenzaNews, 06.06.2017 г.); *отличившиеся в этой операции награждены государственными наградами* (Пенза-Пресс, 15.09.2017 г.); *вопреки сложившейся ситуации, которая сложилась сейчас в России* (ПензаИнформ, 19.05.2017 г.).

Параллельно с тавтологией на пензенских новостных сайтах журналисты злоупотребляют *заимствованными словами*. Одной из причин является тенденция к аналитизму – замене словосочетания одним словом, т.е. реализуется закон языковой экономии [Козырев, 2012, с. 41]. Например, *«Не держите деньги в авуарах. – Что такое авуары? – Я имею в виду матрасы, чулки»* (PenzaNews, 10.08.2017 г.).

Хочется отметить ещё одну распространённую ошибку на новостных сайтах – *плеоназм*. Например: *беседа, которую мы провели, подошла к своему завершающему концу* (ПензаИнформ, 02.03.2016 г.); *резюмируя, можно кратко обобщить: предпринята попытка скомпрометировать нашу организацию* (Пенза-Пресс, 17.05.2017 г.).

Не менее значимой ошибкой в области лексики является *неправильная сочетаемость слов*, которая приводит к искажению смысла предложения. Например: *в Пензе эвакуировали вокзал из-за бесхозных вещей* (ПензаИнформ, 19.07.2017 г.); *Вокзал нельзя эвакуировать, так как это неодушевленный предмет, скорее всего речь шла о пассажирах, находящихся в здании вокзала; во время ремонта мастера тщательно аннулировали все неровности стен* (Пенза-Пресс, 01.08.2017 г.). Аннулировать можно работу, а стены можно сгладить, выровнять; *круговорот огурцов в России* (Пенза-Пресс, 15.02.2017 г.); *французский художник начал высиживать куриные яйца* (ПензаИнформ, 30.03.2017 г.).

В ходе нашего исследования мы выяснили, что самой большой по численности групп ошибок являются **грамматические**. Ошибки такого рода объясняются нарушениями правил образования различных форм слова. Например: *всего за этот месяц в госпиталь доставили тридцать двух раненых* (Пенза-Пресс, 03.05.2017 г.); *такое наказание назначено двоим братьям* (ПензаИнформ, 06.03.2017 г.); *ему было не со-*

всем удобно докладывать всего того, что говорили подчинённые (Пенза-Пресс, 05.05.2017 г.); *драматический театр отправил актёра на пенсию, на которой он больше не танцевал* (ПензаИнформ, 06.07.2017 г.).

Часто встречаются ошибки в управлении: На Иван Купалу погода в Пензенской области не наладится (PenzaNews, 07.07.2017 г.); *в спорткомплексе «Белый Колодец» съехались участники первых в этом году соревнований по ралли-кроссу* (PenzaNews, 30.04.2017 г.); *правительство обещает выплатить пенсии к десятому сентябрю* (PenzaNews, 15.08.2017 г.).

В процессе анализа текстов, размещённых на пензенских сайтах, мы выявили значительное количество ошибок. В связи с тем, что в Интернете функционирует упрощённая разновидность речи, которая имеет свои собственные специфические черты, невозможно не обратить внимание на ярко выраженное пренебрежение правилами русского языка. Чтение новостных сайтов с ошибками оказывает негативное влияние на культурный уровень личности.

Библиографический список

1. Введенская, Л. А. Культура речи / Л. А. Введенская. – М., 2008.
2. Интернет-коммуникация как новая речевая формация : колл. монография / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2012.
3. Козырев, В. А. Современная языковая ситуация и речевая культура : учеб. пособие / В. А. Козырев. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2012.
4. URL: <http://www.penzainform.ru>
5. URL: <https://penzanews.ru>
6. URL: <http://www.penza-press.ru>

А. С. Смага
(г. Пенза, Россия)

ОШИБКИ В КОММЕРЧЕСКОЙ РЕКЛАМЕ

Языковеды с сожалением констатируют, что современный период развития общества отличается резким падением грамотности, расшатыванием языковой нормы, значительным уменьшением объёма словаря среднего человека, примитивизмом в выражении мыслей. Особенно влияет на массовое языковое сознание реклама, которая путём многократного повторения формирует новую систему ценностей [Акуленко, 2007, с. 360].

Основные цели рекламы – привлечение внимания потенциального покупателя и побуждение к приобретению товара или услуги. В погоне за прибылью рекламодатели порой забывают соблюдать про-

стейшие правила русского языка. Одни ошибки вызывают лишь улыбку, а другие заставляют бить тревогу по поводу грамотности современного общества.

Проблеме рекламных текстов посвящено множество исследований. Изучаются жанры, формы, средства создания эффективной рекламы, лексическая наполняемость рекламных текстов, но ни в одном из исследований не затрагивается проблема нарушения языковых норм в рекламных текстах, хотя очевидно, что они не всегда соблюдаются [Журавлева, Косых, 2007]. Поэтому целью нашего исследования является определение уровня владения русским языком пензенскими рекламодателями. В качестве объекта исследования были взяты объявления в газетах и уличная реклама.

Все рекламные объявления можно разделить на группы, в зависимости от допущенных в них ошибок.

Достаточно часто встречались орфографические ошибки, которые обусловлены, во-первых, низким контролем организации, размещающей рекламу, во-вторых, созданием рекламы самими предпринимателями без привлечения специалистов в области русского языка.

Большую часть составляют ошибки, связанные с игнорированием простейших правил орфографии. Так, например, были найдены вывески *«Конфеты с нугой и дробленным орехом»* (г. Кузнецк) и *«Купи масло и масленый фильтр – замена масла БЕСПЛАТНО»* (г. Пенза). В первом случае ошибка связана с нарушением правописания отглагольных прилагательных – следует писать «с дробленным орехом», во втором – с невозможностью различить прилагательное и причастие – правильно «масляный фильтр».

Встречались ошибки, связанные с написанием слов по типу «как слышится, так пишется»: *«Все на сотовые тилифоны»* (г. Кузнецк), *«Беларусский трикотаж»* (г. Кузнецк), *«Внимание! 30 мая в БДЦ с. Чаадаевка состоится большая трикотажная ярмарка КАНФИС-КАТ!»* (с. Чаадаевка). Правильное написание данных слов необходимо либо запомнить, либо проверить по словарю.

Встречается пропуск букв и их замена: *«тазобедренна часть»* (г. Кузнецк), *«конфеты «Берберис»* (с. Чаадаевка), *«Бизнес-ланч. 169 руб. Суп итальянский с фрикаделками»* (г. Пенза), *«Цифровое телевидение высокой четкости + сверхскоростной Интернет»* (г. Пенза).

Наблюдается игнорирование правил слитного, раздельного или дефисного написания слов: *«ООО Темп. Оптово розничная торговля»* (г. Кузнецк), *«Склад № 2010. Рыба свежее-мороженая, холодного копчения, соленая»* (г. Кузнецк), *«Хлебо-булочные изделия»* (г. Кузнецк), *«Салон-обуви «Метелица»* (г. Кузнецк).

Немало ошибок в написании двойных согласных: *«Мороженое»* (г. Пенза), *«Шнуры, итеккера, разъемы, переходники»* (г. Куз-

нецк). Правильное написание таких слов следует запомнить, так как они являются словарными: «мороженое», «штекер».

Создателям рекламы не всегда удается избежать пунктуационных ошибок, которые свидетельствуют о небрежном отношении к нормам русского языка или о низкой коммуникативной компетенции копирайтера.

Большинство найденных пунктуационных ошибок обусловлены недостаточным знанием правил русского языка: «*Вдохновение – подарок лишь тебя достойный*» (г. Пенза), «*Для тех кто ценит свое здоровье компания «ОМЕГАВИТ» приглашает на программу «Здоровы без лекарств»*» (г. Кузнецк).

Часто в тексте либо пропускаются запятые, либо добавляются «лишние»: «*№1. Оригинальное, стопроцентное МОРОЖЕНОЕ. Пожалуй, лучшее*» (г. Кузнецк), «*Мебель для дома от производителя. Дешевле чем у всех. Звоните, посчитаем*» (г. Пенза), «*Получи маслёнку, за каждые 5 кодов от закваски «Простоквашино»*» (г. Кузнецк). Если каждую пропущенную запятую можно объяснить незнанием какого-либо определенного правила, то постановку лишней запятой объяснить невозможно.

Не часто, но всё же встречаются ошибки, связанные с обособлением деепричастных и причастных оборотов, – «*Пейте наслаждаясь*» (г. Кузнецк), «*Матрасы обработанные ионами серебра Ag*» (г. Пенза), «*В марте скидки каждый день 20 %. Ищите товары выделенные специальными ценниками*» (г. Пенза).

Нередко встречаются и грамматические ошибки. Основную часть составляют ошибки при образовании форм слова: «*Мясо для шашлыка, жарка*» (г. Кузнецк), «*Шнуры, штеккера, разъемы, переходники*» (г. Кузнецк), «*Подъем стройматериалов, пианино, сейфы, банкоматы*» (г. Пенза).

Среди речевых ошибок часто встречаются нарушения, связанные с незнанием значения слов и выражений, например, «*Вагоны, контейнеры, фуры, АВТОТРАНСПОРТ*» (г. Пенза).

АВТОТРА́НСПОРТ -а; м. Автомобильный транспорт (легковые и грузовые автомашины, автобусы и т.п.) [Большой толковый словарь русского языка, 2000, с. 27].

ФУ́РА -ы; ж. [нем. Fuhre] 1. Устар. Большая, длинная телега для клад. Двинулись фуры. Тяжёлые фуры. Ф. с мешками. 2. = Фургон (1 зн.). Санитарная ф. Холщовая ф. 3. Машина с длинным крытым кузовом для перевозки грузов на дальние расстояния [Большой толковый словарь русского языка, 2000, с. 1436].

Понятие «автотранспорт» включает в себя «фуры», и употребление этих слов вместе – ошибка.

Серия табличек «*мясо свинины*», «*мясо говядины*», «*мясо баранины*», найденных в г. Кузнецке, – яркий пример избыточных сочета-

ний, так как свинина, говядина и баранина в своём значении уже предполагают мясо какого-либо животного.

Встретилось и такое нелепое рекламное объявление: «*Носки переехали на 1 этаж комната 4*» (г. Пенза).

Анализ найденных ошибок позволил нам сделать вывод, что для языка рекламы характерны отступления от языковой нормы: грамматической и лексической. Нарушение норм порождает разные ошибки, которые значительно снижают эффективность рекламы и закрепляют в сознании человека неверные речевые обороты, что приводит к снижению культуры речи.

Библиографический список

1. Акуленко, Н.-Л. М. Роль культуры речи в современном российском обществе / Н.-Л. М. Акуленко // III Междунар. конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» : сб. тезисов. – М., 2007. – URL: <http://www.philol.msu.ru/~rlc2007/pdf/13.pdf>
2. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
3. Журавлева, Т. С. Современные рекламные тексты с точки зрения нормативности русского языка / Т. С. Журавлева, Е. А. Косых // III Междунар. конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» : сб. тез. – М., 2007. – URL: <http://www.philol.msu.ru/~rlc2007/pdf/13.pdf>.
4. Рекламный дискурс и рекламный текст : кол. моногр. / науч. ред. Т. Н. Колокольцева. – М. : ФЛИНТА : НАУКА, 2011. – 296 с.
5. Розенталь, Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке / Д. Э. Розенталь. – М. : АЙРИС-пресс, 2016. – 368 с.

Е. Н. Тихонова, Д. М. Павлова
(г. Москва, Россия)

СРЕДСТВА РЕЧЕВОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ В ПОЛИТИКЕ

В современном информационном пространстве широко применяется речевое, или языковое, манипулирование – «разновидность манипулятивного воздействия, осуществляемого путем искусного использования определенных ресурсов языка с целью скрытого влияния на когнитивную и поведенческую деятельность адресата» [Копнина, 2017, с. 25]. Речевое манипулирование направлено на формирование у целевой аудитории выгодных для манипулятора предпочтений. Оно основывается на таких психологических механизмах, которые способствуют некритичному восприятию сообщаемого, в результате чего в сознании человека возникают иллюзии и заблуждения, провоцирующие

его на совершение определённых поступков [Культура русской речи, 2007, с. 566]. Для этого используются искажение информации, нарушение законов логики, а также различные языковые средства (трансформация семантики слова, оценочная лексика, тропы, экспрессивный синтаксис, языковая игра и т.д.).

Методы речевого манипулирования активно применяются в психотерапии, преподавательской деятельности, однако основными их пользователями являются рекламные агентства и PR-компании, ТВ и печатные СМИ. При этом адресат сообщения, на мнение которого пытается повлиять автор, воспринимается как объект воздействия [Данилова, 2011, с. 7]. Чаще всего речевое манипулирование можно заметить в периоды идеологических баталий. В современном мире таким периодом расцвета агитационных призывов является предвыборная кампания, когда заголовки газет и журналов начинают пестреть лозунгами партийных программ. В это время воздействующая функция СМИ значительно усиливается: фактически «средства массовой информации превращаются в средства массового воздействия» [Ильясова, Амири, 2015, с. 11], повышается «степень экспрессивности политической коммуникации» [Чудинов, 2012, с. 60].

Следует отметить, что посещение избирательных участков с каждым годом становится всё менее актуальным: избиратели задаются вопросом, имеет ли смысл участвовать в выборах. Дабы обеспечить активность электората, СМИ начинают стимулировать его интерес и акцентировать внимание на важности каждого избирателя. Из статей «Московского Комсомольца»: *Народ, который не желает делать свой собственный выбор, обязательно столкнётся с тем, что этот выбор за него сделают другие. Именно об этом, с моей точки зрения, должны помнить граждане России, принимая в это воскресенье решение, идти им или не идти на избирательный участок [9]. Отказ от похода на избирательный участок – это никакой не «бойкот». Настоящий протест влияет на ход событий. А решение остаться дома влияет разве что на явку избирателей. Никакого порога явки в России нет, так что выборы состоятся в любом случае [3]*. В данных отрывках просматривается наличие имплицатуры, скрытого смысла: «Ты важен, если ты голосуешь». Сделав соответствующий вывод, адресат манипулирования скорее всего примет решение посетить избирательный участок, чего и добивался адресант.

В процессе предвыборной борьбы основной целью политических деятелей является убеждение избирателей в правильности выбора именно их партии на основе изложенного в предвыборной программе. Политики, выступающие как медийные личности, используют следующие приёмы в целях «актуализации оценочных смыслов, усиления воздействующей функции, выражения эмоционального накала и демонстрации оригинальности своего речевого портрета: сочетание про-

сторечной и жаргонной лексики со словами высокой стилистической окраски, немотивированные метафоры, восклицательная риторическая интонация» [Маркелова, 2015, с. 254]. Например, лидер КПРФ Г. Зюганов в информационном предвыборном бюллетене так обращается к избирателям: *Вот уже 25 лет продолжается в нашей стране капиталистический эксперимент. Мы потеряли 80 тысяч заводов и фабрик, порушены целые базовые отрасли производства. Мы входили в тройку самых образованных стран, самых сильных, самых безопасных. Теперь по всем показателям мы откатились назад. В 1993 году был расстрелян парламент страны. В 1998 году дефолт обрушил все финансы и чуть не похоронил страну. С 2008 года почти 10 лет мы снова в яме. <...> Если вы придёте на избирательные участки 18 сентября и защитите свои голоса, мы сможем создать противовес этой политике. <...> Выбираем номер 12 в бюллетене для голосования. Всё новое начинается с 12!* [1]. Автор пытается вызвать у адресата страх, беспокойство, используя оценочные метафоры (*мы откатились назад, дефолт обрушил финансы, чуть не похоронил страну, мы снова в яме*), и предлагает выход из сложившейся ситуации – проголосовать за КПРФ (риторическое восклицание в заголовке *Вместе возродим великую державу!*).

С одной стороны, в убеждении посредством логического построения аргументации нет ничего плохого, тогда как сам термин «манипулирование» несёт в себе негативный смысл. Но если провести лексический анализ отдельных фрагментов партийных текстов, то можно утверждать, что «убеждение» и «манипулирование» неразрывно связаны между собой, более того, активно взаимодействуют и дополняют друг друга.

Основным способом манипулирования в предвыборных программах партий является использование тактики громких обещаний как «способа прямого обмана» [Копнина, 2017, с. 51]. Очень важен момент подачи информации. Например, в предвыборной кампании 2016 г. особую роль играла острая политическая и экономическая ситуация. Страна не оправилась от валютного кризиса 2014–2015 гг. Этим и воспользовалась, например, партия ЯБЛОКО. Во вступлении к предвыборной программе партии 2016 г. используется противопоставление между понятиями, своеобразными ярлыками, разграничивающими старую (правящую) и новую (баллотирующуюся) власти соответственно: *Это программа перехода от государства войны – к государству мира, от власти коррупции – к власти закона, от государственной лжи – к правде, от несправедливости – к справедливости, от насилия – к достоинству, от унижения человека – к уважению человека* [6]. Основной целью такой построенной на антонимах антитезы становится достижение так называемого эффекта «светлого будущего»: автор стремится максимально «негативизировать» действующую власть и противопоставить себя ей.

Примечательно, что прямого обвинения в тексте нет, оно выражено в скрытой форме. Из текста программы партии: *Россия все сильнее отстает от ведущих стран мира по уровню и качеству жизни <...> В основе низкого качества жизни и государственного управления лежит неуважение к человеку <...> мы сможем добиться качественных изменений и создадим страну, удобную для жизни подавляющего большинства граждан. Каким станет для России и для наших детей XXI век – зависит от нас сегодня. Мы – страна талантливых людей, способных <...> вывести свою Родину в число передовых стран мир [6].* В данном фрагменте используется противопоставление собственной партийной идеологии позиции правящей партии. Заметны элементы количественного преувеличения: явный акцент на «отставании России», её упадка. Также присутствует генерализация, обобщенность сторонников точки зрения, представленной говорящим. Многократное употребление местоимений *мы, нас* показывает стремление адресанта манипуляции объединиться с адресатом, показать, что у них общие взгляды, цели и интересы. В обоих отрывках используются слова-коннотативы, придающие тексту особую эмоциональную и оценочную окрашенность: *коррупция, несправедливость, качество жизни, передовая страна* – данные маркёры помогают апеллировать к патриотическим и духовным ценностям избирателя. Этот приём также активно используется в текстах партии «Справедливая Россия»: *Программа нашей партии основана на базовых ценностях социализма: Справедливости, Свободе и Солидарности <...> Стремление к справедливости прочно укрепилось в национальном самосознании россиян, в системе ценностей, передаваемых из поколения в поколение посредством культуры, традиций, исторической памяти [7].*

Стремление показать важность и значимость электората повсеместно просматривается во всех предвыборных программах. Это общая импликатура является самой важной в процессе манипулирования, её суть: «Если ты отдашь голос за нас – тебя услышат». Из текста программы партии «Единая Россия» 2016 г.: *Многое у нас уже получилось. Но есть проблемы, которые пока еще не решены. Тем важнее для нас посоветоваться с вами, услышать ваши предложения, уточнить наши приоритеты и направления дальнейших шагов [4].*

Важное значение в политической борьбе имеет доказательство исключительности собственной партии, обособленности от позиций остальных. Крайне интересным примером является программа партии «ЛДПР»: *Мы в очередной раз доказали, что только ЛДПР полностью самостоятельна и поэтому вынуждена быть сильнее, мужественнее остальных партий, развиваться и двигаться вперед! [2]* Примечательно то, что данная партия доказывает эксклюзивность своей позиции через её инклюзивность и многообразие: *Мы не базируемся на строгих канонических постулатах любого из традиционных идеологических течений, но мы берём лучшее от каждого <...> Мы либералы <...>*

*Мы консерваторы <...> Мы верим в высокосоциальное общество <...> Мы поддерживаем здоровый национализм [2]. Также интересны лозунги, используемые в программе «ЛДПР»: «Хватит унижать русских!», «Не мешайте работать!», «Ударим по бюрократам!», «Всю казну – на заводы!» [2]. Стоит сказать, что отличительной чертой проводимой лидером партии «ЛДПР» Владимиром Жириновским предвыборной кампании является наступательная позиция в политических дебатах, в интервью с политиком. Например: *Коммунисты взяли. «Единая» меньше, но есть у них на местных выборах, нашего в том числе одного. «Справедливая Россия» вообще мусор собрала. «Родина», «Патриоты России», то есть все как шакалы там, где падаль есть, скорее прихватить. У нас самые чистые списки<...>. И я наведу порядок. ЛДПР. Только мы. «Парнас» Касьянов не сможет. Ну все эти партии. Все. Коммунисты не смогут. «Справедливая Россия» лепетать начинает какой-то рэп, уже ничего не соображает. «Единая» ничего. <...> Единственная чистая честная партия – ЛДПР. <...> Это и прельщает избирателей. Они хотят голосовать только за ЛДПР [8].* Политиком используется эксплицитная речевая агрессия, при которой он осознанно даёт резко негативную оценку партиям-конкурентам, используя стилистически окрашенные слова, в большинстве своем содержащие негативную коннотацию: *шакалы, падаль, лепетать какой-то рэп, ничего не соображает* – и при этом представляет ЛДПР как единственную чистую честную партию, что образует собой агрессивное противопоставление и поднимает вопрос о конкурентоспособности упомянутых партий. Парцеллированные конструкции усиливают экспрессивность, повышая воздействующий потенциал высказывания.*

Другим примером речевой агрессии являются некоторые включения из манифеста партии ПАРНАС: *Путинский режим не гнушается даже использовать ядерный шантаж <...> Путин превращает нашу страну в страну-изгой, наподобие Северной Кореи или Ирана и, одновременно, духовно поработщает наш народ, превращая его в легко манипулируемую послушную «массу» <...> Для поддержания такого состояния умов пошли в ход темы противостояния с Западом и «собираения исконно русских земель», построения «русского мира», «вставания с колен» [5].* Использование оценочных слов-коннотативов (*гнушается, ядерный шантаж, духовно поработщает, страна-изгой*), публицистических штампов (*встать с колен, собирать исконно русские земли*) для характеристики политических противников указывает на радикальное оппозиционное положение партии, выявляет осознанное и целенаправленное стремление автора вызвать агрессивное отношение к предмету речи, создать отрицательное восприятие фактов.

Речевое манипулирование является основным орудием в политической деятельности. Среди всего многообразия предвыборных кампаний и партийных обещаний в большинстве случаев побеждает тот, чья работа по агитации и пропаганде была наиболее успешной. Проанали-

зированный материал позволяет сделать вывод, что основным методом речевого воздействия является воздействие именно на духовные ценности: патриотизм, свободу, справедливость, внешнеполитический престиж страны. Расстановка основных акцентов по принципу «я прав, а они – нет» приводит к обособлению и противопоставлению собственной идеологической позиции позициям партий-конкурентов. Единственный способ противостоять манипулированию – трезво оценивать ситуацию и отдавать голос, исходя из собственных политических взглядов.

Библиографический список

1. Данилова, А. А. Манипулирование словом в средствах массовой информации / А. А. Данилова. – М. : Добросвет : Изд-во КДУ, 2011. – 346 с.
2. Ильясова, С. В. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы / С. В. Ильясова, Л. П. Амири. – М. : Флинта : Наука, 2015. – 296 с.
3. Копнина, Г. А. Речевое манипулирование / Г. А. Копнина. – М. : Флинта : Наука, 2017. – 176 с.
4. Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. – М. : Флинта : Наука, 2007. – 840 с.
5. Маркелова, Т. В. Оценочные смыслы и их речевая реализация в культурном пространстве современных средств массовой информации / Т. В. Маркелова // Рациональное и эмоциональное в русском языке : сб. тр. Междунар. науч. конф. (г. Москва, 20–21 ноября 2015 г.) / ред. кол.: П. А. Лекант, Н. Б. Самсонов, Н. А. Герасименко и др. – М. : ИИУ МГОУ, 2015. – С. 251–255.
6. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика / А. П. Чудинов. – М. : Флинта : Наука, 2012. – 256 с.
7. Зюганов, Г. Вместе возродим великую державу! / Г. Зюганов // Информационный бюллетень «Правда Москвы», август 2016.
8. Либерально-демократическая партия России, Программа ЛДПР. 2016–2021 год // ldpr.ru–2016. – URL: https://ldpr.ru/party/Program_LDPR/, свободный (дата обращения: 09.07.2017).
9. Маркова, В. Голосуем за депутатов, выбираем себя, «Московский комсомолец» // mk.ru – 2016. – URL: <http://www.mk.ru/politics/2016/09/16/golosuem-za-deputatov-vybiraem-sebya.html>, свободный (дата обращения: 09.07.2017).
10. Партия «ЕДИНАЯ РОССИЯ», Предвыборная позиция партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ» // er.ru – 2016. URL: <https://er.ru/party/program/userdata/files/2016/07/28/predvyibornaya-pozitsiya.pdf>, свободный (дата обращения: 09.07.2017).
11. Партия ПАРНАС, Манифест Партии Народной Свободы. – URL: https://parnasparty.ru/images/data/docs/5855b36f087ef_Manifest_sezd.PDF, свободный (дата обращения: 09.07.2017).

12. Партия ЯБЛОКО, Предвыборная программа партии ЯБЛОКО «Уважение к человеку» // yabloko.ru. – 2016. – URL: <http://www.yabloko.ru/program#>, свободный (дата обращения: 09.07.2017).

13. Политическая партия СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ, Программа партии // spravedlivo.ru – 2016. – URL: <http://31.44.80.183/files/pf59/075833.pdf>, свободный (дата обращения: 09.07.2017).

14. Радиостанция «Эхо Москвы». Интервью с В. В. Жириновским // echo.msk.ru – 2016. – URL: <http://echo.msk.ru/programs/beseda/1815762-echo/>, свободный (дата обращения: 09.07.2017).

15. Ростовский, М. Почему надо «проголосовать ногами», «Московский комсомолец» / М. Ростовский // mk.ru – 2016. – URL: <http://www.mk.ru/politics/2016/09/15/pochemu-nado-progolosovat-nogami.html>, свободный (дата обращения: 09.07.2017).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акямсова Юлия Андреевна, студентка историко-филологического факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Александрина Дарья Юрьевна, магистрант кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», учитель русского языка и литературы МБОУ многопрофильная гимназия № 4 «Ступени» (г. Пенза, Россия)

Алешина Ирина Александровна, ассистент кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Апиева Эльза Жумабековна, магистрант кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Арутюнян Вероника Никитична, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языкознания, типологии и теории коммуникации Ереванского государственного университета (г. Ереван, Армения)

Аюпова Людмила Лутфеевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания филологического факультета ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет» (г. Уфа, Россия)

Баженова Татьяна Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет» (г. Самара, Россия)

Байкулова Алла Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского» (г. Саратов, Россия)

Беглова Елена Ивановна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранного языка и культуры речи Нижегородской академии МВД России (г. Нижний Новгород, Россия)

Белякова Екатерина Валерьевна, учитель русского языка и литературы УЦ «Интеллект-Плюс» (г. Пенза, Россия)

Богомолова Светлана Сергеевна, старший преподаватель кафедры «Русский язык как иностранный» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Болотская Маргарита Павловна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры «Русский язык и методика преподавания

русского языка» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Бондалетов Василий Данилович, доктор филологических наук, профессор, Академик МАНЭБ, Академик Сан Марино (San Marino), профессор кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Брутян Лилит Георгиевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языкознания, типологии и теории коммуникации Ереванского государственного университета (г. Ереван, Армения)

Вавилова Елена Михайловна, учитель русского языка и литературы МОУ «Лицей № 230» (г. Заречный, Россия)

Василенко Анатолий Петрович, доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского» (г. Брянск, Россия)

Грдзелян Рузан Рубеновна, доктор филологических наук, профессор, профессор Ереванского государственного университета (г. Ереван, Армения)

Григорьева Александра Кимовна, старший методист центра гуманитарного образования ГАОУ ДПО «Институт регионального развития Пензенской области» (г. Пенза, Россия)

Гришина Ирина Сергеевна, студентка историко-филологического факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Гурьянова Людмила Борисовна, доцент кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Евдокимова Ольга Анатольевна, магистрант кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Есафьева Ольга Олеговна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Русский язык как иностранный» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Жумабекова Айгуль Казкеновна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры восточных языков и перевода Казахского национального педагогического университета имени Абая (г. Алматы, Казахстан)

Злобин Андрей Александрович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, культуры речи и методики обучения ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет» (г. Киров, Россия)

Злыднева Кристина Владимировна, методист Центра культуры ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Казарина Валентина Ивановна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, методики его преподавания и документоведения ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина» (г. Елец, Россия)

Казьмина Валентина Федоровна, магистрант кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Канакина Галина Ивановна, кандидат педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой «Русский язык и методика преподавания русского языка» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Касимова Гульзухра Кевировна, кандидат филологических наук, доцент Филиала Военной академии материально-технического обеспечения (г. Пенза, Россия)

Каткова Ксения Анатольевна, студентка историко-филологического факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Ключарева Ирина Сергеевна, старший преподаватель кафедры «Литература и методика преподавания литературы» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Кондратьева Ирина Александровна, учитель русского языка и литературы МБОУ классическая гимназия № 1 имени В. Г. Белинского (г. Пенза, Россия)

Кормилицына Маргарита Анатольевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского» (г. Саратов, Россия)

Кочелаев Андрей Александрович, студент историко-филологического факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Кочеткова Екатерина Владимировна, студентка историко-филологического факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Кочетова Ксения Евгеньевна, учитель русского языка и литературы МБОУ СОШ № 17 г. Кузнецка, магистрант кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Кузнецк, Россия)

Кривцова Маргарита Михайловна, корреспондент информационного агентства «PenzaNews», магистрант кафедры «Русский язык

и методика преподавания русского языка» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Куляхтина Инна Олеговна, магистрант кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Куприянова Наталья Сергеевна, старший преподаватель кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Кураш Сергей Борисович, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой белорусской и русской филологии Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина (г. Мозырь, Беларусь)

Леснова Ирина Дмитриевна, студентка историко-филологического факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Лобанкина Елена Анатольевна, магистрант кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»; редактор научно-методического отдела Центральной городской публичной библиотеки имени В. Г. Белинского (г. Пенза, Россия)

Логинова Екатерина Ивановна, студентка историко-филологического факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Луннова Марина Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Максимова Наталья Геннадьевна, учитель русского языка и литературы высшей квалификационной категории МБОУ «Кадетская школа по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий № 70» г. Пензы имени 70-летия Победы в Великой Отечественной войне (г. Пенза, Россия)

Московкина Ирина Иовна, старший методист центра гуманитарного образования ГАОУ ДПО «Институт регионального развития Пензенской области» (г. Пенза, Россия)

Носова Инна Анатольевна, учитель русского языка и литературы МБОУ «Лицей № 55» г. Пензы, магистрант кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Павлова Дарья Максимовна, студентка ФГБОУ ВО «Московский политехнический университет», направление подготовки «Издательское дело» (г. Москва, Россия)

Пашковская Светлана Сергеевна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры «Русский язык как иностранный» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Перепёлкина Лариса Петровна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры «Литература и методика преподавания литературы» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Перфилова Мария Николаевна, соискатель кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Полетаева Евгения Тимофеевна, студентка историко-филологического факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Попова Елена Алексеевна, магистрант кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Просина Наталья Александровна, старший преподаватель кафедры «Русский язык как иностранный» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Прядкина Анна Егоровна, студентка историко-филологического факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Родионова Инесса Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Салихова Эльвина Ахнафовна, доктор филологических наук, доцент кафедры языковой коммуникации и психолингвистики общенаучного факультета ФГБОУ ВО «Уфимский государственный авиационный технический университет» (г. Уфа, Россия)

Самсонов Николай Борисович, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой современного русского языка Государственного образовательного учреждения высшего образования Московской области Московский государственный областной университет (г. Москва, Россия)

Сараева Инна Валерьевна, магистрант кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Сергеева Алёна Васильевна, аспирант кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Сидорова Анастасия Сергеевна, студентка историко-филологического факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Сиротинина Ольга Борисовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, речевой коммуникации

и русского как иностранного ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского» (г. Саратов, Россия)

Смага Алёна Сергеевна, студентка историко-филологического факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Сомова Марина Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина» (г. Рязань, Россия)

Стрыгина Светлана Александровна, студентка факультета русской филологии и национальной культуры (педагогическое образование) ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина» (г. Рязань, Россия)

Тихонова Елена Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Русский язык и история литературы» ФГБОУ ВО «Московский политехнический университет» (г. Москва, Россия)

Ханмагомедов Ханмагомед Лязимович, доктор географических наук, профессор НОУ ВО «Дагестанский медицинский стоматологический институт» (г. Махачкала, Россия)

Хилько Валерий Валерьевич, магистрант кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Хохлова Елена Александровна, магистрант кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Шарибжанова Зия Ренатовна, студентка историко-филологического факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Ширшаков Роман Викторович, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Южакова Юлия Александровна, доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина» (г. Рязань, Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

ДОКЛАДЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ	3
<i>Канакина Г. И.</i> ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПОИСК ПУТЕЙ ИХ РЕШЕНИЯ.....	3
<i>Кормилицына М. А., Сиротинина О. Б.</i> РИСКИ ВЛИЯНИЯ МАССМЕДИА НА РУССКИЙ ЯЗЫК И РЕЧЕВУЮ КОММУНИКАЦИЮ.....	9
<i>Брутян Л. Г.</i> КОМПЛИМЕНТЫ В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ.....	14
<i>Кураш С. Б.</i> МЕТАФОРИКА ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ В СОВРЕМЕННОЙ РУСИСТИКЕ И БЕЛОРУСИСТИКЕ	20
<i>Байкулова А. Н.</i> НОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ.....	25
РОДНОЙ ЯЗЫК КАК ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА	32
<i>Алешина И. А.</i> РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ РУССКИХ АРГО.....	32
<i>Апиева Э. Ж.</i> ТИПЫ ЭПОНИМОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ	33
<i>Баженова Т. Е.</i> ЛЕКСИКА ПО ТЕМЕ «ЧЕЛОВЕК» КАК ФРАГМЕНТ ДИАЛЕКТНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ САМАРСКИХ ГОВОРОВ).....	38
<i>Бондалетов В. Д.</i> ГРЕЦИЗМЫ В АРГО ВЛАДИМИРСКИХ ТОРГОВЦЕВ И УЛЬЯНОВСКИХ РЕМЕСЛЕННИКОВ	44
<i>Василенко А. П.</i> ХЛЕБ ВЕЗДЕ ХОРОШ – И У НАС, И ЗА МОРЕМ (О РУССКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ С КОМПОНЕНТОМ ХЛЕБ)	53
<i>Гурьянова Л. Б.</i> ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В «ДНЕВНИКАХ» С. А. ТОЛСТОЙ: ПЕРСОНАЛИИ, ФОРМЫ И ВАРИАНТЫ.....	56

<i>Казарина В. И.</i> ВЕРБАЛИЗАЦИЯ И ОСНОВАНИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СУБМОДУСА «УВЕРЕННОСТЬ» В «ДНЕВНИКЕ» Т. Л. СУХОТИНОЙ-ТОЛСТОЙ.....	63
<i>Касимова Г. К.</i> О ТИПАХ ДЕРИВАЦИИ В СТРУКТУРЕ МНОГОЗНАЧНОГО СЛОВА.....	69
<i>Лобанкина Е. А.</i> ТЕМАТИЧЕСКОЕ РАЗНООБРАЗИЕ АФОРИЗМОВ А. В. СУВОРОВА	73
<i>Максимова Н. Г.</i> К ВОПРОСУ О ПОЛОЖЕНИИ СОВЕТИЗМОВ ЭПОХИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г. В ЛЕКСИЧЕСКОМ СТРОЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА.....	78
<i>Паиковская С. С.</i> ПЛЕННИКИ РОДНОГО ЯЗЫКА (РОДНОЙ ЯЗЫК КАК ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА).....	82
<i>Перфилова М. Н.</i> О ЗЕЛЁНЫХ ОБЛАКАХ, ЗОЛОТОМ ОГНЕ И ЧЁРНЫХ МЕДВЕДЯХ (ЦВЕТОВАЯ ЛЕКСИКА РУССКИХ ЗАГАДОК).....	85
<i>Самсонов Н. Б.</i> О СИНТАКСИЧЕСКОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ ЗНАЧЕНИЙ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ ТРЕТЬЕГО ЛИЦА	92
<i>Сидорова А. С.</i> УСТАРЕВШАЯ ЛЕКСИКА В ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБОРОТАХ РУССКОГО ЯЗЫКА.....	94
<i>Сомова М. В., Южакова Ю. А.</i> ЯЗЫК, КОТОРЫЙ МЫ ПЕРЕДАДИМ ПО НАСЛЕДСТВУ	98
<i>Шарибжанова З. Р.</i> ТЮРКИЗМЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....	103
ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	107
<i>Акямсова Ю. А.</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРАКТИВНЫХ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ РАССКАЗОВ В. М. ШУКШИНА НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ В СТАРШИХ КЛАССАХ	107
<i>Богомоллова С. С.</i> ИНТЕРАКТИВНЫЕ МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ	110

<i>Грдзелян Р. Р.</i> МЕТОДОЛОГИЯ ЛИНГВИСТИКИ КАК ОСНОВА ГУМАНИТАРНОГО (ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО) ОБРАЗОВАНИЯ.....	112
<i>Григорьева А. К., Московкина И. И.</i> ПЕНЗЕНСКАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ «ПРОЧтение»	117
<i>Гришина И. С., Куприянова Н. С.</i> «РУССКИЙ ЯЗЫК: УЧУ – УЧУСЬ – ОБЩАЮСЬ»: ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ САЙТ КАК ПИЛОТНЫЙ ПРОЕКТ ПРОДВИЖЕНИЯ В МИРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА	121
<i>Кондратьева И. А.</i> ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕГРИРОВАННОГО УРОКА В РАЗВИТИИ ТЕКСТОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ УЧАЩИХСЯ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ)	124
<i>Логина Е. И.</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИИ ГИПЕРТЕКСТА ПРИ ИЗУЧЕНИИ РАССКАЗА А. П. ЧЕХОВА «ЧЕЛОВЕК В ФУТЛЯРЕ» НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ В 10 КЛАССЕ	126
<i>Перепёлкина Л. П.</i> СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПОЭМЫ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА «МЦЫРИ» В ШКОЛЕ	129
<i>Просина Н. А.</i> ФОНЕТИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ВЛАДЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКОМ.....	134
<i>Родионова И. Г.</i> СИНТАКСИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ АНАЛИТИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦИИ, ПРЕДСТАВЛЕННОЙ ГЛАГОЛОМ С ЧАСТИЦЕЙ ВСЁ.....	136
<i>Сергеева А. В.</i> ОПИСАНИЕ ПАРНОЙ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ЧАСТИЦЫ НЕ...БЫ В СЛОВАРЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА.....	142
<i>Стрыгина С. А.</i> РОЛЬ УЧИТЕЛЯ-СЛОВЕСНИКА В РАЗВИТИИ ТВОРЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ ШКОЛЬНИКОВ.....	146
<i>Шишаков Р. В.</i> ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА И ЕЁ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ КОМПЕТЕНЦИЙ БАКАЛАВРА РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ	149
ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА	153
<i>Болотская М. П., Белякова Е. В.</i> ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗА «ВЛАСТИ» В ТРИЛОГИИ В. П. АКСЁНОВА «МОСКОВСКАЯ САГА»	153

<i>Вавилова Е. М.</i> ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ В РАСКРЫТИИ ТЕМЫ ОДИНОЧЕСТВА В ОДНОИМЁННОМ СТИХОТВОРЕНИИ И. А. БУНИНА	158
<i>Есафьева О. О.</i> О РОЛИ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЙ В РАННЕЙ ПРОЗЕ А. ПЛАТОНОВА (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА «ЧУЛЬДИК И ЕПИШКА»).....	165
<i>Злобин А. А.</i> СЕМАНТИЧЕСКОЕ НАПОЛНЕНИЕ КОНЦЕПТА «ЛАГЕРЬ» И ЕГО ТЕКСТОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В ПОВЕСТИ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА «ОДИН ДЕНЬ ИВАНА ДЕНИСОВИЧА».....	168
<i>Злыднева К. В.</i> ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ПРЯМОГО СОЛНЕЧНОГО СВЕТА В РОМАНЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА «ВАДИМ».....	171
<i>Ключарева И. С.</i> ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ПОВЕСТВОВАТЕЛЯ В ПОВЕСТИ Э. ФОНЯКОВОЙ «ХЛЕБ ТОЙ ЗИМЫ»	177
<i>Кочетова К. Е.</i> ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МОДАЛЬНЫХ ЧАСТИЦ В РЕЧИ ГЛАВНОГО ГЕРОЯ РОМАНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ».....	180
<i>Кривцова М. М.</i> СЕМАНТИКА ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ КРАСНОГО ТОНА В РОМАНЕ М. А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА».....	183
<i>Кривцова М. М.</i> СИМВОЛИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ КОЛОРАТИВОВ ЧЁРНОГО ТОНА В РОМАНЕ М. А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»	187
<i>Куляхтина И. О., Носова И. А., Попова Е. А.</i> БЫЛИНЫ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ЯЗЫКА	191
<i>Леснова И. Д.</i> ДИЛОГИЯ П. И. МЕЛЬНИКОВА-ПЕЧЕРСКОГО «В ЛЕСАХ» И «НА ГОРАХ» КАК ЭНЦИКЛОПЕДИЯ РУССКОЙ КУХНИ.....	196
<i>Полетаева Е. Т.</i> ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОБРАЩЕНИЙ В ЛИРИКЕ А. А. БЛОКА.....	200
<i>Прядкина А. Е.</i> ОККАЗИОНАЛИЗМЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Е. ЕВТУШЕНКО И А. ВОЗНЕСЕНСКОГО	203

<i>Сараева И. В.</i> СРАВНЕНИЕ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ОБРАЗА АЛЁШИ КАРАМАЗОВА В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ».....	207
<i>Хохлова Е. А.</i> ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТВОРИТЕЛЬНОГО СРАВНИТЕЛЬНОГО В ПОЭМЕ Н. В. ГОГОЛЯ «МЁРТВЫЕ ДУШИ»	210
ЯЗЫК И КУЛЬТУРА ГОРОДА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	215
<i>Александрина Д. Ю.</i> ГОДОНИМИЯ Г. ПЕНЗЫ И РАЙОННЫХ ЦЕНТРОВ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ЛЕКСИЧЕСКАЯ СИСТЕМА.....	215
<i>Аюпова Л. Л., Салихова Э. А.</i> РЕЧЕВАЯ ЖИЗНЬ УФИМЦЕВ В ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ	219
<i>Казьмина В. Ф.</i> СЕМАНТИКА НОМИНАТИВНЫХ ЕДИНИЦ ТЕМАТИЧЕСКИХ ГРУПП «ЧЕЛОВЕК», «ВРЕМЯ», «ПРИРОДА» В ЛЕКСИКЕ ПЕНЗЕНСКИХ ХУДОЖНИКОВ.....	226
<i>Каткова К. А.</i> ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ГОДОНИМИИ ПОВОЛЖЬЯ	231
<i>Кочелаяев А. А.</i> Ф. И. БУСЛАЕВ И ПЕНЗЕНСКИЙ КРАЙ.....	234
<i>Луннова М. Г.</i> ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ Г. ПЕНЗЫ	237
<i>Ханмагомедов Х. Л.</i> ГОДОНИМИЯ КОМПАКТНОЙ КУРОРТНОЙ ТЕРРИТОРИИ КАК ЛИНГВОЛАНДШАФТНАЯ ПРОБЛЕМА (НА ПРИМЕРЕ КАВКАЗСКИХ МИНЕРАЛЬНЫХ ВОД)	241
<i>Хилько В. В.</i> МЕМОРИАЛЬНЫЕ ДОСКИ ГОРОДА ПЕНЗЫ КАК ОБЪЕКТ КОММЕМОРАЦИИ	247
ЯЗЫК СМИ И РЕКЛАМЫ	252
<i>Арутюнян В. Н.</i> РУССКОЯЗЫЧНАЯ ПРЕССА В АРМЕНИИ	252
<i>Беглова Е. И.</i> ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ И ПАРЕМИИ КАК СРЕДСТВО ОЦЕНКИ И АКЦЕНТУАЦИИ СМЫСЛА В СОВРЕМЕННЫХ ПЕЧАТНЫХ СМИ	257

<i>Евдокимова О. А.</i> ЗАГОЛОВКИ ГАЗЕТНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ: ЯЗЫК И СТИЛЬ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕНЗЕНСКИХ СМИ).....	261
<i>Жумабекова А. К.</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЕМАНТИЧЕСКИХ ОППОЗИЦИЙ В ТЕКСТАХ КАЗАХСТАНСКИХ ГАЗЕТ	265
<i>Кочеткова Е. В.</i> ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ЖУРНАЛИСТА В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ	268
<i>Смага А. С.</i> ОШИБКИ В КОММЕРЧЕСКОЙ РЕКЛАМЕ.....	270
<i>Тихонова Е. Н., Павлова Д. М.</i> СРЕДСТВА РЕЧЕВОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ В ПОЛИТИКЕ.....	273
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	280

Научное издание

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И ВОПРОСЫ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Материалы
II Международной научно-практической конференции

г. Пенза, 26–28 октября 2017 г.

Под редакцией
кандидата педагогических наук,
профессора **Канакиной** Галины Ивановны,
кандидата филологических наук, доцента
Родионовой Инессы Геннадьевны

Все материалы представлены в авторской редакции.

Компьютерная верстка *М. Б. Жучковой*
Дизайн обложки *А. А. Стаценко*

Подписано в печать 23.10.2017.
Формат 60×84¹/₁₆. Усл. печ. л. 16,97.
Тираж 100. Заказ № 655.

Издательство ПГУ.
440026, Пенза, Красная, 40.
Тел./факс: (8412) 56-47-33; e-mail: iic@pnzgu.ru